A 282
254
T3

А. А. Дунинъ-Горкавичъ.

Корреспондентъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ.

А 282/254

ТОБОЛЬСКІЙ СѢВЕРЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МѢСТНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Томъ III.

Библіотека Музея

Съ 5 приложеніями и 42 рисунками.

Книга издана при матеріальной поддержкѣ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

ТОБОЛЬСКЪ.

Губернская Типографія.

1911.

А. А. Дунинъ-Горкавичъ.

Корреспондентъ Музея Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ.

ТОБОЛЬСКІЙ СѢВЕРЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МѢСТНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Томъ III.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

Съ 5 приложеніями и 42 рисунками.

Книга издана при матеріальной поддержкѣ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

XII - 2021

ТОБОЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1911.

2007051123

Предисловіе.

Въ вышедшихъ въ 1904 и въ 1910 г.г. моихъ работахъ по обслѣдованію Тобольскаго Сѣвера (Т. I. „Тобольскій Сѣверъ. Общій обзоръ страны, ея естественныхъ богатствъ и промышленной дѣятельности населенія“ и т. II. „Тобольскій Сѣверъ. Географическое и статистико-экономическое описаніе страны по отдѣльнымъ географическимъ районамъ), хотя въ I томѣ и приведено описаніе нѣкоторыхъ сторонъ быта населенія этого края, но постольку, поскольку это было необходимо для планомѣрности общаго обзора.

Продолжая затѣмъ работать спеціально надъ изученіемъ быта инородцевъ и желая въ то-же время сгруппировать въ одно цѣлое имѣющійся у меня матеріалъ по этому предмету, я пришелъ къ мысли дать въ настоящемъ очеркѣ краткій обзоръ современной жизни инородцевъ сѣвера Тобольской губерніи, обрисовавъ предварительно въ немъ историческое прошлое какъ самой страны, такъ и ея обитателей.

Настоящій очеркъ раздѣляется на 15 отдѣльныхъ главъ, въ которыхъ, послѣ справокъ о Тобольскомъ сѣверѣ и населяющихъ его инородцахъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, описаны: религіозный культъ инородцевъ, административно-судебное устройство, гражданско-правовой бытъ ихъ, жилища, одежда, пища, домашняя утварь и предметы домашняго обихода, существующіе промыслы, оленеводство, домашнія животныя и средства передвиженія, художественныя издѣлія и музыкальные инструменты, медицина и вымираніе инородцевъ.

Въ заключеніе указаны мѣры къ поднятію экономическаго благосостоянія инородческаго населенія. Въ концѣ же этой книги помѣщены въ видѣ особыхъ приложеній данныя о прошломъ и настоящемъ состояніи села Обдорскаго и городовъ Березова и Сургута, свѣдѣнія о поэтическомъ творчествѣ инородцевъ и матеріалы для изученія обычнаго права инородцевъ Березовскаго уѣзда. Кромѣ того къ книгѣ особо приложены 42 рисунка, иллюстрирующіе и поясняющіе текстъ.

А. Дунинъ-Горкавичъ.

Тобольскъ.
Май 1911 года.

Содержаніе.

Глава I.

Историческія справки о Тобольскомъ Сѣверѣ и населяющихъ его народностяхъ.

Стр.

Древняя Югра.—Мнѣнія ученыхъ о границахъ Югорской земли.—Мнѣніе по этому вопросу А. Х. Лерберга.—Описаніе границъ древней Югры на современныхъ картахъ.—Сопредѣльныя страны и населявшія ихъ народности.—Историческое происхожденіе Югры; первоначальное знакомство съ нею русскихъ.—Завоеваніе Югры новгородцами.—Завоеваніе Югры Москвою.—Древніе пути русскихъ въ Югру,—морской путь; рѣчные пути (съ р. Печоры на р. Обь): сѣверный, средній («югорскій») и южный; путь съ р. Выма на р. Печору; путь на рѣки Иртышскаго бассейна; древній путь на рѣку Печору изъ Москвы (по описанію похода кн. Ушатого) — Историческіе матеріалы о путяхъ: «Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ», «Чертежъ всей Сибири» и «Списокъ съ чертежа Сибирскія земли».—Выдержки изъ нихъ о путяхъ —Древнее упоминаніе имени народа югровъ—нынѣшнихъ остяковъ и вогуловъ.—Происхожденіе слова: «остякъ».—Подраздѣленіе сѣверныхъ инородцевъ на три родственныя группы.—Историко-географическое родство остяковъ и вогуловъ.—Происхожденіе имени вогулъ по мнѣнію А. Х. Лерберга.—Древнее упоминаніе имени самоѣдовъ: сказаніе «о человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ», какъ древне историческій источникъ о самоѣдахъ, и разборъ этого сказанія проф. Д. Н. Анучинымъ.—Преданія остяковъ о людоѣдствѣ самоѣдовъ —Первое соприкосновеніе русскихъ съ иртышскими остяками.—Исторія завоеванія остяковъ Ермакомъ.—Послѣдующія завоеванія остяковъ царскими воеводами.—Борьба съ «Пѣгой ордой», и окончательное ея покореніе въ 1598 году.—Возстанія и мятежи среди покоренныхъ сѣверныхъ инородцевъ.—Значеніе пушной торговли въ дѣлѣ завоеванія русскими сѣверныхъ инородцевъ.—Стремленіе торговыхъ и промышленныхъ людей въ Сибирь за «мягкою рухлядью».—Попытка правительства монополизировать торговлю пушными товарами.—Тайные «промышленничьи» пути.—Борьба съ ними правительства, учрежденіе заставъ и таможенъ: острожекъ на волокѣ между рѣками Мутной и Зеленой; заставы въ Березовскомъ уѣздѣ; городокъ Обдорскій и острогъ Мангазейскій; Собская и Картасская заставы; Верхотурская таможня.—Экономическая роль таможенныхъ заставъ и значеніе ихъ для правительства.—Предметы торговли на заставахъ «государевы пошлины»,—ихъ видъ и размѣры —Пошлины по таможеннымъ книгамъ заставъ Березовскаго уѣзда.—Сбытъ правительствомъ «мягкой рухляди» за границу.—Торговля съ Китаемъ: ея значеніе для московскаго правительства.—Исторія возникновенія, развитія и постепеннаго упадка торговли съ Китаемъ . . . . . 1.

Глава II.

Страна и люди въ настоящее время.

Краткій обзоръ Тобольскаго сѣвера въ географическомъ, экономическомъ, климатическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ.—Инородцы въ физическомъ и духовномъ

Стр.

отношеніяхъ,—Географическое распространеніе инородцевъ.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Сургутскихъ остякахъ по историческимъ даннымъ; князь Танга по преданію юганскихъ остяковъ.—Разселеніе остяковъ.—Подраздѣленіе ихъ.—Языкъ остяковъ.—Характеристика остяковъ.—Пьянство и торговля виномъ среди инородцевъ.—Вліяніе русской культуры . . . 25.

Глава III.

Религіозный культъ инородцевъ.

Христіанство среди инородцевъ.—Приверженность къ язычеству.—Религіозныя воззрѣнія: Торымъ и другія божества. Обоготвореніе физическихъ предметовъ (фетишизмъ).—Медвѣдь, какъ предметъ особого почитанія.—Остяцкая легенда о происхожденіи міра.—Вогульская легенда о сотвореніи міра и происхожденіи человѣка.—Представленіе о загробной жизни.—Идолы и жертвоприношенія.—Описаніе сфотографированныхъ предметовъ религіознаго культа.—Шаманы и ихъ роль въ жизни инородцевъ.—Обрядовая сторона религіи инородцевъ: отсутствіе праздниковъ; пари—моленіе о благополучномъ промыслѣ; описаніе жертвоприношенія лошади, погребальные обряды; медвѣжья вечерка.—Образцы нѣкоторыхъ пѣсенъ и разсказовъ, которые поются на медвѣжьей вечеркѣ.—Нѣкоторыя религіозно-обрядовыя особенности остяковъ Березовскаго уѣзда: а) у Куноватскихъ остяковъ, б) у Кондинскихъ остяковъ, в) у Казымцевъ 35

Глава IV.

Административно-судебное устройство.

Инородныя управы и родовыя управленія; старшина и родовой староста; выборы ихъ.—Судебныя функціи органовъ управленія; замѣна суда родового управленія судомъ схода; клятвы; мѣры наказанія; описаніе судебнаго разбирательства у остяковъ-казымцевъ; система наказаній и штрафовъ у самоѣдовъ.—Общинное землепользованіе.—Казенные хлѣбозапасные магазины.—Подати и повинности . . . . . 53.

Глава V.

Гражданско-правовой бытъ.

Бракъ; степени родства; возрастъ вступающихъ въ бракъ; неравные браки среди остяковъ; калымъ,—его основаніе, размѣръ и сроки уплаты; сватовство; похищеніе невѣсты; случаи возврата калыма; разводъ; приданое.—Семейныя отношенія: власть главы семейства; положеніе жены въ семьѣ; отношеніе мужа къ женѣ; отношеніе родителей къ дѣтямъ (къ роднымъ, падчерицамъ и пасынкамъ); отношеніе дѣтей къ родителямъ.—Наслѣдственное право: порядокъ наслѣдованія; опека; попечительство.—Имущественное право: право производства промысловъ на опредѣленныхъ мѣстахъ и его неприкосновенность.—Формы заключенія сдѣлокъ: дареніе; купля—продажа; личный наемъ; заемъ,—свидѣтели, тамга и деревянныя бирки; артельныя начала среди остяковъ.—Нѣкоторыя особенности правового быта кондинскихъ остяковъ.—Особенности въ гражданско-правовомъ бытѣ самоѣдовъ . . . 62.

Глава VI.

Жилища.

Жилища остяковъ,—юрта-землянка и зимняя, бревенчатая юрта; внутренность юрты; лабазъ.—Лѣтняя бревенчатая юрта.—Берестяная юрта.—Бревенчатая юрта вогуловъ.—Устройство самоѣдскаго чума; его внутренность.—Перевозка самоѣдами своего имущества . 73.

Стр.

Глава VII.

Одежда.

Оленьи шкуры, какъ главный матеріалъ инородческой одежды.—Одежда остяковъ: одежда ребенка въ связи съ его послѣдовательнымъ физическимъ развитіемъ; постоянная мужская одежда: рубаха, штаны, жилетка, халатъ, зипунъ и поясъ; принадлежности лѣтней мужской одежды: фуражка, платокъ, обувь и рукавицы; особенности зимней мужской одежды: треухъ, шаль, шапка, шуба, онучи, обувь и рукавицы; особенности женской одежды: рубашка, штаны, халатъ, платокъ, шаль, поясъ и зимнія ноговицы.—Ношеніе колецъ среди остяковъ.—Ношеніе женщинами покрывалъ.—Способъ ношенія женщинами волосъ.—Отсутствіе различій въ одеждѣ и украшеніяхъ женщины въ соотвѣтствіи съ ея положеніемъ.—Особенности профессіональныхъ костюмовъ остяковъ: примѣненіе зипуна; «колегъ» и «лепычопъ» ваховскихъ остяковъ; налобникъ и родъ очковъ.—Издѣлія фабричнаго производства, употребляемыя остяками для тѣхъ или иныхъ видовъ своей одежды.—Одежда русскаго типа среди обрусѣвшихъ остяковъ.—Перечень мануфактурныхъ товаровъ, употребляемыхъ остяками.—Одежда самоѣдовъ; отсутствіе бѣлья у самоѣдовъ.—Зимняя одежда самоѣдовъ: штаны, ягушка, капоръ, малица, гусь, парка, кисы, чижи, поясъ, ножъ.—Особенности лѣтней одежды самоѣдовъ.—Способъ ношенія женщинами волосъ . . . . . 76.

Глава VIII.

Пища.

Мука, рыба и чай, какъ главные пищевые продукты остяковъ.—Продукты изъ муки: кислый хлѣбъ и пѣсныя лепешки; лепешки, замѣшанныя на рыбьей икрѣ или на крови животнаго.—Продукты изъ рыбы: саграмка, подовушка, пятомъ-кулъ, сушеная рыба, поръ, варка.—Тюлянса.—Потребленіе мяса и крови животныхъ.—Потребленіе водяныхъ и лѣсныхъ птицъ.—Соль, какъ единственная приправа къ пищѣ.—Потребленіе молочныхъ продуктовъ.—Потребленіе корня «кисъ».—Потребленіе ягодъ.—Чай и заменяющій его суррогатъ.—Табакъ.—Приготовленіе и потребленіе пищи у самоѣдовъ . . . . . 85.

Глава IX.

Домашняя утварь и предметы домашняго обихода.

Дерево въ домашнемъ быту инородцевъ.—Инструменты, служащіе для обработки дерева.—Приготовленіе бересты и издѣлія изъ нея; тиска; кужни и короба.—Приготовленіе сарги и ея назначеніе.—Чашки и полонка.—Чипъ.—Корноватики и плетеныя тарелки.—Издѣлія изъ травы, камыша и крапивы.—Мѣшки изъ палимьей кожи.—Мебель остяка; дѣтская люлька.—Красильныя вещества.—Трутъ.—Предметы и инструменты домашняго быта самоѣдовъ . . . . . 88.

Глава X.

Промыслы инородцевъ.

Значеніе разныхъ промысловъ для населенія вообще.—Время и продолжительность промысловъ.—Рыболовный промыселъ, звѣроловный, промыселъ—водяной и лѣсной птицы, кедровый, сѣнокошеніе, заготовка дровъ.—Первенствующее значеніе рыболовнаго промысла.—Сравнительное значеніе промысловъ: звѣроловнаго, птицеловнаго, кедроваго и заготовки дровъ.—Сбытъ инородцами предметовъ своихъ промысловъ.—Орудія и средства зимнихъ промысловъ (главнымъ образомъ звѣроловнаго): лыжи и подволоки, ружье, ручной лукъ, сторожевой лукъ, травля стрихниномъ, чирканъ, плашка и слопецъ . . . . . 94.

Стр.

Глава XI.

Оленеводство.

Значеніе оленеводства.—Географическое распространеніе оленей.—Отсутствіе правильной регистраціи оленей.—Оленеводство среди остяковъ и вогуловъ.—Оленеводство у самоѣдовъ; статистическія данныя по этому вопросу.—Отсутствіе изслѣдованій въ этой области.—Извѣстныя болѣзни оленей.—Продукты мѣстнаго оленеводства: пешка, неплюй-выростокъ, постель, кисы, лобъ, жилы, мясо.—Отсутствіе раціональной постановки оленеводства у самоѣдовъ.—Зыряне: время ихъ перваго появленія въ районѣ Тобольскаго сѣвера.—Количество и разселеніе осѣдлыхъ и кочевыхъ зырянъ въ настоящее время.—Роль и значеніе зырянъ въ экономической жизни сѣвернаго края.—Сравнительный обзоръ состоянія оленеводства у насъ и у зауральскихъ оленеводовъ.—Система веденія оленнаго хозяйства у зырянъ.—Примѣрная доходность оленеводства на Тобольскомъ сѣверѣ, при условіи веденія нормальнаго хозяйства.—Состояніе оленеводства у лопарей.—Операціи по оленеводству кочующихъ здѣсь зырянъ: забойка скота на р.р. Уссѣ и Лемвѣ.—Экспортъ олевьяго мяса изъ Печорскаго края въ Германію.—Вывозъ зырянами продуктовъ оленеводства мѣстныхъ самоѣдовъ.—Статистическія данныя о количествѣ оленей у зауральскихъ оленеводовъ . . . . . 108.

Глава XII.

Домашнія животныя и средства передвиженія.

Домашнія животныя инородцевъ: собака; выработанныя остяками понятія о признакахъ, опредѣляющихъ достоинство собаки; лошадь, корова, овца и олень.—Средства зимняго передвиженія у инородцевъ: конный экипажъ, возка тяжестей на собакахъ (собачья нарта), ѣзда на оленяхъ,—Оленныя нарты.—Конная и собачья упряжи.—Оленная упряжь и принадлежности къ ней.—Лодки, какъ средство лѣтняго передвиженія: обласъ, гребныя лодки, каюкъ . . . . . 116.

Глава XIII.

Художественныя издѣлія и музыкальные инструменты.

Приготовленіе бересты для художественныхъ узоровъ.—Типы берестяныхъ узоровъ.—Описаніе рисунковъ, кужни и короба.—Болѣе простой типъ узоровъ изъ бересты.—Описаніе рисунковъ этого рода художественныхъ работъ.—Выдѣлываніе на берестѣ орнаментовъ и накалываніе на ней точекъ.—Металлическія украшенія, отливаемыя изъ олова.—Описаніе сфотографированной коллекціи мѣдныхъ и оловянныхъ украшеній.—Описаніе сфотографированныхъ образцовъ мѣдныхъ издѣлій, изготовляемыхъ для самоѣдовъ въ мастерской Степанова въ г. Тобольскѣ.—Производство издѣлій изъ кости и рога оленя.—Описаніе сфотографированной коллекціи костяныхъ издѣлій.—Художественныя вышивки шерстью и бисеромъ.—Женскія бисерныя украшенія для ношенія на шеѣ и груди.—Цвѣтныя украшенія изъ матеріи.—Узорчатыя вышивки изъ оленьихъ кисовъ.—Тазовскія узорчатыя поговицы.—Музыкальные инструменты остяковъ: домра, бубенъ, тонкая костяная пластинка и лебедь . . 121.

Глава XIV.

Медицина и вымираніе инородцевъ.

Народная медицина вогуловъ по сообщенію бывшаго Березовскаго фельдшера Л. Корикова.—Нѣкоторыя средства народной медицины сургутскихъ и казымскихъ остяковъ.—Положеніе медицинской помощи на Тобольскомъ Сѣверѣ.—Фактъ угасанія инородцевъ.—Данныя

Стр.

статистики по этому поводу.—Изслѣдованія А. И. Якобія исповѣдныхъ росписей.—Недостатки послѣднихъ.—Методъ посемейной статистики въ изслѣдованіи вопроса объ угасаніи инородцевъ.—Причины вымиранія инородцевъ . . . . . 131.

Глава XV.

Заключеніе.

Необходимость улучшенія экономическаго быта инородцевъ.—Непригодность существующихъ законовъ объ инородцахъ.—Мѣры къ поднятію экономическаго благосостоянія инородческаго населенія: отмѣна натуральной земской повинности; обезпеченіе инородцевъ достаточными запасами хлѣба на случай стихійныхъ бѣдствій; упорядоченіе и развитіе рыболовства и сбыта обской рыбы на уральскіе горные заводы; изученіе оленеводства; упорядоченіе и развитіе звѣроловнаго промысла, кедроваго промысла, заготовки дровъ для пароходовъ и торговли; разрѣшеніе зырянскаго вопроса; составъ административно-судебнаго персонала.—Преждевременность введенія общаго для русскихъ и инородцевъ административнаго управленія.—Необходимость скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о землепользованіи 136

Приложеніе I.

Село Обдорскъ,—его прошлое и настоящее.

Географическое положеніе.—Время основанія с. Обдорска и его первоначальное устройство.—Цѣль основанія.—Послѣдующая исторія с. Обдорска.—Распространеніе православія въ Обдорскомъ краѣ: миссіонеры и миссіи въ с. Обдорскѣ.—Климатъ.—Сѣверныя сіянія.—Село Обдорскъ въ настоящее время; количество и составъ населенія; церкви, школы и учрежденія; должностныя лица; ярмарка; общій годовой торговый оборотъ с. Обдорска . . . 3.

Приложеніе II.

Городъ Березовъ,—его прошлое и настоящее.

Географическое положеніе.—Время и цѣль основанія.—Первоначальное устройство г. Березова.—Бывшіе пожары.—Заселеніе г. Березова.—Административное управленіе г. Березова съ его основанія и до настоящаго времени.—Существовавшее викаріатство.—Гербъ г. Березова.—Климатъ.—Городъ Березовъ въ настоящее время: количество населенія; церкви, школы и учрежденія; должностныя лица.—Исторія ссылки въ г. Березовъ государственныхъ преступниковъ,—пребываніе здѣсь и дальнѣйшая судьба: кн. Дм. Ромодановскаго; кн. А. Д. Меньшикова съ дѣтьми; кн. Алексѣя Долгорукова съ семействомъ; гр. А. И. Остермана; стариаго киргизскаго султана Кокчетавскаго округа подполковника Гайбадуллы-хана.—Достопримѣчательныя вещи въ г. Березовѣ отъ этой эпохи.—О рисункахъ, набросанныхъ съ натуры бывшимъ здѣсь въ 1740 г. сотрудникомъ П. І. Делиля—Кенигсфельдомъ.—Преданіе обскихъ остяковъ изъ доисторической эпохи г. Березова: Легенда о шайтанѣ (по разсказамъ остяковъ юртъ Непкинныхъ) . . . . . 8.

Приложеніе III.

Городъ Сургутъ,—его прошлое и настоящее.

Географическое положеніе.—Время и цѣль основанія.—Первоначальное устройство г. Сургута.—Заселеніе г. Сургута.—Остяцкія волости и число ясачныхъ остяковъ въ XVI—XVII в.в.—Административное управленіе г. Сургута съ его основанія и до настоящаго времени.—Казаки, какъ коренные жители города.—Гербъ города Сургута.—Климатъ.—Городъ Сургутъ въ настоящее время: количество населенія; церкви, школы и учрежденія; должностныя лица; ярмарка . . . . . 15.

Стр.

Приложеніе IV.

Нѣсколько словъ о поэтическомъ творчествѣ инородцевъ.

Народная поэзія инородцевъ: ихъ пѣсни.—Одна изъ пѣсенъ Казымскихъ остяковъ.—Существованіе героическаго эпоса въ исторіи сѣверныхъ инородцевъ (по Патканову): время происхожденія былинъ, древній языкъ ихъ; былины—„военныя пѣсни" остяковъ; какъ и когда поются былины; стиль былинъ и его особенности: форма былинъ и ея постепенное искаженіе; содержаніе былинъ.—Значеніе былинъ, какъ древняго литературнаго свидѣтельства остяковъ о прежнемъ своемъ бытѣ.—О прошломъ остяковъ и вогуловъ по былинамъ; междуусобныя войны и ихъ главная причина; родовая кровавая месть; обычай скальпировать убитыхъ.—Исчезновеніе богатырей, героевъ былинъ.—Слѣды героическаго эпоса инородцевъ въ настоящее время.—Одна изъ легендъ о богатыряхъ (по разсказамъ остяковъ юрть Пашерцовыхъ) . . . . . 19.

Приложеніе V.

Матеріалы для изученія обычнаго права инородцевъ Березовскаго уѣзда.

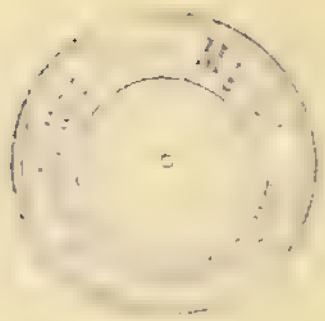
I. Матеріалы, заимствованные изъ книги для записи приговоровъ по разбирательству тяжбъ, споровъ и проступковъ инородцевъ Обдорской, Остяцкой и Самоѣдской Управы: общее количество проступковъ и тяжбъ этихъ инородцевъ за періодъ времени съ 1881 г. по 1901 г.; процентное отношеніе каждаго отдѣльнаго вида проступковъ и тяжбъ къ общему ихъ количеству.—Группа 1-я: проступки,—а) кража; б) оскорбленіе дѣйствіемъ; в) оскорбленіе на словахъ; г) буйство въ пьяномъ видѣ; д) растрата казеннаго и частнаго имущества; е) изнасилованіе; ж) нанесеніе смертельныхъ ранъ; з) неисполненіе служебныхъ обязанностей; и) святотатство. Группа 2-я: тяжбы и споры,—а) о правахъ наслѣдованія; б) захватъ чужой собственности; в) нарушеніе арендныхъ и другихъ договоровъ; г) иски о возвратѣ калыма; д) незаконное сожительство; е) о возвратѣ отцу дочери, находящейся на воспитаніи у родственниковъ, и искъ послѣднихъ къ нему о возмѣщеніи понесенныхъ ими на воспитаніе его дочери расходовъ; ж) обманъ.—Общіе выводы: просители и отвѣтчики; кругъ полномочій суда; характеръ проступковъ и тяжбъ; розги—какъ наиболѣе часто практиковавшаяся форма наказанія; идея возмездія; неравномѣрность налагаемыхъ взысканій; олени—какъ объекты кражи; особенности въ правахъ наслѣдованія среди самоѣдовъ; тяжбы о калымѣ; вещественныя доказательства; составъ суда.—II. Матеріалы, заимствованные изъ архивныхъ дѣлъ бывшаго Березовскаго Окружнаго Суда: 1—дѣло по обвиненію въ мошенничествѣ;—2—дѣло о нанесеніи ножемъ смертельной раны; 3—дѣло по обвиненію въ кощунствѣ; 4—дѣло объ оставленіи безъ присмотра рожденнаго младенца, отчего послѣдній умеръ; 5—искъ на сумму 440 руб.; 6—искъ на сумму 1250 руб., 7—дѣло объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства.—III. Матеріалы, для изученія обычнаго права остяковъ, населяющихъ южную часть Березовскаго уѣзда: дѣло о жестокомъ обращеніи мужа съ женою, и дѣло о возвратѣ калыма.—Матеріалы для изученія обычнаго права инородцевъ Кодской Инородной Управы.—Недостатки правовыхъ отношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ по вопросу о землепользованіи: 1—дѣло по ходатайству крестьянъ о раздѣлѣ по душамъ рыболовныхъ мѣстъ, находящихся въ общемъ ихъ съ инородцами владѣніи; 2—дѣло по ходатайству инородцевъ о возвращеніи имъ рыболовнаго угодія, находящагося во владѣніи березовскихъ городовыхъ крестьянъ . . . . . 25.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

Рис. 1. Сургутскіе приобскіе остяки.
Рис. 2. Остякъ съ р. Тромъ-Югана.
Рис. 3. Ваховскіе остяки.
Рис. 4. Казымскіе остяки съ р. Казыма.
Рис. 5. Казымскіе остяки съ р. Назыма.
Рис. 6. Казымскіе остяки съ р. Назыма.
Рис. 7. Казымскіе остяки съ р. Назыма.
Рис. 8. Ляпинскіе вогулы.
Рис. 9. Вогульскіе старшины.
Рис. 10. Низовые самоѣды.
Рис. 11. Низовые самоѣды.
Рис. 12. Низовые самоѣды.
Рис. 13. Каменные самоѣды.
Рис. 14. Каменные самоѣды.
Рис. 15. Остяцкіе идолы и священные предметы.
Рис. 16. Идолы и религіозные и священные предметы.
Рис. 17. Зимняя бревенчатая юрта.
Рис. 18. Зимній самоѣдскій чумъ изъ оленьихъ шкуръ.
Рис. 19. Лѣтняя берестяная юрта
Рис. 20. Лѣтній самоѣдскій берестяный чумъ.
Рис. 21. Предметы одежды.
Рис. 22. Домашняя утварь.
Рис. 23. Домашняя утварь.
Рис. 24. Рыболовные снаряды.
Рис. 25. Орудія кедроваго промысла.
Рис. 26. Орудія звѣроловнаго промысла.
Рис. 27. а. Настороженный лукъ.
Рис. 27. б. Модель настороженнаго лука.
Рис. 28. Чиркапъ.
Рис. 29. Модель плашки.
Рис. 30. Модель слопца.
Рис. 31. Предметы, служащіе для передвиженія.
Рис. 32. Запряжка въ три оленя.
Рис. 33. Узоры, изображаемые на кужнѣ.
Рис. 34. Узоры, изображаемые на коробѣ.
Рис. 35. Узоры, вырѣзываем. изъ бересты.
Рис. 36. Мѣдныя и оловянныя украшенія.
Рис. 37. Образцы мѣдныхъ издѣлій, изготовляемыхъ для самоѣдовъ.
Рис. 38. Костяныя издѣлія.
Рис. 39. Женская рубаха, вышитая шерстью салымской остячкой.
Рис. 40. Узоры на берестѣ (ваховскихъ остяковъ) и шитье бисеромъ (салымскихъ).
Рис. 41. Музыкальные инструменты.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка сверху:*	*снизу:*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
12	—	9	столкпуться	столкнуться
17	5	—	пастроили	настроили
„	7	—	колопизаціи	колопизаціи
„	—	12	партахъ	нартахъ
„	—	5	словпо	словно
19	4	—	Годупова	Годунова
20	4	—	распросить	разспросить
22	—	22	топкаго	тонкаго
24	3	—	въ двое	вдвое
26	13	—	вромени	времени
42	3	—	рости	расти
„	5	—	рости	расти
43	19	—	доеждѣ	одеждѣ
44	—	6	трехугольныхъ	треугольныхъ
45	—	17	трехугольное	треугольное
46	—	20	трехугольными	треугольными
65	10	—	требованій	требованій
70	15	—	ростутъ	растутъ
„	18	—	выращу	выращу
71	—	13	па	на
75	—	20	стелятся	стелются
„	4	—	пюги	пюги
98	—	6	самыхъ	самихъ
117	—	12	обыкновепные	обыкновенныя
121	20	—	русунковъ	рисунковъ
Прилож.				
4	—	2	—11,2°	11,2°
33	14	—	губсрпіівъ	губерніи въ
„	„	—	по вреждепіи	поврежденіи



Глава I.

Историческія справки о Тобольскомъ Сѣверѣ и населяющихъ его народностяхъ.

Древняя Югра.—Мнѣнія ученыхъ о границахъ Югорской земли.—Мнѣніе по этому вопросу А. Х. Лерберга.—Описаніе границъ древней Югры на современныхъ картахъ.—Сопредѣльныя страны и населявшія ихъ народности.—Историческое происхожденіе Югры: первоначальное знакомство съ нею русскихъ.—Завоеваніе Югры новгородцами.—Завоеваніе Югры Москвою.—Древніе пути русскихъ въ Югру,—морской путь; рѣчные пути (съ р. Печоры на р. Обь): сѣверный, средній («югорскій») и южный; путь съ р. Вымы на р. Печору; путь на рѣки Иртышскаго бассейна; древній путь на рѣку Печору изъ Москвы (по описанію похода кн. Ушатаго).—Историческіе матеріалы о путяхъ: «Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ», «Чертежъ всей Сибири» и «Списокъ съ чертежа Сибирскія земли».—Выдержки изъ нихъ о путяхъ.—Древнее упоминаніе имени народа югревъ—нынѣшнихъ остяковъ и вогулъ.—Происхожденіе слова: «остякъ».—Подраздѣленіе сѣверныхъ инородцевъ на три родственныя группы—Историко-географическое родство остяковъ и вогулъ.—Происхожденіе имени вогулъ по мнѣнію А. Х. Лерберга.—Древнее упоминаніе имени самоѣдовъ: сказаніе «о человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ», какъ древне-историческій источникъ о самоѣдахъ, и разборъ этого сказанія проф. Д. Н. Анучинымъ.—Преданія остяковъ о людоѣдствѣ самоѣдовъ.—Первое соприкосновеніе русскихъ съ иртышскими остяками.—Исторія завоеванія остяковъ Ермакомъ.—Послѣдующія завоеванія остяковъ царскими воеводами.—Борьба съ «Нѣгой ордой», и окончательное ея покореніе въ 1598 году.—Возстанія и смятенія среди покоренныхъ сѣверныхъ инородцевъ.—Значеніе пушной торговли въ дѣлѣ завоеванія русскими сѣверныхъ инородцевъ.—Стремленіе торговыхъ и промышленныхъ людей въ Сибирь за «мягкою рухлядью».—Попытка правительства монополизировать торговлю пушными товарами.—Тайные «промышленничьи» пути.—Борьба съ ними правительства, учрежденіе заставъ и таможенъ: острожекъ на волокѣ между рѣками Мутной и Зеленой; заставы въ Березовскомъ уѣздѣ; городокъ Обдорскій и острогъ Мангазейскій; Собская и Картазская заставы; Верхотурская таможня.—Экономическая роль таможенныхъ заставъ и значеніе ихъ для правительства.—Предметы торговли на заставахъ «государевы пошлины»,—ихъ видъ и размѣры.—Пошлины по таможеннымъ книгамъ заставъ Березовскаго уѣзда.—Сбытъ правительствомъ «мягкой рухляди» за границу.—Торговля съ Китаемъ: ея значеніе для московскаго правительства.—Исторія возникновенія, развитія и постепеннаго упадка торговли съ Китаемъ.

Занимаемая остяками и вогулами страна въ древности была извѣстна подъ именемъ Югорской земли. Границы этой земли разными учеными опредѣляются неодинаково. Такъ, Татищевъ и Болтинъ ставили въ филологическую связь наименованіе „Югра“ со словомъ „Югъ“ (названіе рѣки, впадающей въ Сѣверную Двину), и мѣстонахожденіе Югры (Югорской земли) относили къ этой рѣкѣ; Миллеръ, а за нимъ и Фишеръ, полагали, что Югра находилась на берегахъ Ледовитаго моря, у Пустозерска, между Печорою и Ураломъ; Шлецеръ послѣдовалъ этому мнѣ-

нію, считая р. Вычегду южною границею Югры; Георги полагалъ, что Югорская земля простиралась отъ Бѣлаго моря за Уральскій хребетъ до р. Оби; по изслѣдованію фонъ-Бунеа, древняя Югра простиралась на сѣверъ по прибрежью Ледовитаго океана отъ Югорскаго шара до устьевъ р. Таза, а на югѣ достигала верховьевъ р.р. Лозвы и Вишеры; Савельевъ считалъ, что Югра лежала за Уральскимъ хребтомъ, по обѣимъ сторонамъ р. Оби, простираясь до береговъ рѣки Аянъ на востокъ, при чемъ самое имя „вогуловъ“ онъ считаетъ діалектическимъ измѣненіемъ имени „Угровъ“ [1]).

Иначе опредѣляетъ мѣстонахожденіе Югры А. Х. Лербергъ. Онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе убѣдительными и обстоятельными данными, изложенными въ его трудѣ: „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи“. По мнѣнію Лерберга: „Древняя Угрія простиралась между 56° и 67° сѣверной широты, отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ черезъ нижнюю Обь до рѣки Надыма, впадающей въ Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадаетъ въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею прежде бывшихъ самоѣдовъ; почему и занимала не малую часть сѣверозападной Азіи, и состояла больше изъ мѣстъ, принадлежащихъ нынѣ къ Тобольской и Пермской губерніямъ“ [2]).

На современной картѣ указанныя А. Х. Лербергомъ границы могутъ быть представлены приблизительно въ такомъ видѣ:

Начинаясь на сѣверѣ отъ сѣверной оконечности Урала, водораздѣла р.р. Ельца (Притока р. Уссы) и Соби, граница идетъ въ восточномъ направленіи по лѣвой сторонѣ р. Оби, до 39° в. д., т. е. до того мѣста, гдѣ р. Обь разбивается на Хамапельскую и Надымскую Обь; отсюда она слѣдуетъ по правой сторонѣ р. Оби до впаденія въ нее р. Надыма. На востокѣ отъ устья р. Надыма, граница тянется въ юго-восточномъ направленіи, вверхъ по рѣкѣ, а затѣмъ, по направленію къ рѣкѣ Агану и черезъ р. Обь на вершину р. Мал. Югана; далѣе она продолжается въ сѣверо-западномъ направленіи до р. Иртыша, по водораздѣлу р.р. Салыма съ Юганомъ, съ одной стороны, и р. Демьянки съ другой; отсюда граница направляется вверхъ по р. Иртышу, по лѣвую его сторону, до впаденія въ него р. Тобола, а затѣмъ, вверхъ по р. Тоболу, до водораздѣла р.р. Ныпимы и Исети. На югѣ граница слѣдуетъ по водораздѣлу р.р. Ныпимы и Исети, пересѣкая Уралъ на водораздѣлѣ верховьевъ этихъ рѣкъ, съ одной стороны, и р. Чусовой, съ другой,— до верховьевъ р. Сылвы. На западѣ она идетъ отъ верховьевъ р. Сылвы,

[1]) И. В. Щеглов: «Хронологическій обзоръ первыхъ страницъ исторіи Сибири». Прилож. къ газетѣ «Сибирь» № 22, 1883 г.

[2]) А. Х. Лербергъ: «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи».—I О географическомъ положеніи Югорскія земли—I, стр. 4.

правой стороной этой рѣки до впаденія ея въ р. Каму, а затѣмъ по этой послѣдней приблизительно до 60 параллели; отсюда она пересѣкаетъ р.р. Вишеру, Колву, Печору и Ылычъ и направляется къ вершинѣ р. Подчеремы (притоку р. Печоры); далѣе она проходитъ по Уралу до верховьевъ р. Лемвы, а отсюда, между Ураломъ и р. Уссою граница тянется до верховьевъ послѣдней, пересѣкая Уралъ между верховьями р.р. Уссы и Соби.

Народъ, населявшій эту страну, былъ извѣстенъ подъ именемъ югры. На восточной сторонѣ, за Югорской землей жила „Самоѣдь". Сопредѣльными странами, западнѣе Югорской земли, были Печора, лежавшая по обоимъ берегамъ р. Печоры, отъ р. Мезени и Каянскаго берега до Урала и Удорія, расположенная южнѣе ея; по р. Вычегдѣ и верховьямъ р. Камы, Печору населяли самоѣды, а Удорію—зыряне и пермяки. Западнѣе Печоры и Удоріи лежало Заволочье, раскинутое по обоимъ берегамъ р. Сѣв. Двины, отъ р. Онеги до р. Мезени, и населенное двинянами. Южнѣе Удоріи жили булгары. На южной сторонѣ, за Югорскою землею, находились владѣнія татаръ.

Сѣверная часть Югорской земли съ XIII в. составляла новгородскую волость, простираясь приблизительно до 61 параллели, а южная—находилась подъ властью татаръ. Въ концѣ XV в., съ разгромомъ Великаго Новгорода, вся Югорская земля вошла въ составъ Московскаго княжества.

Происхожденіе югры относится къ отдаленнымъ временамъ исторіи. Уже Несторъ упоминаетъ объ югрѣ, указывая на чудское происхожденіе этого племени, и причисляя его къ народамъ, платившимъ въ X вѣкѣ дань Руси [3]). Въ древнихъ новгородскихъ лѣтописяхъ не разъ упоминается о походахъ новгородцевъ на югру.

Новгородцы, которымъ для ихъ торговли съ Западной Европой требовались, главнымъ образомъ, мѣховые товары, издавна стремились въ поискахъ за ними къ бассейнамъ р.р. Печоры, Камы и Волги. Но по теченію двухъ послѣднихъ рѣкъ они скоро столкнулись со своими достойными соперниками, волжскими булгарами, изстари вымѣнивавшими дорогіе мѣха въ Сибири, а затѣмъ новгородцамъ на этомъ пути и совсѣмъ загородила дорогу грозная сила татаръ. Тогда они сосредоточили свои стремленія исключительно на крайнемъ сѣверѣ.

Непосредственныя сношенія новгородцевъ съ югрою возникли въ XI в., когда новгородцы утвердились на берегахъ Бѣлаго моря. Первые болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ съ крайнимъ сѣверомъ приводятся въ лѣтописи Нестора подъ 1096 годомъ. Въ этой лѣтописи новгородецъ Гюрятя Роговичъ передаетъ разсказъ своего отрока (слуги), который черезъ Печору былъ посланъ въ Югор-

---

[3]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. I, стр. 2 и 5.

скую землю [4]). Смыслъ этого разсказа тотъ, что новгородцы уже въ XI в. не только вели правильныя сношенія съ Югрою, но проникали, повидимому, и дальше, и что торговля въ то время велась самымъ первобытнымъ способомъ: путемъ простой мѣны желѣзныхъ орудій на дорогіе мѣха.

Пушныхъ богатствъ въ Югорской землѣ добывалось такъ много, что они поражали народное воображеніе, и о нихъ создавались легенды. Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1114 годомъ, напр., значится: „и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивши сами на полупощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи вѣверица млада, аки топерево рожена, и взростши и расходившася по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадаютъ олепци малы въ ней, и възрастаютъ и расходятся по земли...“ [5]).

Но одна торговля не удовлетворяла новгородцевъ; они часто дѣлали походы въ Югорскую землю, собирая выкупы и дань дорогими мѣхами. Походы ихъ не всегда были удачны, такъ какъ встрѣчали сильное, организованное сопротивленіе со стороны туземцевъ, которыхъ, быть можетъ, сплотила также торговля съ новгородцами и булгарами. Еще въ 1032 году новгородцевъ „вспять възратишася мало, но мнози погибоша“ [6]); въ 1187 г. всѣ ихъ сборщики дани въ Югорской землѣ были побиты [7]); въ 1193 году тамъ погибла цѣлая рать воеводы Адрея [8]) и т. д.

Такое неустойчивое положеніе дѣла продолжалось въ теченіе не менѣе двухъ столѣтій, XI и XII. Но со второй половины XIII вѣка, когда татары окончательно заградили дорогу новгородцамъ на Волгѣ и Камѣ, картина измѣняется: въ 1264 г. Югорская земля уже значится въ числѣ новгородскихъ волостей, какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ вѣча съ князьями [9]). Очевидно, новгородцы около этого времени сдѣлали особыя усилія и покорили, наконецъ, край. Тѣмъ не менѣе, походы ихъ вглубь Сибири не прекращались вплоть до разгрома Великаго Новгорода.

Съ 1465 г. начались московскіе походы въ Югру, которые тоже не всегда были удачны. Тѣмъ не менѣе, въ 1499 г. Югорская земля окончательно была присоединена къ Московіи, хотя еще въ 1488 году Іоаннъ III въ грамотѣ къ чешскому королю Матеашу уже титулуется „югорскимъ“ [10]).

[4]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. II, стр. 5.
[5]) А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 15, стр. 76—78.
[6]) И. В. Щегловъ—тамъ-же,—газета «Сибирь» № 22.
[7]) А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 10, стр. 49—50.
[8]) И. В. Щегловъ—тамъ-же,—газета «Сибирь» № 23.
[9]) А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 5, стр. 23—24.
[10]) И. В. Щегловъ—тамъ-же,—газета «Сибирь» № 23.

Сношенія съ Сибирью въ то время не ограничивались „пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ“, т. е. сухопутьемъ, черезъ р. Печору, р. Мезень и сѣверный Уралъ: по свидѣтельству Чеслера, посѣтившаго въ 1553 г. Лапландію, русскіе тогда уже вели правильную торговлю морскимъ путемъ съ устьями р.р. Оби и Енисея и плавали для промысловъ даже на Новую Землю“ [11]).

По имѣющимся въ архивахъ даннымъ, мы даже можемъ въ настоящее время прослѣдить тѣ пути, которыми русскіе въ XII—XVI столѣтіяхъ проникали въ только-что упомянутыя части сѣверо-западной Сибири; пути эти теперь заброшены, а въ тѣ давно-прошедшія времена были настолько проторены, что даже встрѣчавшіяся на нихъ природныя урочища носили русскія, а не инородческія (какъ теперь) названія.

Морской путь шелъ отъ устьевъ р. Печоры „моремъ окіяномъ“ въ Югорскій Шаръ (проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка Европы), по „Нярзомскому“ (Карскому) морю, къ западному берегу Ямала, до устья рѣки „Мутной“ (нынѣ—Созбея); этою рѣкою или до ея верховьевъ; затѣмъ, 3 версты (а по другимъ источникамъ—только 200 саженъ) перетаскивали суда волокомъ на рѣку „Зеленую“ (нынѣ—Ивога, подъ 70° с. ш.); далѣе шли вплзъ по этой рѣкѣ къ восточному берегу Ямала въ Обской губѣ и отсюда по Обской губѣ—на югъ, до мыса Поворотнаго; „Мангазейскимъ“ моремъ (Тазовскою губою) попадали въ устье р. Таза; и, наконецъ, вверхъ по этой послѣдней въ Мулгазею или Мангазею, изобиловавшую пушной рухлядью. Этотъ путь черезъ Ямалъ совершался дней въ 20 [12]).

Изъ Россіи на р. Обь ходили преимущественно тремя рѣчными путями, причемъ каждый изъ этихъ путей приводилъ къ опредѣленному пункту перевала черезъ Уралъ.

Первый, самый сѣверный путь шелъ изъ р. Печоры на р.р. Уссу и Елецъ къ волоку черезъ Югорскій Камень, гдѣ находилось становище, носившее названіе „Рогового городка“; далѣе направлялись въ р. Собь, впадающую въ Обь и по Оби вплзъ до губы или поднимались вверхъ, въ Сибирское ханство по р.р. Иртышу, Турѣ и Тоболу.

Второй путь (такъ называемый „Югорскій“) проходилъ южнѣе: отъ впаденія р. Уссы въ р. Печору и вверхъ по этой послѣдней, до впаденія въ нее р. Щугора („до Устюга града“); затѣмъ, онъ продолжался вверхъ по р. Щугору до Урала, а по ту сторону Урала,—сперва по р. Сыгвѣ и затѣмъ по Сосвѣ до Оби.

Третій путь лежалъ еще южнѣе: съ р. Вычегды, притока Сѣв. Двины, на Печору, при посредствѣ притоковъ этихъ рѣкъ, именуемыхъ нынѣ Южн. и Сѣв. Мылвами; далѣе онъ проходилъ вверхъ по Печорѣ,

---

[11]) А. И. Громова: «Краткій очеркъ о пушной промышленности въ Сибири». Москва. 1896 г. стр. 8.
[12]) А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 6, стр. 28—30.

до впаденія въ нее р. Илычъ и затѣмъ, вверхъ по этой послѣдней; переваливъ Уралъ попадали на рѣку, именуемую нынѣ Лобсиньей, а по ней на р. Сосву.

Кромѣ того, съ р. Вычегды былъ путь еще на сѣверъ, вверхъ по р. Выму, оттуда на р. Ижму и внизъ по этой послѣдней до р. Печоры.

Съ р. Вычегды былъ путь на рѣки Иртышскаго бассейна: съ Вычегды на Каму, а съ этой послѣдней, при посредствѣ р. Виперы, на р. Лозву; отсюда шли по р. Тавдѣ въ р. Тоболъ.

Изъ всѣхъ этихъ путей наиболѣе древними и популярными были второй и третій, т. е. тѣ, которые вели къ р.р. Сыгвѣ и Сосвѣ. Что касается послѣдняго пути, то онъ является сравнительно новѣйшимъ: открытіе его относится къ XVI вѣку и приписывается Аникѣ Строгонову [13]).

Какимъ образомъ ходили въ древности до р. Печоры, можно видѣть изъ описанія похода, предпринятаго княземъ Ушатымъ въ 1499 году.

Князь Петръ Федоровичъ Ушатой отправился „съ дѣтьми боярскими вологжанами“ внизъ по р. Двинѣ до р. Пинеги, а затѣмъ по этой послѣдней до волока. Всего было пройдено имъ 2000 верстъ. Здѣсь присоединились къ нему двиняне, пинежане и вожане. 20 іюля онъ отправился внизъ по р. Кулою, находящейся въ 2 верстахъ отъ пинежскаго волока и текущей на сѣверъ; плылъ онъ по этой рѣкѣ 150 верстъ до Оленьяго брода; отсюда, черезъ рѣки Мезень, Езу и Цильму князь Ушатой пришелъ на р. Печору; вверхъ по ней онъ дошелъ до „Устина града“, расположеннаго при впаденіи р. Щугора въ р. Печору [14]).

Историческіе матеріалы о путяхъ мы имѣемъ въ трудѣ А. Титова: „Сибирь въ XVII вѣкѣ“ (Москва, изд. 1890 г.). Здѣсь по этому вопросу находятся „Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ“, „Чертежъ всей Сибири“ и „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли“.

Первый изъ этихъ памятниковъ старины, судя по упоминаемымъ въ немъ населеннымъ пунктамъ, составленъ не позже 1610 года. Авторъ „Росписи“ имѣлъ нешпрокую цѣль—показать мѣстонахожденіе и разстояніе между населенными пунктами Сибири: „которой городъ или острогъ надъ которою рѣкою стоитъ, и сколко отъ которова города до города или до острогу зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ лошадми ѣзду и нартами на собакахъ, и водянымъ путемъ, въ дощаникахъ и въ стругахъ, ходу, по сказкѣ Тобольскихъ и иныхъ Сибирскихъ городовъ служилыхъ людей, и какіе люди до конхъ мѣстъ ямскую гонбу и на сколко дорогъ гоняютъ“. Тѣсную связь съ „Росписью“ имѣетъ „Чертежъ всей Сибири, збранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя

[13]) Г. Ф. Миллеръ: «Описаніе Сибирскаго царства» (второе изданіе). Глава II, § 6, стр. 50—51 и А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 3, стр. 10—13.

[14]) Г. Ф. Миллеръ—тамъ-же, гл. II, § 15, стр. 60 и А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 3, стр. 10—11.

Михайловича". Въ 1667 г. по указу этого царя была начертана въ Тобольскѣ первая карта Сибири воеводой П. И. Годуновымъ. Карты этой не сохранилось, но уцѣлѣло лишь одно описаніе ея, которое и составляетъ упомянутый „Чертежъ", помѣщенный въ трудѣ Титова по рукописи Румянцевскаго музея. Этотъ „Чертежъ" „збранъ ..... въ Тоболску за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей, которые въ сибирскихъ во всѣхъ городахъ и острогахъ хто гдѣ бывалъ и гор (одк)и и остроги и урочища и дороги и земли знаютъ подлинно, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги и земли и урочища и до земель въ сколку дней ..... ѣзду и верстъ". Что касается „Списка съ чертежа Сибирскія земли", то этотъ документъ значительно дополняетъ „Чертежъ" и имѣетъ новый интересъ особенно при сравненіи съ двумя предыдущими статьями. Какъ въ „Чертежѣ", такъ и въ „Спискѣ", всѣ почти свѣдѣнія въ немногомъ розняться между собой: если въ описаніи пути отъ одного населеннаго пункта до другого иногда и происходятъ разногласія, то не болѣе, какъ на день, много на два, что объясняется очень просто: одному пришлось ѣхать при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ другому, и потому первый пріѣхалъ скорѣе на день, чѣмъ второй.

Изъ этихъ историческихъ матеріаловъ мы приводимъ ниже лишь тѣ дословныя выписки, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашей работѣ:

„Роспись Сибирскимъ городамъ и острогомъ"—II, стр. 19—20: „Городъ Березовъ стоитъ надъ Вагулкою рѣкою. Съ Березова посылаютъ государевыхъ служивыхъ людей для государевыхъ дѣлъ на Обдоръ; а ходу отъ Березова до Обдоры водянымъ путемъ визъ воды Обью рѣкою въ стругахъ 4 дни, а зимнимъ путемъ ходятъ нартами на собакахъ 9 дней; а гоняютъ государевы ясачные остяки".

„Обдорское зимовье стоитъ надъ Пулуемъ рѣкою. А отъ Обдорсково зимовья до Мангазейсково города водянымъ путемъ ходу въ кочахъ паруснымъ погодьемъ 3 недѣли; а назадъ изъ Мангазеи до Березова ходу столко жъ; а зимнимъ путемъ въ Мангазею не ходятъ.

„Да съ Березова жъ и изъ Томскова города, и изъ Енисейскова, и изъ Красноярскова остроговъ посылаютъ ко государю къ Москвѣ государеву ясачную казну мяхкую рухлядь черезъ Камень, а ходу отъ Березова до Русіи Обью рѣкою вверхъ [13]) воды въ стругахъ до Камени 4 дни; а отъ Камени сухимъ путемъ волоками 2 недѣли; а отъ волоковъ Усою рѣкою вниз воды до Печоры рѣки 10 дней; а Печорою рѣкою вниз же воды до рѣки жъ до Ижмы 3 дни; а Ижмою рѣкою вверхъ воды до Ижимскіе слободы до Пустозерскова уѣзду ходу 2 дни;

[13]) Вниз, а не „вверхъ"; вѣроятно здѣсь опечатка.

Авторъ

а гребцовъ наймуютъ зъ Березова до Нжимскіе слободы гулящихъ людей, а денги даютъ имъ на Березовѣ изъ государевы казны".

„Чертежъ всей Сибири"—III, стр. 36: „Отъ Сургута черезъ волокъ до Сургуцкого зимовья озерами и сухимъ путемъ ходу 6 недѣль; а отъ зимовья вниз по Тару [16]) рѣкѣ до Мангазейского города ѣзду 10 день. Отъ Сургута же вверхъ по Обѣ рѣкѣ до усть Ваху рѣки ходу небольшими судами 4 дни; а по Ваху рѣкѣ вверхъ до волоку ходу 10 день, а съ вершины Ваху рѣки черезъ волокъ до вершины Елогую рѣки сухимъ путемъ 3 дни, а отъ волоку вниз по Елогую и по Енисею рѣкамъ до Турухамского зимовья ѣзду 4 недѣли".

„Списокъ съ чертежа Сибирскія земли"—IV, „шестая грань", стр. 50—51: „Отъ Самаровского яму въ низъ по Иртышу и по Обѣ, мимо Котской монастырь, и по Сосвѣ рѣкамъ до Березова плыть 6 дней; а отъ Березова до Собской заставы плыть 4 дни. А отъ заставы въ верхъ по Собѣ рѣкѣ, черезъ каменной волокъ озерами 7-ю, до Ельца рѣки ходу 3 недѣли; а Ельцомъ и другою Собью—Мусою и Печорью въ низъ и въ верхъ, по нимъ же, и по Ухтѣ рѣкамъ—до волоку и чрезъ волокъ и съ волоку въ низъ по Говнюхѣ и по Тетерѣ, и по Вымѣ, и по Вычегдѣ рѣкамъ до Соли-Вычегодской ходу 10 недѣль. А отъ Березовскаго же въ низъ по Сосвѣ и по Обѣ рѣкамъ до Мангазейскаго моря ходятъ 12 дней; а за море перебѣгаютъ до усть Тазу рѣки парусомъ въ 4 сутки; а путь нужень и прискорбенъ, и страшенъ отъ вѣтровъ. А съ усть Тазу рѣки до Мангазей города, въ верхъ по Тазу рѣкѣ, добѣгаютъ парусомъ въ 4 сутки, а бичевою путь нуженъ. А отъ Мангазейского города до Туруханского зимовья водянымъ ходомъ и чрезъ волокъ въ малыхъ судахъ ходятъ недѣли по 3 и по 4".

Въ древнихъ актахъ, при упоминаніи народовъ, населявшихъ обѣ стороны Сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается имени остяковъ. Древнѣйшее знакомство русскихъ съ нынѣшними иртышскими остяками относится къ концу XVI вѣка—ко времени разрушенія Кучумова царства и покоренія Сибирскихъ татаръ, властвовавшихъ надъ большею частью сѣверныхъ инородческихъ племенъ. Съ этого же времени имя югры теряетъ свое прежнее этнографическое значеніе, и получаетъ новое, историко-географическое, какое, напримѣръ, въ настоящее время имѣютъ названія Ломбардіи и Бургундіи для земель, бывшихъ нѣкогда во власти этихъ народностей. Внезапное исчезновеніе довольно сильнаго и богатаго народа, югровъ и появленіе многочисленнаго народа, остяковъ заставляетъ предполагать [17]) въ этихъ народахъ тождественность; предположеніе это тѣмъ болѣе основательно, что вогулы, живущіе по рѣкѣ

---

[16]) Надо разумѣть р. Тазъ, а не „Таръ"; по всей вѣроятности, и здѣсь опечатка. Авторъ.

[17]) И. В. Щегловъ—тамъ-же,—газ. „Сибирь" № 22.

Сосвѣ, въ Березовскомъ округѣ, имѣютъ сходство въ обычаяхъ, правахъ и даже нарѣчіи съ обскими остяками, а названіе многихъ собственныхъ именъ, рѣкъ и горъ на сѣверномъ Уралѣ по словамъ Регули, посѣтившаго Березовскій край въ 1843—45 годахъ, суть ничто иное, какъ самоѣдскій переводъ прежнихъ остяцкихъ названій; все это показываетъ, что остяки занимали мѣста далеко на западѣ, т. е. мѣста, принадлежавшія издавна югрѣ. Слѣдовательно, аборигенами страны должны почитаться остяки, т. е. бывшая югра.

По свидѣтельству Абрамова, остяки въ древности называли себя „аръяхъ“ („аръ“—много и „хо“—человѣкъ). Послѣ покоренія ихъ татарами (въ XIII вѣкѣ), которыхъ остяки называли „хотанами“, они начали называть себя „хондихо“ („хонъ“—ханъ, царь и „хо“—человѣкъ, т. е. ханскіе люди, ханскіе подданные). Татары-же называли остяковъ—„уштяками“ (перефразированное русскими въ остяковъ), что на татарскомъ языкѣ означало презрительную кличку людей грубыхъ, невѣжественныхъ, дикихъ [18]).

По другимъ же источникамъ, остяки называютъ себя „хондихо“ и „асъ-ягъ“. Первымъ именемъ называютъ себя остяки Тобольской губ., вторымъ—Томской. Слово: „асъ-ягъ“ (откуда, предполагаютъ, происходитъ и русское „остякъ“) состоитъ изъ двухъ словъ „асъ“—обозначаетъ по-остяцки р. Обь и „ягъ“ или „яхъ“—народъ. Отсюда—„асъ-ягъ“ значитъ обскій народъ [19]).

Несмотря на общность названія и языка, остяки весьма несхожи между собою. Авторъ статьи: „Опытъ изслѣдованія о древней югрѣ“ принимаетъ подраздѣленіе ихъ на три особенныя группы.

Остяки, живущіе на лѣвомъ берегу Енисея и на восточныхъ притокахъ Оби, образуютъ первую группу, названную Клапротомъ, а вслѣдъ за нимъ всѣми новѣйшими этнографами, енисейскою.

Вторую группу составляютъ остяки, живущіе разсѣянно на восточной сторонѣ Урала, на Оби, Иртышѣ и его притокахъ,—Кондѣ, Турѣ и Тавдѣ; они схожи языкомъ съ вогулами, съ которыми во всѣхъ отношеніяхъ имѣютъ много общаго.

Наконецъ, третью группу составляютъ остяки, говорящіе нарѣчіями, болѣе или менѣе близкими къ самоѣдскому; они названы остяками только потому, что живутъ смежно съ ними и ведутъ одинаковый образъ жизни. Сюда относятся: остяки туруханскіе, мангазейскіе, тазовскіе, томскіе, сургутскіе, кочующіе около Сургута и Нарыма, и, наконецъ, всѣ самоѣдскія племена, кочующія на берегу Ледовитаго океана и сохранившія у русскихъ названіе самоѣдовъ.

---

[18]) П. А. Абрамовъ: «Описаніе Березовскаго края».—См. «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», кн. XII (1857 г.).

[19]) Изъ принадлежащей мнѣ копіи съ рукописи кн. П. Кострова: «Юридическій бытъ остяковъ Западной Сибири».

Остяки второй группы (обскіе), или остяки въ собственномъ смыслѣ, называютъ сами себя „Асьяхъ“ и болѣе всѣхъ другихъ походятъ на уральскую чудь и, въ особенности, на вогуловъ, съ которыми ихъ связываетъ общность языка, образа жизни, правовъ и обычаевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жилища ихъ лежали прежде гораздо западнѣе, тѣмъ болѣе, что постепенное передвиженіе ихъ на востокъ продолжается еще теперь предъ нашими глазами. Несомнѣнность же этого движенія на востокъ, общаго всей уральской чуди, заставляетъ предполагать, что первобытныя ихъ жилища лежали раньше еще западнѣе, на самомъ Уралѣ, и порождаетъ мысль о тождествѣ ихъ съ югрою [20]).

По свидѣтельству Лерберга, вогулы („вогуличи“) являются „ближайшими родственниками“ обскихъ остяковъ; поэтому какъ самихъ себя, такъ и упомянутыхъ остяковъ они называютъ „манси“. Названіе „вогуловъ“ они получили отъ русскихъ черезъ зырянъ, которые называютъ ихъ „ваголъ“, вѣроятно по тѣмъ племенамъ этого народа „кои жили частію на Вогулы, впадающей въ Сыгву“ (по всей вѣроятности—нынѣшняя р. Волья, впадающая въ р. Сосву, а не въ Сыгву), „частію на Вогулкѣ, впадающей въ Обь у Березова“ (впадающая не въ Обь, а въ ту же р. Сосву [21]).

Что касается самоѣдовъ, то болѣе древнее упоминаніе ихъ имени („Самоѣдь“) относится къ XV вѣку и становится извѣстнымъ изъ статьи: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ“, помѣщенной въ трудѣ А. Титова: „Сибирь въ XVII вѣкѣ“.

Заимствуемъ отсюда одно изъ девяти сказаній объ этомъ племени:

„На восточной странѣ, за Югорьскою землею, надъ моремъ, живутъ люди Самоѣдь, зовомыи Малгонзеи. Ядь ихъ мясо оленье да рыба да межи собою другъ друга ядятъ. А гость къ нимъ откуду пріидетъ, и они дѣти свои закалаютъ на гостей да кормятъ; а которой у нихъ гость умретъ, и они того спѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ такожъ. Сіи жъ людіе не великіи возрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы велми и стрѣлцы скоры и горазди. А ѣздятъ на оленехъ и на собакахъ; а платье носятъ соболіе и оленіе, а товаръ ихъ соболи.....“ [22]).

Сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ“ представляетъ большой интересъ съ исторической точки зрѣнія, въ особенности послѣ обстоятельнаго разбора этого сказанія, сдѣланнаго проф. Д. Н. Анучинымъ въ археолого-этнографическомъ этюдѣ: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака“, помѣщенномъ въ XIV томѣ, издаваемомъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

---

[20]) А. Б—ъ: «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ». См. «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1855 г. ч. IV, стр. 176—178.

[21]) А. Х. Лербергъ—тамъ-же, 4, стр. 18—19.

[22]) А. Титовъ: «Сибирь въ XVII вѣкѣ», Москва, 1890 г.,—I, стр. 3.

„Древностей“. Статья эта заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи, въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменныхъ самоѣдахъ.

Сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ“ относится къ XV вѣку, и проф. Д. Н. Анучинъ считаетъ его новгородскимъ. Въ немъ хотя и не упоминается слова „Сибирь“, но выраженіе „за Югорьскою землею“ и названіе р. Оби даютъ ясное представленіе, гдѣ жила и живетъ „Самоѣдь“, описываемая въ сказаніи. Это объясняется тѣмъ, что въ то время, къ которому относятъ происхожденіе сказанія (въ концѣ XV и началѣ XVI в.в.) слово „Сибирь“ не имѣло того широкаго значенія, какое оно получило впослѣдствіи.

Въ приведенной выдержкѣ изъ сказанія „о человѣцѣхъ незнаемыхъ“ самоѣды названы именемъ „Малгонзеи“, что на самоѣдскомъ языкѣ, по филологическому толкованію проф. Д. Н. Анучина, означаетъ людей краевыхъ, живущихъ на концѣ земли. Подобное объясненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ географическому положенію самоѣдовъ. „Малгонзея“, по этюду проф. Д. Н. Анучина, означаетъ мѣсто и племя, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ русскими городъ Мангазея. Есть основаніе думать, что русскіе дали названіе своему городу по имени племени, которое населяло эту мѣстность. Сибирскіе историки Миллеръ и Фишеръ, объясняли, что названіе „Мангазея“ происходитъ отъ названія племени, обитавшаго въ той мѣстности. На это племя есть указаніе и въ иностранныхъ источникахъ,—географическихъ картахъ сѣвера Сибири, или устьевъ Оби и Енисея. По словамъ проф. Д. Н. Анучина, изъ упомянутыхъ картъ особенно интересна карта А. Дженкинсона, какъ по многимъ любопытнымъ, отмѣченнымъ на ней, подробностямъ, такъ и потому, что Дженкинсонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ Архангельскъ) пять разъ въ Москвѣ, въ періодъ времени съ 1557 по 1571 г.г. Карта его, судя по году составленія, появилась послѣ третьяго путешествія, совершеннаго Дженкинсономъ въ 1561 году, но многія данныя были собраны для нея повидимому ранѣе,—изъ показаній русскихъ и иностранцевъ о путяхъ по Россіи въ Китай и о разныхъ странныхъ народахъ. Эти разспросныя свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, и „свѣдѣнія о нѣкоторыхъ странахъ самоѣдовъ, живущихъ по р. Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго языка“. Страны эти были посѣщены однимъ русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Федоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку въ одной изъ упомянутыхъ выше странъ. Есть серьезное основаніе думать, что съ сказаніемъ „о человѣцѣхъ незнаемыхъ“ Р. Джонсонъ (бывшій съ А. Дженкинсономъ въ Бухарѣ) ознакомился или непосредственно, или при помощи какого-либо

русскаго и что упомянутый житель Холмогоръ Федоръ Тавтыгинъ былъ, можетъ быть, именно составителемъ означеннаго сказанія „о человѣцѣхъ незнаемыхъ“ [23]).

По сообщенію П. А. Абрамова, преданія остяковъ свидѣтельствуютъ, что самоѣды въ древности пожирали не только плѣнниковъ, но и своихъ умершихъ. Эти преданія подтверждаются тѣмъ, что, по принятіи остяками христіанской вѣры въ 1720 годахъ, самоѣды убивали крещеныхъ, вырѣзывали, по древнему своему обычаю, ихъ сердца и ѣли [24]).

Первое соприкосновеніе русскихъ съ иртышскими остяками произошло въ 1581 году, ознаменовавшемся окончательной побѣдой Ермака надъ татарами у Подчувашинскаго нагорнаго укрѣпленія. Послѣ этой побѣды, состоявшіе на службѣ у Кучума остяки и вогулы оставили его и поспѣшно возвратились въ свои жилища. Разсказы ихъ о непобѣдимой храбрости казаковъ произвели такой сильный страхъ среди остяковъ, что они рѣшили добровольно принести покорность. Первыми явились къ Ермаку въ бывшую ханскую столицу остяки съ рѣки Демьянки, съ княземъ Бояромъ во главѣ, и принесли ему въ даръ, вмѣстѣ съ дорогой мягкой рухлядью, много разной рыбы [25]).

Въ слѣдующемъ 1582 году 5 марта Ермакъ отрядилъ 50 человѣкъ казаковъ подъ начальствомъ Богдана Брязги, которому было поручено покорить живущихъ въ нижнемъ теченіи р. Иртыша татаръ. Туртасская волость составляла тогда конечный предѣлъ разселенія татаръ; далѣе или уже селенія остяковъ; при чемъ первая остяцкая деревня этого района, извѣстная подъ именемъ Лебаутскихъ юртъ (эти юрты существуютъ и теперь, расположены онѣ ниже р. Туртасса), состояла изъ остяковъ и татаръ. Поэтому, покоряя татаръ, Брязга принужденъ былъ столкнуться и съ остяками. Покоривъ татаръ, Брязга поспѣшилъ на р. Демьянку, гдѣ встрѣтилъ серьезное сопротивленіе со стороны Бояра (онъ же Немьянъ или Демьянъ), собравшаго къ его приходу до 2000 остяковъ и вогулъ съ р. Конды. Но въ концѣ концовъ остяцкая крѣпость была взята, а защищавшіе ее остяки и вогулы разбѣжались по своимъ мѣстамъ. Пробывъ здѣсь до вскрытія рѣки, Брязга направился далѣе по р. Иртышу и дошелъ 20 мая до нынѣшняго села Самаровскаго. На всемъ этомъ пространствѣ мѣстные остяки были покорены легко; и только у мѣста, имѣющаго нынѣ названіе „Два Брата“

---

[23]) А. Крыловъ: «Къ вопросу объ изученіи исторической географіи Сибири». Библіогр. замѣтка. См. «Тобольскія Губернскія Вѣдомости» 1882 г. №№ 2 и 3.

[24]) П. А. Абрамовъ—тамъ-же.—П. Л. Гондатти тоже самое свидѣтельствуетъ и о вогулахъ: „Убивъ врага, они (прежніе вогулы) всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ“ (С. Паткановъ: „Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ“. С.-Петербургъ, 1891 г. стр. 68).

[25]) И. Е. Фишеръ: «Сибирская исторія». С.-Петербургъ, 1774 г. Кн. 1, отд. 1, стр. 129—132.

и находящагося нѣсколько выше юртъ Цынгалинскихъ, Брязгѣ пришлось встрѣтить значительное сопротивленіе.

Рано утромъ, тихо подплыли казаки къ остяцкому поселенію, находившемуся на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь въ с. Самаровскомъ. Стража, поставленная мѣстнымъ княземъ Самаромъ, сверхъ ожиданія, спала и была изрублена казаками. Храбрый Самаръ съ 8 другими князьцами былъ одинъ изъ первыхъ, погибшихъ отъ казачьей пули, и смерть его произвела подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ остальныхъ. Многіе обратились въ бѣгство, а оставшаяся горсть остяковъ, составлявшая населеніе юртъ, сдалась казакамъ. Для устройства и приведенія въ подданство новозавоеванныхъ юртъ Богданъ Брязга оставался здѣсь въ продолженіе недѣли. Старѣйшиною надъ завоеванными остяками, вмѣсто убитаго Самара, былъ поставленъ явившійся съ рѣки Оби князецъ Алачъ.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ юртахъ Самара, Брязга поплылъ далѣе внизъ по Иртышу. Дойдя до его устья, онъ направился внизъ по Оби, но здѣсь дошелъ лишь до нынѣшней деревни Бѣлогорской. „Тамъ изъ давнихъ временъ почитаема была богиня, которая съ сыномъ своимъ нагая сидитъ на стулѣ“. Эта богиня повелѣла инородцамъ скрыть себя и самимъ скрыться отъ русскихъ. Богданъ Брязга, высадившись на берегъ, нашелъ лишь опустѣвшее поселеніе и, не встрѣтивъ въ теченіе трехъ дней ни души, рѣшился вернуться обратно въ Искеръ.

Ермакъ продолжалъ начатыя Богданомъ Брязгою завоеванія, и весною слѣдующаго 1583 года пошелъ на р. Обь, гдѣ ему удалось взять приступомъ остяцкую крѣпость при устьѣ р. Назыма, впадающей въ Обь нѣсколько выше соединенія ея съ Иртышемъ. Оттуда онъ направился далѣе къ такъ называемымъ „Кодскимъ городкамъ“ (владѣнія князя Алача), которые имъ также были взяты [26]).

Внезапное нападеніе Кучума и пораженіе русскихъ близъ устья р. Вагая и гибель Ермака 5/6 августа 1584 г. вынудили голову Глухова для безопасности оставить крѣпость „Сибирь“ и съ оставшимися 150 воинами направиться внизъ по Иртышу и Оби, а оттуда черезъ Югорскія горы на р. Печору.

Въ 1585 году на смѣну Глухову былъ посланъ изъ Москвы воевода Мансуровъ съ 100 чел. войска и нѣсколькими пушками. Узнавъ дорогою, что крѣпость „Сибирь“ уже оставлена Глуховымъ, онъ, не высаживаясь на берегъ, прослѣдовалъ за Глуховымъ внизъ по Иртышу. За поздними временемъ, Мансуровъ остановился зимовать на Оби у Бѣлогорья, гдѣ построилъ „Обскій городокъ“, состоявшій изъ нѣсколькихъ хижинъ, обнесенныхъ палисадомъ. Здѣсь ему пришлось выдер-

---

[26]) П. Е. Фишеръ—тамъ-же, кн. I, отд. 2, стр. 141—150.

жать значительное нападеніе остяковъ, окончившееся тѣмъ, что нападавшіе принесли ему покорность.

Перезимовавъ, Мансуровъ въ слѣдующемъ 1586 году оставилъ построенный имъ „Обскій городокъ“ и отправился внизъ по Оби и черезъ Югорскія горы въ Россію.

Побѣда Мансурова надъ остяками привела къ тому, что вогулы и остальные обскіе остяки отправили своего князя Лугуя въ Москву просить принять ихъ подъ особое покровительство и разрѣшить имъ класть ясакъ въ Вымской землѣ [27]).

„Обскій городокъ“, построенный Мансуровымъ въ 1585 году, существовалъ девять лѣтъ, и былъ разрушенъ въ 1594 году. Въ немъ не было постояннаго населенія, а жили „годовальщики“, присылаемые изъ Тобольска для удержанія въ повиновеніи обскихъ остяковъ и сбора съ нихъ ясака. Эти годовальщики, двигаясь далѣе и далѣе вверхъ по Оби за сборомъ ясака, скоро столкнулись съ Пѣгой (пестрой) ордою или нарымскими остяками, находившимися въ то время подъ властью князьца Вони, и захватили въ плѣнъ сына послѣдняго Урупка. Когда объ этомъ узнало русское правительство, оно рѣшилось воспользоваться этимъ плѣнникомъ для подчиненія своей власти князя Вони съ его народомъ. Въ этихъ цѣляхъ царь Федоръ Іоанновичъ приказалъ уничтожить этотъ городокъ, а на его мѣсто построить новый, поближе къ Пѣгой ордѣ. Выполненіе этой задачи, т. е. основанія новаго города и покоренія Пѣгой орды, было возложено на князя Федора Барятинскаго и Владиміра Аничкова. Согласно царскому наказу отъ 19 февраля 1591 года, эти лица должны были прибыть въ Лозву, а отгуда на судахъ плыть въ Обскій городокъ черезъ Пелымъ и Тобольскъ, взявъ въ этихъ городахъ служилыхъ людей. Туда же, т. е. въ Обскій городокъ, еще велѣно было березовскому воеводѣ прислать служилыхъ людей и остяцкому князю Игичею—своихъ людей. Князю Барятинскому и Аничкову предписывалось дождаться въ Обскомъ городкѣ упомянутыхъ войскъ, которымъ велѣно было быть тамъ къ Петрову дню. Затѣмъ, они должны были разломать и сжечь этотъ городъ и идти въ назначенное мѣсто, въ Сургутъ, для постройки новаго города. Согласно этому наказу, въ томъ же 1594 году былъ построенъ городъ Сургутъ.

Въ царскомъ наказѣ строителямъ этого города, между прочимъ, предписывалось: „Вонина сына, Урупка, взять съ собою въ новый городъ и отцу его приказать, чтобы онъ собралъ съ Пѣгой орды ясакъ и доставилъ его туда-же; ясакъ тотъ принять и сына Вонина отпустить къ отцу; если же Воня ясакъ не пришлетъ, то, собравъ людей, завоевать Пѣгую орду“.

Чтобы выручить изъ плѣна своего сына, князь Воня прислалъ

---

[27]) И. Е. Фишеръ—тамъ-же, кн. I, отд. 2, стр. 159—166.

ясакъ въ томъ же 1591 году. Но когда въ слѣдующемъ году воевода Осипъ Плещеевъ и голова Иванъ Калемин послали за ясакомъ къ князю Вонѣ, то онъ ясачниковъ въ Пѣгую орду не допустилъ и ясаку не далъ. Мало того, Воня самъ рѣшился перейти въ наступленіе и началъ собирать войска, чтобы уничтожить городъ Сургутъ.

Въ цѣляхъ предупрежденія похода князя Пѣгой орды, московское правительство рѣшилось снарядить въ 1597 году особую экспедицію противъ Вони. Въ ней должны были принять участіе 550 человѣкъ. Экспедиція эта была совершена въ 1598 году. О послѣдствіяхъ ея мы имѣемъ только косвенныя указанія, а именно: въ 1598 году у сургутскихъ служилыхъ людей появилась масса плѣнныхъ и о нихъ то сохранилась до насъ грамота царя къ Сургутскому воеводѣ С. М. Лобанову-Ростовскому; въ ней предписывалось всѣхъ плѣнниковъ отъ служилыхъ людей отобрать. Очевидно, эти плѣнные были результатомъ экспедиціи противъ Пѣгой орды.

Съ этого времени Пѣгая орда окончательно подчинилась московской власти и въ ея землѣ, въ томъ-же 1598 году, былъ построенъ русскій острогъ, Нарымъ [28]).

Тѣмъ не менѣе, покоренные инородцы не скоро примирились со своей участью: то тамъ, то здѣсь отдѣльно вспыхивали возстанія и мятежи.

Въ 1595 году остяцкій князь Шатровъ-Лугуевъ окружилъ Березовъ, но былъ прогнанъ казаками.

Въ 1597 году вогулы, остяки и самоѣды, собравшись въ числѣ до 2000 человѣкъ, хотѣли произвести нападеніе на Березовъ, но опасность была заблаговременно предупреждена и воевода князь Петръ Черкасскій приказалъ повѣсить главныхъ виновниковъ въ числѣ 30 человѣкъ [29]).

Въ 1617 году Бардаковы дѣти со своими людьми совершили разбойническій набѣгъ: они убили нѣсколько русскихъ людей, сопровождавшихъ воеводу Бабарыкина въ Томскъ, и отняли царскую казну въ 400 рублей [30]).

Въ 1665 году, при воеводѣ Алексѣѣ Давыдовѣ, остяки и самоѣды подступали къ Березову съ намѣреніемъ сжечь городъ и истребить русскихъ, но были отражены казаками и ополченіемъ изъ населенія, при чемъ въ защитѣ города принимали участіе и женщины, которыя съ крѣпостныхъ воротъ и изъ оконъ башенъ обливали дикарей-непріятелей кипящею водою. Взятые при этомъ главные виновники, 20 человѣкъ князцевъ и лучшихъ людей, въ наказаніе и страхъ другимъ возмутителямъ, были повѣшены.

[28]) П. И. Буцинскій: «Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 года». Харьковъ, 1893 г., стр. 1—10.

[29]) И. Е. Фишеръ—тамъ-же, кн. II, отд. 2, стр. 249—250.

[30]) П. И. Буцинскій—тамъ-же, стр. 15.

Въ 1720 годахъ самоѣды убили остяковъ, принявшихъ христіанство.

Въ 1760 годахъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, самоѣды рѣшились напасть на Березовъ, разграбить и убить жителей мужского пола, а молодыхъ женщинъ и дѣвицъ взять въ плѣнъ; съ этою цѣлью они въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе подступили къ городу, но были отражены, какъ мужчинами, такъ и женщинами; за это послѣднія, по преданію березовскихъ жителей, получили отъ правительства въ награду кумачъ и зендель (бумажныя матеріи [31]).

Въ 1841 году самоѣды, подъ предводительствомъ Ваули-Пэттомина, покушались разорить Обдорскъ, ограбить собравшихся на ярмарку и перебить русское населеніе. Ихъ планы не удались; Пэттоминъ со своими главными соумышленниками былъ схваченъ и отправленъ на каторжныя работы въ Восточную Сибирь [32]).

Что касается времени распространенія среди инородцевъ христіанства, то по этому вопросу имѣется свидѣтельство, указывающее на то, что „остяки исповѣдуютъ христіанскую вѣру съ 1715 г.“, когда страна уже была покорена русскими. Къ этому же времени (и даже еще ранѣе— къ концу XVI столѣтія) относится и распространеніе на сѣверѣ магометанства [33]).

Теперь я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое имѣла пушная торговля въ дѣлѣ завоеванія русскими сѣверныхъ инородцевъ.

Съ паденіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, когда бассейны Камы и Волги цѣликомъ вошли въ составъ русскаго государства, вся западная граница Сибири оказалась совсѣмъ открытой въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Россіей и для казацкой вольницы открылось широкое поприще проявить себя.

Въ 1555 году сибирскій царекъ Едигеръ прислалъ пословъ въ Москву бить челомъ Ивану IV, чтобы взялъ „въ свою волю и подъ свою руку“ Сибирское царство. Грозный, прибавивъ къ своему титулу названіе „повелителя всея Сибирскія земли“, наложилъ на Едигера дань, сначала незначительную: по 1000 соболей въ годъ со всего царства, а затѣмъ черезъ два года сразу увеличилъ ее до 1 соболя съ каждаго человѣка (въ Сибирскомъ царствѣ, по словамъ пословъ Едигера, числилось 30.700 человѣкъ).

Вскорѣ, однако, войны со шведами, Ливоніей, Польшей и Крымомъ отвлекли вниманіе Ивана IV отъ Сибири, гдѣ въ это время шли большія смуты, и уплата дани прекратилась.

---

[31]) Н. А. Абрамовъ—тамъ-же, стр. 350—351 и 366—367.

[32]) «Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 годъ», составленная А. П. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и К. М. Голодниковымъ. Тобольскъ, 1884 г. стр. 135.

[33]) С. Паткановъ: «Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ». С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 3 и 6.

Но это была, конечно, временная, весьма короткая заминка въ дѣлѣ присоединенія Сибири, куда русскихъ толкалъ существенный, живой народный интересъ. Въ бассейнѣ Камы быстро создались и развились значительныя русскія поселенія. Завелась даже крупная промышленность—солеваренные заводы братьевъ Строгоновыхъ. Строгоновы настроили вдоль сибирской границы рядъ острожковъ, или крѣпостей, снабженныхъ пушками и постояннымъ войскомъ. Этотъ авангардъ русской колонизаціи въ Сибири обогнала нахлынувшая съ Волги подвижная казацкая вольница. Ермакъ съ нѣсколькими сотнями удальцовъ однимъ ударомъ разбилъ до извѣстной степени объединявшее сибирскихъ инородцевъ Кучумово царство и присоединилъ его къ Россіи.

Дорогихъ мѣховъ, которые тогда считались гораздо большею цѣнностью, чѣмъ въ настоящее время, въ Сибири оказалось очень много. Спустя 4 года послѣ взятія Кучумовой столицы, Сибирь давала одной только казнѣ ежегодно по 200.000 соболей, 10.000 черныхъ лисицъ и 500.000 лучшихъ бѣлокъ и, кромѣ того, бобровъ и горностаевъ. По мѣрѣ того, какъ русскіе проникали въ Сибирь, количество добываемой въ ней дорогой и всякой вообще мягкой рухляди стало увеличиваться и достигло огромныхъ, почти невѣроятныхъ размѣровъ.

Со смертью Ермака и большей части его дружины дальнѣйшее покореніе Сибири нѣсколько задержалось. Царскія войска, посланныя на помощь казакамъ, вслѣдствіе начавшагося мора и голода, не могли устоять противъ Кучума, который героически, отчаянно защищался. Одно время русскіе должны были даже совсѣмъ покинуть край. Но вскорѣ царскія войска опять вступили въ Сибирь, сопротивленіе Кучума быстро было сломлено и русская колонизація широкими, стремительными потоками разлилась по странѣ.

По слѣдамъ вооруженныхъ промышленниковъ, рыскавшихъ по странѣ, главнымъ образомъ, по рѣкамъ и рѣчкамъ, на лодкахъ, на лыжахъ или на собачьихъ нартахъ,—двигались царскіе воеводы со своими командами и строили остроги. Гдѣ возводился острогъ, тамъ далеко вокругъ покорялись туземцы; ясакъ рѣкой приплылъ въ острогъ,—тамъ же открывалась и ярмарка. Чтобы судить о размѣрахъ добычи русскихъ, стоитъ остановить вниманіе хотя бы лишь на двухъ слѣдующихъ характерныхъ фактахъ. Случалось, что инородцы привозили ясакъ въ дорогихъ собольихъ шубахъ и на лыжахъ, подбитыхъ соболями же. Торгъ былъ баснословно выгоденъ для русскихъ торговцевъ: за обыкновенный мѣдный или даже желѣзный котелъ инородцы давали столько шкуръ соболей или черно-бурыхъ лисицъ, сколько ихъ могло въ него вмѣститься. Можно сказать, край кишѣлъ пушнымъ звѣремъ [34]). Съ другой стороны, чтобы составить себѣ представленіе о выгодности пушного промысла для того

[34]) А. П. Громова—тамъ-же, стр. 8—11.

времени, остановимся на слѣдующемъ фактѣ. Въ 1624 г. одинъ сибирскій воевода писалъ въ Москву, что Иванъ Афанасьевъ въ прошломъ 1623 году „угопялъ“ двѣ черныхъ лисицы—одну въ 30 руб., а другую въ 80 рублей. Допустимъ, что Афанасьевъ былъ человѣкомъ совершенно бѣднымъ, не имѣлъ никакого пристанища, шатался, по тогдашнему выраженію, между дворами, и питался Христовымъ именемъ. Продавъ черныхъ лисицъ за 110 рублей, онъ могъ купить по средней цѣнѣ того времени: двадцать десятинъ земли (20 руб.), прекрасную хату (10 руб.), пять добрыхъ лошадей (10 руб.), десять штукъ рогатаго скота (15 руб.), два десятка овецъ (2 руб.), нѣсколько десятковъ штукъ разной домашней птицы (3 руб.),—словомъ полное хозяйство; кромѣ того, онъ могъ, если имѣлъ на то право, купить въ Сибири паръ пять рабовъ (20 руб.) и у него еще оставался бы капиталъ про черный день въ 30 рублей,—сумма порядочная, если принять во вниманіе, что въ то время деньги были дороже нынѣшнихъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ [35]).

Сперва правительство, въ цѣляхъ привлеченія въ новоустроенные города сѣвера торговыхъ и промышленныхъ людей, предоставляло послѣднимъ различныя льготы, ограничиваясь лишь сборомъ ясака. Но затѣмъ, не довольствуясь ясакомъ и желая монополизировать торговлю мягкой рухлядью въ свою пользу, оно еще въ концѣ XVI столѣтія стало налагать различные запреты на пушную торговлю и объявило, чтобы промышленники лучшую пушнину сдавали въ казну, подъ страхомъ грозныхъ каръ за ослушаніе. Напримѣръ, построивъ городъ Сургутъ, правительство распорядилось даровать въ новомъ городѣ право безпошлинной торговли. Это распоряженіе дѣйствительно привлекло въ Сургутскую область массу торговыхъ и промышленныхъ людей. Край оживился, по инородческимъ волостямъ появились вымичи, зыряне, пустозерцы, пермяки, устюжане, двиняне, важане, каргопольцы, москвичи и иныхъ русскихъ городовъ торговый людъ, кто для промысловъ, кто для мѣновой торговли съ мѣстнымъ населеніемъ. Правительство скоро увидѣло, что данная льгота, какъ средство привлеченія въ сургутскую область купцовъ и промышленниковъ, болѣе не нужна, и уже въ 1597 году приказало сургутскимъ воеводамъ уничтожить эту льготу и собирать въ Сургутѣ всякую пошлину, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ. При этомъ правительство запретило торговлю по инородческимъ юртамъ и указало, чтобы торговые люди вымѣнивали у инородцевъ только низшаго качества пушной товаръ, который въ царскую казну не годится, „а если кто изъ торговыхъ людей послѣ этого будетъ покупать и торговать лучшею и среднею рухлядью, то бить кнутомъ, сажать въ тюрьму недѣль на пять и на шесть, а имущество отбирать на государя“. Велѣно

---

[35]) П. П. Буцинскій: «Мангазея и Мангазейскій уѣздъ (1601—1645 г г.)». Харьковъ, 1893 г., стр. 1—2.

также объявить и инородцамъ, чтобы они лучшую и среднюю рухлядь приносили въ городъ, гдѣ будутъ покупать этотъ товаръ на государя, а чтобы русскимъ людямъ они продавали бы только худую рухлядь [36]).

Вообще, правительство, еще со временъ Годунова, стало брать на себя роль главнаго пушного торговца въ Сибири, старательно подавляя всякую частную конкурренцію. Погоня за цѣнною мягкою рухлядью создала тайные „промышленничьи“ пути, по которымъ промышленники пробирались въ сѣверныя окраины Сибири, искусно избѣгая контроля правительственныхъ чиновниковъ. Древнѣйшій изъ такихъ путей шелъ сѣверомъ, съ береговъ Выма, Мезени и проч., по затесямъ на лиственницахъ или по живымъ урочищамъ, мѣняясь по временамъ года, проходя то по водѣ, то по тундрѣ или по горнымъ долинамъ. Было время, что пустоозерцы, ходившіе водою до городка Рогового, расположеннаго въ верховьяхъ р. Усы, зимою проѣзжали къ самоѣдамъ, которые, нуждаясь въ пожахъ, топорахъ, копьяхъ и проч. заповѣдныхъ товарахъ, служили имъ оленями, и прикрывали контрабандистовъ. Одно время, отъ Архангельска и другихъ приморскихъ мѣстъ плавали въ Карскую губу, изъ нея—на рѣчку Мутную, а отсюда перетаскивались на рѣчку Зеленую, впадающую въ Обскую губу. Эти и подобные пути правительство силилось запретить и уничтожить, начиная съ царя Бориса [37]).

Точныя свѣдѣнія о морскомъ пути правительство въ первый разъ получило только въ началѣ 1616 года отъ тобольскаго воеводы Куракина; послѣдній писалъ въ Москву, „что торговые и промышленные люди ходятъ кочами отъ Архангельскаго города на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею, а другая дорога съ моря въ енисейское устье большими судами, и что нѣмцы нанимали русскихъ людей, чтобы ихъ отъ Архангельска города провели въ Мангазею“. Сообщая въ Москву свѣдѣнія о морскомъ пути въ Мангазею, воевода Куракинъ въ то же время высказалъ опасеніе, что „опымъ могутъ воспользоваться нѣмцы для торговли съ сибирскими инородцами, какъ уже и были съ ихъ стороны попытки по разсказамъ торговыхъ и промышленныхъ людей“. Это сообщеніе такъ напугало правительство Михаила Оеодоровича, что оно въ томъ же году запретило подъ страхомъ опалы и казни плавать тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно. Въ царской грамотѣ тобольскимъ воеводамъ отъ 25-го іюня 1616 года читаемъ слѣдующее: „Торговымъ и промышленнымъ людямъ всѣхъ городовъ и ясачнымъ самоѣдамъ и татарамъ велѣли сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобы нѣмецкихъ людей на Енисей и въ Мангазею отнюдь никого не пропускали и съ ними не торговали и дорогъ имъ ни на какія мѣста не указывали, а также торговыхъ и промышленныхъ

[36]) П. Н. Буцинскій: «Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1615 года». Харьковъ, 1893 г., стр. 5—6.

[37]) П. Словцовъ: «Историческое обозрѣніе Сибири». С.-Петербургъ, 1886 г. Кн. I, гл. 1, стр. 9—10.

людей изъ Мангазеи на Карскую губу, на Пустоозеро и къ Архангельскому городу пропускать не велѣли, а велѣли ихъ отпускать изъ Мангазеи на Березовъ и на Тобольскъ...“ Въ то же время тобольскимъ воеводамъ предписывалось получше распросить торговыхъ и промышленныхъ людей: „нѣмецкіе люди съ моря на Енисею кораблями или кочами напередъ сего прихаживали ль, торговати? и будетъ прихаживали, и съ какими товарами и многіе ль люди пріѣзжали?“ Въ концѣ 1619 года изданъ указъ, которымъ снова строжайше запрещалось торговымъ, промышленнымъ и всякимъ людямъ плавать моремъ въ Мангазею. А чтобы это запрещеніе не нарушалось, въ 1620 году велѣно было построить острожекъ на волокѣ между рѣками Мутной и Зеленой и посылать туда изъ Березова и Тобольска служилыхъ людей, человѣкъ по 50, чтобы они слѣдили за русскими и нѣмецкими людьми и никого не пропускали тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно. Но ни Матвѣй Годуновъ, ни послѣдующіе тобольскіе воеводы не построили острожка на волокѣ между указанными рѣчками и все дѣло ограничилось только тѣмъ, что на это мѣсто были посылаемы служилые люди, которыя тамъ жили во весь періодъ навигаціи,—до 1 сентября [38]).

Несравненно труднѣе было правительству бороться въ Березовскомъ уѣздѣ съ торговыми и промышленными русскими людьми и заставить ихъ платить со своихъ товаровъ разныя пошлины въ государеву казну. Территорія Березовскаго уѣзда обширна, торговыхъ путей изъ Руси въ Сибирь было нѣсколько, а потому слѣдить за проѣзжими русскими людьми было чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе трудно, что со здѣшними инородцами русскія люди были уже давно знакомы, вели взаимную торговлю еще со времени новгородцевъ, и инородцы даже доставляли русскимъ людямъ средства для перевоза товаровъ отъ Уральскаго хребта далѣе въ Сибирь. Поэтому въ Березовскомъ уѣздѣ правительству пришлось устроить четыре заставы: Обдорскую, Собскую, Картасскую и Березовскую. Миновать эти заставы не было никакой возможности, благодаря чему съ 1635 года сборы пошлинъ въ Березовскомъ уѣздѣ, по сознанію самого правительства, значительно увеличились, а „книги таможеннаго сбору“ показываютъ, что эти сборы доходили до крупныхъ суммъ [39]).

Городокъ Обдорскій и острогъ Мангазейскій (послѣдній въ 1600 году) созданы были именно для пресѣченія безпошлинной и запрещенной мѣны между поморскими торговцами и самоѣдами. Царь Борисъ предписалъ мангазейскимъ воеводамъ развѣдать между торговцами, гдѣ лежитъ ихъ дорога, лѣтняя и зимняя, гдѣ по ней становья и городки,

---

[38]) П. И. Буцинскій: «Мангазея и Мангазейскій уѣздъ (1601—1645 г.г.)». Харьковъ, 1893 г., стр. 37—39.

[39]) П. И. Буцинскій: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Харьковъ, 1889 г. Гл. VII, стр. 173 и 180.

дабы годные изъ нихъ обратить въ Государевы городки. Нѣкоторые пути были узнаны, и была устроена Собская застава [40]). Цѣлью учрежденія этой заставы было наблюденіе за самымъ сѣвернымъ рѣчнымъ путемъ, идущимъ въ Сибирь чрезъ р.р. Уссу и Елецъ на р. Собь. Поставлена она была не при самомъ устьѣ р. Соби, а нѣсколько выше его. Впрочемъ, она была вскорѣ уничтожена и для торговыхъ людей опять открылся свободный путь. Въ 1618 году тобольскому воеводѣ было велѣно возобновить Собскую заставу и ежегодно посылать туда на лѣтнее время по нѣскольку человѣкъ служилыхъ людей и цѣловальника для сбора пошлины съ торговыхъ, промышленныхъ и всякихъ проѣзжихъ людей. Послѣ этого, русскіе торговые и промышленные люди стали пользоваться не сѣвернымъ путемъ, а югорскимъ, т. е. путемъ черезъ р. Сосву. Чтобы обойти Березовъ, выходили на р. Обь Няспаловой протокой (нынѣ—Лапальская и Поперечная), являющейся одною изъ самыхъ южныхъ протокъ, соединяющихъ р. Сосву съ р. Обью. Обское устье этой протоки находится на 60 верстъ южнѣе Березова. Московское правительство долго не знало объ обходѣ русскими людьми своихъ сибирскихъ таможенныхъ заставъ черезъ „Няспалову протоку“ и долгое время не принимало противъ этого обхода никакихъ мѣръ. Только во второй половинѣ царствованія Михаила Осодоровича (въ 1630 годахъ) была учреждена Картасская застава, поставленная на р. Сосвѣ, выше того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее протока Няспалова. Сюда тобольскіе и березовскіе воеводы начали посылать въ лѣтнее время служилыхъ людей для наблюденія за проѣзжавшими по указанному пути. Какъ на Собской заставѣ, такъ и въ Обдорскомъ (Посовомъ) городкѣ до самаго конца царствованія Михаила Осодоровича не было постояннаго населенія, а жили временно служилые люди, присылаемые то изъ Тобольска, то изъ Березова. Эти же служилые люди собирали и пошлину съ русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Но такъ какъ служилые люди были неопытны въ оцѣнкѣ товаровъ, то при Михаилѣ Осодоровичѣ въ Обдорскъ, какъ и на Собскую заставу, начали посылать сначала цѣловальниковъ изъ посадскихъ людей, а съ 1635 г. таможенныхъ головъ [41]).

Въ 1603 году былъ разрѣшенъ переѣздъ черезъ „Камень“—правительство какъ бы удостовѣрилось, что обходныхъ путей не существуетъ. Но въ 1620 году правительство „развѣдавъ о потаенныхъ проходахъ торгашныхъ“, рѣшительно запретило переѣздъ черезъ Камень, и разрѣшило ѣздить не иначе, какъ въ ворота Верхотурской таможни. Въ 1631 году было рѣшено прорѣзать полуволоковую тропу отъ Оби къ Енисею, тянувшуюся по рѣчкамъ Тыму и Сыму. Одно время потаенный про-

---

[40]) П. Словцовъ—тамъ-же, кн. I, гл. 1, стр. 10

[41]) П. Н. Буцинскій: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Харьковъ, 1889 г. Гл. VII, стр. 177—179.

возъ производился было около 64° широты, по протокамъ р.р. Ваха и Елогуя, но и здѣсь были устроены дозорныя заставы [42]).

Экономическая выгода, получаемая правительствомъ отъ заставъ, была значительна, тѣмъ болѣе, что заставы имѣли характеръ не только таможенъ, но въ то же время и рынка, являясь мѣстомъ сбыта и мѣны провозимыхъ товаровъ. Чтобы имѣть понятіе о предметахъ русской торговли, сообщимъ здѣсь названія нѣкоторыхъ товаровъ, упоминаемыхъ въ собской и картасской таможенныхъ книгахъ. Въ послѣднихъ записаны: мѣдные котлы, пуговицы, булавки, колокольчики, чарки, солонки, перстни, оловянныя блюда и пуговицы, желѣзные наконечники для стрѣлъ, топоры, сковороды, сукна англійскія и сермяжныя, полотно ярославское, зипуны и кафтаны, рубахи мужскія и женскія, шитыя золотомъ; сапоги мужскіе и женскіе, сафьяновые и телячьи, рукавицы, подошвы, башмаки, чулки, пояса шелковые и гарусные, шубы баранья, зеркала, струны, огнива, масло коровье, медъ, воскъ, ладанъ, прядь неводная, веревки, нитки, писчая бумага, порохъ, свѣчи, мыло костромское, сахаръ, пряники и пр. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ, по тогдашнему времени, стоили довольно дорого, напр., кафтанъ „изъ добраго англійскаго сукна съ золотыми спурками“ оцѣненъ таможеннымъ головой въ 5 руб., а за эти деньги можно было тогда купить пять лошадей; сковорода цѣнилась въ 50 коп., пудъ мѣди въ котлахъ 10 руб., десть писчей бумаги 24 коп. Другіе товары поражаютъ своей дешевизной: фунтъ коровьяго масла 4 коп., аршинъ топкаго ярославскаго полотна 6 коп., семь женскихъ рубахъ поношенныхъ 11 коп. и т. п. Со всѣхъ этихъ товаровъ на Собской, Картасской и Обдорской заставахъ взималась государева пошлина—десятая, если товары продавались въ заставѣ, и проѣзжая (4 коп. съ рубля), если купцы везли свои товары въ Березовъ или въ Мангазею. Пошлина здѣсь собиралась преимущественно деньгами, но встрѣчаются примѣры и довольно частые, когда брали пошлину натурой. Вслѣдствіе этого, иногда попадаются довольно курьезныя отмѣтки таможенныхъ головъ: „взята на Государя десятая пошлина собачьяго корма“, т. е. пошлина взята съ промышленника, который везъ кормъ „для промысловыхъ собакъ“. Что въ данномъ случаѣ пошлина взята натурою, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо, когда пошлина съ товаровъ взималась деньгами, то послѣ поименованія товара и оцѣнки онаго таможенный голова отмѣчалъ: „взята на Государя десятая пошлина съ того товара“—3 алтына, или 5 денегъ и т. п. Изъ таможенныхъ книгъ видно, что платежъ пошлины натурою или деньгами зависѣлъ исключительно отъ владѣльца товара: чѣмъ хотѣлъ онъ, тѣмъ и платилъ. Поэтому въ государевой казнѣ собиралось множество товаровъ самыхъ разнообразныхъ: соболи, бобры, кафтаны, сапоги, по-

---

[42]) П. Словцовъ—тамъ-же, кн. I, гл. 1, стр. 10.

пошенныя рубахи, собачій кормъ, оловянныя и мѣдныя пуговицы и пр. Изъ нихъ—мягкая рухлядь отсылалась въ Москву, всѣ-же другіе товары или распродавались тѣми-же таможенными головами и цѣловальниками, или ими уплачивалось жалованье служилымъ людямъ. Какъ ни мелки были пошлины съ отдѣльныхъ товаровъ, взимаемыя на Обдорской, Собской и Картасской заставахъ, тѣмъ не менѣе въ теченіе лѣта ихъ собиралось на значительную сумму, особенно со времени назначенія на эти заставы таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ: въ 1625 г. на первыхъ двухъ заставахъ собрано всякихъ пошлинъ на 404 р 39 к., а въ 1641 г. уже собрано на 950 руб. 3 коп. Сумма пошлинъ съ Картасской заставы не превышала 50 рублей, потому что на этой заставѣ русскіе купцы не останавливались для торговли, а проѣзжали далѣе въ Березовъ и въ Мангазею; вслѣдствіе этого съ нихъ здѣсь взималась только проѣзжая или печатная (съ проѣзжихъ грамотъ) и головная пошлины, которыя не могли составить значительной суммы. Березовская таможня собирала еще болѣе пошлинъ, чѣмъ Собская и Обдорская, а къ концу царствованія Михаила Оеодоровича этотъ сборъ еще значительно увеличился. Такъ, въ 1625 г. въ Березовѣ собрано всякихъ пошлинъ на 653 руб., въ 1629 г.—на 1814 руб., въ 1643 г.—болѣе, чѣмъ на 2000 рублей [48]).

Вся поступавшая въ казну мягкая рухлядь сбывалась правительствомъ въ Турцію, Персію, Бухару и, главнымъ образомъ, въ Китай. Этимъ правительство пріобрѣтало огромныя выгоды: быть можетъ, безъ этого важнаго источника доходовъ Россіи не подъ силу бы пришлась борьба съ западными сосѣдями. Поэтому, вслѣдъ за присоединеніемъ Сибири, сталъ на очередь вопросъ о торговлѣ съ Китаемъ. Потребность въ этой торговлѣ была вызвана, съ одной стороны, скопленіемъ у правительства огромнаго количества разнаго рода цѣнныхъ мѣховъ, а съ другой—настоятельною надобностью въ драгоцѣнномъ металлѣ, особенно въ золотѣ, которое оно могло получить изъ Китая въ обмѣнъ на пушнину.

Съ конца XVI столѣтія начинаются настойчивыя, но безуспѣшныя попытки со стороны русскихъ проникнуть въ Китай и завязать съ нимъ прочныя торговыя связи, пока, наконецъ, Петру Великому не удалось осуществить (въ 1689 году) завѣтной мечты московскаго правительства заключеніемъ Нерчинскаго договора съ китайцами. Въ первые 60 лѣтъ со времени заключенія этого договора торговля съ Китаемъ монополизировалась правительствомъ. Торговля пушниной велась тогда на основаніяхъ, такъ называемаго каравannаго торга. Весь товаръ отправляемый изъ Москвы присяжными государевыми цѣловщиками сибирскаго при-

---

[48]) П. П. Буцинскій: «Заселеніе Сибири и быть первыхъ ея насельниковъ». Харьковъ, 1889 г. Гл. VII, стр. 180—183.

каза состоялъ изъ казенной мягкой рухляди. Если у казны своей рухляди не хватало, она брала ее заимообразно у купцовъ, платя послѣднимъ по возвращеніи каравана за каждую вещь въ двое. Послѣднее обстоятельство показываетъ, насколько выгодна была эта торговля для казны. Кромѣ того, купцы могли или присоединяться къ казенному каравану, направляющемуся въ Пекинъ или же ѣздили въ Ургу, гдѣ открытъ былъ пограничный пунктъ мѣны. Впрочемъ, участіе въ торговлѣ купцовъ въ началѣ караванной торговли было довольно слабо.

Вскорѣ начала обнаруживаться оборотная сторона казенной торговли, отсутствіе въ чиновникахъ, производившихъ торговлю, живого интереса къ дѣлу, чрезвычайная медленность оборотовъ, значительная разница въ цѣнахъ казенныхъ и частныхъ и другіе недостатки, которыми не преминула воспользоваться частная инициатива. Тогда правительство стало принимать разныя мѣры, чтобы ограничить соперничество купцовъ: оно запрещало купцамъ посылать свои караваны ежегодно и не позволяло допускать торговыхъ людей въ Китай безъ видовъ сибирскаго приказа.

Наконецъ, само правительство стало сомнѣваться въ дальнѣйшей жизнеспособности казеннаго торга, и въ 1762 году Екатерина II отмѣнила ходъ казенныхъ каравановъ въ Пекинъ, предоставивъ всю торговлю съ Китаемъ частнымъ лицамъ. Съ этого времени торговля съ Китаемъ стягивается къ главному пограничному мѣновому пункту—къ Кяхтѣ. До 1762 года кяхтинская торговля развита была слабо; только послѣ отмѣны Екатериной всѣхъ правительственныхъ ограниченій, стѣснявшихъ частную коммерческую предпріимчивость, она пошла ускореннымъ поступательнымъ ходомъ, хотя были періоды застоя въ торговлѣ. Цѣнность мягкой рухляди до 1790 г. составляла около 85% всѣхъ торговыхъ оборотовъ съ Китаемъ. Главные виды пушнины и количество ея были въ то время слѣдующіе: бѣлки продавалось въ Китай отъ 2 до 4 милл. штукъ ежегодно, соболей отъ 6—16 тыс. штукъ, хорьковъ—20.000—50.000, выхухоли—отъ 87.000 до 200·000 штукъ, лисицъ-сиводушекъ—отъ 2.000 до 4.000 шт., бѣлодушекъ—6.000—20.000, лисицъ чернобурыхъ и черныхъ—отъ 300—1.200, корсаковъ отъ 10.000—25.000, лисьихъ лапъ бѣлодушныхъ—120.000—250.000 штукъ, сиводушныхъ—50.000—150.000, чернобурыхъ и бурыхъ—2.000—4.000, песцовъ—до 15.000, куницъ—до 300, камчатскихъ и русскихъ бобровъ—2.000—4.000 шт.

Особенно усѣшно пошла торговля въ Кяхтѣ, когда русскіе и китайскіе купцы стали (съ 1792 г.) сплачиваться въ компаніи и избирать изъ своей среды уполномоченныхъ для опредѣленія условій мѣны. Такая торговля продолжалась до 1800 г. Главная цѣнность предметовъ мѣны въ это время падала опять-таки на мягкую рухлядь, составлявшую всего 70% провоза. Вывозъ ея, тѣмъ не менѣе, абсолютно увеличился. Такъ, вывозъ бѣлки повысился до 7 милл. штукъ, корсаковъ—до 70.000 штукъ; усилился также отпускъ выдръ, лапъ лисьихъ и песцовыхъ и начался

промѣнъ зайчины.—Въ 1800 году правительство, въ цѣляхъ удержать монету внутри государства, установило особыя правила для кяхтинской торговли; въ силу этихъ правилъ послѣдняя должна была производиться мѣною товаровъ, безъ монеты и кредита. Съ начала 20 годовъ Китай все болѣе и болѣе сталъ привыкать къ употребленію суконъ вмѣсто мѣховъ. Благодаря этому мягкая рухлядь начала утрачивать свое значеніе, хотя она являлась еще въ то время главною статьею сбыта въ Кяхтѣ. Такъ, къ 20 годамъ прошлаго столѣтія упалъ вывозъ бѣлки (до 4—6 милл.), соболей (до 4.000—900 шт.); увеличился только сбытъ песцовъ (до 60.000—70.000), горностаевъ (до 60.000—150.000) и кошки. Въ 30 годахъ XIX вѣка значеніе мягкой рухляди въ Кахтинской торговлѣ быстро пошло на пониженіе. Въ 40 годахъ цѣнность промѣна пушнины простиралась до 1½ милл. рублей въ годъ. Въ 70 годахъ (1871—1875) средняя цѣнность ежегоднаго вывоза пушнины въ Китай уменьшилась уже до 500.000 рублей; въ настоящее время она составляетъ весьма незначительную статью общихъ торговыхъ оборотовъ Россіи съ Китаемъ [44]).

Для полноты настоящаго историческаго очерка о сѣверныхъ инородцахъ, я привожу въ концѣ книги, въ особомъ приложеніи, описаніе болѣе значительныхъ пунктовъ Тобольскаго сѣвера,—Обдорска, Березова и Сургута,—въ связи съ ихъ историческимъ прошлымъ.

Глава II.

Страна и люди въ настоящее время.

Краткій обзоръ Тобольскаго сѣвера въ географическомъ, экономическомъ, климатическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ.—Инородцы въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ.—Географическое распространеніе инородцевъ.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Сургутскихъ остякахъ по историческимъ даннымъ; князь Тапга по преданію югановскихъ остяковъ.—Разселеніе остяковъ.—Подраздѣленіе ихъ.—Языкъ остяковъ.—Характеристика остяковъ.—Пьянство и торговля виномъ среди инородцевъ.—Вліяніе русской культуры.

Тобольскій сѣверъ заключаетъ въ себѣ уѣзды: Березовскій и Сургутскій и Самаровскую волость Тобольскаго уѣзда. Площадь, занимаемая имъ, составляетъ 835.830 кв. верстъ, т. е. 68% территоріи всей губерніи. По обширности пространства онъ въ 1½ раза превосходитъ Францію и въ 3 раза Англію. Поверхность его представляетъ обширную низменность, покатую къ Ледовитому океану. Часть ея, сѣвернѣе 64° с. ш., составляетъ полярную зону; южнѣе 64° с. ш. идетъ зона высокостольныхъ лѣсовъ. Лѣсная растительность начинается въ смѣшанной области тундръ и лѣсовъ полярной зоны.

Главнѣйшая рѣка края Обь протекаетъ обширной, отъ 20 до 60 верстъ въ ширину, долиной. Главное русло Оби лежитъ, преимуще-

[44]) А. И. Громова—тамъ-же, стр. 12—17.

ственно, около праваго берега. Параллельно главному руслу съ лѣвой стороны идутъ боковыя протоки въ два и даже въ три ряда; нѣкоторыя изъ нихъ судоходны.

Обь съ цѣлой системой ея протокъ и притоковъ, изъ которыхъ многіе по величинѣ не уступаютъ европейскимъ рѣкамъ, для обитателя здѣшняго сѣвера то же, что для жителя странъ земледѣльческой культуры—земля. Рыболовство въ этомъ краѣ замѣняетъ земледѣліе и служитъ основнымъ источникомъ существованія для большей части населенія. Благосостояніе населенія зависитъ отъ колебанія уровня воды, заключенной въ обской долинѣ. Въ годы высокаго подъема весеннихъ водъ рыболовный сезонъ сокращается, сѣнокошеніе наступаетъ позже нормальнаго времени, когда трава наполовину засохла, къ тому же и самая площадь покосовъ уменьшается. Если при этомъ подъемъ воды наступаетъ поздно и вода сбываетъ медленно, то такой годъ является бѣдственнымъ, такъ какъ время рыболовнаго промысла сокращается еще больше и совпадаетъ съ временемъ сбора кедроваго орѣха и началомъ сѣнокошенія. По наблюденіямъ, въ теченіе десятилѣтія выпадаетъ одинъ годъ большеводія. Въ такіе годы скотъ гибнетъ и отъ наводненія, и отъ недостатка въ кормѣ.

Климатъ на сѣверѣ суровый. Зима захватываетъ часть весны и осени, обнимая шестимѣсячный періодъ. Мѣсяца: іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто, средняя температура котораго для Обдорска 11,2°; Березова 13,6° и Сургута 14,6° по С. Лѣтомъ температура возрастаетъ очень быстро; кромѣ того, въ теченіе нѣкотораго времени солнце грѣетъ болѣе 20 часовъ въ сутки. Поэтому періодъ роста, цвѣтенія и созрѣванія растеній здѣсь сокращается. Въ Сургутскомъ уѣздѣ даже вполнѣ доказана возможность земледѣлія. Земледѣліе возможно и еще сѣвернѣе. Такъ, напримѣръ, въ поселкѣ Саранъ-пауль (64° 13 с. ш. и 30° 30 в. д.) въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія зырянинъ Бабиковъ снималъ участокъ для хлѣбопашества и сѣялъ яровые хлѣба. Урожай бывалъ до самъ 10. Огородничество распространено въ краѣ до самымъ сѣверныхъ населенныхъ пунктовъ.

Тобольскій сѣверъ заключаетъ въ себѣ громадныя природныя богатства. Въ области полярнаго моря они состоятъ изъ животныхъ, присущихъ исключительно этой области (бѣлый медвѣдь, моржъ, тюлень и дельфинъ). Необъятныя пространства тундръ даютъ богатыя пастбища для оленей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой области обитаетъ цѣнный звѣрь—песецъ. Лѣса, представляя огромную цѣнность сами по себѣ, являются въ то же время питомникомъ и хранилищемъ пушного звѣря и лѣсной птицы и, кромѣ того, даютъ населенію побочное, вспомогательное средство къ существованію въ видѣ кедроваго промысла и заготовки дровъ. Громадные водные бассейны содержатъ колоссальное количество цѣнной рыбы и привлекаютъ несмѣтное множество водяной птицы. Западная

приуральская часть Тобольскаго сѣвера заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ еще неизвѣданныя минеральныя богатства, до золота включительно. Наконецъ, по берегамъ Ледовитаго океана, а также р.р. Иртыша и Оби находятъ клыки мамонта.

Инородцы Тобольскаго сѣвера по своему культурному уровню стоятъ на самой низкой ступени развитія. Одной изъ главныхъ причинъ этого является и та обстановка, среди которой проходитъ жизнь инородца. Суровый климатъ заставляетъ его затрачивать всѣ свои силы на удовлетвореніе лишь самыхъ насущныхъ потребностей. Поглощенный всецѣло борьбой за существованіе, онъ не имѣетъ возможности развить духовную сторону своего существа. Поэтому инородцы въ теченіе своего долгаго существованія не создали сколько нибудь сносныхъ орудій производства и не выработали своего, сколько нибудь развитаго искусства (*), а рядомъ съ этимъ, конечно, невозможно и никакое дальнѣйшее развитіе. Слѣдствіемъ этого является низкій уровень ихъ экономическаго благосостоянія, гибельно отзывающійся на всемъ ихъ существованіи; отсюда происходитъ и поражающее невѣжество и умственное убожество инородцевъ, ихъ неразсчетливость и безпечность.

Низкій уровень развитія является общимъ для всѣхъ инородцевъ Тобольскаго сѣвера; отдѣльныя же племена отличаются одно отъ другого лишь степенью свой отсталости.

Остяки (см. рис. 1—7) по своему развитію какъ физическому, такъ и умственному стоятъ ниже всѣхъ инородцевъ, за исключеніемъ казымскихъ и ваховскихъ. Остяки, большею частью, роста ниже средняго, худощавы, вялы, неповоротливы и старообразны. Женщины по наружному виду ни чѣмъ не отличаются отъ мужчинъ; черты лица ихъ грубы и онѣ обыкновенно неопрятнѣе мужчинъ.

Вогулы (см. рис. 8 и 9) въ физическомъ отношеніи представляютъ болѣе совершенный типъ, сравнительно съ остяками. По характеру они болѣе подвижны: вялости, присущей остякамъ, у нихъ незамѣтно. Не смотря на свою неуклюжесть, вогулы отличаются большою ловкостью и отвагой на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Самоѣды (см. рис. 10—14) въ физическомъ отношеніи стоятъ выше не только остяковъ, но и вогуловъ. Это крѣпкій и сильный народъ. Ихъ физическая крѣпость можетъ быть объяснена тѣмъ, что, какъ оленеводы, они пользуются лучшимъ питаніемъ, нежели прочіе инородцы-рыболовы. Въ умственномъ отношеніи они стоятъ немногимъ выше остяковъ. Хотя самоѣды и исконные оленеводы, однако они до настоящаго времени не

(*) Показателемъ степени духовнаго развитія той или иной народности, помимо искусства, служитъ и поэтическое творчество. Оно не чуждо и обитателямъ Тобольскаго сѣвера. Этому творчеству инородцевъ (главнымъ образомъ—остяковъ) мною посвящено нѣсколько словъ въ особомъ приложеніи.

выработали сколько-нибудь раціональныхъ способовъ веденія оленнаго хозяйства.

Остяки и вогулы населяютъ зону высокоствольныхъ лѣсовъ, при чемъ вогулы занимаютъ исключительно бассейнъ рѣки Сосвы., т. е. приуральскую часть Березовскаго края. Самоѣды населяютъ зону полярнаго сѣвера. Племя это составляютъ исключительно оленеводы-кочевники.

Все населеніе Тобольскаго сѣвера по даннымъ 1904 года составляетъ 38693 души обоего пола*). (Такимъ образомъ, на одного человѣка въ среднемъ приходится площадь въ 21,6 кв. вер.). По численности первое мѣсто занимаютъ остяки, затѣмъ слѣдуютъ русскіе, самоѣды, вогулы и зыряне.

Общее количество инородцевъ, населявшихъ предѣлы Тобольскаго сѣвера, въ 1904 году составляло 26148 душъ обоего пола, изъ нихъ 13769 мужчинъ и 12379 женщинъ. Количество ихъ по племенамъ видно изъ прилагаемой таблицы.

Народности.	Въ Березовскомъ уѣздѣ.			Въ Сургутскомъ уѣздѣ.			Въ обоихъ уѣздахъ.		
	Мужч.	Женщ.	Обоего пола.	Мужч.	Женщ.	Обоего пола.	Мужч.	Женщ.	Обоего пола.
Остяковъ . . .	5772	4877	10649	3577	3185	6762	9349	8062	17411
Вогуловъ . . .	1268	1262	2530	—	—	—	1268	1262	2530
Самоѣдовъ . .	3152	3055	6207	—	—	—	3152	3055	6207
Итого. .	10192	9194	19386	3577	3185	6762	13769	12379	26148

Процентное соотношеніе мужчинъ и женщинъ среди сѣверныхъ инородцевъ, съ показаніемъ преобладающаго количества того или другого пола, сгруппировано въ слѣдующей таблицѣ.

Народности.	Количество въ %%.		Преобладающее количество, съ показаніемъ %%.	
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ
Остяковъ.	53,05	46,95	1202 или 6,10%	—
Вогуловъ	49,18	50,82	—	138 или 1,04%
Самоѣдовъ	50,78	49,22	97 или 1,56%	—
Всѣхъ инородцевъ	51,69	48,31	1161 или 3,38%	—

*) Въ томъ числѣ по Самаровской волости—4753 души обоего пола; изъ нихъ русскихъ—4361 и остяковъ—465.

Для болѣе наглядпаго представленія соотношенія какъ сѣвернаго инородческаго населенія между собою, такъ сѣверныхъ инородцевъ и русскихъ вмѣстѣ съ зырянами, привожу нижеслѣдующую таблицу.

УѢЗДЫ.	Русскіе съ зырянами.		Остяки.		Вогулы.		Самоѣды.		Всего.
	Количество	%	Количество.	%	Количество.	%	Количество.	%	
Березовскій	5341*)	21,6	10649	43,1	2530	10,2	6207	25,1	24730
Сургутскій .	2375	26,0	6762	74,0	—	—	—	—	9137

*) Въ томъ числѣ—6 чел. татаръ и около 40% зырянъ.

Изъ всѣхъ инородцевъ, обитающихъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Тобольской губерніи, мнѣ представилась возможность ближе всего ознакомиться съ остяками, которые составляютъ почти $^3/_4$ населенія Сургутскаго уѣзда и болѣе $^2/_5$ населенія Березовскаго. Этой народности въ настоящемъ моемъ очеркѣ и отведено болѣе широкое мѣсто, чѣмъ остальнымъ инородцамъ.

По историческимъ даннымъ, балыкскіе и салымскіе остяки до покоренія Ермакомъ Сибири жили по берегамъ р. Иртыша. Съ приходомъ Ермака, остяки бѣжали въ мѣста своего настоящаго кочевья, на р.р. Салымъ, Балыкъ и ихъ притоки. Сургутскими остяками по р. Оби управлялъ князь Танга, который подчинилъ себѣ выселившихся балыкскихъ и салымскихъ, а также и ваховскихъ остяковъ, но былъ убитъ въ улусѣ Ниму пимскими остяками, которыхъ онъ хотѣлъ подчинить себѣ. Объ этомъ князѣ среди остяковъ сохранилось слѣдующее преданіе.

Остяцкій князь Танга, по сообщенію юганскихъ остяковъ, жилъ въ 7 верстахъ отъ нынѣшнихъ юртъ Уотскихъ, при урьѣ Монколь, на возвышенной (до 5 саженъ) сопкѣ, расположенной выше устья этого урья на 1 версту. Остяки юртъ Уотскихъ передаютъ, что князь Танга вначалѣ проживалъ по Большому Балыку, въ третьихъ юртахъ отъ устья этой рѣки. Имени отца Танги преданіе не сохранило; относительно его матери остяки передаютъ, что она въ то время, къ которому относится преданіе, была жива. Съ рѣки Балыка Танга перешелъ въ бассейнъ р. Югана, гдѣ занимался промысломъ звѣря. Здѣсь онъ облюбовалъ себѣ вышеуказанную мѣстность при урьѣ Монколь, гдѣ и поселился, вмѣстѣ съ своей матерью и братомъ, на постоянное жительство. Въ это время юганскіе остяки платили уже дань русскому царю. Съ Танги стали также требовать опредѣленной дани. Но Танга не только отказался самъ платить дань, но даже сталъ уговаривать окружающихъ остяковъ, чтобы и они сдѣлали тоже. Остяки согласились и вокругъ Танги собрались недовольные. Когда объ этомъ узналъ русскій царь, то онъ послалъ отрядъ, которому было приказано схватить Тангу вмѣстѣ съ его братомъ. Посланные остановились на ночевку вблизи жилища Танги. Здѣсь, на

берегу рѣки, Танга увидѣлъ одного изъ русскихъ воиновъ и приказалъ своимъ людямъ его убить. Это озлобило посланныхъ и они рѣшили взять Тангу силой. Дождавшись разсвѣта, посланные стали стрѣлять изъ ружей въ его жилище. Предвидя гибель, князь Танга со своей дружиной спрятался въ другое свое жилище, стоявшее на сопкѣ. Послѣднюю Танга приказалъ облить водой, отъ чего она обледенѣла и стала недоступной. Посланные обложили сопку и требовали выдачи Тангн. Мать, видя, что гибель Тангн неминуема, стала уговаривать его сдаться добровольно, и тѣмъ спасти жизнь остальнымъ осажденнымъ. Танга одѣлся въ лучшія собольи одежды и вмѣстѣ съ своимъ братомъ, имя котораго также не сохранилось преданіемъ, сошелъ къ русскимъ. Тѣ окружили его и повели къ русскому царю. На пути отрядъ остановился переночевать на Егутской горѣ. Здѣсь воины отъ сильнаго утомленія крѣпко заснули, а Танга вмѣстѣ со своимъ братомъ бѣжалъ и успѣлъ скрыться. Одинъ изъ воиновъ увидѣлъ бѣгущаго Тангу, но преслѣдовать его было безполезно, потому что онъ, по словамъ преданія, бѣжалъ такъ быстро, что его нельзя было бы догнать даже на самой лучшей лошади. Танга бѣжалъ въ верховья р. Б. Югана и здѣсь скрывался долгое время. Когда смута, произведенная Тангой, улеглась, и о Тангѣ забыли, онъ пришелъ на р. Пимъ, гдѣ и женился. Родственники его жены еще ранѣе слышали, что русскій царь искалъ Тангу и обѣщалъ за него большія деньги; они рѣшили его убить и положили ему въ пищу пангу (сушеный мухоморъ). Когда Танга опьянѣлъ, ему отрубили голову и увезли ее русскому царю. Русскій царь, получивъ голову Тангн, остался очень недоволенъ случившимся, и сожалѣлъ объ убитомъ князѣ, который могъ бы ему оказать большую пользу.

Юганскими остяками во время покоренія Ермакомъ Сибири управлялъ проживавшій въ Купландѣевскомъ улусѣ князь Каюла Саноркинъ, который прогналъ изъ своего улуса бѣжавшихъ отъ Ермака татаръ въ нынѣшній Тарскій округъ. Потомки Саноркина и нынѣ существуютъ по Югану, но родового преимущества предъ другими остяками они не имѣютъ.

Въ настоящее время остяки юридически признаются кочевымъ племенемъ, но въ сравненіи съ самоѣдами ихъ можно считать осѣдлыми.

Одни изъ остяковъ разселены по р. Оби, въ юртахъ, сгруппированныхъ въ небольшіе поселки и имѣющихъ установившееся, опредѣленное названіе. Другіе разселены по обскимъ притокамъ, въ юртахъ, разбросанныхъ по одной—двѣ на громадномъ протяженіи этихъ рѣкъ. Такіе населенные пункты извѣстны, большею частью, по фамиліямъ проживающихъ въ нихъ остяковъ. Для первыхъ средствомъ передвиженія служитъ лошадь, для вторыхъ—олень. Остяки первой группы обитаютъ по берегамъ Оби, съ притоками на всемъ протяженіи, этой рѣки, отъ границы Томской губерніи до г. Березова. Въ Сургутскомъ краѣ

осѣдлые остяки живутъ по р.р. Балыку и Салыму, въ низовьяхъ р.р. Ваха и Югана и въ низовьѣ р. Пазыма Тобольскаго уѣзда, а въ Березовскомъ краѣ—по р.р. Ковинской, Васпухолу и Ендыру, а также въ низовьяхъ Сѣверной Сосвы. Остяки второй группы обитаютъ по остальнымъ обскимъ притокамъ и по р. Оби ниже Березова. Для лошадныхъ остяковъ основнымъ источникомъ существованія служитъ рыболовный промыселъ.

Хотя для второй группы остяковъ средствомъ передвиженія служитъ только олень, тѣмъ не менѣе условія ихъ жизни настолько разнообразны, что они смѣло могутъ быть, въ свою очередь, подраздѣлены на слѣдующія четыре подгруппы:

1) Остяки, обитающіе ниже Березова, являются рыболовами-оленеводами; оленеводство съ избыткомъ обезпечиваетъ имъ средства передвиженія, пищу, одежду и кровъ.

2) Остяки, обитающіе въ бассейнѣ р.р. Пима, Тромъ-Югана, Агана, Назыма и Казыма, а также вогулы, занимаются звѣроловствомъ, рыболовствомъ и олепеводствомъ. Олепеводство лишь въ обрѣзъ обезпечиваетъ имъ средства передвиженія, пищу и одежду. Инородцы, принадлежащіе къ первой и второй подгруппамъ шьютъ одежду изъ оленьихъ шкуръ.

3) Остяки, обитающіе въ бассейнѣ р. Ваха находятся въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ. Единственный объектъ ихъ промысла—бѣлка. Они очень бѣдны. Оленеводство не обезпечиваетъ имъ даже средствъ передвиженія. Одѣваются они въ олепьи шкуры, но ихъ приходится покупать.

4) У остяковъ, обитающихъ въ бассейнѣ р. Югана олепей менѣе, чѣмъ у Ваховскихъ, но, сравнительно съ послѣдними, они народъ богатый. Кромѣ бѣлки, они промышляютъ соболя, оленя и лося. Одежда ихъ приближается къ одеждѣ лошадныхъ остяковъ, но нерѣдко у нихъ встрѣчается и мѣховая.

Кромѣ того, къ особой группѣ необходимо отнести пѣшеходовъ-звѣролововъ, живущихъ по рѣкѣ Малой Сосвѣ и не имѣющихъ ни лошадей, ни олепей. Тамъ сообщеніе производится на лыжахъ.

Остяки не говорятъ повсемѣстно однимъ языкомъ: чуть ли не по каждой рѣкѣ языкъ имѣетъ свои особенности. Въ общемъ, остяцкій языкъ можно раздѣлить на три главныхъ нарѣчія: иртышское, сургутское и березовское или нижне-обское. Первое господствуетъ во всей рѣчной области Иртыша и отъ его устья вверхъ по Оби до р. Салыма. На рѣкѣ Салымѣ уже существуетъ оттѣнокъ языка, составляющій переходъ къ сургутскому нарѣчію. Сургутское нарѣчіе, считающееся самымъ чистымъ, простирается до границы Томской губерніи и проникаетъ даже въ Нарымскій край; оно, въ свою очередь, подраздѣляется на юганское или нижнее, ваховское или среднее и вась-юганское или верхнее. Въ нижне-обскомъ нарѣчіи различаютъ два оттѣнка: кондинскій и обдорскій;

изъ нихъ первый является переходной ступенью между обдорскимъ и первыми двумя главными нарѣчіями,—иртышскимъ и сургутскимъ. Въ обдорское нарѣчіе вошло много словъ самоѣдскихъ, а въ кондинское—вогульскихъ. Въ оттѣнкахъ сургутскаго нарѣчія большой разницы не существуетъ.

Переходя къ выясненію внутренняго уклада жизни остяковъ, я нахожу нужнымъ пояснить, что мнѣ приходилось имѣть близкое соприкосновеніе, главнымъ образомъ, съ сургутскими остяками, на характеристикѣ которыхъ я въ настоящее время и остановлюсь. Въ какой степени характерныя черты жизни этихъ остаковъ относятся къ самоѣдамъ и вогуламъ, я затрудняюсь сказать въ виду своего малаго знакомства съ внутреннимъ укладомъ жизни этихъ народностей.

Остяки въ массѣ отличаются добродушіемъ, готовностью помочь каждому и строгою честностью. Они не питаютъ другъ къ другу никакой вражды и живутъ миролюбиво. Нищенство остякамъ неизвѣстно: каждый бѣдный считаетъ себя въ правѣ придти къ болѣе состоятельному и пользоваться у него пищею, въ особенности послѣ хорошаго улова звѣря или рыбы. Среди нихъ существуетъ даже родъ общественной благотворительности, въ силу которой каждый престарѣлый и неспособный къ труду остякъ, если онъ не имѣетъ родственниковъ, кормится поочередно родичами. Честность остяка особенно сказывается въ его отношеніи къ долгамъ. Не уплатить долгъ, по понятію остяка, равносильно совершенію преступленія. Долги родителей уплачиваются ихъ дѣтьми; долгъ остается неуплаченнымъ только въ томъ случаѣ, когда вымираетъ вся семья должника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за послѣднее время бывали случаи, когда дѣти отказывались платить за своихъ умершихъ родителей, но такіе случаи, какъ исключеніе, встрѣчаются очень рѣдко. Убійства среди остяковъ, въ силу миролюбивости ихъ характера, можно съ увѣренностью сказать, совсѣмъ не встрѣчаются. Остякъ привыкъ уважать чужую собственность; поэтому воровство и обманъ среди нихъ чрезвычайно рѣдки. Сданныя остяку на храненіе вещи берегутся какъ собственныя. Главный порокъ, имѣющій большое распространеніе среди остяковъ—это пьянство. Водку остяки пьютъ всѣ: женщины и мужчины, старые и малые. Остяки даютъ водку даже груднымъ дѣтямъ. Пьянство сопровождается почти всегда ссорами и драками, но послѣднія никогда не осложняются раздорами послѣ отрезвленія и не влекутъ за собой тяжбъ. Самыми важными проступками остяки считаютъ обманъ и прелюбодѣяніе замужнихъ женщинъ. Послѣдній проступокъ наказывается розгами. Напримѣръ, однажды волостной сходъ подвергъ этому наказанію двухъ остячекъ изъ юрть Ермаковыхъ и Покурскихъ.

Говоря о пьянствѣ среди остяковъ, необходимо упомянуть о томъ, что потребленіе водки въ широкихъ размѣрахъ одинаково существуетъ

и у другихъ народностей сѣвера—самоѣдовъ и вогуловъ. Самоѣды съ р.р. Надыма и Ныды научились извлекать изъ водки и матеріальную прибыль, продавая вино своимъ же соплеменникамъ. Обыкновенно они являются въ Сургутъ и даже с. Тундринское раньше всѣхъ инородцевъ, нерѣдко въ концѣ ноября мѣсяца. Продавъ тамъ привезенную рыбу, они закупаютъ только необходимое для своего обихода, большая же часть выручки идетъ на покупку вина, съ которымъ они стремятся назадъ, на встрѣчу движущимся на Сургутъ самоѣдамъ съ р.р. Пура и Таза; съ послѣдними они ведутъ бойкую безпатентную торговлю виномъ, продавая его не дешевле 1 рубля за бутылку. Изъ низовыхъ самоѣдовъ продажей водки занимаются только люди богатые, которые нерѣдко вывозятъ изъ Сургута по нѣсколько десятковъ ведеръ каждый. Они даже спеціально скупаютъ въ Сургутѣ бутылки, чтобы потомъ разливать въ нихъ разбавленную водку. Вообще, эксплуатація своихъ же соплеменниковъ на почвѣ продажи вина практикуется среди самоѣдовъ нерѣдко. Продаваемая водка разбавляется водой почти на половину. Самоѣды ссужаютъ своихъ бѣдняковъ въ долгъ деньгами и олепями, требуя за это уплаты вдвое.

Вогулы, какъ и самоѣды, пользуются продажей водки въ цѣляхъ эксплуатаціи своихъ соплеменниковъ. Водку они покупаютъ, какъ для себя, такъ и по заказу другихъ. Отъ ведра водки, купленной по заказу, вогулъ отбавляетъ обыкновенно до четверти ведра; недостающее количество онъ доливаетъ водой. Заказчикъ, получая такую водку, въ свою очередь разбавляетъ ее, настаивая для крѣпости табакомъ. Такую водку потребитель покупаетъ по 1-1½ руб. за бутылку. Пьянство среди вогуловъ обыкновенно тянется въ теченіе продолжительнаго времени: они пьютъ съ рѣкостава до положенія ясака, во время самаго положенія и даже далѣе, всего около 4 мѣсяцевъ, съ октября по январь. Особенно большіе размѣры пьянство принимаетъ у вогуловъ во время положенія ясака.

Въ іюлѣ 1904 года въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ была введена винная монополія.

Благодаря этому пьянство среди инородцевъ приняло грандіозные размѣры, сѣть казенныхъ винныхъ лавокъ сдѣлала доступъ водки въ районъ инородческихъ поселеній крайне легкимъ, а низкая цѣна ея (48 коп. за бутылку) дала возможность мѣстному населенію потреблять алкоголь въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ это было раньше. Тайная продажа вина по произвольной цѣнѣ продолжаетъ существовать и при монополіи, какъ она существовала до нея. Въ Обдорской винной лавкѣ запасъ вина, достигавшій къ началу 1905 года 5000 ведеръ, былъ раскупленъ еще до наступленія съѣзда самоѣдовъ на ярмарку, когда спросъ на водку обыкновенно усиливается; скуплено оно было зырянами и мѣстными жителями, въ цѣляхъ перепродажи инородцамъ отдален-

ной тундры по произвольной цѣнѣ. Нельзя не упомянуть и о томъ, что винная монополія произвела весьма ощутительный отливъ денегъ изъ края.

Интересно, между прочимъ, что управленіемъ неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, по иниціативѣ должностныхъ лицъ, близко стоящихъ къ интересамъ инородцевъ, были предложены мѣры къ ограниченію сбыта инородцамъ водки, въ цѣляхъ ослабленія возникшаго среди нихъ неумѣреннаго потребленія алкоголя, но этотъ добрый починъ не встрѣтилъ сочувствія со стороны мѣстной губернской администраціи, признавшей, что нѣтъ никакихъ основаній стѣснять инородцевъ въ покупкѣ питей „въ виду безнедоимочной уплаты инородцами ясака (*)“. Очевидно по понятію губернской администраціи единственнымъ мѣриломъ для опредѣленія благосостоянія инородца является исправная или неисправная уплата ясака; на самомъ дѣлѣ, количество взимаемаго съ инородца ясака настолько незначительно (около 90 коп. съ души), что онъ всегда уплачивался имъ безнедоимочно. Но времена мѣняются, и мы надѣемся, что этотъ острый вопросъ о борьбѣ съ алкоголемъ, представляющемъ серьезнѣйшую опасность для благосостоянія инородца, получитъ въ непродолжительномъ времени должное и разумное разрѣшеніе.

Общеніе инородцевъ съ русскими и знакомство ихъ съ бытомъ русскаго крестьянина не остается безъ вліянія на внѣшней и внутренней жизни инородцевъ. Поэтому тамъ, гдѣ среди нихъ разбросаны оазисами русскіе поселки, или сами инородцы проживаютъ вблизи границъ сплошныхъ русскихъ поселеній, наблюдается вліяніе на инородческій бытъ русской культуры. Въ настоящее время инородцы, живущіе въ близкомъ соприкосновеніи съ русскими, мало чѣмъ отличаются отъ послѣднихъ по своему домашнему обиходу и матеріальному благосостоянію, и представляются почти обрусѣвшими. Таковы, напримѣръ, остяки, проживающіе въ Самаровской волости и живущіе по Оби въ Березовскомъ уѣздѣ (между с. Самаровскимъ и г. Березовомъ). Въ западной части Сургутскаго края русская культура сказывается только въ ближайшихъ къ границѣ Самаровской волости населенныхъ пунктахъ: юртахъ Балинскихъ, Сахалинскихъ, Тукаскинскихъ и по р. Салыму. Что касается остальной приобской части Сургутскаго уѣзда, то на протяженіи отъ Сургута до устья р. Ваха, приблизительно на 250 верстъ, среди инородцевъ царитъ бѣдность и грязь. Отъ устья р. Ваха, по мѣрѣ движенія къ Нарымской границѣ, благосостояніе остяковъ значительно улучшается, доходя почти до обезпеченности русскаго населенія. Нужно замѣтить, что культура проникаетъ туда изъ Нарымскаго края. Впрочемъ, на всемъ протяженіи отъ Сургута до Нарымской границы народъ на видъ весьма невзраченъ; много людей, сравнительно не старыхъ, а уже сѣдыхъ, съ головами, покрытыми струпьями; послѣднія встрѣчаются и у дѣтей.

(*) Увѣдомленіе Тобольскаго Губернатора управленію неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей отъ 2 Апрѣля 1905 г. за № 12476.

Глава III.

Религіозный культъ инородцевъ.

Христіанство среди инородцевъ.—Приверженность къ язычеству.—Религіозныя воззрѣнія: Торымъ и другія божества. Обоготвореніе физическихъ предметовъ (фетишизмъ).—Медвѣдь, какъ предметъ особого почитанія.—Остяцкая легенда о происхожденіи міра.—Вогульская легенда о сотвореніи міра и происхожденіи человѣка.—Представленіе о загробной жизни.—Идолы и жертвоприношенія.—Описаніе сфотографированныхъ предметовъ религіознаго культа.—Шаманы и ихъ роль въ жизни инородцевъ.—Обрядовая сторона религіи инородцевъ: отсутствіе праздниковъ; пари—моленіе о благополучномъ промыслѣ; описаніе жертвоприношенія лошади; погребальные обряды; медвѣжья вечерка.—Образцы нѣкоторыхъ пѣсенъ и разсказовъ, которые поются на медвѣжьей вечеркѣ.—Нѣкоторыя религіозно-обрядовыя особенности остяковъ Березовскаго уѣзда: а) у Куноватскихъ остяковъ, б) у Кондинскихъ остяковъ, в) у Казымцевъ.

Незнаніе инородцами русскаго языка, ихъ невѣжество и вытекающая отсюда полная неосвѣдомленность въ дѣлѣ выясненія основъ христіанской религіи, въ связи съ невозможностью частаго посѣщенія церкви, вслѣдствіе отдаленности ея,—все это является причиною того, что христіанская религія для инородца совершенно мертва. Крещеный инородецъ выполняетъ христіанскіе обряды по принужденію и безсознательно. Совсѣмъ иначе онъ относится къ своимъ языческимъ обрядностямъ. Здѣсь онъ участвуетъ сердцемъ, понимаетъ и поэтому выполняетъ ихъ въ точности. Свои языческія вѣрованія онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ, и, какъ всякія традиціи, они вошли въ его плоть и кровь.

Инородцы Тобольскаго сѣвера офиціально считаются православными христіанами; въ дѣйствительности же они только числятся таковыми. Правда, многіе изъ инородцевъ имѣютъ на шеѣ крестъ, вѣшаютъ въ своихъ юртахъ иконы, но этимъ и исчерпывается вся ихъ связь съ христіанской религіей. По крайней мѣрѣ, крещеный инородецъ, не покидая своихъ боговъ, переноситъ на новую религію свои прежнія языческія понятія и воззрѣнія. Вотъ почему религіозные взгляды инородцевъ представляютъ изъ себя смѣсь плохо привившагося христіанства и язычества съ преобладаніемъ послѣдняго.

Инородцы признаютъ существованіе верховнаго всемогущаго существа („Торымъ“—у остяковъ и вогуловъ и „Нумъ“--у самоѣдовъ), но представленіе о немъ туманно и неопредѣленно. По воззрѣніямъ остяковъ (религіозныя понятія которыхъ мнѣ болѣе извѣстны), Торымъ—богъ свѣта, безплотный духъ, одинъ для всѣхъ вѣковъ, странъ и народовъ. Хотя въ рукахъ Торыма находится судьба всего міра, тѣмъ не менѣе прямого отношенія къ человѣку онъ не имѣетъ. Непосредственное, ближайшее участіе въ жизни людей принимаютъ низшія божества, съ настроеніемъ которыхъ остяку приходится считаться въ своемъ повседневномъ быту. Эти низшія существа, среди которыхъ есть добрыя и злыя, населяютъ окружающую природу; всѣ они имѣютъ божественное происхожденіе и находятся въ подчиненіи у Торыма. Число ихъ, равно какъ и опредѣленная сфера ихъ дѣятельности, выражающаяся въ по-

кровительствѣ тому или иному мѣсту, тому или иному промыслу—у разныхъ инородцевъ разнообразны. По понятіямъ сургутскихъ остяковъ, у Торыма три сына и одна дочь.

1) Капъ-Ики—мѣстопребываніе его гдѣ-то въ окрестностяхъ Троицкихъ юртъ (Березовскаго уѣзда); онъ покровительствуетъ людямъ.

2) Вопъ-Ики (онъ же Вайгартсанкъ-Ики) или Николай Чудотворецъ—обитаетъ въ верховьяхъ р. Оби; онъ покровительствуетъ звѣроловному промыслу. Остякъ, отправляясь на промыселъ, вѣшаетъ на деревья прикладъ, даръ этому богу, дѣлаетъ поклоны, приговаривая: „возьми, Вопъ-Ики (или Вайгартсанкъ-Ики) и пошли мнѣ хорошій промыселъ".

3) Ипкъ-Ики (онъ же Асъ-Ики)—мѣстопребываніе его въ водѣ; онъ покровительствуетъ рыболовству.

У Торыма нѣкогда былъ еще четвертый сынъ—Михаилъ, но, сверг-нутый за непослушаніе съ неба, онъ пересталъ быть богомъ.

Дочь-Чарасъ-Най,—мѣстопребываніемъ ея служитъ то мѣсто моря, гдѣ оно становится огненнымъ; она покровительствуетъ убыли воды, когда обиліе послѣдней дѣлается неблагопріятнымъ для рыболовства. Отъ нея же произошли на землѣ и люди: она, по повелѣнію Торыма, родила сына и дочь и велѣла имъ размножаться на землѣ.

Кромѣ упомянутыхъ боговъ, по понятіямъ остяковъ, существуетъ еще злое божество-Коплюпгъ-Ики, иначе называемый ими чертомъ.

Кромѣ указанныхъ выше божествъ, остяки почитаютъ камни, отдѣльныя деревья и т. п., служащіе для нихъ предметомъ поклоненія въ своемъ естественномъ видѣ. Изъ этихъ предметовъ становятся для нихъ священными только тѣ, которые представляютъ что либо выдающееся, особенно по своимъ размѣрамъ, или представляютъ по своей внѣшней формѣ, хотя бы даже отдаленное сходство съ фигурой человѣка или животнаго. Большею частью среди остяковъ наблюдается поклоненіе возвышеннымъ мысамъ или горамъ, въ особенности, если на нихъ встрѣтится какой нибудь большой камень или громадное дерево. Самое поклоненіе выражается въ томъ, что на нихъ вѣшаютъ ситцы, шали, шкуры лошади, овцы или оленя и даже кладутъ деньги.

Изъ такихъ священныхъ мѣстъ мнѣ извѣстна высокая сопка, называемая „Колокольней" и расположенная по р. Кулъ-етану у юртъ Тюмкинихъ, затѣмъ, Егутская гора по р. Югану; Каменный мысъ, на 3 версты выше г. Сургута; Барцевъ мысъ, на 8 верстъ ниже Сургута; на послѣднемъ находится большой круглый камень.

То же самое можно сказать и о самоѣдахъ: камни, служащіе предметомъ поклоненія, имѣютъ для нихъ такое же значеніе, какъ и семейные идолы остяковъ: поэтому такіе камни, если это позволяютъ ихъ размѣры, самоѣды возятъ съ собой на особой („шайтанской") нартѣ.

Кромѣ того, изъ деревьевъ предметомъ ихъ поклоненія служитъ лишь сырорастущая лиственница, и то по указанію шамана. У нихъ

существуютъ, помимо священныхъ сопокъ, священныя воды. Свое поклоненіе самоѣды такъ же, какъ и остяки, выражаютъ въ томъ, что вѣшаютъ ситцевые лоскутки и, кромѣ того, совершаютъ жертвоприношенія; въ послѣднемъ случаѣ изъ принесеннаго въ жертву оленя они оставляютъ на священномъ мѣстѣ только кости и черепъ съ рогами; черепъ непремѣнно вѣшаютъ на близъ стоящемъ деревѣ.

Нѣкоторою степенью богопочитанія пользуется у остяковъ медвѣдь. Медвѣдь, по ихъ понятію, является представителемъ справедливости на землѣ. По происхожденію онъ—сынъ Торыма и нѣкогда жилъ съ нимъ на недосягаемой высотѣ. Свергнутый съ неба за гордость, онъ упалъ нагой на землю между двумя деревьями и въ таковомъ положеніи лежалъ долгое время, такъ что даже обросъ мохомъ. Тогда онъ обратился къ Богу съ мольбой, чтобы Онъ его освободилъ и даровалъ ему вольную жизнь, не отнимая въ то же время его высокаго происхожденія. Богъ сказалъ ему: „Дарую тебѣ жизнь,—будь медвѣдемъ! Народъ будетъ бояться тебя и будетъ клясться тобой—вотъ тебѣ одинъ даръ отъ неба; а все-таки тебя будутъ убивать и хоронить съ почестями“. Мохъ сталъ на немъ шерстью. Нѣкоторыя свои божественныя свойства медвѣдь не утратилъ и въ настоящее время: даже мертвый, онъ все знаетъ и все видитъ; поэтому среди остяковъ распространена клятва надъ головой или лапой медвѣдя. Остякъ, нарушившій клятву или вообще провинившійся предъ Торымомъ, неминуемо долженъ быть заѣденъ медвѣдемъ, который при встрѣчѣ съ человѣкомъ становится на заднія лапы, чѣмъ испрашиваетъ у Торыма, велитъ ли онъ ему задрать этого человѣка.

По поводу происхожденія медвѣдя, а въ связи съ нимъ и всѣхъ звѣрей, среди остяковъ существуетъ еще другой варіантъ преданія.

За грубость своего характера и непослушаніе одинъ изъ сыновей Торыма былъ свергнутъ на землю. Эти свои качества онъ проявилъ въ томъ, что, будучи сильнымъ, постоянно обижалъ своего брата Николая, несмотря на неоднократныя увѣщанія Торыма. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Торымъ изрекъ свой приговоръ надъ непослушнымъ сыномъ и сказалъ ему: „звали тебя Михаломъ, а отнынѣ ты будешь медвѣдемъ, потомствомъ твоимъ будутъ звѣри, а на тѣлѣ ихъ шерсть, но разумъ у тебя будетъ тотъ же: ты будешь знать все“. Свергнутый съ неба, онъ упалъ на землю и зацѣпился въ верхнихъ развилинахъ между двухъ деревьевъ, на высотѣ 3 саженъ отъ земли. Здѣсь онъ умеръ и сталъ разлагаться; въ немъ завелись черви и стали падать на землю,—упадетъ большой червь и явится большой звѣрь, упадетъ маленькій червь и явится маленькій звѣрь, такимъ образомъ, въ лѣсахъ появились звѣри.

У самоѣдовъ медвѣдь не пользуется поклоненіемъ, какъ у остяковъ, хотя въ то же время о его происхожденіи у нихъ существуетъ легенда, по которой медвѣдь нѣкогда былъ человѣкомъ, но, проклятый своимъ отцомъ, превратился въ звѣря.

Охота на медвѣдя, по понятіямъ остяка, дозволена людямъ самимъ Торымомъ и потому заканчивается, въ случаѣ успѣха, нѣкоторыми религіозными церемоніями („медвѣжья вечерка").

Каждая народность, на какой бы ступени развитія она ни находилась, имѣетъ тѣ или иныя религіозныя представленія о началѣ міра. Несомнѣнно имѣютъ ихъ и сѣверные инородцы, но, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось лично ознакомиться съ этого рода вѣрованіями инородцевъ. Поэтому въ настоящемъ своемъ очеркѣ я лишь привожу двѣ легенды: остяцкую, дословно заимствованную у А. Штернберга, изъ „Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея", вып. XII, и вогульскую, изложенную мною на основаніи матеріала, любезно предоставленнаго мнѣ березовскимъ исправникомъ г. Евсѣевымъ.

ОСТЯЦКАЯ ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНІИ МІРА*).

Не было ни земли ни воды, былъ только одинъ Нумъ-Торумъ (Вышній Богъ). Былъ у Торума хотъ-домъ въ воздухѣ; на разстояніи трехъ аршинъ отъ дверей (оу) лежала доска (согылъ), и только по этой доскѣ ходилъ Нумъ-Торумъ, когда онъ выходилъ изъ дому. И ѣлъ и пилъ онъ только медъ (мау) и суръ**). День и ночь онъ бывалъ дома, только два-три раза въ день выходилъ гулять. Когда онъ приходилъ съ прогулки, то садился на мѣсто-перину,—садился и думалъ. Однажды, во время его размышленія, капнула капля сверху на столъ. Капля скатилась со стола, упала на полъ и вышелъ младенецъ-женщина (Еви). Еви***), маленькая дѣвочка, открыла дверь (оу пушмэсъ) и вошла въ другую горницу. Когда она одѣлась въ этой комнатѣ въ платье, неизвѣстно откуда полученное, и вышла къ Нуму, то онъ бросился къ ней на шею, поцѣловалъ ее и сказалъ ей: „будемъ съ тобою вѣкъ жить". Долго ли, коротко ли они жили, но у нихъ родился сынъ (пыгь-похъ). Сынъ росъ очень быстро, потому что такіе люди растутъ быстро, и вышелъ однажды на преддверную доску гулять. Отецъ и мать говорили ему: „далеко не ходи, ты можешь съ этой доски упасть". Онъ ихъ успокоилъ, говоря, что не упадетъ. Вдругъ сверху спустилась бумага (пэбэкъ) прямо къ сыну Нума и прильнула къ ладони правой руки. Бумага эта поднялась вмѣстѣ съ нимъ кверху, и онъ пришелъ къ дѣдушкѣ. Тотъ его спросилъ: „Ты пришелъ ко мнѣ?"—„Да, я пришелъ". „Какъ поживаешь?"—„Ничего, живу". Дѣдушка спросилъ его: „Что у

---

*) Записана со словъ остяка Никиты Кипдышева и послѣ провѣрена путемъ перекреснаго разспроса у 5 человѣкъ. Несомнѣнно, что въ легендѣ имѣется значительная часть наноснаго элемента, но многіе остяки считаютъ эту легенду народно-остяцкой. А. Ш.

**) Суръ—по остяцки—пища, по зырянски—родъ кваса или пива. (А. П. Энгельгардтъ. «Русскій Сѣверъ»). А. Ш.

***) Еви—по остяцки—женщина. Интересно это совпаденіе остяцкаго названія женщины Еви и библейскаго Ева. А. Ш.

тебя есть тамъ, внизу, кромѣ домика, широко ли тамъ или узко?“ И онъ отвѣтилъ ему: „Ничего не знаю, широко или узко“.—„А есть ли вода или земля?“—„Ничего не знаю; внизъ смотрю: вездѣ широко, не видно ни земли ни воды“. Тогда дѣдушка далъ ему въ руку земли и ту бумажку, съ которой онъ поднялся кверху, и спустилъ его обратно въ домикъ къ Нуму-Торуму, сказавъ ему на прощанье: „Когда ты спустишься домой, то сбрось съ преддверной доски землю внизъ“. Когда онъ спустился, то землю всю высыпалъ внизъ и пришелъ въ домъ, который былъ золотой (сорни). Тогда отецъ и мать спросили его, гдѣ онъ такъ долго ходилъ. Онъ имъ отвѣтилъ, что былъ на улицѣ, на доскѣ, и игралъ. На другой день дѣдушка самъ спустился въ золотой домъ Нумъ-Торума. Его напоили и накормили. Дѣдушка спросилъ у мальчика: „Знаешь ли ты, кто больше: сынъ или отецъ?“ Онъ отвѣтилъ ему, что отецъ-богъ выше сына. Отецъ и мать стали спорить, что есть одинъ богъ. Дѣдушка сказалъ имъ: „У васъ ума нѣтъ, маленькій умнѣе васъ“. Затѣмъ дѣдушка скрылся. На другой день мальчикъ вышелъ опять на ту же доску, посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ землю, но лѣсу нѣтъ. Тогда онъ прибѣжалъ къ родителямъ и сказалъ, что увидѣлъ землю и сталъ просить пустить его внизъ. Его посадили въ золотую люльку (зыбку) и спустили на веревкѣ внизъ. Когда онъ, спустясь, правую ногу выставилъ изъ люльки на землю, то нога стала тонуть какъ будто бы въ няшѣ (ось-ляхъ). Тогда отецъ обратно поднялъ его. Мальчикъ разсказываетъ, что спустился, но земля жидкая. Мать стала говорить: „Ну, ладно, сынокъ, завтра спустимся вмѣстѣ, сама посмотрю“. На завтра, ранёнько утромъ, спустились оба въ люлькѣ. Спустились оба внизъ, и вотъ мать, дѣйствительно, увидѣла, что земли нѣтъ, а жидкое болото. Она сначала стала на ноги, потомъ пришлось нагнуться и уцѣпиться руками. И вотъ стала она тонуть и скоро совсѣмъ скрылась. Мальчикъ остался и заплакалъ. Наконецъ, онъ потянулъ за веревку, и отецъ его поднялъ и сталъ спрашивать: „Почему плачешь и гдѣ мать?“—„Мать“, говоритъ онъ, „утонула въ болотѣ“. Отецъ сталъ его утѣшать и сказалъ: „Скоро ли, долго ли, но всѣ все равно умремъ“.

Скоро однако мать вышла изъ горницы, смѣющаяся и стала говорить сыну: „Зачѣмъ ты плакалъ? Все равно, когда міръ будетъ на землѣ, то дѣти будутъ также оплакивать своихъ родителей. Скоро будутъ деревья и трава на землѣ; потомъ народятся вездѣ люди“. На другой день поутру мальчика опять спустили на землю. Онъ вышелъ изъ люльки и побѣжалъ по землѣ: болота не было, земля укрѣпилась (му така исъ). Мальчикъ изъ земли сдѣлалъ 2-хъ человѣкъ, мужчину и женщину, и когда онъ на нихъ дунулъ, они стали живыми (лылынгъ-ханэхо). Потомъ Богъ создалъ морошку (мурахъ) и брусничку—красную ягоду (урды-рыхъ). И сказалъ Нумъ-Торумъ людямъ: „Вотъ вамъ мурахъ и урды-рыхъ,—морошка и красная ягода,—питайтесь ими“. Потомъ

онъ имъ сказалъ: „Когда я уйду отъ васъ, то придетъ куль (чертъ) и будетъ васъ соблазнять (хусь-лэ). Вы ему не вѣрьте, пока я не приду самъ; когда приду самъ, то скажу иначе“. Когда онъ пошевелилъ веревкой, его подняли кверху. Тогда куль пришелъ къ вновь сдѣланнымъ людямъ и сталъ спрашивать: „Что? Торумъ повелѣлъ вамъ ѣсть морошку и красную ягоду?“ И онъ далъ имъ горсть черемухи (люмъ) и сказалъ: „Вы ѣдите морошку и красную ягоду—отъ нея сытности нѣтъ, а вотъ если съѣсть эту горсть черемухи, то навсегда будешь сытъ“. Они не думали ѣсть, но куль уговорилъ ихъ. Они съѣли, и почувствовали, что сыты. Куль скрылся (манэсъ). Они продолжали ѣсть черемуху. Когда Торумъ пришелъ на землю и сталъ спрашивать, что они ѣдятъ, они показали. Потомъ онъ опять сталъ показывать, что нужно ѣсть. „Зачѣмъ вы послушались куля: онъ соблазнилъ васъ!“ Когда Торумъ пошевелилъ ихъ рукой, они упали въ разныя стороны мертвые (халсъ). Когда потомъ Торумъ дунулъ опять на нихъ, они опять ожили. Потомъ онъ имъ сказалъ: „Я васъ оживилъ, смотрите—придетъ опять куль, будетъ васъ соблазнять,—вы его не слушайте; ѣшьте мурахъ и урдырыхъ, которыя я повелѣлъ вамъ ѣсть раньше“. Затѣмъ онъ создалъ зайца, и сказалъ имъ: „Этого можно ѣсть“. Затѣмъ позволилъ имъ ѣсть и малину (урмыль). „Смотрите“, сказалъ онъ имъ на прощанье: „не давайте себя соблазнять кулю; вѣдь вы уже были мертвые; вѣрьте, это—потому, что дали себя соблазнить дьяволу. Теперь я васъ оставлю еще здѣсь, и если куль будетъ васъ соблазнять, не слушайте его словъ, пока я не приду“. И показалъ онъ имъ 3 дерева: сосну (унжы), лиственницу (нанкъ) и березу (халь-сумытъ). Послѣ ухода Торума явился куль и сталъ говорить: „Зачѣмъ вамъ ѣсть эту малину? что въ ней сытнаго? А вотъ есть кедръ (погырь-юхъ), высокое дерево, на немъ шишки (погыръ); возьмите эту шишку, и будетъ у васъ полная горсть орѣховъ, и вы будете сыты“. Когда они съѣли эту шишку, то увидѣли, что они нагіе, и стали другъ друга стыдиться и потомъ соблазнились другъ другомъ и согрѣшили. Послѣ этого они спрятались въ траву (торыъ). Когда пришелъ Торумъ и сталъ ихъ звать, они стали откликаться чуть слышно. „Почему вы спрятались?“ спросилъ онъ ихъ. Когда онъ подошелъ къ нимъ, они оба сидѣли на землѣ и встать на ноги не могли. И сказалъ имъ Торумъ: „Вотъ я создалъ оленей (ули), овечекъ (ошъ), зайцевъ (шоуръ), коровъ (миссъ) и лошадей (лоу); когда будете ихъ употреблять, то кожей ихъ будете одѣваться. Когда я говорилъ вамъ, что нужно ѣсть, вы не исполнили, теперь оставайтесь на землѣ“.

Не оставилъ Торумъ имъ ни огня (тутъ), ни котла (путъ), оставилъ только сырое мясо (пяръ-пьогы) и самъ ушелъ вверхъ, на небо. Спустя нѣкоторое время Торумъ посмотрѣлъ съ неба внизъ и увидѣлъ неисчислимое количество людей на землѣ, и столько стало людей, что стало тѣсно и они стали воевать другъ съ другомъ.

„Что выйдетъ изъ этого?“ подумалъ Торумъ: „надо дать имъ зиму, чтобы они мерзли“. И народъ сталъ мерзнуть и умирать отъ мороза. Потомъ Торумъ сталъ размышлять, отчего осталось такъ мало народу, да и оставшіеся—какіе-то полуживые“. И онъ опять спустился на землю. Ходилъ по землѣ и думалъ, и увидѣлъ камень (кевъ) и приложилъ руку къ этому камню, и пошелъ жаръ отъ этого камня. Возлѣ этого камня лежалъ маленькій камень. Когда онъ взялъ этотъ маленькій камень и ударилъ о большой, то большой разсыпался и потомъ изъ него вышла женщина-огонь. Отъ камня пошла дорога (юшъ), неизвѣстно куда ведшая, но страшно широкая. Тогда еще изъ камня образовалась не цѣлая лодка (хопъ); то ли носъ, то ли корма ея—неизвѣстно. Взялъ Торумъ опять каменки и сталъ другъ о друга ударять,—и показался огонь. Тогда Торумъ сдѣлалъ изъ березовой коры трутъ (пытъ), изрубилъ дерево, накололъ дровъ и развелъ огня. Когда онъ разложилъ огонь, то собралъ народъ и сталъ отогрѣвать у этого огня. Потомъ сталъ онъ думать о томъ, что нельзя людямъ жить безъ варева (горячей пищи), и сдѣлалъ котелъ (изъ желѣза ли, изъ камня ли—неизвѣстно). И онъ принесъ въ этотъ котелъ воды, повѣсилъ котелъ на палки, убилъ скотину (то ли корову, то ли овцу—неизвѣстно), и когда все сварилось, Торумъ самъ сѣлъ, закусилъ—и ему показалась пища вкусной. Накормилъ онъ остальныхъ, оставшихся въ живыхъ, сказавъ имъ: „Вотъ я вамъ показалъ примѣръ, какъ вамъ варить; вотъ огонь, вотъ вода; какъ я дѣлалъ, такъ дѣлайте и вы. Если будете зябнуть, разложите огонь—отогрѣетесь. Что добудете и что гдѣ достанете—вотъ такъ варите и пеките, и питайтесь той пищей, которую я вамъ посовѣтовалъ“. Потомъ онъ имъ показалъ, какъ добывать птицу перевѣсами, рыбу—гимгами (пунъ), какъ неводить, какъ колыдашить, и всякіе промыслы. Затѣмъ сказалъ народу: „Больше я не приду къ вамъ; такъ и живите“.

Когда Торумъ поднялся вверхъ, то спустя нѣкоторое время сталъ опять смотрѣть внизъ на землю и видитъ, что опять народъ размножился. Всѣ трудятся. И сталъ думать: „Вотъ сколько расплодилось народу; соблазнилъ ихъ дьяволъ“. Сталъ Торумъ звать куля къ себѣ и сталъ говорить: „Ты безъ моего позволенія никого не тронь, не соблазняй, пока не скажу. Когда скажу, укажу на стараго или молодого, того и возьмешь. Половину народа ты возьмешь, а половина останется мнѣ“.

ВОГУЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНІИ МІРА И ПРОИСХОЖДЕНІИ ЧЕЛОВѢКА.

Вначалѣ земли не было,—была одна только вода. Богъ рѣшилъ сотворить землю и человѣка, для чего приказалъ большой птицѣ—гагарѣ („лула“) нырнуть въ воду и достать оттуда земли. Но большая лула земли достать не могла. Тогда Богъ послалъ малую луду. Та глу-

боко нырнула въ воду, и пробыла тамъ три дня. Когда она вынырнула на поверхность воды, изъ клюва у нея показалась кровь, а вмѣстѣ съ кровью тамъ оказалась и жидкая земля. Земля эта стала быстро расти, и чрезъ непродолжительное время изъ нея образовался островъ, на которомъ съ такою же быстротой стали расти деревья. Когда островъ сталъ большимъ, Богъ создалъ первыхъ людей—мужчину („пырысь“) и женщину („эква“). Пырысь построилъ себѣ юрту и сложилъ въ ней чувалъ. Въ первый же день ему захотѣлось узнать, насколько велика земля, на которой онъ жилъ. Для этой цѣли онъ приказалъ ворону, который тогда былъ бѣлымъ, облетѣть весь островъ кругомъ. Пока у пырыся варился котелъ, воронъ успѣлъ облетѣть всю землю, и вернуться обратно. На другой день утромъ пырысь опять послалъ ворона съ тою же цѣлью, и воронъ вернулся обратно только вечеромъ. На слѣдующій день утромъ воронъ опять былъ посланъ осмотрѣть землю, и вернулся назадъ лишь на третій день. На этотъ разъ онъ вернулся чернымъ: облетая землю, воронъ захотѣлъ ѣсть, но ничего не нашелъ, чѣмъ бы утолить свой голодъ; случайно онъ увидѣлъ падаль, и, мучимый сильнымъ голодомъ, наѣлся этой падали, отчего изъ бѣлаго превратился въ чернаго; съ того времени воронъ сталъ питаться трупами и падалью. Пырысь послѣ этого еще разъ послалъ ворона узнать о землѣ, и воронъ больше къ человѣку не возвращался. За то, что лула достала землю, пырысь рѣшилъ никогда не бить ее, и съ тѣхъ поръ эта птица вогулами не ловится. Пырысь, не дождавшись ворона, захотѣлъ самъ идти осмотрѣть землю. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ себѣ лукъ и стрѣлы, взялъ съ собой котелокъ для варки пищи и отправился утромъ изъ юрты. Въ полдень пырысь захотѣлъ ѣсть. Онъ убилъ птицу, очистилъ ее отъ перьевъ, выпотрошилъ и положилъ въ котелокъ, въ который вода сама налилась. Котелокъ онъ подвѣсилъ между двухъ валежинъ, и подъ нимъ самъ собою образовался огонь. Сварившп себѣ пищу, пырысь наѣлся и пошелъ дальше. Но сколько онъ не ходилъ, а конца земли не нашелъ, и усталый вернулся обратно въ свою юрту. Пырысь все же рѣшилъ во что бы то ни стало обойти всю землю, а такъ какъ пѣшкомъ далеко уйти нельзя, онъ вздумалъ сдѣлать себѣ копя. Съ этой цѣлью онъ сломалъ дерево, росшее у его юрты, и сдѣлалъ изъ него копя. Но бѣгъ этого коня не удовлетворилъ пырыся. Тогда онъ устроилъ себѣ кузницу, и приковалъ къ коню семь крыльевъ,—три съ одной стороны, и четыре—съ другой. На такомъ крылатомъ конѣ пырысь отправился осматривать землю; но такъ какъ у коня крылья были распредѣлены неравномѣрно, отчего одна сторона дѣйствовала сильнѣе другой, то семикрылый конь постоянно дѣлалъ круги въ одну сторону. Тогда пырысь устроилъ себѣ восьмикрылаго коня, и на такомъ конѣ отправился въ путь. Долго онъ осматривалъ землю, но не нашелъ ни конца ея, ни существа, которое было бы ему подобно, и возвратился обратно въ свою

юрту. Войдя въ юрту, онъ увидѣлъ, что въ чувалѣ едва тлѣетъ огонекъ; онъ наступилъ на него ногой, и загасилъ. Сидѣвшая въ юртѣ эква, успѣвшая за время послѣдняго путешествія пырыся стать старухой, не узнала своего мужа и закричала на него: „Зачѣмъ ты загасилъ огонь, зажженный моимъ пырысемъ, котораго я такъ долго ожидаю. Тогда пырысь схватилъ экву за косы, ударилъ ее объ полъ юрты и эква стала попрежнему молодой. Она зажгла въ чувалѣ повый огонь и стала варить своему пырысю котелъ. Отъ пырыся и эквы произошелъ весь вогульскій родъ. Когда родъ размножился, люди стали постоянно ссориться между собою изъ-за мѣстъ для звѣриной охоты. Жить всѣмъ вмѣстѣ стало невозможно и весь родъ раздѣлился на двѣ половины: одна половина ушла искать себѣ новыхъ мѣстъ для промысловъ, а другая—осталась на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Первая половина раздѣлилась на разные роды, и изъ пея образовались различныя племена и народности, разсѣявшіяся по всей землѣ, а изъ оставшихся на мѣстѣ образовались вогулы.

Представленія остяковъ о загробной жизни, естественно, создались подъ вліяніемъ тѣхъ условій, при какихъ имъ приходится жить. На томъ свѣтѣ человѣкъ, по понятіямъ остяковъ, также нуждается въ пищѣ и доеждѣ, какъ и здѣсь. Но достать все это тамъ очень трудно; поэтому всякаго умершаго при погребеніи снабжаютъ необходимыми предметами и даже пищей. На томъ свѣтѣ существуютъ особыя мѣста для худыхъ людей и особыя—для добрыхъ. Но представленіе объ этихъ мѣстахъ у остяковъ очень смутно. Мѣста для худыхъ людей представляются имъ темными; тамъ умершіе живутъ очень бѣдно, постоянно работаютъ и съ такимъ же трудомъ, какъ и въ этой жизни, добываютъ себѣ средства къ существованію. Въ противоположность этому, мѣста, предназначенныя для добрыхъ людей, являются свѣтлыми, хорошими; тамъ люди не работаютъ, потому что и одежду и пищу они получаютъ въ готовомъ видѣ отъ Торыма. Впрочемъ, худые люди не сразу идутъ въ предназначенное имъ темное мѣсто: они предварительно должны еще нѣкоторое время горѣть въ огнѣ. На томъ свѣтѣ такъ же, какъ и здѣсь, русскіе помѣщаются отдѣльно отъ остяковъ.

Чтобы имѣть болѣе наглядное представленіе о божествѣ, остяки дѣлаютъ себѣ идоловъ. Послѣдніе бываютъ изъ дерева и представляютъ собою грубыя изображенія людей (рѣдко животныхъ). По своему значенію, идолы дѣлятся на родовыхъ и семейныхъ (пенаты). Родовые идолы являются достояніемъ цѣлаго рода. Они помѣщаются въ особыхъ мѣстахъ, чаще всего—въ глубинѣ лѣсовъ, недоступной постороннему человѣку. Въ жертвоприношеніяхъ этимъ идоламъ принимаетъ участіе шаманъ. Самыя жертвоприношенія имъ заключаются въ закалываніи одного или нѣсколькихъ животныхъ, въ различныхъ прикладахъ, дарахъ,—

одеждахъ, которыя надѣваются на идоловъ, кускахъ матерій, бусахъ и т. п. Семейные идолы являются покровителями извѣстнаго опредѣленаго семейства; поэтому жертвоприношеніе имъ является обязательнымъ только для членовъ даннаго семейства. Болѣе употребительной формой жертвоприношенія этого рода идоламъ служитъ обмазываніе губъ идола рыбьимъ жиромъ или кровью заколотаго для домашнихъ потребностей животнаго. Семейные идолы обыкновенно хранятся остяками въ особыхъ шкатулкахъ. Послѣднія, въ силу этого, служатъ предметомъ особыхъ заботъ членовъ семейства. Въ жертвоприношеніяхъ семейнымъ идоламъ шаманъ не участвуетъ.

Въ цѣляхъ наглядnаго представленія объ идолахъ и предметахъ религіознаго культа инородцевъ я сдѣлалъ фотографическіе снимки съ коллекціи этого рода, находящейся въ Тобольскомъ губернскомъ музеѣ, и составилъ описаніе сфотографированныхъ мною предметовъ. То и другое прилагается ниже.

ПРЕДМЕТЫ РЕЛИГІОЗНАГО КУЛЬТА.

(Коллекція Тобольскаго губернскаго музея).

ОСТЯЦКІЕ ИДОЛЫ И СВЯЩЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ.
(Рис. 15).

1.—Остяцкій идолъ; сдѣланъ изъ обрубка дерева, одинъ конецъ котораго имѣетъ конусообразную форму (подобіе головы); на немъ рельефно вырѣзанъ носъ и выдолблены впадины на мѣстѣ глазъ и рта. На головѣ (сверху) надѣта сукопная бахромка; туловище украшено, въ знакъ особаго почитанія, разноцвѣтными полосками ситца и кускомъ грубаго сѣраго сукна. Длина идола—165 сантиметровъ.

2.—Остяцкій деревянный идолъ съ грубо обстроганной головой, на лицевой сторонѣ которой вырѣзанъ выпукло носъ, сдѣланы очертанія овальной формы на мѣстахъ глазъ и рта. На головѣ надѣтъ ветхій суконный колпачекъ на ситцевой подкладкѣ съ кожанымъ козырькомъ; туловище убрано ситцевыми яркими лоскутьями и полоской сѣраго грубаго сукна. Длина идола—148 сантиметровъ.

3.—Остяцкій идолъ; сдѣланъ изъ дерева; одинъ конецъ имѣетъ форму головы съ конусовидной макушкой, на другомъ—выточены ноги, обвернутыя коричневымъ ситцевымъ лоскуткомъ. На головѣ надѣта шапка, въ видѣ колпачка, сшитая сухожиліями изъ четырехъ трехугольныхъ кусковъ краснаго и желтаго сукна на шелковой подкладкѣ такой же формы; вершина шапки увѣнчана кистью изъ зеленаго шелка и красной шерсти; по краю шапка обшита мѣховой опушкой. Шапка привязана на головѣ шерстяной малиновой тесьмой, которая спускается на спину и опоясываетъ другимъ концомъ туловище.

На идолѣ надѣто семь длинныхъ рубашекъ, сшитыхъ изъ разнаго ситца, а сверху—кафтанъ изъ темнозеленаго сукна, рукава котораго обшиты узкой полоской краснаго сукна; у ворота кафтанъ окаймленъ красной шелковой лентой, къ которой, въ знакъ особой благодарности (какъ жертва идолу), привязано пять шелковыхъ платковъ яркихъ цвѣтовъ (желтый, зеленый, розовый, красный и переливчатый, такъ называемый „санъ-женъ“). Длина идола—72 сантиметра.

Идолъ этотъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ Тобольскаго музея, былъ подброшенъ въ Щекурьинскую церковь (Березовскаго уѣзда).

4.—Остяцкій деревянный идолъ; одинъ конецъ его конусообразно заостренъ; на немъ выдолблены углубленія на мѣстѣ глазъ и рта и выточенъ носъ; другому концу придана форма ногъ. Идолъ наряженъ въ „парку“ („гусь“) и подпоясанъ по срединѣ шерстяной опояской; на ногахъ надѣты кисы изъ оленьей шкуры. Длина идола—72 сантиметра.

5.—Остяцкій идолъ; сдѣланъ изъ небольшого куска дерева (баклажки); одному концу придана форма острококечной головы съ вырѣзанными глазами, носомъ и ртомъ; противоположный конецъ тупой; рукъ и ногъ нѣтъ. На головѣ надѣтъ суконный желтый колпачекъ, въ родѣ башлыка, съ кисточками; туловище прикрыто бѣлымъ и желтымъ суконцемъ, сшитымъ на подобіе юбки, съ красной ситцевой оборкой. Длина идола—35 сантиметровъ.

6.—Берестяная маска, надѣваемая остяками и самоѣдами при священной пляскѣ въ честь убитаго медвѣдя („медвѣжья вечерка“), а также и при нѣкоторыхъ другихъ языческихъ религіозныхъ обрядахъ (въ полнолуніе и проч.). Въ маскѣ вырѣзаны отверстія на мѣстѣ глазъ и рта, при чемъ во рту вставлены зубы изъ бересты; противъ носа сдѣлано трехугольное отверстіе, въ него вставленъ и пришитъ (къ маскѣ) конически свернутый кусокъ бересты, на подобіе носа. На наружной сторонѣ маски размалеваны черной краской волосы, брови, усы и подбородокъ; по бокамъ маски пришита ситцевая розовая тесемка для привязыванія маски къ головѣ.

7.—Остяцкій каменный идолъ, въ видѣ куклы, одѣтый въ черное суконное пальто, набитое внутри суконными и ситцевыми лоскутками, обертывающими плоскій удлиненный камень, концомъ выставляющійся вмѣсто головы, и здѣсь накрытый шапкой въ видѣ скуфейки, сшитой изъ полосокъ чернаго и желтаго сукна; край шапки окаймленъ узкимъ кожанымъ ремешкомъ; шапка, какъ и пальто, набиты разными тряпками. Длина камня—28 сантиметровъ, ширина—14 сантиметровъ. (Идолъ доставленъ съ Ляпина, изъ Березовскаго уѣзда).

8.—Остяцкій деревянный идолъ, въ видѣ куклы, съ небольшой круглой головой и съ тонкими, слегка согнутыми въ колѣняхъ, ногами; рукъ нѣтъ; лицо плоское, на немъ вырѣзаны глаза и носъ. На идолѣ надѣты одна на другую четыре ситцевыхъ съ яркими узорами рубашки,

затѣмъ кафтанчикъ изъ краснаго сукна на замшевой подкладкѣ, а поверхъ его шелковый зеленый кафтанчикъ, обшитый по краямъ узкимъ замшевымъ ремешкомъ; туловище подпоясано шелковымъ клѣтчатымъ платочкомъ. На головѣ идола колпачекъ изъ краснаго сукна, обшитый по краю оленьимъ мѣхомъ. Длина его—28 сантиметровъ.

9.—Шаманскій массивный бубенъ съ колотушкой, сдѣланъ изъ тонкой деревянной „обечки" (шириною въ 11 сантиметровъ) овальной формы (57×48 сантиметровъ); параллельно обечкѣ, въ разстояніи отъ нея на 12 сантиметровъ, прикрѣпленъ узкій обручъ. На обечку и обручъ туго натянута кожа, которая прикрѣплена къ одной сторонѣ обечки бечевкою. По срединѣ бубна имѣется деревянная рукоятка, въ видѣ развилины; къ ней привязана деревянная колотушка, обтянутая бѣлой кожей; длина колотушки—38 сантиметровъ.

Шаманы во время религіозной церемоніи держатъ бубенъ въ рукѣ и ударяютъ въ него съ монотоннымъ напѣвомъ. (Сургут. остяки).

10.—Два шаманскіе бубна средней величины, имѣющіе круглую форму (48×48 сантиметровъ), съ мѣдными и желѣзными побрякушками.

ИДОЛЫ И РЕЛИГІОЗНЫЕ И СВЯЩЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Рис. 16.

1.—Берестяная маска. (См. рис. 15-8).

2.—Остяцкій деревянный божекъ, съ выточенными ногами и съ трехугольными выступами вмѣсто рукъ; голова (въ видѣ кружка) прикрѣплена къ туловищу посредствомъ тонкой проволоки; на лицевой сторонѣ идола вырѣзанъ носъ и выдолблены глазныя впадины, въ которыя вставлено по кусочку олова; ротъ въ видѣ ямки. Длина его - 24 сантиметра.

3.—Кусокъ гранита, грубо отшлифованный въ видѣ креста, съ очень короткими закругленными боковыми концами. Длина его 21 сант.

4.—Остяцкій деревянный божекъ, въ видѣ балясины, съ семью шаровидно вырѣзанными долями; на каждой изъ нихъ сдѣлано изображеніе лица.

Этотъ идолъ найденъ, по свѣдѣніямъ Тобольскаго музея, въ 1 верстѣ отъ Обдорска въ 1898 г. Длина его - 75 сантиметровъ.

5.—Иконостасъ походный, въ видѣ длинной узкой дощечки съ грубо выточеннымъ крестомъ на верхнемъ концѣ; на лицевой сторонѣ вырѣзаны четыре не глубокихъ отверстія; въ два изъ нихъ вставлены мѣдныя иконки (Спасителя и Николая Чудотворца). Въ остальныхъ изображенія, очевидно, выпали; по очертанію можно предположить, что въ нижнемъ углубленіи былъ вставленъ мѣдный или оловянный идолъ; сверху привѣшенъ мѣдный крестикъ. (Иконостасъ доставленъ изъ Обдорска). Длина дощечки—97 сантиметровъ.

6.—Черепъ оленя съ рогами. У остяковъ онъ считается священнымъ и вѣшается на деревьяхъ близъ селеній.

7.—Двѣ маленькихъ деревянныхъ лопаточки съ круглыми отверстіями по срединѣ; употребляются онѣ при религіозныхъ церемоніяхъ. Длина каждой—18 сантиметровъ.

8.—Деревянная маленькая фигурка животнаго, съ двумя ножками, продолговатой головой и миніатюрнымъ хвостикомъ. Длина—12 сантиметр.

По документальнымъ свѣдѣніямъ Тобольскаго музея, игрушка эта найдена въ домикѣ у священной самоѣдской лиственницы; при ней было грубое изображеніе человѣка, сдѣланное изъ дерева.

9.—Оловянный маленькій идолъ, представляющій грубо отлитую фигуру лошади со всадникомъ, держащимъ въ рукѣ поводъ. Длина фигуры—12 сантиметровъ, вышина—10 сантиметровъ.

10.—Остяцкій оловянный идолъ; представляетъ фигуру человѣка съ острокопечной головой, руками, согнутыми въ колѣняхъ ногами съ отогнутыми концами долженствующими обозначать ступни. Длина его—11 сантиметровъ.

11.—Вылитое изъ олова изображеніе человѣка съ круглой головой, на которой имѣются отверстія для глазъ и рта; руки и ноги вылиты очень грубо. Длина его—8½ сантиметровъ.

12.—Мѣдный высеребряный идолъ, изображающій человѣка, одѣтаго въ малицу. Лицо удлиненное, лобъ очень выпуклый.

По документальнымъ свѣдѣніямъ Тобольскаго музея, этотъ идолъ найденъ на берегу р. Иртыша около с. Бронниковскаго, Тобольскаго уѣзда.

13.—Дѣтская металлическая игрушка,—„арлекинъ“,—употребляется остяками въ качествѣ идола; изображаетъ фигуру человѣка съ рельефно вылитой головой въ китайской цилиндрической шляпѣ; къ рукамъ и туловищу придѣлано четыре бубенчика круглой формы.

14 и 15.—Медвѣжьи зубы, съ просверленными круглыми отверстіями на тупомъ концѣ; носятся инородцами, какъ талисманы; нерѣдко зубы съ суевѣрными заговорами привязываются къ поясницѣ отъ болѣзней ревматическаго характера.

16 и 17.—Двѣ деревянныхъ рыбы, изображающія окуней, одна изъ нихъ окрашена полосками въ красный цвѣтъ. Длина каждой—27 сантиметровъ. На Вахѣ, во время ледохода такихъ рыбъ бросаютъ въ воду, чтобы была удача въ рыбной ловлѣ.

18.—Два священные камня, изъ которыхъ одинъ (по свѣдѣніямъ Тобольскаго музея) представляетъ собою изображеніе головы ребенка, а другой—изображеніе головы лягушки; съ этими двумя священными камнями связана интересная легенда.

У самоѣдовъ идоловъ нѣтъ. Пенатами для нихъ служатъ камни, которые они возятъ за собою въ особой нартѣ. Впрочемъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, встрѣчаются у нихъ небольшіе болванчики, какъ и у

остяковъ (см. рис. 16-2). Общественными или родовыми предметами поклоненія являются для нихъ священныя мѣста.

Шаманъ играетъ важную роль въ жизни инородца: никакое болѣе или менѣе важное обстоятельство изъ семейной жизни или жизни всего рода не обходится безъ дѣятельнаго участія шамана. Дѣятельность послѣдняго разносторонняя: онъ является въ одно и то же время жрецомъ, врачемъ и предсказателемъ. Шаманъ можетъ входить въ сношеніе съ божествами, которыя открываютъ ему свою волю; поэтому онъ является единственнымъ посредникомъ между людьми и божествомъ. Послѣднее можетъ говорить съ шаманомъ только особымъ языкомъ, недоступнымъ простому смертному. Для привлеченія вниманія божества и для сношенія съ нимъ шаманъ употребляетъ особый бубенъ или же прибѣгаетъ къ игрѣ на домрѣ. Приглашенный въ качествѣ врача, шаманъ занимается, собственно, не лѣченіемъ больного, а гаданіемъ объ исходѣ его болѣзни. Обыкновенно, придя въ юрту, гдѣ находится больной, онъ начинаетъ пѣть особые, извѣстные только ему одному, гимны тѣмъ божествамъ, волю которыхъ онъ хочетъ узнать. Пѣніе свое шаманъ сопровождаетъ или игрой на домрѣ, или ударами въ бубенъ. Шаманъ поетъ до полнаго изнеможенія, послѣ чего засыпаетъ. Проснувшись, онъ, на основаніи видѣнныхъ имъ сновъ, опредѣляетъ, будетъ ли благополученъ или неблагополученъ исходъ болѣзни. За свои труды шаманъ получаетъ вознагражденіе деньгами: по одному рублю и болѣе за каждое приглашеніе. Опредѣленіемъ исхода болѣзни предсказанія шамана не ограничиваются. Къ нему, какъ къ предсказателю, часто прибѣгаютъ и при другихъ обстоятельствахъ. Такъ, напримѣръ, ваховскіе остяки однажды остались безъ пороха; было уже позднее время, рѣки покрывались льдомъ, наступило благопріятное время для пушного промысла, а порохъ, который долженъ былъ прибыть въ мѣстный хлѣбозапасный магазинъ, почему-то запоздалъ. Остяки пригласили шамана и просили его узнать черезъ посредство божества, придетъ ли ожидаемый порохъ. Шаманъ съ извѣстными церемоніями снесся съ божествомъ и высказалъ предсказаніе, которое сбылось въ непродолжительномъ времени. Шаманы пользуются популярностью не только среди остяковъ, но даже и среди нѣкоторыхъ русскихъ. По крайней мѣрѣ, случаи, когда послѣдніе обращаются къ прорицательскимъ способностямъ шамана, нерѣдки.

Шаманомъ можетъ быть одинаково, какъ мужчина, такъ и женщина. Шаманству, по понятіямъ инородца, не научаются,—оно дается свыше, отъ рожденія; поэтому шаманство не можетъ быть наслѣдственнымъ. Среди инородцевъ не существуетъ никакой церемоніи, послѣ которой, извѣстный человѣкъ получаетъ право быть шаманомъ: обыкновенно чувствующій въ себѣ эту способность, заявляетъ окружающимъ, что онъ можетъ шаманить. Къ такому заявленію всѣ относятся съ полнымъ до-

вѣріемъ. Возрастъ здѣсь не играетъ особенной роли,—лишь бы объявившій себя шаманомъ былъ возмужалымъ (за 20 лѣтъ). Никакихъ прерогативъ своего высокаго служенія шаманъ не имѣетъ: одежду онъ носитъ такую же, какъ и всѣ остальные инородцы, даже въ томъ случаѣ, когда онъ принимаетъ участіе въ обрядахъ. Способность входить въ сношеніе съ богомъ не дѣлаетъ шамана въ глазахъ Торыма особеннымъ существомъ: онъ такъ же можетъ быть склоненъ къ грѣху, какъ и всѣ, и на томъ свѣтѣ такъ же подлежитъ суду Торыма, какъ и обыкновенный человѣкъ.

У самоѣдовъ шаманомъ можетъ быть только мужчина. Повседневная одежда его ничѣмъ не отличается отъ одежды другихъ самоѣдовъ и только при отправленіи своихъ обязанностей онъ надѣваетъ на тѣло особую сорочку—вершницу на малицу, изъ цвѣтной матеріи съ нашитыми на ней мѣдными украшеніями.

Прежде, чѣмъ что-либо сказать объ обрядовой сторонѣ религіи инородцевъ, я считаю необходимымъ замѣтить, что при скудости миѳологіи, у остяковъ нѣтъ дней, которые были бы посвящены какимъ-нибудь опредѣленнымъ религіознымъ воспоминаніямъ; такимъ образомъ понятіе о праздничныхъ дняхъ имъ чуждо. Понятій о воскресныхъ дняхъ, какъ о дняхъ отдыха, среди инородцевъ почти не существуетъ,—они работаютъ все время. То, что мы называемъ праздничнымъ настроеніемъ, у остяковъ бываетъ тогда, когда у нихъ есть водка. Обыкновенно въ такомъ случаѣ инородецъ и его жена одѣваютъ свои лучшія одежды, садятся и пьютъ вино. Немного охмелѣвъ, они начинаютъ пѣть пѣсни. Случается, что приглашаютъ и родственниковъ. Когда они подвыпьютъ и окажутся навеселѣ, то начинаютъ ходить въ гости, переходя изъ одной сосѣдней юрты въ другую. Къ нимъ присоединяются односельчане и попойка принимаетъ общій характеръ; продолжается она до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ всей имѣющейся водки.

Среди религіозныхъ обрядовъ у остяковъ на первомъ планѣ стоитъ „пари"—моленіе о благополучномъ промыслѣ. Обряды, сопровождающіе „пари", бываютъ различны,—смотря по цѣли и значенію совершаемаго моленія.

Во время ледохода, предъ сборами на рыболовный промыселъ, остяки приносятъ жертву Нижъ-Ики, покровителю воды. Для этой цѣли они закалываютъ теленка или овцу, сдираютъ съ убитаго животнаго шкуру и набиваютъ ее сѣномъ. Сдѣланное такимъ образомъ чучело они спускаютъ подъ ледъ, приговаривая: „возьми Нижъ-Ики, да пошли намъ рыбы". Затѣмъ, тотчасъ же они черпаютъ ведромъ воды съ этого мѣста, несутъ ее въ юрту и гадаютъ о предстоящемъ промыслѣ. Если въ ведрѣ вода крутится, то это заставляетъ ихъ разсчитывать на хорошую добычу рыбы, а если вода спокойна, то это служитъ для нихъ предзнаменованіемъ плохого улова.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обильная весенняя вода затрудняетъ успѣш-

ность рыболовнаго промысла, остяки прибѣгаютъ къ особому роду жертвоприношенія въ честь дочери Торыма, Чарась-Най. Отсюда и самое жертвоприношеніе получило на туземномъ языкѣ названіе „Чарась-Най“ („Огненное море“). Обыкновенно устраивается небольшой плотъ, посреди котораго втыкается шестъ. На этотъ шестъ надѣваются различныя приношенія, въ которыхъ участвуютъ всѣ юрты извѣстнаго селенія. Затѣмъ, на плоту, у подножія шеста, разводится большой костеръ, и самый плотъ пускается по теченію. Остяки увѣрены, что умилостивленное этой жертвой божество соберетъ излишнія воды и угонитъ ихъ къ себѣ въ море.

Мнѣ удалось узнать, о слѣдующемъ характерномъ обрядѣ, совершаемомъ предъ отправкой на звѣроловный промыселъ. По рѣкѣ Ниму, въ юртахъ Акапкиныхъ, проживаетъ шаманъ Александръ Агаповъ Канторовъ. Въ эти юрты ежегодно, предъ уходомъ на первый по рѣкоставу звѣроловный промыселъ, собираются окрестные инородцы для совершенія моленія объ удачномъ промыслѣ. По сообщенію Т. А. Замятина, означенное моленіе въ 1898 году происходило такъ.

Всѣ собравшіеся на моленіе остяки отправились изъ юрты къ отстоящему на 50 саженъ небольшому увалу, на которомъ росла одинокая сосна. У подножія сосны поставили бутылку съ водкой и рюмку и стали кланяться дереву. Затѣмъ выливъ на ея корень три рюмки водки, они вновь стали ей кланяться. Одинъ изъ остяковъ влѣзъ на сосну и срѣзалъ ножемъ ея вершину, длиною въ аршинъ, очистилъ ее отъ лишнихъ сучьевъ такъ, что она получила нѣкоторое подобіе креста. Затѣмъ остяки вернулись въ юрты, а одного послали за олепемъ. Въ юртахъ заставили остячку сшить рубаху, которую надѣли на срѣзанную сосновую вершину вмѣстѣ съ рукавами и подпоясали; самую верхушку повязали платкомъ и въ такомъ видѣ поставили чучело на нары. Затѣмъ, поклонившись ему три раза, они помѣстили его въ чувалъ, плеснули тамъ на него три рюмки водки и развели въ чувалѣ огонь. Когда въ чувалѣ все сгорѣло, остяки вышли на улицу колоть оленя. Къ мордѣ оленя они поднесли бутылку вина и рюмку. Затѣмъ, обступивъ его кругомъ, они одинъ разъ поклонились ему, послѣ чего два человѣка встали по обѣ стороны оленя и вонзили ему въ сердце ножи. Олень упалъ, истекая кровью. Присутствующіе остяки вытекающей кровью вымазали себѣ лица и отправились обратно въ юрту. Здѣсь ими было устроено пиршество, на которомъ пили водку и ѣли сваренное мясо заколотаго оленя.

Иногда вмѣсто оленя колютъ овцу, теленка или жеребенка. Кромѣ того, каждый изъ отправляющихся на звѣроловный промыселъ вѣшаетъ на дерево бѣлый колонкоръ или миткаль, смотря по своимъ средствамъ, отъ 2 до 10 аршинъ; при этомъ онъ приговариваетъ: „возьми Вонтъ-Ики“ (лѣсной богъ). Не сдѣлавшій такого приклада, считаетъ себя грѣшнымъ предъ богомъ и даже боится ходить въ лѣсъ, отчего нерѣдко бываютъ упущенія въ промыслѣ.

Мѣстному лѣсному объѣздчику на Покурѣ представился въ 1898 году случай быть очевидцемъ принесенія остяками въ жертву лошади.

Предназначенную для этой цѣли лошадь изъ пригона подвели къ юртѣ, около которой столпились остяки. Каждый изъ присутствовавшихъ подходилъ къ лошади и, въ знакъ прощанія, гладилъ ее рукой; затѣмъ, ее увели въ лѣсъ, привязали къ дереву и завязали ей глаза. Одинъ остякъ, нащупалъ у лошади сердце, ударилъ въ него длиннымъ копьемъ. Лошадь взвизгнула, сдѣлала прыжокъ въ сторону и повалилась на землю. Остяки что-то закричали. Подъ струившуюся кровь подставили куженьку. Чрезъ нѣсколько времени рану заткнули. Съ лошади сняли шкуру, которую пожертвовали въ прикладъ, а мясо сварили въ котлѣ у разведеннаго тутъ же костра и съѣли.

Погребеніе умершихъ остяки совершаютъ въ тотъ же день и лишь въ крайнемъ случаѣ они откладываютъ похороны до слѣдующаго дня. Эта торопливость въ отданіи послѣдняго долга умершему объясняется естественнымъ чувствомъ страха предъ фактомъ смерти. Какъ только человѣкъ умретъ, на него надѣваютъ тѣ одежды, какія онъ носилъ при жизни. На грудь ему кладутъ брусокъ, а рядомъ съ умершимъ—ножъ; родные и знакомые точатъ на брусѣ ножъ, при чемъ брусъ изъ рукъ въ руки не передается. Послѣднее, по понятіямъ остяковъ, дѣлается съ той цѣлью, чтобы не лишить себя возможности увидѣться съ покойникомъ на томъ свѣтѣ. Надо замѣтить, что и въ обыденной жизни остяки, по тѣмъ же соображеніямъ, избѣгаютъ передавать другъ другу брусъ; въ крайнихъ случаяхъ они передаютъ его не съ ладони, а съ противоположной ея стороны. Затѣмъ, умершаго кладутъ въ гробъ, который дѣлается изъ досокъ, длиною въ 3 арш., шириною въ 1—2 арш. и высотою въ $^3/_4$ арш. и выше. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ гробъ и тѣ предметы, которые, по понятіямъ остяковъ, могутъ на томъ свѣтѣ оказаться необходимыми, какъ-то: топоръ, ножикъ, котелъ, чайникъ, лыжи, ружье, лукъ, хлѣбъ и т. п. За пазуху покойнаго кладутъ его ногти, обстриженные при жизни. Послѣднее дѣлается въ томъ убѣжденіи, что умершему придется на томъ свѣтѣ ползти на гору, и ногти нужны будутъ для того, чтобы не скатываться внизъ. Самое погребеніе не сопровождается никакими обрядами и церемоніями. Могилу роютъ глубиною отъ $1^1/_2$ до 2 арш. Надъ могильнымъ холмомъ ставится памятникъ (голубчикъ). Для этого сколачивается изъ досокъ ящикъ безъ дна, длиною въ $2^1/_2$ арш., шириною въ $1^1/_4$ арш. и высотою въ $^1/_2$ аршина. Крышка у ящика дѣлается конькомъ; лобъ зашивается. Къ коньку прикрѣпляется крестъ, высотою съ аршинъ и толщиною въ вершокъ. На верху креста помѣщается деревянная фигура утки, приблизительно около 3 вершковъ. Въ передней стѣнкѣ ящика дѣлается квадратное окошечко въ 6 вершковъ. Умершій, по вѣрованіямъ остяковъ, въ теченіе 4—5 дней блуждаетъ по всѣмъ посѣщеннымъ имъ при жизни мѣстамъ.

Поэтому остяки, изъ боязни, чтобы умершій, придя въ свою юрту, не задушилъ кого нибудь, въ теченіе указаннаго времени поддерживаютъ въ чувалѣ постоянный огонь: по ихъ вѣрованіямъ умершіе боятся огня. На пятый день собираются родственники умершаго, разводятъ на могилѣ костеръ, „варятъ котелъ“ (мясо и рыбу) и угощаютъ приглашенныхъ. Съ этого времени блужданія умершаго прекращаются. Послѣ смерти женщины эти поминки производятся не на пятый, а на четвертый день. Люди, задранные медвѣдемъ или утонувшіе, считаются наказанными Богомъ. Они послѣ смерти не блуждаютъ. Поэтому поминки по такимъ лицамъ не дѣлаются и на ихъ могилахъ памятниковъ не ставятъ.

Погребеніе дѣтей совершается безъ всякихъ обрядностей и поминокъ.

Похороны шамана совершаются такъ же, какъ и похороны обыкновеннаго инородца.

У самоѣдовъ умершаго одѣваютъ въ пимы, малицу и гусь, обвязываютъ веревками и выносятъ на улицу, гдѣ кладутъ на нарту головой впередъ. Въ такомъ положеніи онъ лежитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока не срубятъ срубъ. Послѣдній рубится изъ бревенъ и имѣетъ въ длину 3 арш., въ ширину отъ 1½ до 3 арш. и въ вышину 1½ арш. Когда срубъ готовъ, покойника везутъ къ мѣсту погребенія; за нимъ на особой партѣ, а иногда и на двухъ, везутъ его одежду. Передъ тѣмъ, какъ везти въ могилу покойника, колютъ оленя, варятъ котелъ и угощаются, какъ бы провожая умершаго. По прибытіи на мѣсто, покойника помѣщаютъ въ приготовленный срубъ, перерѣзываютъ веревки и кладутъ по сторонамъ и на него привезенную одежду. Мужчинамъ, кромѣ одежды, кладутъ ножикъ, отломавъ предварительно кончикъ у послѣдняго, ложе отъ ружья, а нѣкоторымъ—лукъ. Срубъ закрываютъ тесками въ 3—4 ряда, а сверху расколотыми на-двое бревнами. Поверхъ сруба ставится дырявый котелъ, кверху дномъ, а рядомъ со срубомъ перевертываютъ вверхъ полозьями нарту, на которой былъ привезенъ покойникъ. Затѣмъ, втыкаются въ землю по обѣ стороны сруба два кола, которые вверху, на высотѣ 2½ арш., соединяются перекладиной; по срединѣ послѣдней привязывается колокольчикъ, вѣсомъ въ 3—5 фунтовъ. Послѣ этого всѣ отправляются обратно въ чумы, не оглядываясь назадъ, что считается грѣхомъ. Старшій изъ провожающихъ слѣдуетъ сзади всѣхъ остальныхъ, по дорогѣ срубаетъ два прута (тамъ гдѣ нѣтъ лѣса, прутья приготовляются заранѣе) и втыкаетъ ихъ въ землю или снѣгъ,—одинъ прутъ съ уклономъ по направленію къ могилѣ покойника, а другой—по направленію къ тѣмъ чумамъ, откуда былъ вывезенъ покойникъ; при этомъ онъ приговариваетъ, обратясь въ сторону покойника: „вотъ тебѣ твоя дорога, а вотъ наша“ (при этомъ онъ показываетъ въ сторону чумовъ).—„ты ужъ ходи по своей дорогѣ“. Если приготовленія къ похоронамъ не успѣютъ закончиться до наступленія сумерекъ, то покойника везутъ хоронить уже

на другой день около полудня. Умершій считается нечистымъ: притронувшійся къ нему, окуривается бобровой струей. Всякій разъ, какъ послѣ этого придется проѣзжать мимо могилы, родичи покойника обыкновенно, остановившись еще за день пути до могилы, на другой день ѣдутъ туда на легкихъ нартахъ. Здѣсь они устраиваютъ поминки: колютъ оленя, варятъ котелъ и угощаются; черепъ съ рогами вѣшаютъ на срубъ, а кости оставляютъ тутъ же на землѣ. Затѣмъ, старѣйшій изъ присутствующихъ звонитъ въ колокольчикъ и приговариваетъ: „слышишь, мы тебя помянули“. Послѣ этого не оглядываясь ѣдутъ обратно.

Медвѣжью вечерку—поминки остяки совершаютъ надъ каждымъ убитымъ медвѣдемъ, если только онъ не оказался нечистымъ, т. е. не задралъ человѣка. Послѣднее остяки узнаютъ по присутствію въ желудкѣ клубка человѣческихъ волосъ. Мясо нечистаго медвѣдя обыкновенно сжигается. Если нѣтъ времени справлять вечерку непосредственно послѣ охоты, то убитаго медвѣдя убираютъ въ холодный амбаръ, гдѣ онъ и лежитъ до удобнаго для вечерки случая. Надо замѣтить, что отъ убитаго медвѣдя остяки почти не получаютъ никакой выгоды, а напротивъ, несутъ иногда еще значительный матеріальный ущербъ, такъ какъ поминки, продолжающіяся обыкновенно свыше недѣли, вызываютъ большія траты на угощеніе съѣзжающихся по этому поводу гостей.

Тотчасъ послѣ того, какъ медвѣдя убьютъ, его везутъ въ юрты. Пріѣхавъ туда, останавливаются съ правой стороны и три раза дико кричатъ. На этотъ крикъ всѣ безъ исключенія идутъ къ медвѣдю, дѣлаютъ земной поклонъ и цѣлуютъ морду, приговаривая: „царь лѣса!“ при чемъ обмакиваютъ руки въ кузенькѣ съ водой, поставленной около медвѣдя, и обмываютъ себѣ лицо. Сдѣлавшій это, считаетъ себя прощеннымъ медвѣдемъ, если онъ когда либо лгалъ или кого нибудь бранилъ. Послѣ этого начинается приготовленіе къ вечеркѣ.

Привезеннаго медвѣдя кладутъ на пары въ той юртѣ, гдѣ предполагается вечерка, и повязываютъ ему шею тарфомъ, а на голову надѣваютъ шапку; медвѣдицѣ повязываютъ голову платкомъ. Предъ медвѣдемъ въ маленькихъ берестяныхъ куженькахъ ставятъ сушеную рыбу, варку, орѣхи, хлѣбъ; тутъ же кладутъ расческу и чипъ.

Самая вечерка состоитъ въ пѣніи пѣсенъ и разсказовъ, въ количествѣ не менѣе 300, и въ угощеніи присутствующихъ. Самое пѣніе сопровождается мимикой и жестикуляціей, поющій надѣваетъ для этого особую берестяную маску и переодѣвается въ разные халаты. Пѣть пѣсни можетъ всякій, кто имѣетъ къ тому способность, хотя бы то была и женщина. Но обыкновенно для этой цѣли выбираются особые балагуры и краснобаи. Во время самаго пѣнія особо приставленный остякъ отмѣчаетъ число спѣтыхъ пѣсенъ, дѣлая нарѣзки на длинной палкѣ. Присутствіе на вечеркѣ шамана не обязательно и особой роли въ ней онъ не играетъ. Послѣ того, какъ положенное число пѣсенъ будетъ

пропѣто, каждый изъ присутствующихъ старается узнать, какіе у него этотъ годъ будутъ промыслы; для этого поднимаютъ медвѣжью голову: кто подниметь ее легко, у того промыслы будутъ хорошіе, а кто съ трудомъ,—у того плохіе. Затѣмъ, убитаго медвѣдя дѣлятъ на части, варятъ и ѣдятъ, чѣмъ и заканчивается вечерка.

Казымцы убитаго медвѣдя везутъ въ юрты, предварительно зажегши передъ его мордой чагу; куженьки съ водой они не ставятъ, а всякаго, принимающаго участіе во встрѣчѣ медвѣдя, осыпаютъ снѣгомъ. На медвѣжьей вечеркѣ многіе изъ нихъ надѣваютъ особые, сшитые на этотъ случай, сюртуки изъ хорошаго сукна, со свѣтлыми мѣдными пуговицами. Казымцы вѣрятъ, что послѣ каждой встрѣчи съ человѣкомъ у медвѣдя выступаютъ на плечахъ, подъ кожей, бѣлыя пятна.

На медвѣжьей вечеркѣ поютъ пѣсни и разсказы большею частію сатирико-юмористическаго содержанія и преимущественно изъ охотничьей жизни. Осмѣиваютъ, напримѣръ, хвастовство, неудачный промыселъ, несообразительныхъ остяковъ и т. п.

Какъ образецъ, привожу дословный переводъ нѣсколькихъ такихъ остяцкихъ пѣсенъ.

I.

Остякъ ставилъ сѣти среди сора морды и на противоположномъ берегу увидѣлъ стадо дикихъ оленей. Онъ бросилъ морды и поплылъ на ту сторону. Звѣри увидѣли плывущаго къ нимъ человѣка и разбѣжались, а морды уплыли.

II.

Лѣнивый остякъ женился. Жена ему и говоритъ: „ты отчего не промышляешь рыбу? У тебя совсѣмъ рыбы нѣтъ“.—„У меня только теперь нѣтъ рыбы, а то постоянно лабазъ былъ полонъ рыбы“. А самъ даже и не видалъ какъ неводятъ, хотя послѣ смерти отца и остался у него неводъ. Жена ему и говоритъ: „Поѣдемъ вмѣстѣ неводить“.—„Ну, такъ что жъ,—поѣдемъ“. Поѣхали. Когда выѣхали на Обь, мужъ и говоритъ: „Жена, надо долбить ледъ на срединѣ,—на срединѣ, вѣдь, большіе рыбы“. Жена ему отвѣчаетъ: „На срединѣ Оби никто не неводитъ,—ты ничего не понимаешь“. Мужъ все-таки сталъ долбить на срединѣ. Продолбили прорубь и бросили неводъ; стали долбить тоню. Когда сдѣлали тоню и пришли къ неводу, то оказалось, что его уже давно унесло быстрымъ теченіемъ.

III.

Въ однѣхъ юртахъ у остяка медвѣдь уничтожилъ хранящіеся въ лабазѣ запасы. Остякъ говоритъ женѣ: „Пойдемъ, баба, убьемъ медвѣдя,—я ихъ раньше сколько бивалъ; у меня есть ружье и рогатина“. На самомъ дѣлѣ, онъ не только не бивалъ медвѣдей, но даже не видывалъ ихъ. Поэтому про себя и думаетъ: „Какъ бы мнѣ избѣгнуть встрѣчи

съ медвѣдемъ, а то опъ меня задереть". Жена стала уговаривать его не ходить на медвѣдя, но онъ настаивалъ итти и обѣщалъ убить его. Только отошли немного отъ юрть, какъ ихъ встрѣтилъ медвѣдь. Остякъ испугался, оставилъ жену, бросилъ ружье и рогатину и убѣжалъ домой. Жена его не растерявшись схватила ружье, выстрѣлила и убила медвѣдя. Придя домой она замѣтила мужу: „А, вѣдь, я говорила тебѣ, что ты убѣжишь". На это мужъ отвѣтилъ: „Одинъ то бы я не убѣжалъ, а если я теперь и убѣжалъ, то зналъ, что ты одна убьешь медвѣдя".

IV.

Одинъ охотникъ поѣхалъ стрѣлять гусей. Онъ уже близко подкрался къ гусямъ, какъ видитъ: летятъ лебеди и сѣли на другой песокъ. „Постой,—думаетъ охотникъ,—въ лебедяхъ больше мяса: лучше я поѣду стрѣлять ихъ". Поѣхалъ къ лебедямъ. Лебеди увидѣли его и улетѣли. И лебедей не убилъ, и гусей прозѣвалъ!

V.

Одинъ остякъ собрался промышлять бѣлку и говоритъ: „Я сегодня десятка полтора убью бѣлки". Пошелъ въ лѣсъ, а ружье позабылъ дома. Ходилъ, ходилъ по лѣсу и увидѣлъ на деревѣ бѣлку. Схватился, а у него ружья то и нѣтъ! Показалось ему, что онъ потерялъ ружье дорогой. Сталъ его искать по всему лѣсу. Проискалъ весь день, а ружья не нашелъ. Возвратился домой. Тамъ его спрашиваютъ: „Ну, что убилъ сегодня?"—„Да что подѣлаешь,—отвѣчаетъ онъ,—помѣха случилась: ружье не стрѣляетъ,—должно быть, испортилось".—„Да ты что врешь? Вѣдь, ружье то ты дома оставилъ".—„Все равно: если бы и взялъ, оно не стало бы стрѣлять". Такъ онъ и остался пристыженнымъ!

VI.

Одинъ охотникъ увидѣлъ трехъ лосей и думаетъ: „Ну, теперь я съ деньгами,—пойду продавать ихъ". Придя въ юрты онъ засталъ торговаго человѣка и говоритъ ему: „Ну, братъ, спасибо что пріѣхалъ; купи у меня лосины". Торговецъ спрашиваетъ: „Сколько возьмешь за лосины?"—„Десятку за мясо", отвѣчаетъ охотникъ. „Да они почему у тебя „не бѣлованы", спрашиваетъ торговецъ. „Они еще живы", отвѣчаетъ охотникъ. „Да ты сдурѣлъ: чего продаешь живыхъ", замѣчаетъ торговецъ. „Я сейчасъ ихъ убью", говоритъ охотникъ, взялъ ружье и пошелъ стрѣлять. Но лосей не могъ найти и самъ заблудился, да на счастье повстрѣчался съ бабами, шедшими изъ юрть за дровами; хотя ему и стыдно было сознаться, что онъ заблудился, но все-таки спросилъ у нихъ, далеко ли юрты; бабы ему отвѣтили, что до юрть одна верста и, между прочимъ, спросили, „А ты гдѣ ходишь другой день?" „Да далеко за лосями ходилъ". А самъ у юрть блудилъ.

VII.

Пошли два остяка на промыселъ. На встрѣчу имъ попался третій остякъ.

3-й остякъ: „Куда, ребята? На охоту?“

1-й. „Да; а ты куда?“

3-й. „Да и я охотился“.

2-й. „А много убилъ?“

3-й. „Стрѣлялъ нѣсколько разъ, но неудачно“.

2-й. „Если несчастье тебѣ на охотѣ, то ступай лучше домой“.

3-й. „Видать, что вы только себя считаете охотниками. Нѣтъ, я все-таки разсчитываю убить хотя пять соболей, да съ десятокъ оленей“.

А самъ, какъ видно, давно уже радъ уйти домой. Пошли эти охотники дальше и убили много оленей и лосей. Гонятся они за однимъ лосемъ и видятъ: лежитъ какой-то человѣкъ. Одинъ изъ охотниковъ погнался за лосемъ, а другой—остановился у лежащаго человѣка, и спрашиваетъ:

— „Что ты за человѣкъ?“

— „Развѣ ты меня не узналъ? Помнишь, какъ я съ вами встрѣтился?“

— „Такъ ты развѣ захворалъ?“

— „Нѣтъ, но тогда у меня не было хлѣба и я заблудился, но сознаться мнѣ было стыдно. Нѣтъ ли у тебя хлѣба? Дай мнѣ поѣсть“.

Остякъ далъ ему хлѣба. Тотъ поѣлъ и спрашиваетъ:

— „А гдѣ у тебя другой товарищъ?“

— „Онъ погнался за лосемъ“.

— „Примите меня въ артель“.

— „Я не знаю, что скажетъ товарищъ“.

Пошли они къ тому товарищу, и видятъ, что онъ уже убилъ лося. Тогда неудачливый остякъ заявилъ имъ: „Ребята, примите меня въ най: я хоть отрублю у лося ногу,—все-таки выйду изъ стыда, а то будутъ смѣяться надо мной; скажутъ, что я не только ничего не убилъ, но и самъ чуть было не пропалъ“.

Вотъ какіе бываютъ охотники!

НѢКОТОРЫЯ РЕЛИГІОЗНО-ОБРЯДОВЫЯ ОСОБЕННОСТИ ОСТЯКОВЪ БЕРЕЗОВСКАГО УѢЗДА.

а) Куноватскіе остяки.

Помимо ежегодныхъ жертвоприношеній, которыя совершаются въ зависимости отъ рода или времени того или иного промысла или вызываются какими-либо исключительными обстоятельствами жизни, каковы, напр., болѣзнь и т. п., у куноватскихъ остяковъ существуютъ еще особыя торжественныя жертвоприношенія, совершаемыя ими разъ въ три

года и непремѣнно осенью. Здѣсь въ жертву приносится исключительно лошадь—нехъяженный жеребецъ. Во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ жертвоприношеній употребляются олени, телята и жеребята; если жертвоприношеніе вызвано болѣзнью инородца, то обращается вниманіе и на масть животнаго. Послѣдняя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется шаманомъ; въ большинствѣ случаевъ выбирается пестрое или совершенно бѣлое животное. Принесенное въ жертву животное непремѣнно съѣдается на мѣстѣ жертвоприношенія. Шкура и кости животнаго оставляются на мѣстѣ; послѣднія отнюдь не разбрасываются, а собираются въ кучу.

б) Кондинскіе остяки.

Придя на мѣсто промысла, кондинскій остякъ прежде всего считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ „угостить“ божество даннаго мѣста. Для этой цѣли остякъ ставитъ на пень или просто на землю рюмку или чашку водки и что-либо изъ взятыхъ съ собою съѣстныхъ припасовъ; затѣмъ, кланяется на всѣ стороны и приглашаетъ „хозяевъ“ мѣста такими словами: „юва сорни туромъ, сорни кузя вина янзи“ и т. д., что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „пожалуйте, дорогой хозяинъ, вино пить и кушать“. Приглашая мѣстное божество принять его угощеніе, инородецъ въ то же время проситъ его дать ему хорошій и удачный промыселъ на этомъ мѣстѣ.

Кондинскіе остяки, кромѣ животныхъ, приносятъ въ жертву и птицъ (напр. пѣтуха). Выборъ объекта жертвоприношенія дѣлается по указанію шамана.

в) Казымцы.

Казымцы, какъ и кондинскіе остяки, считаютъ грѣхомъ начать промыселъ безъ предварительнаго жертвоприношенія въ честь мѣстнаго божества. Если на промыселъ вышли нѣсколько человѣкъ сообща, то въ такомъ случаѣ они сообща устраиваютъ и жертвоприношеніе, для чего приводятъ съ собою жеребенка, а за неимѣніемъ послѣдняго, оленя. Самою угодною для божества мастью жертвеннаго животнаго считается пѣгая. Когда казымецъ выходитъ на промыселъ, онъ ограничивается безкровнымъ приношеніемъ: вѣшаетъ на дерево шелковый лоскутъ или дѣлаетъ другіе приклады.

Жертвоприношеніе предъ рыболовнымъ промысломъ имѣетъ нѣкоторую особенность, а именно: всѣ гурьбой, со страшнымъ гикапьемъ и крикомъ, бѣгутъ къ лодкѣ, каждый со своимъ весломъ, и ѣдутъ съ непереставаемымъ гамомъ и шумомъ до первой заводи; при этомъ гребутъ всѣ, въ одинъ тактъ. Поѣздку совершаютъ до трехъ разъ, потомъ приступаютъ къ закланію животнаго. Въ случаѣ неудачнаго промысла, жертвоприношеніе повторяется, при чемъ казымцы обращаются къ божеству

съ такими традиціонными словами: „Въ водѣ и въ лѣсу все твое, деньги и золото все у тебя, царскіе всѣ города у тебя подъ рукой, ты владѣешь всѣмъ, ты кого хочешь одѣлишь богатствомъ и счастьемъ,—а за что раззоряешь насъ? Посмотри: мы до поту трудились, а нѣтъ ничего. Не издѣвайся надъ нами,—мы—твой народъ. Не губи!“

Среди казымцевъ практикуются обѣты: послѣ каждой неудачи въ промыслахъ казымецъ даетъ обѣщаніе принести божеству жертву.

Глава IV.

Административно-судебное устройство.

Инородныя управы и родовыя управленія; старшина и родовой староста; выборы ихъ.—Судебныя функціи органовъ управленія; замѣна суда родового управленія судомъ схода; клятвы; мѣры наказанія; описаніе судебнаго разбирательства у остяковъ-казымцевъ; система наказаній и штрафовъ у самоѣдовъ.—Общинное землепользованіе.—Казенные хлѣбозапасные магазины.—Подати и повинности.

Всѣ инородцы здѣшняго края управляются органами, именуемыми инородными управами, которыя соотвѣтствуютъ русскимъ волостнымъ правленіямъ. Каждая управа состоитъ изъ инородческаго старшины, двухъ его кандидатовъ и писаря, и, въ свою очередь, дѣлится на волости или роды, соотвѣтствующіе русскимъ сельскимъ обществамъ, и завѣдываемые родовыми старостами при двухъ кандидатахъ, на обязанности которыхъ лежитъ полученіе изъ казенныхъ магазиновъ огнестрѣльныхъ припасовъ, раздача ихъ общественникамъ и взысканіе съ нихъ ясака.

При избраніи упомянутыхъ должностныхъ лицъ инородцы принимаютъ во вниманіе способность избираемыхъ, ихъ трезвость и знаніе ими счета. Намѣченное въ старшины лицо приглашается въ управу, гдѣ всѣ собравшіеся съ низкимъ поклономъ просятъ его взять на себя эту должность. Обыкновенно избранный отказывается отъ предложенія; тогда ему опять кланяются. Такъ повторяется до трехъ разъ, послѣ чего новый старшина вступаетъ въ свои обязанности. Избраніе въ родовые старосты производится такъ: въ болѣе просторной юртѣ собираются родовичи и садятся въ кругъ, посреди котораго разстилается оленья шкура. Собравшіеся обсуждаютъ, кого избрать въ старосты. Затѣмъ, избранное лицо, въ случаѣ его согласія, усаживаютъ на шкуру и приносятъ сундукъ, ключъ отъ котораго вручается новому старостѣ.

Возникающія между инородцами дѣла и иски, въ качествѣ первой инстанціи, рѣшаются у остяковъ родовыми управленіями, а у самоѣдовъ—родовымъ старостой единолично. Второй инстанціей для остяковъ является управа и третьей—полицейское управленіе. Самоѣдамъ же, въ случаѣ неудовольствія разбирательствомъ старосты, предоставляется право (ст. 280 Полож. объ инородц.) вчинять искъ общеустановленнымъ порядкомъ.

На практикѣ судъ въ вышеуказанной формѣ почти не существуетъ, такъ какъ староста и его кандидаты, за дальностью разстоянія, не могутъ собираться одновременно для составленія коллегіальнаго суда, а къ единоличному разбирательству старосты инородцы обращаться избѣгаютъ. Такимъ образомъ, возникающія претензіи часто разбираются общимъ волостнымъ сходомъ, во время съѣзда инородцевъ для положенія ясака. Съѣзды эти обыкновенно бываютъ два раза въ годъ: въ маѣ и декабрѣ.

На сходкахъ при разбирательствѣ тяжбъ обращаются къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Показанія свидѣтелей принимаются на вѣру; обвиняемый же приводится къ присягѣ, которая обыкновенно бываетъ двухъ родовъ. Раскладывается костеръ и обвиняемому дается въ руки топоръ, лезвіемъ котораго онъ долженъ ударить по огню, со словами: „сожги меня огонь, если я сказалъ неправду“. Этотъ родъ присяги имѣетъ свое основаніе въ свойственномъ всѣмъ полудикимъ племенамъ особомъ уваженіи къ огню, какъ къ священной стихіи. Но самой распространенной клятвой среди инородцевъ является клятва головой или лапой медвѣдя. Для этой цѣли употребляются черепа убитыхъ медвѣдей, сохраняемые инородцами на деревянныхъ столбахъ или деревьяхъ. Если обвиняемый приводится къ присягѣ въ тѣхъ юртахъ, гдѣ не имѣется медвѣжьяго черепа, то за нимъ посылается въ другія юрты; за пользованіе черепомъ владѣлецъ получаетъ извѣстное вознагражденіе. Клятва надъ головой или лапой медвѣдя состоитъ въ томъ, что обвиняемый въ удостовѣреніе своей невинности прикасается къ нимъ лезвіемъ топора и при этомъ произноситъ: „задери меня медвѣдь, если я сказалъ неправду“. Почти каждый остякъ убѣжденъ, что такія клятвы, произнесенныя ложно, не остаются безнаказанными; поэтому считающій себя неправымъ на клятву не соглашается и сознается въ винѣ; произнесшій клятву считается оправданнымъ.

Какъ мѣры наказанія для провинившихся, у инородцевъ существуютъ пеня или штрафъ, розги (теперь не примѣняются) и арестъ при управѣ, а для неисправныхъ въ уплатѣ ясака—отдача въ заработки. Послѣдній родъ наказанія опредѣляется и приводится въ исполненіе по приговору родового старосты, какъ лица, на которое возложены заботы по уплатѣ ясака. Прочія наказанія, хотя и могутъ быть налагаемы старостами, но приведеніе ихъ въ исполненіе бываетъ только съ согласія старшины.

Для иллюстраціи судебнаго разбирательства у остяковъ, привожу описаніе этого процесса, практикуемаго у казымцевъ. Въ юрту собираются всѣ мужчины и усаживаются по своимъ мѣстамъ. Заявляющій жалобу подходитъ къ старшинѣ, кланяется ему, цѣлуетъ у него руку и начинаетъ жалобу такими словами: „Развѣ можно такъ дѣлать? а? развѣ дѣлаютъ такъ, какъ вотъ меня избили или выругали...“ и дальше потерпѣвшій излагаетъ обстоятельства самого дѣла, показывая при этомъ

вещественныя доказательства. Старшина спрашиваетъ: „кто такъ обидѣлъ тебя? какой такой дуракъ? Выходи, на кого онъ жалуется!“ Если обвиняемый не выходитъ, то тогда самъ обвинитель указываетъ на него. Тотъ выходитъ и всегда сознается въ своей винѣ, хотя ссылается на смягчающія его вину обстоятельства. Происходитъ опросъ свидѣтелей. Когда степень вины въ достаточной мѣрѣ выяснилась, старшина обращается къ народу съ такими словами: „Вотъ это худое дѣло; за это слѣдуетъ наказать. Такъ, вѣдь, народъ?“—„Такъ, такъ,“ отвѣчаютъ ему. Старшина постановляетъ свой приговоръ, и присуждаетъ виновнаго къ извѣстному наказанію, которое, обыкновенно, состоитъ или въ вознагражденіи потерпѣвшаго деньгами, или въ выраженіи виновному порицанія и выговора, или въ присужденіи его къ нѣсколькимъ ударамъ по щекѣ. Приговоръ приводится въ исполненіе сейчасъ же. Для этого десятникъ выводитъ обвиняемаго на середину избы; водворяется молчаніе; всѣ встаютъ на ноги. Десятникъ становится передъ обвиняемымъ на близкомъ разстояніи и приводитъ приговоръ въ исполненіе: если обвиняемому присуждено выразить порицаніе, десятникъ ругаетъ его,—разъ пять или шесть; если же онъ присужденъ къ тѣлесному наказанію, то десятникъ даетъ ему положенное число пощечинъ. По исполненіи приговора обвиняемый подходитъ къ старшинѣ, молится около него Богу, и вслухъ заявляетъ, что больше такъ поступать онъ не будетъ, при чемъ кланяется въ ноги старшинѣ. Старшина при этомъ проводитъ крестообразно рукой по его спинѣ; то же дѣлаетъ и потерпѣвшій.

Розгами въ Казымской волости не наказывали никого. Если остякъ украдетъ оленя, то черезъ годъ онъ долженъ отдать четыре оленя, черезъ два года—шесть, черезъ три—семь и т. д., на годъ по одному. Если остякъ взыскиваетъ долгъ, то онъ приноситъ съ собою палочки (бирки), на которыхъ замѣчена сумма долга и предъявляетъ ихъ старшинѣ, какъ документъ. Если у должника нѣтъ денегъ, то онъ немедленно уплачиваетъ процентъ; процентъ довольно высокій: напримѣръ за рубль по четыре бѣлки въ годъ, за десять рублей—четырнадцать—въ годъ.

У самоѣдовъ практикуется та-же система наказаній, при чемъ пеня, взыскапная съ провинившагося самоѣдина поступаетъ въ пользу обиженнаго. Наказаніе розгами всегда совершалось въ присутствіи ближайшихъ къ мѣсту наказанія самоѣдовъ; послѣдніе приглашались родовымъ старотой для той цѣли, чтобы присутствіе при наказаніи служило для нихъ вразумленіемъ. Появившіеся по приглашенію старосты въ свою очередь подвергались наказанію. Обыкновенно, число розогъ бывало не ниже 5 и не выше 20. Самое наказаніе производилось въ присутствіи старосты, который садился на нарту и подбиралъ ноги подъ себя. Послѣднее дѣлалось для того, чтобы присужденный къ розгамъ не могъ схватить старосту за ногу, потому что въ такомъ случаѣ, по установившемуся у самоѣдовъ обычаю, онъ освобождался отъ наказанія, если

ему было присуждено до 15 розогъ; присужденный къ 20 розгамъ и успѣвшій схватить ногу старосты получалъ только 5 розогъ. Вообще, схватываніе за ногу имѣетъ среди самоѣдовъ особенное значеніе: бѣдный, обращающійся за помощью къ богатому, въ случаѣ неуспѣшности своей просьбы, можетъ такимъ путемъ принудить послѣдняго исполнить свое желаніе. Во время своихъ разъѣздовъ, старосты, по установившемуся обычаю, не возили съ собой розогъ; поэтому наказаніе розгами могло производиться только у чума старосты. За пеимѣніемъ розогъ, били провинившагося по щекамъ, при чемъ число ударовъ соотвѣтствовало количеству назначенныхъ розогъ.

Наказанію розгами одинаково подвергались и женщины, при чемъ въ случаѣ ихъ беременности, какъ и вообще въ случаѣ болѣзни провинившагося, исполненіе наказанія откладывалось до выздоровленія. Вообще, тѣлесное наказаніе у инородцевъ не бывало жестокимъ, но считалось позорнымъ, и, при взаимныхъ ссорахъ, наказаннаго такимъ путемъ нерѣдко укоряли розгами; впрочемъ подобные укоры, въ свою очередь, влекли за собой наказаніе.

Инородческое населеніе пользуется землями на общинномъ родовомъ началѣ. Земли, находящіяся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго рода, составляютъ извѣстную территоріальную единицу, большею частью, бассейнъ какой-либо рѣки. Границы этихъ территорій хорошо извѣстны смежнымъ сосѣднимъ родамъ, и, при пользованіи угодьями, онѣ строго соблюдаются каждымъ родомъ; вторженія на чужую территорію безъ должнаго разрѣшенія караются по обычному праву довольно строго.

За отсутствіемъ въ краѣ хлѣбопашества, населеніе продовольствуется хлѣбомъ, пріобрѣтаемымъ у мѣстныхъ торговцевъ. Для урегулированія въ частной продажѣ цѣнъ на хлѣбъ, существуютъ казенные хлѣбозапасные магазины, изъ которыхъ отпускается инородцамъ мука и соль не только за деньги, но и въ ссуду. Изъ этихъ же магазиновъ отпускается имъ порохъ, дробь и свинецъ.

Все инородческое населеніе несетъ тѣ же повинности, что и русскіе крестьяне, за исключеніемъ воинской и дорожной. Введеніе послѣдней, за отсутствіемъ грунтовыхъ дорогъ, не представляется необходимымъ; къ отбыванію воинской повинности инородческое населеніе и по умственному и по физическому развитію является совершенно неспособнымъ. Изъ окладныхъ обложеній инородцы уплачиваютъ кабинетскій ясакъ и губернскій земскій сборъ. Помимо казенныхъ платежей существуютъ мірскія повинности, налагаемыя приговорами сходовъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Размѣръ всѣхъ вообще платежей простирается до 7 рублей въ годъ на каждую платежную душу. Въ районахъ нѣкоторыхъ управъ, напримѣръ Юганской и Тундринской, Сургутскаго уѣзда, плательщики въ первые два года по зачисленіи въ окладъ облагаются лишь половинной суммой сборовъ.

Глава V.

Гражданско-правовой бытъ.

Бракъ; степени родства; возрастъ вступающихъ въ бракъ; неравные браки среди остяковъ; калымъ,— его основаніе, размѣръ и сроки уплаты; сватовство; похищеніе невѣсты; случаи возврата калыма: разводъ; приданое.—Семейныя отношенія: власть главы семейства; положеніе жены въ семьѣ; отношеніе мужа къ женѣ; отношеніе родителей къ дѣтямъ (къ роднымъ, падчерицамъ и пасынкамъ); отношеніе дѣтей къ родителямъ.—Наслѣдственное право: порядокъ наслѣдованія; опека; попечительство.—Имущественное право: право производства промысловъ на опредѣленныхъ мѣстахъ и его неприкосновенность.—Формы заключенія сдѣлокъ: дареніе; купля—продажа; личный наемъ; заемъ,— свидѣтели, тамга и деревянныя бирки; артельныя начала среди остяковъ.—Нѣкоторыя особенности правового быта кондинскихъ остяковъ.—Особенности въ гражданско-правовомъ бытѣ самоѣдовъ.

Степени родства соблюдаются остяками строго. Жениться на родственницѣ остякъ считаетъ грѣхомъ: „не будетъ счастья“, поясняетъ онъ. Въ бракъ остяки вступаютъ иногда очень рано. Случается, что остякъ женится лѣтъ 14, когда онъ de facto становится уже взрослымъ способнымъ заниматься промыслами, когда отецъ начинаетъ вносить за него половинный размѣръ ясака. Бракъ заключается по волѣ родителей: ни сынъ, ни дочь личнаго участія въ выборѣ невѣсты или жениха не принимаютъ: никто даже и не спрашиваетъ объ ихъ желаніи. Въ виду численнаго перевѣса среди остяковъ мужчинъ, на возрастъ и внѣшнюю красоту будущей спохи отецъ жениха не обращаетъ вниманія. Отъ будущей жены своего сына онъ требуетъ лишь работоспособности. Впрочемъ, остяки, даже въ томъ случаѣ когда они вступаютъ въ бракъ самостоятельно, возрастомъ и эстетическими мотивами въ выборѣ жены не руководятся. Поэтому неравные браки среди нихъ не представляютъ исключительнаго явленія. Такъ, напримѣръ, одинъ остякъ изъ Бардаковскихъ юртъ женилъ своего 16 лѣтняго сына на 40 лѣтней остячкѣ, а одна старуха 70 лѣтъ изъ юртъ Комаровскихъ, имѣвшая уже правнуковъ, вышла замужъ за юганскаго 30 лѣтняго остяка. Несовершеннолѣтній, 14 лѣтній супругъ живетъ со своей женой безъ вѣнчанія, потому что для вступленія въ бракъ требуется достиженіе мужчиною 18 лѣтняго возраста. Когда супруги обращаются къ священнику для закрѣпленія своихъ узъ, они оказываются уже семейными, имѣющими иногда нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Всякій, собирающійся жениться, долженъ уплатить своему будущему тестю извѣстную, обусловленную между ними, сумму вознагражденія (калымъ). Основаніе калыма зиждется на тѣхъ соображеніяхъ, что отецъ невѣсты уже понесъ извѣстныя затраты на воспитаніе своей дочери, и, слѣдовательно, отдавая ее замужъ въ томъ возрастѣ, когда она могла бы вознаградить его своей работой, онъ считаетъ себя въ правѣ взять за это съ будущаго своего зятя извѣстный выкупъ, который хотя бы отчасти покрылъ произведенныя имъ издержки. Такія соображенія считаютъ вполнѣ справедливыми. Размѣръ калыма колеблется отъ 10 до

100 и болѣе рублей вещами, рѣдко деньгами, и зависитъ отъ обоюднаго соглашенія отца невѣсты и жениха, равно какъ отъ состоятельности того и другого. Отъ этого послѣдняго обстоятельства зависитъ и срокъ уплаты калыма. Если женихъ состоятельный, то онъ уплачиваетъ калымъ сразу; въ противномъ случаѣ, часть калыма вносится при сватовствѣ, а остальныя части уплачиваются послѣдующими взносами. Иногда уплата калыма производится въ теченіе 2—3 лѣтъ и болѣе.

За своей дочерью остякъ даетъ приданое. Приданое обыкновенно состоитъ изъ необходимаго платья и обуви, которыя имѣются налицо. Особаго приданаго, какъ напримѣръ у русскихъ, не шьется, но необходимой составной его частью служитъ собака и собачья нарта. Эти послѣдніе предметы составляютъ атрибуты каждой хозяйки, потому что первой ея обязанностью считается заготовка для хозяйства дровъ, которыя она перевозитъ съ мѣста рубки на собакахъ. У кого есть лошади, коровы или олени, тотъ къ приданому прибавляетъ какое либо изъ этихъ животныхъ.

Самое сватовство совершается такъ.

Сватъ со стороны жениха, вмѣстѣ съ самимъ женихомъ, пріѣзжаютъ въ селеніе, гдѣ живетъ намѣченная невѣста; при этомъ они останавливаются непремѣнно въ посторонней юртѣ. Сватъ принарядившись, съ посохомъ, который составляетъ необходимый атрибутъ каждаго свата, является къ отцу невѣсты и, низко кланяясь, объясняетъ ему цѣль своего прихода. По установившемуся среди остяковъ обычаю, отецъ невѣсты молчитъ. Не дождавшись никакого отвѣта, сватъ возвращается къ жениху и передаетъ ему о своей неудачѣ. Женихъ сейчасъ же посылаетъ его вторично. Сватъ, опять съ низкимъ поклономъ, старается вызвать отца невѣсты на разговоръ. Тотъ по прежнему упорно молчитъ и сватъ опять уходитъ ни съ чѣмъ. Тогда женихъ, по совѣту своего свата, посылаетъ его въ третій разъ, но уже съ бутылкой водки. Этотъ третій визитъ является рѣшающимъ судьбу сватовства. Если отецъ невѣсты не желаетъ выдать свою дочь, то онъ не возьметъ угощенія. Въ такомъ случаѣ, сватовство прекращается окончательно и женихъ отправляется домой. Въ случаѣ согласія, отецъ невѣсты выпиваетъ нѣсколько рюмокъ принесеннаго сватомъ водки, но попрежнему не говоритъ свату ни одного слова. Обрадованный счастливымъ предзнаменованіемъ, сватъ возвращается къ жениху и совѣтуетъ ему отправить съ нимъ подарки. Въ четвертый свой визитъ сватъ отъ имени жениха подноситъ отцу невѣсты матеріи на халатъ, а матери невѣсты—шаль и угощаетъ ихъ изъ той же бутылки, которую носитъ съ собой до конца сватовства. Съ этого визита отецъ невѣсты уже вступаетъ со сватомъ въ разговоръ. Не принимая въ руки принесенныхъ подарковъ, онъ заявляетъ свату что дочь его не годится въ жены, потому что она отличается сердитымъ характеромъ. Сватъ старается разубѣдить отца невѣсты, но безуспѣшно; оста-

вивъ подарки, онъ возвращается къ жениху. Женихъ посылаетъ свата въ пятый разъ, чтобы тотъ передалъ отцу невѣсты, что онъ согласенъ взять его дочь себѣ въ жены и съ указаннымъ недостаткомъ. Въ этотъ визитъ и въ послѣдующіе отецъ невѣсты продолжаетъ отказывать свату, ссылаясь на тѣ или иные мнимые недостатки своей дочери. Наконецъ, когда женихъ изъявляетъ желаніе взять его дочь со всѣми ея неприглядными качествами, которыя тотъ повѣдалъ свату, отецъ поднимаетъ вопросъ о калымѣ, назначая послѣдній въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ какой рѣшилъ взять. Начинается торгъ, женихъ предлагаетъ калымъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, постепенно его повышая, а отецъ невѣсты, въ свою очередь, постепенно уменьшаетъ его сумму, пока не наступитъ полное соглашеніе. Обыкновенно послѣднее подгоняется къ 16-му визиту свата. Во время 16-го визита обѣ стороны приходятъ къ окончательному соглашенію, и заканчиваютъ процедуру сватовства рукобитіемъ. Всѣ 16 визитовъ дѣлаются въ одинъ день, причемъ сватъ ведетъ имъ тщательный счетъ, дѣлая зарубки на своемъ посохѣ. Послѣ 16-го визита, женихъ, въ сопровожденіи свата и своей родни, идетъ въ юрту къ невѣстѣ. Обыкновенно, къ приходу жениха, въ юртѣ невѣсты на парахъ натягивается пологъ, подъ которымъ невѣста ожидаетъ своего жениха; входъ подъ пологъ охраняетъ мать невѣсты. Женихъ входитъ въ юрту, и, желая открыть себѣ доступъ къ невѣстѣ, даритъ ея матери вторую шаль; тогда послѣдняя приподнимаетъ пологъ и пропускаетъ жениха. Женихъ и невѣста садятся спиной другъ къ другу, и начинается общее угощеніе всѣхъ собравшихся въ юртѣ. Обыкновенно тогда угощеніе, главнымъ образомъ, въ видѣ вина, бываетъ со стороны жениха. Въ это посѣщеніе жениха отецъ невѣсты получаетъ часть договореннаго калыма. Пируютъ остяки обыкновенно до трехъ дней, послѣ чего гости разъѣзжаются; женихъ на нѣкоторое время остается въ юртѣ, уже въ качествѣ мужа. Затѣмъ, и онъ уѣзжаетъ къ себѣ домой, предварительно уговорившись о времени, когда онъ привезетъ остальной калымъ и возьметъ съ собой жену. Увозъ жены пиромъ не сопровождается.

Не всякій остякъ въ состояніи уплатить требуемый обычаемъ калымъ; поэтому среди несостоятельныхъ остяковъ иногда встрѣчаются случаи похищенія невѣстъ. Похищеніе невѣсты возможно лишь съ согласія послѣдней. Совершивши кражу невѣсты и обвѣнчавшись съ ней, зять старается примириться съ тестемъ. Мировая между ними сопровождается угощеніемъ и подарками со стороны зятя. Впрочемъ, случаи похищенія невѣстъ среди остяковъ очень рѣдки.

Если женихъ или невѣста умрутъ до совершенія брака, а калымъ окажется внесеннымъ до свадьбы, то послѣдній возвращается жениху, или въ случаѣ смерти жениха, его ближайшимъ родственникамъ. Калымъ возвращается и въ случаѣ развода по винѣ жены.

Разводъ среди остяковъ—сравнительно рѣдкое явленіе. Онъ встрѣ-

чается только среди тѣхъ изъ нихъ, которые не успѣли закрѣпить свои брачныя узы вѣнчаніемъ. Браки, зарегистрированные священникомъ, не расторгаются. Поэтому остяки избѣгаютъ жить безъ вѣнчанія: „такъ лучше, разсуждаютъ они, а то или женихъ оставитъ невѣсту, или невѣста убѣжитъ отъ жениха“. Невѣнчанные браки расторгаются изъ за несогласій, происходящихъ между супругами, и, главнымъ образомъ,— изъ-за суроваго или несправедливаго обращенія съ женою мужа. Бываютъ случаи, хотя очень рѣдко, что жена покидаетъ своего мужа ради увлеченія другимъ остякомъ. Вообще разводъ становится предметомъ судебнаго разбирательства, главнымъ образомъ, на почвѣ требованій возврата калыма или приданаго. Общій волостной сходъ въ присутствіи старшины производитъ изслѣдованіе, кто виноватъ въ происшедшемъ разладѣ. Если неправымъ окажется мужъ, то съ него требуютъ возврата приданаго жены; въ противномъ случаѣ, тесть обязывается или заставить свою дочь вернуться къ мужу или возвратить взятый имъ калымъ. Разводъ встрѣчается и среди супруговъ, уже имѣющихъ дѣтей; въ такомъ случаѣ, дѣти остаются у отца.

Власть главы въ семействѣ почти неограничена; хотя онъ не имѣетъ права vitae ac necis, тѣмъ не менѣе ему безпрекословно повинуются всѣ члены семейства. За смертью отца, главою семейства становится старшій сынъ, если только семья живетъ вмѣстѣ. Весь семейный обиходъ лежитъ на обязанности жены: она шьетъ одежду для всѣхъ членовъ семьи, плететъ изъ камыша ковры, готовитъ кушанье, носитъ воду, рубитъ и доставляетъ къ юртѣ дрова, въ случаѣ надобности переноситъ съ мѣста на мѣсто юрту или чумъ и т. п. Въ то же время она слѣдуетъ за своимъ мужемъ, когда онъ куда-нибудь отлучается, даже въ томъ случаѣ, если его отлучка кратковременна. Мужъ занятъ исключительно своими промыслами, которые отнимаютъ все его время.

Отличительной чертой остяка, какъ семьянина, является его любовь къ дѣтямъ и къ женѣ. Весьма возможно, что чадолюбіе остяка объясняется его малой плодовитостью или повышеннымъ процентомъ смертности остяцкихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, если у остяка больна жена или ребенокъ, онъ не отлучается изъ юрты даже для необходимыхъ промысловъ. Не смотря на бѣдность, остякъ, насколько можетъ, холитъ и лелѣетъ своего ребенка. Бо́льшими симпатіями въ семьѣ пользуются мальчики. Къ пасынкамъ и падчерицамъ остякъ относится холоднѣе и при первой возможности старается удалить ихъ изъ своего семейства, боясь, чтобы естественная любовь къ нимъ ихъ родной матери не отвлекла ея вниманія отъ заботъ о немъ. Мнѣ лично извѣстенъ даже такой случай, когда одинъ остякъ, женившійся вторично, по настоянію своей второй жены удалилъ изъ семейства своего роднаго сына.

Отношеніе дѣтей къ родителямъ сравнительно хорошо, и если первые не выказываютъ послѣднимъ особой нѣжности, то это объясняется

исключительно природной грубостью ихъ. Случаи драки между родителями и взрослыми дѣтьми составляютъ явленіе очень рѣдкое, вызываемое лишь высокой степенью опьяненія, когда разсудокъ перестаетъ руководить дѣйствіями и поступками.

Наслѣдственное обычное право у остяковъ развито слабо. Обыкновенно въ наслѣдствѣ участвуютъ только мужчины; на женщинъ наслѣдственное право не распространяется. По смерти главы семейства имущество дѣлится между сыновьями, и то только между тѣми, которые жили вмѣстѣ съ отцомъ; тѣ же, которые выдѣлились изъ семьи, хотя бы они были старше, въ дѣлежѣ наслѣдства не участвуютъ. Мать-вдова идетъ на попеченіе одного изъ своихъ сыновей, получившихъ долю въ отцовскомъ наслѣдствѣ. Если послѣ смерти главы семейства остались несовершеннолѣтнія дѣти, то все имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, поступаетъ въ вѣдѣніе вдовы, которая является опекуншей надъ своими дѣтьми до наступленія совершеннолѣтія сыновей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова не въ состояніи поддерживать оставшуюся семью, опекуномъ становится ближайшій родственникъ; тогда все движимое имущество умершаго становится собственностью опекуна, за что онъ въ свою очередь долженъ принять къ себѣ на попеченіе вдову со всѣмъ ея семействомъ. Недвижимое имущество поступаетъ лишь во временное пользованіе родственника, впредь до совершеннолѣтія сыновей умершаго. Опека вдовы надъ своими дѣтьми прекращается и въ томъ случаѣ, когда она вступаетъ въ новый бракъ. Недвижимое имущество, какъ то: рыболовныя угодья, кедровники и т. п., не становятся объектами наслѣдства потому, что всѣ подобныя мѣстности составляютъ родовую собственность и отдѣльныя семейства владѣютъ ими лишь на правѣ пользованія. Что касается юрты, то этотъ родъ недвижимаго имущества не переходитъ по наслѣдству изъ присущей всѣмъ остякамъ боязни къ покойникамъ и ко всему тому, что соединяется съ воспоминаніемъ о нихъ. Поэтому юрта, гдѣ умеръ глава семейства, оставляется его дѣтьми и родственниками на произволъ.

Мужъ наслѣдуетъ женѣ; жена же наслѣдуетъ мужу только въ томъ случаѣ, когда онъ умретъ бездѣтнымъ и живетъ отдѣльно отъ своего отца и братьевъ. Когда послѣ умершаго пѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, имущество его переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ по мужской линіи.

Завѣщаній среди остяковъ не существуетъ, и наслѣдниками посторонніе лица быть не могутъ, если бы даже на то и была воля умершаго.

Тѣ угодья, которыми извѣстное семейство или родъ владѣютъ на правахъ пользованія, считаются неприкосновенными; поэтому эксплуатація такихъ мѣстъ посторонними лицомъ считается правонарушеніемъ, наказуемымъ остяками по обычному праву (обыкновенно, у такого

лица отбирается то, чѣмъ оно воспользовалось на чужомъ угодьи, и сверхъ того на него налагается штрафъ). Границы угодій у остяковъ опредѣлены точно. Границами служатъ обыкновенно рѣчки и мысы. Уважая права собственности, остякъ не позволяетъ себѣ охоту на чужой территоріи. Если во время охоты звѣрь перебѣжитъ въ предѣлы чужого угодья, остякъ прекращаетъ свои преслѣдованія, если же онъ убьетъ его на чужой землѣ, то, по установившемуся среди остяковъ обычаю, охотникъ шкуру убитаго звѣря отдаетъ владѣльцу той территоріи, на которой онъ убилъ его, а мясо беретъ себѣ. У остяковъ считается также проступкомъ срубить въ предѣлахъ чужого угодья дерево, пригодное для челна. Интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай, ставшій предметомъ судебнаго разбирательства у казымцевъ: остякъ Мазьянскихъ юртъ срубилъ у выргинскихъ остяковъ кедръ и сдѣлалъ изъ него лодку. Когда на судѣ было указано, что кедръ принадлежалъ выргинскимъ остякамъ, то лодка перешла во владѣніе послѣднихъ; кромѣ того, за свой самовольный поступокъ мазьянскій остякъ принужденъ былъ уплатить штрафъ, въ размѣрѣ 10 рублей.

Свои угодья, главнымъ образомъ рыболовныя, остяки сдаютъ въ аренду русскимъ промышленникамъ. Аренда заключается формальнымъ порядкомъ.

Формы договоровъ и сдѣлокъ, существующихъ въ практикѣ остяка, немногочислены: ему извѣстны дареніе, купля-продажа, личный наемъ и займы.

Дареніе среди остяковъ встрѣчается довольно часто, но практикуется оно преимущественно между родственниками. Дареніе не всегда вызываетъ отдариваніе. Нѣкоторыя обстоятельства изъ личной или семейной жизни, какъ, напр., сватовство, всегда сопровождаются подарками. Дареніе у остяковъ юридическаго характера не имѣетъ.

Наиболѣе распространенной среди остяковъ формой юридическихъ сдѣлокъ является купля-продажа. Единицей цѣнности при куплѣ-продажѣ служитъ рубль. Купля-продажа никакими формальностями не сопровождается.

Личный наемъ среди остяковъ встрѣчается только въ одной формѣ,—когда остякъ нанимается въ рабочіе къ русскому рыбопромышленнику. Личнаго найма между остяками не существуетъ. Наемъ въ существующей у остяковъ формѣ всегда заключается формальнымъ договоромъ, засвидѣтельствованнымъ мѣстной инородной управой, а иногда даже нотаріальнымъ порядкомъ. Однимъ изъ видовъ личнаго найма, практикуемаго въ рыбопромышленныхъ районахъ, являются наемъ изъ „пая“.

Заемъ встрѣчается какъ между остяками, такъ между ними и русскими. Объектомъ этого рода сдѣлки служатъ только деньги. Предметы

домашняго обихода, какъ то: мука, чай, хлѣбъ, порохъ и т. п. тоже служатъ предметами займа, но послѣдній въ этомъ случаѣ носитъ частный характеръ и юридически не закрѣпляется. Заемъ иногда не сопровождается формальнымъ договоромъ, а зиждется исключительно на взаимномъ довѣріи заключающихъ сдѣлку сторонъ. Формальное заключеніе займа выражается въ передачѣ объекта при свидѣтеляхъ или подъ расписку. Расписка, какъ обезпеченіе заключенной сдѣлки, встрѣчается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остяки подверглись извѣстной степени обрусѣнія. За неграмотностью, а часто даже за полнымъ незнаніемъ русскаго языка, остякъ необходимую въ распискахъ подпись замѣняетъ прикладываніемъ тамги. Тамга есть рукописный знакъ, изстари принадлежащій извѣстному роду (соотвѣтствующему русскому сельскому обществу). Тамга представляетъ собою въ большинствѣ случаевъ изображеніе какого нибудь животнаго, составлявшаго главный предметъ охоты или хозяйства извѣстнаго рода еще въ то время, когда тамга была присвоена роду. Условія жизни того или иного рода, съ переселеніемъ его на новое мѣсто, могли подвергнуться существенному измѣненію: прежніе промыслы замѣнились новыми, одно хозяйство смѣнить другое, и тѣмъ не менѣе тамга оставалась прежней. Такъ, напр., тамга подгородной Тромъ-Юганской волости (входящей въ настоящее время въ составъ Локосовской инородной управы Сургутскаго уѣзда) представляетъ изображеніе оленя, который былъ главнымъ объектомъ промысла этихъ инородцевъ, когда они еще жили на Тромъ-Юганѣ. Разселившись затѣмъ по Оби, эти инородцы изъ оленеводовъ превратились исключительно въ рыболововъ и отъ прежняго ихъ хозяйства сохранилось одно лишь воспоминаніе; тѣмъ не менѣе, тамга у нихъ осталась прежней. Остяки Сургутскаго уѣзда, входящіе въ составъ той или другой инородной управы, имѣютъ тамгу со слѣдующимъ изображеніемъ:

У Тундринской управы—тетеревъ и олень.
У Юганской „ —тетеревъ, олень и соболь.
У Локосовской „ —олень и лукъ.
У Лумпокольской „ —елка.
У Ларьятской „ —елка.

Въ настоящее время по закону тамга не имѣетъ юридическаго значенія.

Въ пунктахъ, отдаленныхъ отъ русскихъ поселеній и торговаго тракта, расписки замѣняются деревянными бирками. Обыкновенно на небольшомъ брускѣ дѣлаются зарубки, число которыхъ соотвѣтствуетъ количеству взятыхъ въ заемъ предметовъ. Если уплата долга происходитъ по частямъ, то количество зарубокъ, соотвѣтствующее количеству отданныхъ предметовъ, срѣзывается по мѣрѣ поступленія долга. Иногда брусокъ раскалывается вдоль, при чемъ одну часть бруска заимодавецъ

оставляетъ у себя, а дубликатъ отдаетъ должнику. Вообще, расписки и свидѣтели, обезпечивающіе заемъ, если послѣдній заключенъ между остяками, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Присущія остякамъ честность и взаимное довѣріе достаточно гарантируютъ заключенныя между ними сдѣлки.

Артельныя начала мало свойственны остякамъ; если среди нихъ встрѣчаются небольшія артели (изъ 3—4 человѣкъ), занимающіяся рыболовствомъ, то это явленіе объясняется физической невозможностью пользоваться неводомъ иначе. Тоже можно сказать и относительно медвѣжьей охоты, на которую остяки идутъ сообща. Артель рыболововъ, если она состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ семействамъ, дѣлитъ добытую рыбу на соотвѣтствующія доли. При медвѣжьей охотѣ добыча становится собственностью нашедшаго логовище звѣря. Участникамъ охоты онъ ставитъ угощеніе, состоящее изъ медвѣжьяго мяса и т. п.

Нѣкоторыя особенности представляетъ правовой бытъ кондинскихъ остяковъ. Послѣдніе на всякое преступленіе смотрятъ, какъ на навожденіе злого духа. Тѣмъ не менѣе, къ преступникамъ они относятся съ презрѣніемъ. Сумасшедшихъ не судятъ и преступленія имъ въ вину не ставятъ. Если преступленіе было вызвано голодомъ, то къ совершившему преступленіе относятся снисходительно и не наказываютъ его. Главный виновникъ и сообщники наказываются одинаково. По народному обычаю тяжкими преступленіями считаются убійство и грабежъ, а менѣе важными—кража, мошенничество и др., подобныя имъ. Виновнаго въ изнасилованіи дѣвицы обязываютъ взять потерпѣвшую замужъ. У кондинскихъ остяковъ во всѣхъ преступленіяхъ, кромѣ убійства, преступникъ можетъ искупить свою вину, испросивъ прощеніе у потерпѣвшаго и во всякомъ случаѣ, вознаградивъ его деньгами или чѣмъ-либо другимъ. Дѣти, оскорбившіе своихъ родителей словомъ или дѣйствіемъ, призываются на сходку, гдѣ ихъ обязываютъ публично просить у родителей прощеніе и поклониться имъ въ ноги. Родовой мести у нихъ не существуетъ.

Понятіе о дѣленіи имущества на движимое и недвижимое у кондинскихъ остяковъ туманно и неопредѣленно. Однимъ изъ основаній пріобрѣтенія вещей въ собственность или пользованіе служитъ, кромѣ даренія, наслѣдства и т. п., еще и выдѣлъ. Давности владѣнія имуществомъ, какъ источника права, у нихъ нѣтъ; но бываютъ случаи, что остякъ на свободномъ чужомъ участкѣ промышляетъ звѣря и рыбу до тѣхъ поръ, пока не явится хозяинъ. Угодья имѣютъ только какія-либо естественныя границы; межевыхъ знаковъ не существуетъ.

Гражданско-правовой бытъ самоѣдовъ въ общихъ своихъ чертахъ тотъ же, что и бытъ остяковъ, за исключеніемъ правъ наслѣдованія.

Въ то время, какъ среди остяковъ право наслѣдованія распространяется только по мужской линіи, у самоѣдовъ это право переходитъ и на женщинъ. Кромѣ того, среди самоѣдовъ существуетъ обычай оставлять послѣ себя духовныя завѣщанія. Въ остальномъ гражданско-правовой бытъ этихъ двухъ народностей существеннаго различія не имѣетъ.

У самоѣдовъ, какъ язычниковъ, церковнаго брака не существуетъ. Все сводится къ обыкновенной куплѣ-продажѣ. Отсутствіе церемоній сватовства и даже пира, которымъ бы сопровождалось заключеніе брака, еще болѣе подчеркиваетъ положеніе невѣсты, какъ товара. Только по привозѣ молодой жены въ свой чумъ самоѣдинъ колетъ оленя, но и это послѣднее обстоятельство не носитъ характера свадебнаго пиршества, какое имѣетъ мѣсто у остяковъ.

Нерѣдко жену для своего сына отецъ покупаетъ заблаговременно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ что до наступленія возмужалости женихъ и невѣста ростутъ вмѣстѣ какъ братъ и сестра. Случается, что и пожилые вдовцы покупаютъ себѣ маленькихъ дѣвочекъ и взращиваютъ ихъ: „счастія мнѣ не было съ большой, говоритъ вдовый самоѣдинъ, попробую выращу маленькую“.

Калымъ и приданое у самоѣдовъ имѣютъ бо́льшее значеніе, чѣмъ у остяковъ. Самый бѣдный самоѣдинъ платитъ калымъ въ количествѣ 15-20 оленей, и при томъ непремѣнно важенками, обыкновенная цѣна которой отъ 6 до 8 рублей. Калымъ уплачивается впередъ, а вслѣдъ затѣмъ увозятъ невѣсту. Малосостоятельные самоѣды уплату калыма производятъ въ нѣсколько сроковъ, смотря по обоюдному соглашенію обѣихъ сторонъ.

Похищеніе невѣсты встрѣчается у самоѣдовъ только въ томъ случаѣ, когда женихъ не сошелся съ отцомъ невѣсты въ размѣрѣ калыма, а слѣдовательно оно вызывается лишь матеріальными соображеніями. Однако, этотъ способъ пріобрѣтенія себѣ жены обыкновенно влечетъ еще большій расходъ со стороны жениха, такъ какъ отецъ невѣсты, кромѣ калыма, требуетъ съ похитившаго его дочь еще своего рода пеню. Инородческій судъ въ такихъ случаяхъ всегда склоняется въ пользу отца невѣсты. Вообще нужно замѣтить, что случаи похищенія невѣстъ среди самоѣдовъ, какъ и среди остяковъ, весьма рѣдки.

Соотвѣтственно цѣнности калыма, невѣста приноситъ приданое. Такъ, напримѣръ: если за невѣсту платится калымъ въ 30 оленей, то невѣста обязана принести: половину чума (2 нюги) и соотвѣтствующую этой половинѣ подстилку, 2 нарты подъ нихъ, отдѣльную нарту для себя и 2-3 оленя со сбруей, кромѣ того 2 ягушки, обувь и проч. Этимъ приданое не исчерпывается. По установившемуся обычаю, жена ежегодно навѣщаетъ своихъ родителей съ цѣлью полученія отъ нихъ подарковъ. Послѣдніе обыкновенно состоятъ изъ платья, такъ, что мужу

почти совсѣмъ не приходится расходоваться на одежду для своей жены. Самоѣды по этому поводу разсуждаютъ такъ: мужъ уплатилъ за жену калымъ въ количествѣ, напримѣръ, 30 важенокъ; тѣмъ самымъ онъ значительно увеличилъ состоятельность тестя, такъ какъ каждая важенка обыкновенно телится ежегодно; отсюда совершенно справедливо со стороны тестя дѣлать ежегодные подарки въ пользу своего зятя. Кромѣ этого разсужденія, основаніемъ ежегодныхъ подарковъ является естественная заботливость родителей о своей замужней дочери. Вообще этотъ обычай на столько укоренился среди самоѣдовъ, что родители заблаговременно готовятъ одежду къ пріѣзду своей дочери. Иногда вмѣсто одежды дарятъ оленя. Если тесть живетъ сравнительно близко, то зять самъ привозитъ къ нему его дочь; доставленіе ея обратно обыкновенно лежитъ на обязанности тестя. Характерно то обстоятельство, что если жена явится отъ своего отца безъ подарковъ, то мужъ считаетъ за тестемъ долгъ въ размѣрѣ одного оленя. Въ томъ же случаѣ, когда тесть и зять живутъ очень далеко другъ отъ друга, такъ что ежегодныя поѣздки жены къ своему отцу невозможны, то мужъ не требуетъ подарковъ отъ отца жены и долга за нимъ не считаетъ.

Разводъ среди самоѣдовъ встрѣчается по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и среди остяковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разводъ происходитъ по винѣ мужа, отецъ жены обязывается возвратить своему бывшему зятю половину калыма, если же разводъ вызванъ со стороны жены, то калымъ возвращается весь. Если жена уходитъ къ другому самоѣдину, увлекшись послѣднимъ, то судъ увѣщеваетъ ее возвратиться къ своему прежнему мужу, въ случаѣ же ея несогласія присуждаетъ обольстителя уплатить стоимость калыма въ пользу обиженнаго мужа. За несогласіе подчиниться этому приговору оба жена и ея обольститель приговариваются къ розгамъ. Въ концѣ концовъ самоѣдинъ, конечно, соглашается на уплату калыма. При всѣхъ случаяхъ развода, дѣти остаются у отца.

Послѣ смерти своей жены, самоѣдинъ беретъ ея сестру. На овдовѣвшей мачехѣ женится ея пасынокъ. Послѣдній объясняетъ свой поступокъ разсужденіемъ: „отецъ деньги за нее давалъ,—нельзя отпустить“.

Что же касается положенія жены и дѣтей въ семьѣ, то оно таково же, какъ и у остяковъ, съ той лишь разницею, что заготовка дровъ для хозяйственныхъ надобностей лежитъ у самоѣдовъ на обязанности мужчинъ; на обязанность женщинъ, вмѣсто этого, возлагается установка и разборка чума. Затѣмъ, въ виду громаднаго значенія среди самоѣдовъ калыма, дочь пользуется бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ сынъ, такъ какъ она для семьи представляетъ значительную цѣнность.

Въ области обычнаго права самоѣды немногимъ отличаются отъ остяковъ.

Дареніе у самоѣдовъ практикуется весьма рѣдко и только между чужими и вызываетъ отдариваніе.

Личный наемъ существуетъ только среди бѣдныхъ самоѣдовъ, которые нанимаются въ работники къ богатымъ. Если нанимаются семейные, то жалованья они не получаютъ, а вмѣсто этого наниматель содержитъ на свой счетъ всю семью работника; если нанимаются одинокіе, то, кромѣ полнаго содержанія, они получаютъ отъ своего хозяина жалованье въ размѣрѣ 4-5 оленей въ годъ.

Заемъ практикуется денежный, но болѣе всего оленями. Давшій важенку черезъ годъ получаетъ ту же или другую важенку. Если должникъ не уплатилъ черезъ годъ долга, то онъ долженъ платить впослѣдствіи за каждый просроченный годъ въ видѣ процентовъ по теленку, натурой или деньгами. Обыкновенно теленокъ цѣнится въ 4 рубля и два теленка идутъ за одного взрослаго оленя. При займахъ расписки не берутъ,—употребляются бирки. Нерѣдко должникъ расплачивается продуктами своихъ промысловъ. Среди самоѣдовъ въ сдѣлкахъ между собою установилась слѣдующая расцѣнка этихъ продуктовъ:

Осетръ	за	пудъ	. . .	2	руб.	„ коп.
Муксунъ		„	. . .	1	„	„ „
Сырокъ		„	. . .	„	„	50 „
Щекуръ		„	. . .	1	„	„ „
Ныжьянъ		„	. . .	„	„	50 „
Оленина	за	штуку	. .	1	„	„ „
Неплюй		„	. . .	2	„	„ „
Темная пѣшка			. . .	1	„	„ „
Песецъ		„	. . .	2	„	„ „
Крестоватикъ			. . .	„	„	50 „

Артели организуются только для рыболовнаго промысла.

Въ виду того, что ознакомленіе съ обычнымъ правомъ инородцевъ сѣвера по подлиннымъ документамъ и дѣламъ можетъ представить для многихъ значительный интересъ, я счелъ не лишнимъ въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, помѣстить матеріалы для изученія обычнаго права инородцевъ Березовскаго уѣзда. Матеріалы эти почерпнуты мною изъ офиціальныхъ документовъ инородныхъ управъ и архива Березовскаго окружнаго суда.

Глава VI.

Жилища *).

Жилища остяковъ,—юрта-землянка и зимняя, бревенчатая юрта; внутренность юрты; лабазъ — Лѣтняя бревенчатая юрта.—Берестяная юрта.—Бревенчатая юрта вогуловъ — Устройство самоѣдскаго чума; его внутренность.—Перевозка самоѣдами своего имущества.

Жилища инородцевъ Тобольскаго Сѣвера, находясь въ зависимости отъ образа жизни каждаго племени, отличаются значительнымъ разнообразіемъ.

У остяковъ, какъ племени, раскинутаго на значительномъ пространствѣ, жилища носятъ различный характеръ, смотря по степени ихъ осѣдлости. Они живутъ и въ юртахъ-землянкахъ, въ бревенчатыхъ юртахъ и, наконецъ, въ избахъ русскаго типа, иногда напоминающихъ благоустроенные дома.

Для устройства остяцкой юрты-землянки, надъ вырытой въ землѣ неглубокой четырехугольной ямой, ставится небольшой срубъ,—вѣнца въ три. По угламъ этого сруба укрѣпляются стропила, верхніе концы которыхъ, соединенные небольшими поперечниками, представляютъ отверстіе въ квадратный аршинъ. Это отверстіе служитъ окномъ. За неимѣніемъ стекляннои рамы, зимою въ него вставляется льдина. На стропилахъ устраивается рѣшетка изъ топкаго тальника или драни, которая покрывается сначала сѣномъ, камышемъ или тисками, а сверху—землею. Такимъ образомъ, крыша получается четырехскатная, и вся землянка имѣетъ видъ усѣченной пирамиды.

Бревенчатая юрта бываетъ обыкновенно низка; она имѣетъ плоскую двухскатную крышу, крытую тисками, а сверху нихъ—землею. Въ стѣнахъ прорубаются 1-2 отверстія для окопъ, куда зимою вставляются льдины. Полъ бываетъ деревянный, а потолка совершенно нѣтъ. Юрты ставятся безъ сѣней. Чтобы входъ въ юрту не заносился снѣгомъ, его обставляютъ толстыми жердями.

Внутри всякой юрты, будетъ ли это земляная или бревенчатая, устраиваются вдоль противоположной входу стѣны нары. Въ одномъ изъ свободныхъ угловъ, а иногда и у свободной стѣны, ставится чувалъ. Послѣдній состоитъ собственно изъ чувала и трубы.

Собственно—чувалъ есть родъ камина полукруглой формы, суживающійся кверху; онъ имѣетъ въ ширину одинъ аршинъ съ небольшимъ и въ вышину $1^1/_2$ аршина; выпележащая часть составляетъ трубу. Остовъ чувала дѣлается изъ вершковыхъ деревянныхъ кольевъ, которые скрѣпляются обручами. Остовъ ставится въ юртѣ на надлежащее мѣсто, а труба пропускается сквозь продѣланное въ крышѣ отверстіе; при этомъ весь чувалъ имѣетъ уклонъ наружу. Самый очагъ окаймляется деревяннымъ

*) (См. рис. 17—20).

брускомъ. Остовъ съ внутренней и наружной стороны замазывается глиной, перемѣшанной съ измельченнымъ сѣномъ; цементомъ служитъ конскій или коровій навозъ. Къ бокамъ чувала ставятся сошки, на которыя кладется таганъ-колъ, служащій для подвѣшиванія въ чувалѣ котла или чайника. Иногда сошка замѣняется продѣлываемыми въ бокахъ чувала двумя отверстіями, куда просовывается таганъ. Для сохраненія въ чувалѣ тепла отверстіе въ трубѣ закладывается особой затычкой, сдѣланной изъ жгутовъ сѣна. Снаружи труба закрывается круглой берестяной закрышкой, которая предохраняетъ внутренность чувала отъ снѣга.

Въ противоположномъ чувалу углу юрты устраивается нѣчто въ родѣ большихъ полокъ. Здѣсь хранится посуда, вода и провизія.

Нары застилаются сѣномъ, затѣмъ покрываются коврами изъ травы, камыша или тисками. Сверху кладутся оленьи шкуры. Иногда нары имѣютъ одну или двѣ перегородки, вышиною около 1½ аршинъ, составляющія какъ бы отдѣльныя помѣщенія.

Необходимой принадлежностью каждаго хозяйства является амбаръ-лабазъ. Онъ устраивается на особыхъ стойкахъ. Количество послѣднихъ зависитъ отъ размѣровъ лабаза. Стойка представляетъ изъ себя обыкновенный круглый столбъ, толщиною до 6 вершковъ. На разстояніи ¼ арш. отъ верхняго конца столбъ запиливается на глубину 1½ вершка и, затѣмъ, на протяженіи полуаршина стесывается до запиленнаго мѣста. Такимъ образомъ, стойка получаетъ форму суживающагося въ средней части столба, образующаго здѣсь выемку. Послѣдняя препятствуетъ мышамъ проникать въ лабазъ по этимъ столбамъ. Большіе лабазы рубятся изъ бревенъ, а малые—дѣлаются изъ досокъ. Такіе лабазы устраиваются не только при жилыхъ помѣщеніяхъ, но и на мѣстахъ отдаленныхъ промысловъ.

Лѣтнія бревенчатыя юрты почти ничѣмъ не отличаются отъ зимнихъ. Берестяныя юрты представляютъ типъ бараковъ. Остовъ ихъ дѣлается изъ кольевъ и покрывается тиской. Огонь разводится посреди юрты, на особомъ очагѣ. Кромѣ того, лѣтними помѣщеніями служатъ еще берестяные чумы. Самоѣды лѣтомъ живутъ исключительно въ такихъ чумахъ.

Вогулы живутъ въ бревенчатыхъ юртахъ, по устройству болѣе удобныхъ, чѣмъ соотвѣтствующія юрты остяковъ. Вогульская юрта дѣлается съ сѣнями. Въ ней есть полъ и стекляныя окна; печь замѣнена чуваломъ.

Самоѣды, соотвѣтственно своему кочевому образу жизни, имѣютъ жилищемъ легко разбираемую палатку-чумъ. Онъ состоитъ изъ тонкихъ шестовъ, разставляемыхъ такъ, что остовъ принимаетъ видъ конуса; этотъ остовъ покрывается шкурами и вверху оставляется отверстіе для дыма.

Шесты, употребляемые для устройства чума, бываютъ длиною отъ 9 до 10 арш. и толщиною въ 1 вершокъ; число ихъ колеблется отъ 25 до 40 шт., смотря по размѣрамъ чума, который обыкновенно бываетъ отъ 4 до 6 арш. въ діаметрѣ (у основанія). Остовъ чума покрывается

такъ называемыми пюгами. Пюгой называется полотнище, сшитое изъ 13-19 оленьихъ шкуръ; оно имѣетъ форму трапеціи и размѣръ немногимъ превышающій половину поверхности чума. Для чума необходимы четыре пюги. Сперва остовъ покрывается двумя меньшими, внутренними пюгами, сшитыми каждая изъ 13-15 оленьихъ шкуръ; поверхъ нихъ кладутъ двѣ другія, наружныя пюги, сшитыя каждая изъ 15-19 оленьихъ шкуръ. Пюги накладываются другъ на друга такъ, чтобы мездра нижнихъ соприкасалась съ мездрой верхнихъ, а соотвѣтствующія стороны ихъ заходили бы одна на другую. Затѣмъ, къ верхней части наружныхъ пюгъ привязывается веревка, которою обматывается нѣсколько разъ верхъ чума; свободный конецъ веревки привязывается къ нартѣ, которая прислоняется къ мѣсту соединенія пюгъ для того, чтобы послѣднія не развѣвались вѣтромъ. Противоположныя полы пюги остаются свободными для входа въ чумъ.

Посреди чума кладется обыкновенной величины ($1 \times 1^1/_2$ арш.) желѣзный листъ, замѣняющій очагъ. Надъ нимъ, приблизительно на высотѣ человѣческаго роста, къ шестамъ привязываются параллельно два бруска, служащіе для подвѣшиванія тагана. Послѣдній имѣетъ видъ бруска, съ крюкомъ на нижнемъ концѣ; въ верхнемъ его концѣ дѣлается нѣсколько отверстій, одно подъ другимъ. Въ одно изъ нихъ, смотря по надобности, продѣвается поперечная палка, которая своими концами кладется на параллельные бруски. На крюкъ вѣшается чайникъ или котелъ. По обѣимъ сторонамъ очага кладутся доски. На нихъ стелятся сначала тагары (циновки изъ березовыхъ прутьевъ, длиною обыкновенно въ 2 арш. и шириною въ $1^1/_2$), затѣмъ циновка изъ травы, и, наконецъ, оленьи шкуры. Въ большомъ чумѣ съ каждой стороны кладется по 3 доски и по 2 тагара.

Ставить и разбирать чумъ лежитъ на обязанности женщинъ.

Для перевозки большого чума съ полной обстановкой требуется 5 нартъ: подъ доски, очагъ и тагары—1 нарта; подъ шесты, двѣ внутреннія пюги и посуду—2 нарты; подъ одежду, оленьи шкуры и двѣ наружныхъ пюги—2 нарты. Необходимая въ пути провизія везется на отдѣльной нартѣ. Кромѣ того, за самоѣдомъ слѣдуютъ нарты съ запасной одеждой и провизіей; эти нарты укупориваются плотно, какъ воза съ кладью. Состоятельные самоѣды имѣютъ еще особую, такъ называемую „шайтанскую“, нарту, на которой за ними слѣдуютъ пенаты и предметы религіознаго поклоненія.

Лѣтомъ самоѣды покрываютъ чумъ тисками. Послѣднія обыкновенно закупаются ими у остяковъ. Нѣкоторые самоѣды, пересѣкая во время своихъ кочевокъ мѣстности, гдѣ растетъ береза, заготовляютъ бересту, изъ которой потомъ они сами приготовляютъ тиски. Запасшіеся тисками остяцкаго издѣлія въ случаѣ надобности, перепродаютъ ихъ по 2 рубля за штуку, размѣромъ въ $2^1/_2 \times 4$ аршина.

Глава VII.

Одежда*).

Оленьи шкуры, какъ главный матеріалъ инородческой одежды.—Одежда остяковъ: одежда ребенка въ связи съ его послѣдовательнымъ физическимъ развитіемъ; постоянная мужская одежда: рубаха, штаны, жилетка, халатъ, зипунъ и поясъ; принадлежности лѣтней мужской одежды: фуражка, платокъ, обувь и рукавицы; особенности зимней мужской одежды: треухъ, шаль, шапка, шуба, опучи, обувь и рукавицы; особенности женской одежды: рубашка, штаны, халатъ, платокъ, шаль, поясъ и зимнія ноговицы.—Ношеніе колецъ среди остяковъ.—Ношеніе женщинами покрывалъ.—Способъ ношенія женщинами волосъ.—Отсутствіе различій въ одеждѣ и украшеніяхъ женщины въ соотвѣтствіи съ ея положеніемъ.—Особенности профессіональныхъ костюмовъ остяковъ: примѣненіе зипуна; „колегъ“ и „ленъ-чопъ“ ваховскихъ остяковъ; надобникъ и родъ очковъ.—Издѣлія фабричнаго производства, употребляемыя остяками для тѣхъ или иныхъ видовъ своей одежды.—Одежда русскаго типа среди обрусѣвшихъ остяковъ.—Перечень мануфактурныхъ товаровъ, употребляемыхъ остяками.—Одежда самоѣдовъ: отсутствіе бѣлья у самоѣдовъ.—Зимняя одежда самоѣдовъ: штаны, ягушка, капоръ, малица, гусь, парка, кисы, чижи, поясъ, пожъ.—Особенности лѣтней одежды самоѣдовъ.—Способъ ношенія женщинами волосъ.

Главнымъ матеріаломъ для одежды большинства инородцевъ служатъ оленьи шкуры. Можно съ увѣренностью сказать, что почти вся одежда самоѣдовъ, а также олеиеводовъ-остяковъ и вогуловъ шьется изъ оленьихъ шкуръ. Сравнительно недавно, и главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, находящихся вблизи русскихъ населенныхъ пунктовъ, стали входить въ употребленіе издѣлія фабричнаго производства. Но въ общемъ и въ настоящее время громадное большинство инородцевъ одѣвается по преимуществу въ приготовленную ими одежду.

Начну съ остяковъ.

Прежде, чѣмъ что-либо сказать объ одеждѣ взрослыхъ, я скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ остяки одѣваютъ ребенка послѣ его рожденія и какія дополненія и прибавленія къ его одеждѣ дѣлаются въ какомъ возрастѣ.

Остяки новорожденныхъ ребятъ не пеленаютъ. Обыкновенно ребенка завертываютъ въ нарочно для того сшитую заячью шкуру. Послѣдняя имѣетъ широкую прорѣху, такъ что задъ ребенка остается свободнымъ для отправленія естественныхъ потребностей. Подстилокъ не употребляется; вмѣсто нихъ въ люльку насыпаютъ измельченное гнилое таловое дерево, которое, по мѣрѣ надобности, перемѣняютъ. Въ люлькѣ ребенокъ помѣщается въ полусидячемъ положеніи, отвалившись на высокую спинку. По мѣрѣ роста ребенка, люльки мѣняются на бо́льшія. Черезъ 3-4 мѣсяца по рожденіи, на ребенка надѣваютъ рубаху, которая шьется обыкновенно изъ стараго полога. Годовому ребенку шьется обувь (ноговицы) и заячья одежда. Ребенокъ находится въ люлькѣ до тѣхъ поръ, пока не научится ходить. Съ этого времени онъ пользуется

*) (См. рис. 1—14 и 21).

одеждой, какую носятъ и взрослые, кромѣ штановъ. Когда ребенку исполнится лѣтъ 6—8, его учатъ ходить на лыжахъ; для этого ему дѣлаются маленькія лыжи, соотвѣтственно его физическому развитію. Въ это время онъ получаетъ первыя штаны. Ребенокъ, научившійся ходить на лыжахъ, слѣдуетъ за взрослыми родителями и пріучается къ работѣ, соотвѣтствующей его полу.

Постоянной одеждой остяка безъ различія времени года, служатъ рубаха, штаны, жилетка, халатъ, зипунъ и поясъ.

Мужская рубаха (см. рис. 21—8) шьется съ прямымъ разрѣзомъ на груди и широкимъ отложнымъ сукоппымъ, рѣдко байковымъ, воротникомъ; обшлага рукавовъ и ластовицы шьются изъ другой какой-нибудь матеріи, отличающейся своимъ цвѣтомъ отъ рубахи; разрѣзъ на груди иногда обшивается цвѣтной полоской изъ какой-нибудь матеріи; воротъ большею частію дѣлается изъ черпаго сукна. Обшлага, разрѣзъ на груди и концы ворота украшаются иногда вышивкой изъ цвѣтныхъ нитокъ и оленьей шерсти. Русскія рубахи, купленныя въ готовомъ видѣ, носятся остяками безъ измѣненій. Остяки носятъ рубахи всегда на выпускъ.

Покрой штановъ не имѣетъ никакихъ особенностей; они шьются лишь короче чѣмъ у русскихъ, приблизительно на ¼ аршина; иногда они бываютъ съ карманами. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развито оленеводство, встрѣчаются короткія штаны, сшитыя изъ „ровдуги“—выдѣлапной оленьей кожи безъ шерсти.

Жилетки у остяковъ такія же, какъ и у русскихъ.

Халаты (см. рис. 1) имѣютъ обыкновенный покрой и шьются изъ цвѣтной матеріи безъ подкладки; воротъ у нихъ бываетъ такой же, какъ и у рубахъ; ластовицы шьются изъ матеріи другого цвѣта; рукава, подолъ и правая пола отарачиваются узкой полосой мѣха, преимущественно выдры. Никакихъ застежекъ и пуговицъ на халатахъ не бываетъ: ихъ замѣняютъ завязки изъ матеріи или ремня, пришиваемыя къ поламъ. Украшеній на мужскихъ халатахъ не встрѣчается.

Зипунъ представляетъ изъ себя обыкновенный халатъ, только длиннѣе послѣдняго; онъ весь шьется изъ бѣлой байки.

Подпоясывается остякъ обыкновенной опояской, пріобрѣтаемой у русскихъ. Необходимой принадлежностью каждаго пояса, будетъ ли то мужской или женскій, служатъ ножны съ ножикомъ. Кожаные пояса встрѣчаются рѣдко. Мужскіе пояса никакихъ украшеній не имѣютъ. Къ своимъ поясамъ остяки, кромѣ поженъ, прикрѣпляютъ еще небольшую кожаную сумку, въ которой они держатъ при себѣ трутъ и кремень-огниво.

Перечисленная одежда носится остякомъ лѣтомъ; въ это время года онъ рѣдко носитъ обувь и фуражку. Послѣдняя одѣвается имъ лишь въ особыхъ случаяхъ,—напримѣръ, когда онъ идетъ въ гости, встрѣчаетъ начальство или отправляется въ далекій путь. Обыкновенно остякъ по-

ситъ на головѣ легкій платокъ, не столько отъ лучей солнца, сколько для защиты шеи отъ комаровъ; для этого платокъ набрасывается на голову такъ, что онъ закрываетъ голову и шею и завязывается подъ подбородкомъ. Остякъ ходитъ лѣтомъ въ большинствѣ случаевъ босымъ. Лѣтней обувью для него служатъ бродни, поговицы и сапоги. Бродни остякъ употребляетъ только при неводьбѣ, и то въ холодную погоду, ранней весной и осенью. Поговицы представляютъ изъ себя сапоги, низъ которыхъ шьется изъ кожи, а голенища—изъ холста или байки. Тамъ, гдѣ развито оленеводство или гдѣ существуетъ промыселъ дикаго оленя, встрѣчаются ровдужныя поговицы, головки и голенища которыхъ шьются изъ ровдуги. Сапоги остякъ употребляетъ въ особыхъ случаяхъ, какъ и фуражку. Рукавицы лѣтомъ употребляются только при неводьбѣ; чтобы онѣ не промокали, ихъ смазываютъ дегтемъ.

Головнымъ уборомъ въ зимнее время служатъ для остяка треухъ, шаль и шапка. Треухъ представляетъ изъ себя родъ чепца, завязывающагося подъ подбородкомъ; шьется онъ изъ выдры, изъ кисовъ оленя или теленка, изъ лисьихъ или собольихъ лапъ. Треухъ изъ кисовъ оленя или теленка шьется полосами, при чемъ темныя полосы чередуются съ свѣтлыми. Обшивается онъ мѣхомъ колонка или выдры. Сверху треуха остякъ иногда окутываетъ голову шалью; послѣднее онъ дѣлаетъ, когда, напр., отправляется на промыселъ. Иногда онъ носитъ шаль и безъ треуха; въ такомъ случаѣ шаль надѣвается такъ, что она, закрывая голову, переплетается на груди и завязывается за спиной. Шапки остяки покупаютъ у русскихъ и носятъ ихъ въ особыхъ случаяхъ; вообще шапка и шарфъ составляютъ для остяка родъ праздничной одежды.

Зимней верхней одеждой служитъ шуба, которая шьется, главнымъ образомъ, изъ зайца, затѣмъ изъ шкуры птицъ (гагаръ и утокъ), изъ шкуры оленя и иногда изъ бѣличьихъ лапъ. Шуба имѣетъ покрой, одинаковый съ халатомъ. Воротники шьются изъ головокъ зайца, шкуры россомахи и выдры, изъ лапъ лисицы и соболя. Вообще воротникъ считается украшеніемъ шубы и потому на матеріалъ, изъ котораго онъ дѣлается, обращаютъ особенное вниманіе. Сверху шубы всегда надѣвается лѣтній халатъ.

Ноги зимой обертываются чесаной травой, рѣдко опучами. Зимнія поговицы тѣ-же что и лѣтнія; отличіе между тѣми и другими заключается лишь въ томъ, что для подошвъ зимнихъ поговицъ употребляется шкура лошади, шерстью наружу. Это дѣлается для того, чтобы нога не скользила. Болѣе состоятельные остяки шьютъ головки зимнихъ поговицъ изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь, а подошвы - изъ шкуры оленьяго лба, шерстью наружу. Ваховскіе остяки шьютъ головки не изъ оленьей шкуры, а изъ оленьихъ кисовъ, притомъ шерстью наружу.

Зимнія рукавицы шьются изъ оленьей или копской шкуры, шерстью внутрь. На рукавицахъ, поперекъ ладони, имѣются прорѣхи, предпа-

значенныя для того, чтобы, въ случаѣ надобности, легко можно было освободить пальцы, не снимая самыхъ рукавицъ. Ваховскіе остяки шьютъ рукавицы изъ оленьей шкуры, шерстью наружу; внутри такія рукавицы обшиваются заячьимъ мѣхомъ; иногда внутрь кладется чесаная трава.

Одежда женщины очень немногимъ отличается отъ одежды мужчины.

Женская рубашка длиннѣе мужской, при чемъ разрѣзъ на груди и обплага вышиваются цвѣтными узорами.

Штаны короче мужскихъ; они шьются безъ всякихъ украшеній. Жилетовъ женщины не носятъ.

Халаты отличаются отъ мужскихъ лишь тѣмъ, что украшаются цвѣтными вышивками, бисеромъ или вылитыми изъ олова узорами. Кромѣ того, женскіе халаты шьются изъ грубаго холста. Такіе халаты украшаются узкими полосками цвѣтного ситца, который нашиваютъ въ нѣсколько рядовъ на рукавахъ, подолѣ и по борту правой полы.

На голову женщины лѣтомъ надѣваютъ обыкновенный цвѣтной платокъ, а зимой—сверху платка шаль.

Поясъ (см. рис. 21—5) составляетъ одно изъ главныхъ украшеній одежды женщины. Онъ представляетъ собою кусокъ цвѣтной байки, преимущественно краснаго цвѣта, въ 3 вершка шириной. Къ нему прикрѣпляются ножны съ ножомъ. Отъ конца ноженъ къ поясу идетъ цѣпочка, на которую надѣваются различныя побрякушки и украшенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поясъ шьется изъ цвѣтного сукна или какой-нибудь другой матеріи; онъ дѣлается на подкладкѣ. Наружная сторона такого пояса украшается цвѣтными вышивками, бисеромъ и оловянными узорами. Очень часто къ поясу и ножнамъ привѣшиваются цѣпочки, колечки, колокольчики и разныя побрякушки. Все это звенитъ при каждомъ движеніи остячки.

Во всемъ остальномъ одежда женщины та же, что и одежда мужчины, и только зимнія поговицы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ голенища пришиваются къ головкамъ, имѣютъ цвѣтную обшивку съ узорами.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать о способѣ ношенія женщинами волосъ. Остячки, всѣ безъ различія заплетаютъ обыкновенно двѣ косы. Косы эти берутъ начало на передней части головы, немного выше висковъ, и затѣмъ обматываются вокругъ головы. Ношеніе косъ нерѣдко наблюдается и среди мужчинъ (остяковъ и вогуловъ).

Среди остяковъ, какъ женщинъ, такъ и нѣкоторыхъ мужчинъ, распространено ношеніе на пальцахъ колецъ. Мужчины носятъ ихъ до 5 штукъ, а женщины до 20—25. Кольца эти бываютъ мѣдныя и жестяныя. Ихъ надѣваютъ на нижніе суставы трехъ среднихъ пальцевъ обѣихъ рукъ, при чемъ щегольство свое женщины выражаютъ тѣмъ, что стараются заполнить весь нижній суставъ указанныхъ пальцевъ.

Различія въ одеждѣ и украшеніяхъ, которое соотвѣтствовало бы

положенію женщины, какъ дѣвушки, невѣсты, замужней и старухи,— у остяковъ не существуетъ. Обычай покрывать свои лица соблюдается лишь однѣми замужними женщинами, и то только въ присутствіи старшихъ родственниковъ своего мужа. Женщина перестаетъ носить покрывало со смерти отца своего мужа и старшихъ его братьевъ.

Собираясь на одинъ изъ промысловъ, остякъ удовлетворяется обыкновенно имѣющейся у него одеждой, лишь нѣсколько приспособливаясь къ условіямъ того или иного промысла. Такъ, напримѣръ, отправляясь на охоту, остякъ одѣваетъ болѣе легкую одежду, которая грѣла бы его и въ то же время не стѣсняла бы его движеній. Для этой цѣли остякъ надѣваетъ обыкновенно старую одежду, мѣховую или изъ птичьихъ шкуръ, а сверху—зипунъ. Подпоясывая зипунъ, остякъ подбираетъ его, отчего зипунъ становится короче, и не стѣсняетъ движеній; въ то же время у верхней части туловища образовывается мѣшокъ, который служитъ для остяка охотничьей сумой; сюда онъ и кладетъ убитую бѣлку. Шубу и халатъ онъ береть съ собой только для почевокъ.

Ваховскіе остяки, какъ болѣе бѣдный народъ, выработали себѣ особый типъ верхней одежды—„колегъ“, который одинаково служитъ имъ и дома и на охотѣ. Колегъ шьется изъ двухъ оленьихъ шкуръ. Покрой у него тотъ же, что и у халата. Подолъ колега, до 2 четвертей шириною, шьется шерстью внутрь, а остальная его часть—шерстью наружу; застегивается онъ такъ же, какъ и халатъ. Опоясываясь, остякъ подбираетъ колегъ, отчего послѣдній дѣлается короче и не стѣсняетъ свободы движеній. На почевкахъ, во время промысловъ, этотъ же колегъ служитъ ему одновременно и постелью и одѣяломъ. Затѣмъ, у тѣхъ же остяковъ существуетъ „лёпы-чопъ“ (см. на рис. 3)—родъ пиджака, который шьется изъ одной оленьей шкуры, шерстью наружу.

При всей своей умственной неразвитости, остяки, тѣмъ не менѣе, придумали очень удачную вещь для защиты глазъ весной, когда ослѣпительный блескъ солнца и снѣга грозитъ зрѣнію. Для этого остяки дѣлаютъ себѣ налобникъ и родъ очковъ. Налобникъ (см. рис. 21—1) состоитъ изъ нѣсколькихъ бѣличьихъ хвостовъ, нанизанныхъ на тонкую бечевку. Обыкновенно, нанизанные сырые бѣличьи хвосты сжимаютъ и въ такомъ видѣ даютъ имъ засохнуть; хвосты отъ этого теряютъ $^3/_4$ своей длины, но зато увеличиваются въ ширинѣ, и дѣлаются болѣе пушистыми. Полученный такимъ образомъ козырекъ, остякъ надѣваетъ себѣ на лобъ, и тѣмъ даетъ глазамъ необходимую тѣнь. Очки дѣлаются еще проще: берутся два немного выпуклыхъ жестяныхъ овала, съ узкимъ щелевиднымъ прорѣзомъ по срединѣ каждаго; эти овалы обшиваются матеріей, которая замѣняетъ такимъ образомъ оправу, и посредствомъ завязки прикрѣпляются на переносьѣ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди остяковъ развито оленеводство, они шьютъ одежду по типу самоѣдской.

Изъ издѣлій фабричнаго производства инородцами для тѣхъ или иныхъ видовъ одежды употребляются ситцы, тикъ, китайка, бязь, бумазея, трико, цвѣтныя сукна и байка.

Для пологовъ употребляется легкій тикъ или легкій ситецъ.

Для приношеній, которыя инородцы жертвуютъ своимъ богамъ, употребляется обыкновенно бѣлый миткаль.

Мужскія и женскія рубашки-платья шьются изъ ситцевъ различныхъ цвѣтовъ и узоровъ и изъ бумазеи; кромѣ того, мужскія рубахи шьются изъ кумача, китайки и тика, драпировочнаго и мебельнаго ситца и изъ альяпса.

Изъ плиса, молескина и бязи шьютъ мужскіе и женскіе халаты; эти же матеріи и трико употребляются на мужскіе пиджаки и шаровары.

Цвѣтныя сукна и байка употребляются на мужскіе и женскіе халаты; кромѣ того, женскіе халаты шьются еще изъ бумазеи.

Надо замѣтить, что перечисленныя выше ткани не являются исключительнымъ матеріаломъ инородческой одежды, и, хотя среди инородцевъ моды на матеріи не существуетъ, тѣмъ не менѣе послѣднія часто видоизмѣняются и разнообразятся, сообразно привозу русскими купцами того или иного мануфактурнаго товара. При всемъ этомъ указанныя выше матеріи встрѣчаются у инородцевъ наиболѣе часто.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ инородцы являются обрусѣвшими, замѣчается употребленіе пальто, пиджаковъ, жилетовъ, брюкъ и рубашекъ съ отложными воротниками и галстуками, купленныхъ у купцовъ въ готовомъ видѣ.

Ниже я прилагаю названіе тканей, которыя были представлены мною въ этнографическій музей Императорской академіи наукъ въ качествѣ образцовъ мануфактурныхъ товаровъ, употребляемыхъ инородцами Тобольскаго сѣвера, съ указаніемъ ширины ткани въ вершкахъ и цѣны ея въ копейкахъ, какъ уплачиваемой купцами, такъ и той, по которой послѣдніе продаютъ матерію инородцамъ.

ПЕРЕЧЕНЬ МАНУФАКТУРНЫХЪ ТОВАРОВЪ, ПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ОСТЯКАМИ.

I. Ситцы, тикъ, китайка.	Ширина ткани.	Цѣны	
		Покупная.	Продажная.
Для пологовъ.			
1. Тикъ легкій-машинка	13	$9^1/_2$	12
2. Ситецъ легкій-машинка (розовый, полосатый)	$12^3/_4$	$7^3/_4$	10
3. То же, сѣрый, со звѣздочками.	13	$7^3/_4$	10
Для приношенія богамъ.			
4. Миткаль бѣлый	$11^3/_4$	5	8

	Ширина ткани.	Цѣны	
		Покупная.	Продажная
Для мужскихъ рубахъ и женскихъ рубашекъ-платьевъ.			
5. Ситецъ турецкій (мелкій узоръ)	14	11	14
6. Ситецъ синій (рѣдкими цвѣтами)	13¾	11½	16
7. Ситецъ турецкій (крупный узоръ) . . .	13¾	14	17
8. Ситецъ зеленый (подъ малахитъ)	14	14	17
9. Ситецъ полосато-стрѣльчатый	14	13	18
Для мужскихъ рубахъ.			
10. Кумачъ	13½	9¾	13
Для женскихъ рубашекъ-платьевъ.			
11. Ситецъ драпировочный (Баранова № 0) .	12½	9¾	12
12. Альянсъ (Тверской мануфактуры) . . .	14½	19	24
13. Ситецъ узорчатый (Баранова)	13¾	15	20
14. Ситецъ мебельный, полосатый (Цинделя)	14¼	15½	20
15. То же, брусничнаго цвѣта (Цинделя) . .	14	15½	20
Для мужскихъ рубахъ и женскихъ рубашекъ-платьевъ.			
16. Тикъ узко-полосатый (Патрашева) . . .	13	12½	17
17. Тикъ широко-полосатый (Патрашева) . .	13	12½	17
18. Тикъ коричнево-зеленый	12	12½	18
19. Тикъ сѣро-синій	11¾	12½	18
Для мужскихъ рубахъ.			
20. Китайка розовая (мелкими цвѣточками) .	12	12½	18
21. Китайка лиловая (мелкими цвѣточками) .	12	12½	18
22. Китайка лилово-розовая (полосатая) . .	12	12½	18
II. Бязь.			
Для мужскихъ и женскихъ халатовъ.			
23. Бязь алая	12	13	18
24. Бязь синяя	11¾	13	18
25. Бязь черная	11	12	18
26. Бязь коричневая	11½	10	15
III. Бумазея.			
Для муж. рубахъ, жен. рубашекъ-платьевъ и халатовъ, а также для сорочекъ-вершницъ на малицу.			
27. Бумазея съ подзоромъ, синяя (Цинделя) .	19½	33	45
28. То же коричневая (Цинделя)	19	33	45
29. Бумазея (Цинделя)	14	21½	28

	Ширина ткани.	Цѣны	
		Покупная.	Продажная.
30. Фланель коричневая (Цинделя)	14	21½	28
31. Бумазея легкая (Котова)	12	11	18
IV. Трико.			
Для мужскихъ и женскихъ халатовъ, а также для мужскихъ пиджаковъ и шароваръ.			
32. Плисъ	8⅓	30	50
33. Молескинъ зеленый (Морозова)	13½	24	35
34. Молескинъ черный	14	20	30
35. Молескинъ коричневый (Морозова № 3) .	14	15	20-22
Для мужскихъ пиджаковъ и шароваръ.			
36. Трико свѣтло-сѣрое	14½	20	30
37. Трико темно-сѣрое	12¼	10½	15
V. Цвѣтное сукно бр. Носовыхъ.			
Для мужскихъ и женскихъ халатовъ и сорочекъ-вершницъ на малицу.			
38. Алое	28	150	200-250
39. Синее	28	150	
40. Зеленое	28	150	
41. Желтое	28	150	
VI. Байка Ушкова.			
Для муж. и жен. халатовъ, сорочекъ-вершницъ на малицу, суконныхъ гусей и мужскихъ зипуновъ.			
42. Бѣлая	34	68	130-160
43. Черная	33	68	
44. Алая	33	85	
45. Синяя	34	85	
46. Зеленая	34	85	
47. Желтая	34	68	
VII. Шали.			
48. Зимній бумажный полушалокъ (клѣтчатый)	18×18	45	60-70
49. Лѣтній бумажный платокъ (букетами) . .	22×22	45	70
VIII. Холстъ.			
Для неводной и сѣтной мережи.			
50. Грубый	8½	5-6	10
51. Тонкій	9	9	12-15

Самоѣды бѣлья не носятъ, всю одежду шьютъ изъ оленьихъ шкуръ нитками изъ оленьихъ жилъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что самоѣды въ отношеніи одежды гораздо опрятнѣе остяковъ: на ночь самоѣды надѣваютъ другую одежду, а бывшую днемъ въ употребленіи выколачиваютъ на морозѣ.

Изъ оленьихъ шкуръ самоѣды получаютъ и выдѣлываютъ различные матеріалы, а изъ послѣднихъ шьютъ себѣ слѣдующія одежды:

Штаны („пимѐ“), какъ мужскіе, такъ и женскіе, шьются изъ ровдуги, длиною немного ниже колѣнъ. Мужскіе штаны завязываются у пояса, а женскіе—имѣютъ въ передней части узкій нагрудникъ съ завязками на концѣ; нагрудникъ, завязываясь сзади, на шеѣ, поддерживаетъ штаны и въ то же время закрываетъ грудь.

Ягушка („папы“; см. рис. 10, 11 и 14), представляетъ изъ себя распашную верхнюю женскую самоѣдскую одежду. Верхъ дѣлается изъ пеплюя, подкладъ изъ выростка, воротникъ изъ песцовыхъ хвостовъ, рукавицы изъ выростковыхъ лапъ, узорчатая вышивка изъ лапъ пеплюя. Ягушка подпоясывается поясомъ—„нп“.

Капоръ („пѐсово“; см. рис. 14) есть женскій самоѣдскій головной уборъ изъ головы пеплюя; узорчатая вышивка на немъ дѣлается изъ лапъ пеплюя, опушка его бываетъ бѣлая, изъ песцовыхъ хвостовъ. Необходимая принадлежность каждаго капора—мѣдныя украшенія.

Малица, гусь и парка представляютъ по покрою длинную глухую, безъ разрѣза, рубаху, съ пришитымъ къ ней треухомъ (чепцомъ) для головы. Эти три вида одежды носятся не только самоѣдами и оленными остяками, но, отчасти, и русскими.

Малица („мàльтя“; см. рис. 5, 8 и 13) мужская одежда изъ выростка, мѣхомъ внутрь; треухъ шьется изъ пешки, рукавицы изъ лапъ пеплюя, нижняя опушка („пàнда“) изъ собаки. Малица подпоясывается обыкновенно ремнемъ и у пояса подбирается. Она составляетъ повседневную домашнюю одежду; отъ времени она запачивается и засаливается какъ полушубокъ у русскихъ. Если малица покрывается соотвѣтственнаго размѣра сорочкою длиною до „панды“, изъ цвѣтной матеріи, то она составляетъ одежду парадную и тогда подпоясывается парадпымъ поясомъ.

Гусь, кумышъ („сокъ“; см. рис. 4 и 7) верхняя мужская одежда изъ выростка, мѣхомъ наружу; опушка на треухѣ дѣлается изъ песцовыхъ хвостовъ. Суконные лоскутки на спинѣ составляютъ необходимую принадлежность каждаго гуся. Гусь надѣвается въ холодную погоду сверхъ малицы.

Парка (см. рис. 9) верхняя одежда, преимущественно изъ пеплюя; треухъ большею частью шьется изъ головы пеплюя, узорчатыя вышивки на немъ нашиваются изъ лапъ пеплюя и сукна. Парка надѣвается на малицу вмѣсто сорочки.

Кисами называются шимы, а чижами—чулки. Кисы дѣлаютъ изъ лапъ выростка и стараго оленя, шерстью наружу, чижи изъ пеплюя и выростка, шерстью внутрь. Женскія кисы отличаются отъ мужскихъ лишь узорчатой вышивкой.

Поясъ („пи“) и ножъ („харъ“) необходимая принадлежность каждаго самоѣдина. Поясъ состоитъ изъ широкаго кожанаго ремня, съ большой мѣдной пряжкой; поясъ обтягивается краснымъ сукномъ. На немъ насаживается до сотни мѣдныхъ пуговицъ, до 10 подвѣсковъ, до 25 колечекъ и до 5 цѣпочекъ. Къ поясу подвѣшивается ножъ съ ножнами и кошелекъ, вышитый бисеромъ, для помѣщенія чипа. Ножи самоѣды куютъ сами изъ старыхъ подпилковъ; для ноженъ они покупаютъ тонкую мѣдную жесть; ножны, черенки къ ножнамъ, а также и кошельки, они дѣлаютъ сами.

Спеціальную лѣтнюю одежду или обувь самоѣды шьютъ очень рѣдко. Обыкновенно лѣтомъ они носятъ выносившуюся зимой одежду съ вылѣзшей шерстью: малицу, гусь и шимы; иногда они шьютъ себѣ обувь изъ ровдуги. Рукавицы они носятъ изъ оленьихъ кисовъ, мездрой наружу; послѣдняя красится сурикомъ. Изъ матеріаловъ фабричнаго производства самоѣды шьютъ лѣтомъ байковый гусь и иногда бродни. Для защиты отъ комаровъ имъ служитъ пологъ.

Женщины лѣтомъ носятъ ягушку, выпарывая изъ нея выростковый подкладъ.

Покрывалъ самоѣдки не носятъ. Волосы онѣ заплетаютъ въ двѣ косы. Для того, чтобы косы не развѣвались, ихъ въ 2—3 мѣстахъ соединяютъ перевязями, состоящими изъ крупнаго бисера и бусъ; кромѣ того, на концы косъ навѣшиваются различныя мѣдныя украшенія.

Глава VIII.

П и щ а.

Мука, рыба и чай, какъ главные пищевые продукты остяковъ.—Продукты изъ муки: кислый хлѣбъ и прѣсныя лепешки; лепешки, замѣшанныя на рыбьей икрѣ или на крови животнаго.—Продукты изъ рыбы: сагрямка, подовушка, патомъ-кулъ, сушеная рыба, поръ, варка.—Тюлапса.—Потребленіе мяса и крови животныхъ.—Потребленіе водяныхъ и лѣсныхъ птицъ.—Соль, какъ единственная приправа къ пищѣ.—Потребленіе молочныхъ продуктовъ.—Потребленіе корня „касъ“.—Потребленіе ягодъ.—Чай и замѣняющій его суррогатъ.—Табакъ.—Приготовленіе и потребленіе пищи у самоѣдовъ.

Основными продуктами пищи инородца служатъ—мука, рыба и чай. Изъ соединенія этихъ трехъ пищевыхъ продуктовъ остякъ получаетъ большую часть своихъ незатѣйливыхъ блюдъ. Изъ муки остяки пекутъ кислый хлѣбъ, а кто не знакомъ съ его приготовленіемъ, тѣ пекутъ прѣсныя лепешки. Послѣднія приготовляются такъ: густое тѣсто мѣсятъ на водѣ и катаютъ лепешки, величиною уже ½ листа писчей бумаги и толщиною приблизительно въ два пальца. Приготовленныя такимъ обра-

зомъ лепешки зарываютъ въ горячую золу. По истеченіи нѣкотораго времени, лепешки вынимаются изъ золы и питкой разрѣзываются вдоль по толщинѣ. Въ каждую половину лепешки вдѣвается лучинка, конецъ которой втыкается въ золу; такимъ образомъ, лепешка въ вертикальномъ положеніи подсушивается въ чувалѣ пламенемъ костра.

Кромѣ того, инородцы пекутъ лепешки, замѣшанныя на рыбьей икрѣ или на крови животнаго. Эти же лепешки иногда разрѣзаютъ на куски, величиною въ 1½ квадратн. вершка, и варятъ въ кипяткѣ или рыбномъ или въ мясномъ отварѣ.

Инородцы солепой рыбы не употребляютъ. Свѣжая рыба съѣдается по преимуществу въ варепомъ видѣ. Лѣтомъ только что добытую рыбу ѣдятъ сырою („сагрàмка“), или испеченою на лучинахъ („подовушка“). Зимою сырая рыба употребляется въ пищу въ мороженомъ видѣ („пàтомъ—кулъ“). Кромѣ того, рыба употребляется еще и въ сухомъ видѣ; въ послѣднемъ случаѣ, она служитъ закуской къ чаю. Мелкая рыба сушится цѣликомъ и толчется, отчего получается нѣчто въ родѣ муки („порсъ“). Порсъ служитъ главнымъ пищевымъ продуктомъ, которымъ остякъ запасается, отправляясь на зимній промыселъ. Изъ порса варится похлебка; кромѣ того, порсъ служитъ закуской къ чаю, и тогда его ѣдятъ прямо горстями. Рыбій жиръ употребляется вмѣстѣ съ хлѣбомъ, при чемъ послѣдній обыкновенно обмакивается въ жиръ. Изъ тешки, пузыря, икры и чистой части кишекъ приготовляется, такъ называемая, „вàрка“; для этого упомянутыя части рыбы варятся до тѣхъ поръ, пока смѣсь эта не потемнѣетъ и не станетъ гуще жира. Варка употребляется вмѣстѣ съ сухой рыбой; она служитъ однимъ изъ лакомствъ остякамъ, въ особенности, когда они ѣдятъ ее вмѣстѣ съ поземомъ. Другимъ лакомствомъ служитъ „тюляпса“, которая приготовляется изъ обращенныхъ въ муку ягодъ черемухи и рыбьяго жира; изъ этой муки и жира мѣсится густое тѣсто, изъ котораго приготовляются большія лепешки, величиною въ ½ листа писчей бумаги и толщиною въ два пальца. Лепешки кладутся на желѣзный листъ или доску и сушатся на солнцѣ или на лемезахъ, надъ костромъ. Рыбьи кости, иногда съ головой, сушатся и употребляются на кормъ собакамъ.

Изъ животныхъ и звѣрей остяки не употребляютъ въ пищу горностая, колонка (по причинѣ непріятнаго запаха ихъ мяса), собаку, волка и мышь. Мясо животныхъ они ѣдятъ въ варепомъ видѣ. Сырое мясо и кровь они употребляютъ обыкновенно только парными при убоѣ животныхъ. Это считается у нихъ лакомствомъ. Мясо лося и оленя употребляется варепое, сырое (мерзлое) и вяленое. Самыми вкусными частями мяса животныхъ считаются жирныя части туши, и, кромѣ того, желудокъ—у бѣлки и сердце и вымя—у крупныхъ животныхъ.

Изъ водяныхъ птицъ остяки не употребляютъ чаекъ и мартышекъ. Мясо птицъ они ѣдятъ всегда въ варепомъ видѣ, а яйца птицъ—круто

сваренными. Лѣсную птицу, какъ то, глухаря, тетерева, куропатку, рябчика они употребляютъ въ вареномъ видѣ. Кромѣ этихъ птицъ, остяки ѣдятъ еще ронжу.

Кромѣ соли, никакихъ другихъ приправъ къ пищѣ они не употребляютъ; самую соль остяки употребляютъ только при печеніи хлѣба,— мясо и рыба варятся безъ соли. Первое ѣдятъ совершенно безъ соли, а рыбу макаютъ въ соляной растворъ, для чего въ чашку кладутъ горсть соли и наливаютъ немного ухи.

Кто держитъ коровъ, употребляетъ молочные продукты: молоко, творогъ, сметану; масла остяки не выдѣлываютъ.

Овощи у нихъ не въ употребленіи; только корень „касъ" въ вареномъ видѣ замѣняетъ остякамъ нашъ картофель. Касъ представляетъ изъ себя вертикально растущій корень; попадается онъ на днѣ нѣкоторыхъ озеръ; снаружи онъ темносѣраго цвѣта, внутри—бѣлаго; длина корня— 10—15 сант.; въ сыромъ видѣ толщина его въ мизинецъ. Предъ употребленіемъ, касъ предварительно сушатъ на солнцѣ, а затѣмъ въ теченіе продолжительнаго времени варятъ.

Всѣ ягоды, за исключеніемъ черемухи, употребляются инородцами въ пищу въ сыромъ видѣ.

Вмѣсто чая, остяки иногда употребляютъ отваръ растенія, извѣстнаго подъ именемъ „полевого чая", а также отваръ березоваго чая. Обыкновенно часть омертвѣлой березовой древесины, которая узнается по ея темно-коричневому цвѣту, пропитывается березовымъ сокомъ. Такое омертвѣніе образуется на экземплярахъ съ сердцевинною гнилью, имѣющихъ наружное обнаженіе. Въ этомъ обнаженіи скопляется сокъ, который пропитываетъ окружающую часть древесины, отчего она темнѣетъ; когда она засыхаетъ, то принимаетъ видъ слоистыхъ кусковъ разной величины. Эти куски и завариваются вмѣсто чая.

Табакъ употребляется преимущественно листовой. Курятъ его сравнительно мало, болѣе кладутъ за губу. Въ послѣднемъ случаѣ табакъ приготовляется такъ: листовой табакъ сушится, затѣмъ крошится посредствомъ ножа и смѣшивается съ небольшимъ количествомъ таловой золы, съ которой его толкутъ въ ступѣ, затѣмъ эту смѣсь опрыскиваютъ водой, чтобы придать ей нѣкоторую волглость, и насыпаютъ ее въ табакерку. Такой табакъ остякъ все время (даже ночью во время сна) держитъ за нижней губой, перемѣняя его на новый лишь въ томъ случаѣ, когда положенный за губу табакъ потеряетъ свою крѣпость. Обыкновенно приходится его перемѣнять 4—5 разъ въ теченіе сутокъ. Нѣкоторые остяки нюхаютъ, но такихъ встрѣчается мало.

Приготовленіе и потребленіе пищи у самоѣдовъ въ общемъ таково же, какъ и у остяковъ. Главнымъ пищевымъ продуктомъ, кромѣ указанныхъ выше, т. е. муки, рыбы и чая, служитъ для низовыхъ самоѣдовъ еще оленье мясо. У каменныхъ самоѣдовъ рыбы нѣтъ.

Хлѣба самоѣды не пекутъ, изъ муки они приготовляютъ однѣ только лепешки. Послѣднія дѣлаются такъ: катаютъ круглый хлѣбъ и ставятъ его къ огню; когда одна сторона подсохнетъ, ее срѣзаютъ на толщину въ палецъ, надѣваютъ срѣзанную часть на лучину и опять сушатъ; съ остальною частью хлѣба дѣлаютъ тоже. Кромѣ этого, самоѣды приготовляютъ лепешки, замѣшанныя на оленьей крови.

Изъ рыбы они дѣлаютъ подовушку; порса не готовятъ. Изъ муксупа и щокура дѣлаютъ поземъ, а изъ недомѣрковъ, а также изъ сырка и пыжьяна—юрокъ.

Корень касъ и березовый чай самоѣдами въ пищу не употребляется. Вмѣсто чая, самоѣды иногда употребляютъ отваръ изъ листьевъ морошки или княжники: собранные листья сушатся и затѣмъ обливаются густымъ отваромъ чая, послѣ чего они сушатся вторично; приготовленные такимъ образомъ листья завариваются какъ чай; получается напитокъ, который имѣетъ цвѣтъ чая, по вкусомъ превосходитъ послѣдній.

Во всемъ остальномъ приготовленіе и потребленіе пищи у самоѣдовъ и у остяковъ одинаковы.

Глава IX.

Домашняя утварь и предметы домашняго обихода.

Дерево въ домашнемъ быту ихъ родцевъ.—Инструменты, служащіе для обработки дерева.—Приготовленіе бересты и издѣлія изъ нея; тиска; кужим и короба.—Приготовленіе сарги и ея назначеніе.—Чашки и полонка.—Чипъ.—Корноватики и плетеныя тарелки.—Издѣлія изъ травы, камыша и крапивы.—Мѣшки изъ палимьей кожи.—Мебель остяка; дѣтская люлька.—Красильныя вещества.—Тругъ.—Предметы и инструменты домашняго быта самоѣдовъ.

Какъ племена, стоящія на очень низкой степени развитія, остяки и вогулы удовлетворяютъ свои несложныя потребности тѣми скудными дарами, которыми надѣляетъ ихъ окружающая природа. Флора Тобольскаго Сѣвера играетъ въ этомъ случаѣ особо важную роль. Вся внѣшняя обстановка жизни инородца есть плодъ обработки тѣхъ или другихъ видовъ растительнаго царства, преимущественно дерева. Его постоянное жилище—бревенчатая юрта, а временнымъ лѣтнимъ жилищемъ служитъ чумъ изъ тонкихъ кольевъ, покрытый берестой, устланный тисками изъ бересты и циновками—коврами изъ травы и камыша. Древесная стружка—„чипъ“ употребляется имъ вмѣсто полотенецъ и тряпокъ. Чесаная трава (осока) замѣняетъ ему опучи. Его экипажи,—сани и нарты, его лодки и орудія промысла, слопцы, луки, морды и другіе рыболовные снаряды,—сдѣланы имъ изъ дерева. Желѣзные гвозди, бечевки и веревки онъ употребляетъ мало; ихъ замѣняютъ деревянные гвозди, черемуховая и кедровая сарга и таловое лыко. Достигающая исполинскихъ размѣровъ (до 3 арш. высоты) крапива, называемая имъ коноплей, служитъ для приготовленія пряжи, изъ которой вяжутся невода и ткется

холстъ. Большая часть домашней утвари также дѣлается изъ дерева. Своего ребенка мать качаетъ въ деревянной люлькѣ съ берестяной подстилкой внутри. Плетеные корноватики изъ черемуховой и кедровой сарги замѣняютъ инородцу сундуки и чемоданы. Посуда разнообразной величины и формы,—чашки, блюда, корыта, ведра, кадки и т. п.—почти вся дѣлается изъ бересты. Изъ древесной коры инородцы приготовляютъ краску. Съѣдобный корень, касъ, идетъ въ пищу. Изъ березовой древесины инородецъ готовитъ себѣ напитокъ—березовый чай. Свои художественныя потребности онъ удовлетворяетъ, выводя разнообразные узоры на берестѣ; наконецъ, лѣчится инородецъ цѣлебными травами и лиственичной губой, употребляемой для приготовленія настоя отъ болѣзней желудка.

Изъ инструментовъ (см. рис. 22-5-8), которыми обрабатывается дерево, остякъ имѣетъ топоръ, пилу, долото, ножъ, тикавку, тесло, пазникъ, коловоротъ, стругъ и колодку.

Пазникъ служитъ для выемки въ столбахъ пазовъ, тикавка—для выдалбливанія лодокъ-однодеревокъ (обласовъ) и корытъ, тесло—для подчистки выдолбленнаго тикавкой предмета. Эти три инструмента представляютъ изъ себя родъ топора. Пазникъ имѣетъ лезвее, какъ у долота, шириною до 1¼ вершка, обухъ у него такой же, какъ и у обыкновеннаго топора, съ ухомъ, въ которое вставляется деревянная рукоятка. Весь пазникъ имѣетъ нѣсколько дугообразный видъ и размѣръ, не превышающій 6 вершковъ. Лезвее тикавки (5) на ¼ вершка шире лезвея пазника, а вышина нѣсколько меньше. Самое лезвее, будучи полукруглымъ, съ загнутыми краями, напоминаетъ своей формой скобель. Посреднѣ лезвее имѣетъ вертикальную трубку, около 2 вершк. длиною, въ которую вставляется рукоятка въ видѣ клюки; для этого обыкновенно употребляется часть дерева, преимущественно черемуховаго съ сукомъ. Тикавка вмѣстѣ съ рукояткой имѣетъ длину около 4 вершковъ. Тесло по формѣ и размѣрамъ напоминаетъ топоръ, съ тою разницею, что бока его лезвея нѣсколько загнуты внутрь, а обухъ приходится поперекъ лезвея.

Коловоротъ (8) служитъ вмѣсто бурава. Онъ состоитъ изъ деревяннаго черенка до ½ аршина длины и около ½ вершка толщиною. На одномъ концѣ черенка прикрѣплено желѣзное желобчатое острiе, около 2 вершковъ длиною. Вершка на 1½ выше основанія острія въ черенкѣ продѣлано отверстiе, въ которое продѣвается ремень; концы этого ремня перекладываются въ противоположныя стороны и затѣмъ прикрѣпляются къ деревянной дугѣ—лучку, длиною около 8 вершковъ; самый лучекъ находится съ противоположной ремнямъ стороны. Выше отверстія, на ½ вершка, на черенъ надѣта трубка, длиною въ 2 вершка, служащая рукояткой, въ которой свободно вращается черенъ коловорота. Для того, чтобы трубка не могла соскочить, на томъ мѣстѣ черенка, на которое

она надѣвается, дѣлаются два уступа; въ эти уступы упираются концы трубки.

При работѣ коловоротъ ставится вертикально. Одной рукой держатъ трубку, а другой—двигаютъ взадъ-впередъ лучекъ; отъ этого черепокъ вмѣстѣ съ остріемъ дѣлаетъ полуобороты, то въ одну, то въ другую сторону.

Стругъ (6) замѣняетъ рубанокъ. Колодка струга имѣетъ дугообразную форму и бываетъ длиною около 6 вершковъ, шириною около 2 и толщиною около 1/2 вершка. Въ срединѣ колодки дѣлается отверстіе, діаметромъ въ 3/4 вершка. Съ наружной стороны колодки, посрединѣ отверстія, прикрѣплена желѣзная пластинка, длиною въ 1 1/2 вершка и шириною въ 3/8 вершка. Пластинка имѣетъ съ обѣихъ сторонъ лезвее. При работѣ стругъ берутъ за концы колодки и стружатъ по направленію къ себѣ. По мѣрѣ того, какъ одна сторона лезвея затупится, стругъ поворачиваютъ. Стружки проходятъ черезъ отверстіе въ колодкѣ.

Ножъ иногда примѣняется въ качествѣ струга. Для этого онъ вставляется въ особую колодку (7), длиною въ 2 вершка, которая представляетъ изъ себя деревянный брусокъ съ выемкой и щелью посрединѣ; въ послѣднюю и вставляется ножъ. Такой инструментъ служитъ для болѣе равномѣрнаго вытесыванія длинныхъ круглыхъ предметовъ, какъ напримѣръ стрѣлъ, оленьихъ шестовъ и т. п.

Береста имѣетъ большое примѣненіе въ быту инородцевъ; поэтому я скажу нѣсколько словъ объ ея обработкѣ и объ изготовляемыхъ изъ нея издѣліяхъ.

По снятіи съ дерева наружная сторона бересты тщательно очищается ножомъ, т. е. снимается лишній слой коры; затѣмъ, береста скатывается и кладется въ котелъ, гдѣ она варится въ обыкновенной водѣ; отъ этого она дѣлается мягкою и неломкою. Изъ приготовленной такимъ образомъ бересты шьютъ тиски.

Тиска—большое полотнище изъ бересты, длиною въ 6, а шириною отъ 1 1/2 до 2 аршинъ. Она состоитъ изъ 2-3 „ставовъ“ (меньшихъ полотнищъ), которыя сшиваются между собою волосяными или жильными нитками; по краямъ вдоль тиски нашивается берестяная лента-кромка. Лицевою стороною тиски служитъ не наружная, а внутренняя сторона бересты. Тиска идетъ на устройство лѣтнихъ юртъ и крышъ лодокъ, а также замѣняетъ собою брезентъ и употребляется въ качествѣ разнаго рода подстилокъ. Стоитъ тиска отъ 50 до 80 коп.

Изъ бересты приготовляются также цилиндрическіе короба съ крышками, куженьки, кузовья, набирки и почти вся домашняя посуда, замѣняющая собой наши ведра, кадки, ушаты, корыта, чашки, блюда и т. п.

Нѣкоторые изъ вышепоименованныхъ предметовъ изготовляются художественно, съ узорами и рисунками, для чего береста приготовляется особымъ способомъ.

Изъ бересты, между прочимъ, дѣлаютъ кужни различныхъ формъ и размѣровъ, съ крышками и безъ нихъ, и короба (см. рис. 23).

Кужня дѣлается изъ цѣлаго куска бересты; основаніемъ ея служитъ черемуховый обручъ, къ которому пришиты края бересты, сложенной такъ, чтобы она приняла желательную форму. Для того, чтобы края кужни не коробились, подъ обручъ кладутъ куски бересты полуовальной формы и черемуховыя пластинки. Внутри кужня иногда испещряется узорами.

Стоимость кужни находится въ зависимости отъ ея размѣровъ и работы; кужня, величиною въ 1/4 листа писчей бумаги, стоитъ 10 коп., съ узорами—20 коп.; кужня въ 1/2 листа стоитъ 15 коп., съ узорами—30 коп.; кужня, размѣромъ въ 1×1/2 арш. стоитъ 30 коп. Обыкновенно послѣдній родъ кужень дѣлается безъ узоровъ.

Коробъ имѣетъ цилиндрическую форму; крышка у него вкладная. Для того, чтобы береста не коробилась, по верхнему краю короба съ внутренней и наружной стороны, равно какъ и по нижнему краю съ наружной стороны, онъ стягивается обручами изъ черемуховой сарги; обручи пришиваются къ берестяному остову. Кромѣ того, для прочности съ внутренней стороны по верхнему и нижнему краю прикрѣпляются берестяныя ленты. Наружные бока и крышка испещряются узорами. Стоимость такого короба колеблется между 35 и 60 коп.

Не менѣе видную роль играетъ въ домашнемъ быту сарга—ленты изъ черемуховой древесины и кедроваго корня (см. рис. 23-1-6).

Тонкая, въ одинъ вершокъ, черемуха раскалывается на четыре части и затѣмъ отъ наружной части древесины ножомъ отдѣляется нѣсколько тонкихъ слоевъ; послѣдніе счищаются отъ излишнихъ волоконъ (защепинъ) и, смотря по надобности, раздѣляются на 2-3 узкія ленты. Приготовленная такимъ образомъ сарга свертывается въ кружки (4) и хранится. Предъ употребленіемъ сарга для большей эластичности размачивается въ водѣ. Сарга замѣняетъ бечевку для вязки и идетъ на плетеніе корноватиковъ. Сарга изъ кедроваго корня употребляется для тѣхъ же цѣлей, какъ и сарга черемуховая; кромѣ того, она идетъ на плетеніе веревокъ. Для приготовленія этого рода сарги кедровый корень раскалывается весь на тонкія ленты (1 и 2). Изъ кедроваго корня выдѣлывается еще крученая веревка (3), которая употребляется исключительно при устройствѣ неводовъ; для этой послѣдней цѣли употребляется также веревка и изъ таловаго лыка (5 и 6).

Для приготовленія чая и для варки пищи остякъ пользуется чуваломъ.

Для употребленія жидкой пищи остякъ пользуется деревянными чашками и полопками (ложками; см. рис. 22-3 и 4); тѣ и другія дѣлаются изъ березоваго дерева. Чашка у остяковъ представляетъ изъ себя родъ выдолбленнаго корытца овальной формы. Полопка иногда дѣлается съ украшеніями: на концѣ ручки выдѣлывается ухо, въ которомъ

продѣто другое ухо, съ имѣющимся на концѣ какимъ-нибудь изображеніемъ. Стоимость полонки 25-40 коп.

Тряпки и полотенца замѣняются у остяковъ чипомъ (см. рис. 22-2). Чипъ—стружка тальника, березы, рѣдко сосны; приготовляется онъ изъ очищенныхъ отъ коры молодыхъ деревьевъ, толщиною не больше обыкновеннаго кола; дѣлается онъ въ февралѣ и мартѣ, обыкновеннымъ ножомъ. Приготовленный чипъ просушивается на вѣтру и убирается. Въ русскомъ обиходѣ чипъ примѣняется какъ мочалка для бани.

Сундуки и коробки замѣняются у остяковъ плетеными корноватиками (см. рис. 23). Корноватики плетутся изъ сарги кедроваго корня съ выпуклыми крышками, верхушки которыхъ представляютъ прямоугольникъ, а бока имѣютъ видъ трапецій. Корноватики бываютъ разныхъ формъ и величинъ, но наибольшею прочностью и вмѣстительностью отличаются овальные.

Изъ сарги кедроваго корня дѣлаются плетеныя тарелки.

Трава, камышъ и крапива въ несложномъ быту остяковъ имѣетъ также свое примѣненіе.

Чесаная трава (осока) идетъ на опучи. Для чесанія травы употребляется особая гребенка о семи желѣзныхъ зубьяхъ съ деревянной рукояткой (см. рис. 22-10); изъ нечесаной осоки выдѣлываются циновки и небольшіе круглые коврики. Стоимость ковра изъ травы отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ рублей.

Изъ травы „пырей“ дѣлаются стельки, которыя вкладываются въ зимнюю обувь.

Изъ камыша плетутся ковры. Стоимость такого ковра 1-2 руб.

Изъ крапивы прядутся нитки и ткется холстъ. Веретеномъ для этой цѣли служитъ палочка съ крючкомъ на верхнемъ своемъ концѣ и съ тупой пяткой; выше пятки придѣлывается кружокъ изъ коры осокоря.

Мѣшки, необходимые въ домашнемъ обиходѣ, шьются изъ кожи палима жильными оленьими нитками (см. рис. 22-11-13). Мѣшки обыкновенно шьются изъ нѣсколькихъ полосъ; дно дѣлается отдѣльно и затѣмъ вшивается. Величина мѣшковъ бываетъ различна. Мѣшки, доходящіе длиною до 14 вершковъ, съ диномъ въ діаметрѣ до 7 вершковъ, имѣютъ возможность, благодаря прочности палимьей кожи, выдерживать двухпудовую тяжесть. Въ такихъ мѣшкахъ остяки держатъ муку. Кромѣ мѣшковъ, изъ палимьей кожи шьютъ еще и штаны.

Мебель остяка очень несложна: длинныя нары, низенькіе, соотвѣтствующіе нарамъ, столы, узкія небольшія табуретки составляютъ всю незатѣйливую меблировку остяцкой юрты. Табуретку остякъ вырубаетъ изъ дерева, изъ той его части, въ которой сучки въ своемъ естественномъ видѣ могли бы быть примѣнимы въ качествѣ ножекъ. Недостающую ножку онъ придѣлываетъ. Такія табуретки очень узки и коротки,—на каждой можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ.

Дѣтская деревянная люлька имѣетъ видъ закругленнаго спереди ящика, широкій задъ котораго представляетъ высокую откинутую доску съ заостреннымъ концомъ, служащую спинкой. Дно люльки застилается берестой; по бокамъ находятся завязки, которыми люлька зашнуровывается такъ, чтобы ребенокъ не могъ изъ нея выпасть. Для этой же цѣли служатъ и тонкія бечевки, продѣтыя въ отверстія по бокамъ ящика. Люлька подвѣшивается за веревки, которыя продѣты въ отверстія въ краяхъ спинки и ящика. Ребенокъ помѣщается въ люлькѣ въ полусидячемъ положеніи, отвалившись на высокую спинку.

Клей остяки вываривають изъ рыбьей чешуи. Существующаго въ продажѣ клея они не употребляютъ.

Окрашиваютъ остяки только оленьи шкуры.

Красильныя вещества они добываютъ изъ лиственичной и черемуховой коры и изъ березовой губы.

Сухая лиственичная кора крошится на мелкіе кусочки и изъ нея, съ прибавленіемъ таловой золы (для закрѣпленія), приготовляется густой отваръ. Получается краска свѣтло-коричневаго цвѣта.

Изъ черемуховой коры получается краска нѣсколько темнѣе. Приготовленіе ея таково-же, какъ и приготовленіе краски изъ лиственичной коры.

Изъ березовой губы добывается краска темно-коричневаго цвѣта. Для приготовленія ея измельченные кусочки сухой губы пережигаются до обугливанія. Затѣмъ, такіе кусочки обращаютъ въ порошокъ и изъ него, съ примѣсью таловой золы, дѣлается густой отваръ.

Изъ существующихъ въ продажѣ красокъ остяки употребляютъ одинъ только сурикъ.

Изъ березовой губы они дѣлаютъ трутъ. Для этого сырая березовая губа расколачивается до размягченія, очищается отъ твердыхъ частей и варится въ водѣ съ прибавленіемъ таловой золы; послѣ этого она просушивается.

У самоѣдовъ берестяная посуда не употребляется, поэтому они покупаютъ себѣ желѣзныя ведра и металлическія миски. Изъ предметовъ домашняго обихода у нихъ встрѣчаются—ѣпаки, люльки, чинъ и трутъ. Изъ шкуръ налима они шьютъ мѣшки, а изъ шкуръ осетра—покрышки для возовъ, употребляемыя вмѣсто рогожи. Сарга приготовляется ими изъ корней деревьевъ (преимущественно изъ тала), произрастающихъ въ мѣстахъ ихъ лѣтнихъ кочевокъ, по берегамъ рѣкъ. Самодѣльныхъ красокъ у нихъ нѣтъ,—въ употребленіи лишь сурикъ. Клей употребляется исключительно осетровый.

Необходимые въ хозяйствѣ предметы продаются между ними по слѣдующимъ цѣнамъ: шестъ обдѣланный—за одну оленину; трава для стелекъ, связанная пучками въ видѣ подстилки-ковра, размѣромъ въ $3 \times 1^1/_2$ арш.—за оленину; чинъ, пучки котораго для удобства перевя-

зываются, тоже въ видѣ подстилки-ковра, размѣромъ въ 2×1¾ арш.— за оленину. Вообще оленина является между самоѣдами единицей цѣнности и соотвѣтствуетъ одному рублю.

Инструменты, служащіе для обработки дерева, у нихъ тѣ же, что и у остяковъ.

Глава X.

Промыслы инородцевъ.

Значеніе разныхъ промысловъ для населенія вообще.—Время и продолжительность промысловъ — Рыболовный промыселъ, звѣроловный, промыселъ—водяной и лѣсной птицы, кедровый, сѣнокошеніе, заготовка дровъ.—Первенствующее значеніе рыболовнаго промысла.—Сравнительное значеніе промысловъ: звѣроловнаго, птицеловнаго, кедроваго и заготовки дровъ.—Сбытъ инородцами предметовъ своихъ промысловъ.—Орудія и средства зимнихъ промысловъ (главнымъ образомъ звѣроловнаго): лыжи и подволоки, ружье, ручной лукъ, сторожевой лукъ, травля стрихнином, чиркашъ, плашка и слопецъ

По отсутствію въ краѣ земледѣлія и обрабатывающей промышленности, промыслы пріобрѣтаютъ для населенія громадное значеніе, такъ какъ на нихъ зиждется все благосостояніе населенія.

Рыболовный промыселъ наступаетъ по вскрытіи рѣки, т. е. въ серединѣ мая, и длится до времени наступленія полнаго замора воды, т. е. приблизительно до февраля мѣсяца. Затѣмъ, почти до вскрытія рѣкъ промыселъ рыбы производится только у живуновъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рыболовный промыселъ имѣетъ первенствующее значеніе, населеніе еще до вскрытія рѣкъ переѣзжаетъ изъ мѣстъ своего зимняго проживанія въ лѣтнія жилища, расположенныя обыкновенно на берегу рѣкъ, у самой воды. Жилища эти, если они постояннаго характера, состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ; если они временныя, то они представляютъ изъ себя берестянные шалаши. Осенью, въ сентябрѣ, инородцы возвращаются обратно въ зимнія жилища. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ инородцы имѣютъ по три юрты: весеннюю, лѣтнюю и осеннюю, сообразно съ мѣстомъ своихъ промысловъ.

Звѣроловный промыселъ наступаетъ съ замерзаніемъ рѣкъ, въ октябрѣ, и длится до апрѣля мѣсяца.

Промыселъ водяной птицы длится три-четыре недѣли. Онъ начинается со времени прилета птицы, наступающаго недѣли за двѣ до вскрытія рѣки, и производится, главнымъ образомъ—въ маѣ.

Промыселъ утки производится въ іюлѣ, въ періодъ линянія.

Промыселъ лѣсной птицы наступаетъ съ половины августа и продолжается до выпаденія снѣга.

Кедровый промыселъ начинается со второй половины августа.

Время сѣнокошенія находится въ зависимости отъ ранняго или поздняго спада водъ и наступаетъ: раннее—съ первой половины іюля, а позднее—со второй половины августа.

Заготовка дровъ рѣдко производится съ декабря; обыкновенно она начинается съ января мѣсяца.

Въ числѣ природныхъ богатствъ Тобольскаго Сѣвера первенствующее значеніе принадлежитъ рыбѣ; поэтому рыболовный промыселъ составляетъ главное занятіе и служитъ главнымъ источникомъ существованія мѣстнаго населенія. Если принять во вниманіе, что здѣсь сосредоточены самыя лучшія рыболовныя угодья Западной Сибири, изобилующія къ тому же цѣнными породами рыбъ, то здѣшнее рыболовство получаетъ значеніе не только мѣстное, но и общегосударственное. Къ сожалѣнію, промыселъ этотъ ведется здѣсь нераціонально. Ненормальность современной постановки рыболовства констатирована даже самими рыбопромышленниками, признавшими практикуемые нынѣ способы лова рыбы хищническими.

Рыболовству отведена отдѣльная глава въ моей книгѣ „Тобольскій Сѣверъ“ (С.-Петербургъ, 1904 г. стр. 174—256). Затѣмъ, вопросамъ рыбопромышленности мною былъ посвященъ спеціальный докладъ, положенія котораго изложены въ особомъ журналѣ Комиссіи Императорскаго Общества Судоходства (см. журналъ „Русское Судоходство“ № 6 и 7 за 1903 годъ). Нуждамъ рыболовства посвящены мною „Доклады по вопросамъ рыболовства въ Тобольской губерніи“ (Тобольскъ, 1910 г.). Наконецъ, даннымъ, касающимся рыболовства, на сѣверѣ, посвященъ IV томъ „Тобольскаго Сѣвера“, заключающій въ себѣ описаніе рыболовства въ низовьяхъ рѣки Оби. Послѣдняя работа будетъ напечатана въ журналѣ „Русское Судоходство“.

Въ настоящей работѣ я ограничусь лишь перечисленіемъ какъ самыхъ способовъ лова, такъ и орудій рыболовства, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они употребляются въ теченіе года, начиная со времени вскрытія рѣкъ; перечисляемые ниже способы относятся преимущественно къ мелкому рыболовному промыслу, производимому круглый годъ.

Весною, со времени очищенія отъ льда протокъ (пока рѣка еще не вскрылась) и до появленія прибылой воды, рыба добывается въ протокахъ при помощи сплошныхъ загражденій (полъ, запоръ) малыми неводами и путемъ плетеныхъ орудій (рукава). Во время половодья ловъ рыбы производится безъ загражденій, въ заводяхъ, сѣтными орудіями (кривдой).

Лѣтомъ, до начала спада водъ, рыбу промышляютъ въ сорахъ путемъ сѣтныхъ орудій (сѣтей и рѣжевокъ). Затѣмъ устраиваются въ сорахъ варовыя загражденія, въ которыхъ, съ наступленіемъ спада водъ, добываютъ рыбу при помощи неводовъ и плетеныхъ орудій (гимогъ); въ тоже время производятся загражденія въ озерахъ и рѣчкахъ; послѣднія дѣлаются изъ жильника (сосновыхъ драпокъ); выноваживаніе рыбы изъ загражденій производится по замерзаніи рѣкъ. Съ половины іюля, когда

вода сбудетъ настолько, что обнаружатся пески, начинается неводной промыселъ, который длится до рѣкостава. Кромѣ того, въ теченіе всего лѣта производится промыселъ плавными сѣтными орудіями (колыдапами).

Осенью, съ августа мѣсяца, начинается промыселъ плавными сѣтями; промыселъ этотъ длится съ мѣсяцъ. Тогда же промышляютъ рыбу при помощи загражденій, важапами и сапбами, составляющими какъ бы переходъ отъ плавныхъ сѣтей къ ставнымъ. Кромѣ этого, рыбу добываютъ особымъ родомъ загражденій—котцами; послѣдній способъ лова одинаково примѣняется, какъ лѣтомъ, такъ и зимой.

Зимой промыселъ рыбы производится при помощи сплошныхъ и частичныхъ загражденій разнообразными плетеными орудіями (мордами, гимгами и др.) и ставными сѣтными орудіями—сѣтями и чердакомъ; этимъ послѣднимъ орудіемъ рыбу промышляютъ, главнымъ образомъ, по Иртышу; неводной ловъ производится въ это время преимущественно въ озерахъ. Что касается крючковыхъ орудій (самолововъ, переметовъ и др.), то промыселъ ими производится, какъ лѣтомъ, такъ и зимою.

Съ началомъ замора воды зимній промыселъ рыбы сосредоточивается исключительно у живуновъ. Съ наступленіемъ полнаго замора, приблизительно въ февралѣ мѣсяцѣ, Обь становится совсѣмъ безжизненною и до самаго весенняго вскрытія рѣкъ никакого рыболовнаго промысла на ней не производится.

Ниже я привожу рисунки лишь тѣхъ рыболовныхъ снарядовъ, которые я не успѣлъ занести въ „Тобольскій Сѣверъ“ (см. рис. 24). Снаряды эти слѣдующіе:

Рукавъ (1) и жерло къ нему (2).

Морда для ловли щуки (3). Морды, отверстіе жерла которыхъ величиною въ $^3/_4$ арш.; продаются онѣ по 50 коп. за штуку. Морды въ 4 и 5 четвертей—продаются по 80 коп. за штуку.

Морда для ловли нельмы (4). Эти морды имѣютъ отверстіе жерла въ 2 арш. и высоту въ $2^3/_4$ арш.; продаются онѣ по 2 рубля.

Самоловъ (5).

Проволока и приборы для изготовленія самоловныхъ крючковъ (6).

Звѣроловный промыселъ для извѣстной части населенія (по рѣкамъ Ваху и Югану) составляетъ главное занятіе, дающее главнымъ образомъ средства къ существованію; для обитателей рѣкъ Агана и Тромъ-Югана звѣроловный промыселъ по значенію равносиленъ рыболовству; для каменныхъ самоѣдовъ звѣроловство является вспомогательнымъ промысломъ при оленеводствѣ, для низовыхъ—при оленеводствѣ и рыболовствѣ, наконецъ, для остальной бо̀льшей части населенія,—вспомогательнымъ, при рыболовствѣ.

Охота на птицу, какъ спеціальный промыселъ, существуетъ на сѣверѣ въ незначительныхъ размѣрахъ; птица является продуктомъ, замѣняющимъ мѣстному населенію мясо.

Кедровый промыселъ распространенъ лишь въ Сургутскомъ уѣздѣ и въ Самаровской волости, а въ Березовскомъ уѣздѣ онъ встрѣчается только до Кондинска; промыселъ этотъ составляетъ немаловажное подспорье для населенія.

Кедровому промыслу посвящена отдѣльная глава въ моей книгѣ „Тобольскій Сѣверъ“. (Стр. 257-261).

Привожу рисунки орудій кедроваго промысла (см. рис. 25), и ихъ описаніе.

Колотъ (3) это большихъ размѣровъ деревянный молотъ, рукояткой котораго служитъ жердь, длиною въ 3 арш.; на послѣднюю положено било—деревянная чурка аршинной длины, 4-5 вершинъ въ діаметрѣ.

Валекъ (1) и доска (2) служатъ для шелушенія шишки. Шишки кладутъ на доску и водятъ по нимъ валькомъ.

Орѣшное рѣшето (4) имѣетъ видъ продолговатаго четырехугольнаго ящика съ продольной рѣшеткой изъ узкихъ деревянныхъ пластинокъ вмѣсто дна. Рѣшето подвѣшивается, въ него насыпается орѣхъ и, затѣмъ, рѣшето качаютъ; шелуха проходитъ въ щели дна рѣшета, а въ рѣшетѣ остается лишь чистый орѣхъ.

Заготовка дровъ для пароходовъ имѣетъ также значеніе для части населенія. Промыселъ этотъ распространенъ въ тѣхъ же районахъ, гдѣ и кедровый; до упадка пароходства между г.г. Тюменью и Томскомъ заработокъ отъ него составлялъ солидную статью приходнаго бюджета населенія.

Предметы, добытые инородцами путемъ всѣхъ этихъ промысловъ, вымѣниваются у нихъ мѣстными торговцами, которые для этой цѣли съѣзжаются со своими товарами въ извѣстное время и въ опредѣленные пункты. Въ то же время и въ тѣ же пункты собираются инородцы со своими товарами для положенія ясака, расчета за казенную муку, взноса земскихъ повинностей и закупки необходимыхъ въ ихъ обиходѣ предметовъ. Предметы остяцкаго промысла, кромѣ того, скупаются, т. е., собственно говоря, вымѣниваются, торговцами въ одиночку и внѣ времени, назначеннаго для съѣздовъ-торжковъ. Избѣгая хотя и слабой конкурренціи на торжкахъ и ярмаркахъ, установленныхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, многіе торговцы, предъ окончаніемъ звѣроловныхъ промысловъ, ѣдутъ въ мѣста кочевокъ инородцевъ, и тамъ по произвольной и весьма низкой цѣнѣ они берутъ за долги или вымѣниваютъ большую часть добываемыхъ инородцами звѣриныхъ шкуръ. Завлекая инородцевъ въ долги и дѣлая ихъ почти неоплатными должниками, торговецъ имѣетъ

въ виду только свои ближайшіе интересы и скорую наживу; не сообразуясь съ бюджетомъ инородцевъ, онъ навязываетъ имъ такіе товары, которые не составляя для нихъ предмета необходимости могли бы быть предметами роскоши и у болѣе культурнаго народа. Къ числу такихъ товаровъ принадлежатъ дорогія конфеты, варенье, чесучевые пиджаки и жилеты, драповыя пальто и т. п.

Необходимыми принадлежностями зимняго промысла являются лыжи и посохъ (см. рис. 26).

Лыжи (13) дѣлаются изъ сосны или изъ кедра. Наименьшая длина ихъ 11 четвертей, а ширина—отъ 4 до 5 вершковъ. Лыжа вытесывается толщиною въ $^1/_4$ вершка съ небольшимъ. Пятка и носъ немного сужены; носъ заостренъ и нѣсколько загнутъ. Нога ставится не посрединѣ лыжи, а нѣсколько къ переднему ея концу; удерживается она на лыжѣ при помощи ремня, прикрѣпленнаго къ двумъ дужкамъ, находящимся по обѣимъ сторонамъ лыжи. Женскія лыжи дѣлаются короче, обыкновенно не болѣе 9 четвертей. Стоимость лыжъ—30 коп. (Лыжи, изображенныя на рисункѣ, сдѣланы въ половину натуральной величины).

Въ мартѣ, когда начинаютъ появляться проталины, на лыжахъ ходить невозможно, такъ какъ къ нимъ прилипаетъ сырой снѣгъ. Въ такихъ случаяхъ остяки употребляютъ подволоки.

Подволоки (14) тѣ же лыжи, но обтянутыя шкурой изъ олепьихъ кисовъ или кониной. Самыя лыжи дѣлаются изъ словаго дерева. Верхняя часть лыжи сильно промазывается рыбьимъ жиромъ, для той цѣли, чтобы къ нимъ не прилипалъ снѣгъ. Ремень, удерживающій ногу прикрѣпляется не къ дужкамъ, а непосредственно къ лыжѣ.

Сшитая по размѣрамъ лыжи шкура намачивается и въ такомъ видѣ прикленвается къ лыжѣ рыбьимъ клеемъ; края ея загибаются, шириною въ палецъ, на верхнюю сторону лыжи. Послѣ этого подволоки тщательно шнуруются бечевой; освобождаются онѣ отъ шнуровки лишь послѣ того, какъ совершенно просохнутъ. Въ томъ мѣстѣ лыжи, гдѣ ставится нога, прибивается особый холщевый мѣшокъ; въ этотъ мѣшокъ ставится нога и на икрѣ мѣшокъ завязывается, такъ что снѣгъ подъ ступню ноги не попадаетъ. Инородцу подволоки обходятся въ 9 рублей, не считая работы, такъ какъ на подволоки обыкновенно идетъ 9 паръ олепьихъ кисовъ, стоимостью по 1 рублю за пару. Подволоки, сдѣланныя по заказу, обходятся въ 7 рублей, а именно: за работу самыхъ лыжъ—1 р., за 9 паръ кисовъ (если ихъ купить изъ первыхъ рукъ)—4 руб. 50 коп. и за шитье этихъ кисовъ, вмѣстѣ съ наклейкой ихъ на лыжи—1 руб. 50 коп.

Подволоки, оклеенныя кониной стоятъ дешевле,—приблизительно 4 руб. 50 коп.

Посохъ (16) служитъ вспомогательнымъ средствомъ при ходьбѣ на лыжахъ. Онъ представляетъ изъ себя палку, на верхнемъ концѣ которой—лопаточка, а на нижнемъ небольшое утолщеніе; въ этомъ утолщеніи крестообразно просверлены два отверстія; въ нихъ продѣты бечевки, на которыхъ держится обручъ. Назначеніе послѣдняго—препятствовать посоху погружаться въ снѣгъ. (Посохъ, изображенный на рисункѣ, сдѣланъ въ половину натуральной величины).

Почти всѣ безъ исключенія инородцы при охотѣ на какого бы то ни было звѣря пользуются кремневыми, весьма непрочными, съ плохимъ боемъ ружьями, которыя послѣ 2-3 лѣтъ употребленія требуютъ ремонта. Часто можно встрѣтить охотника, у котораго ружейный стволъ привязанъ къ ложу ремнемъ, или же вмѣсто ударной стальной пружины, придѣланъ около замка деревянный или костяной лучекъ. Сила боя уменьшается еще оттого, что инородецъ употребляетъ въ качествѣ пыжа чипъ, мало упругій и при томъ при заряженіи ружья недостаточно сильно забиваемый шомполомъ. Изъ фунта пороха у инородцевъ, при такомъ ружьѣ, выходитъ только отъ 80 до 120 зарядовъ, такъ какъ значительная часть пороха тратится въ подсыпку на приполокъ. Кромѣ того, то или иное количество зарядовъ зависитъ отъ калибра ружья. На фунтъ пороха идетъ 3 фунта дроби № 3. Самымъ употребительнымъ среди остяковъ типомъ ружья является дробовикъ, иногда штуцеръ и рѣдко винтовка. Ружьемъ бьютъ исключительно бѣлку и весною по насту—лося и оленя; остальныхъ звѣрей бьютъ лишь случайно. Кромѣ звѣрей, ружьемъ бьютъ птицу и рыбу.

Кромѣ существующихъ въ продажѣ круглыхъ деревянныхъ пороховницъ, остякъ выдѣлываетъ ихъ еще изъ оленьяго рога. Такая пороховница имѣетъ видъ короткой трубки съ широкимъ вогнутымъ утолщеніемъ внизу. Одинъ конецъ рога наглухо задѣланъ корой осокоря, а другой, верхній—закрывается деревянной пробкой. Края пороховницы иногда имѣютъ рѣзныя украшенія.

Орудіями для производства звѣроловнаго промысла, кромѣ ружья, служатъ для остяковъ лукъ ручной, лукъ сторожевой, чиркань, плашка, слопецъ и стрихнинныя пилюли.

Ручной лукъ (1) имѣетъ форму дуги, длиною около 11 четвертей; концы ея стянуты тетивой, имѣющей въ длину 10 четвертей съ небольшимъ. Дуга имѣетъ наружную сторону плоскую, а внутреннюю—выпуклую. Средняя часть лука, на протяженіи $^1/_3$ всей дуги, отличается наибольшей толщиной. Лукъ склеивается изъ нѣсколькихъ частей; на его устройство употребляется черемуховое, березовое и кедровое или сосновое дерево; послѣднія двѣ породы – обязательно кремлевыя (см. далѣе), концы лука, къ которымъ прикрѣпляется тетива, дѣлаются изъ черемухи; на концахъ вырѣзываются небольшія зарубки, куда вклады-

вается тетива. Наружная часть лука дѣлается изъ березы въ виду того, что это дерево одно изъ наиболѣе упругихъ и въ то же время легко выгибаемыхъ; но береза, будучи согнута въ одномъ положеніи, скоро теряетъ свою упругость и не оказываетъ нужнаго сопротивленія при спускѣ тетивы. Для того, чтобы лукъ оставался всегда туго натянутымъ, внутренняя часть его дѣлается изъ кремлины. Кремлина получается изъ такихъ экземпляровъ кедра или сосны, стволъ которыхъ имѣетъ овальную форму. На одной изъ двухъ наиболѣе выпуклыхъ сторонъ овала древесина бываетъ съ болѣе рѣдкими и широкими слоями, чѣмъ въ другихъ частяхъ; эта часть дерева и носитъ названіе кремлины. Кремлина очень хрупка и отличается наименьшею упругостью; будучи приклеена ко внутренней сторонѣ лука, она удерживаетъ наружную березовую часть отъ излишняго выгибанія, и предохраняетъ ее отъ потери упругости. Такимъ образомъ, сочетаніе этихъ древесныхъ породъ придаетъ луку постоянную упругость и наибольшую крѣпость. Всѣ отдѣльныя части лука склеиваются рыбьимъ клеемъ и, кромѣ того, весь лукъ оклеивается самою тонкою берестой.

На приготовленіе тетивы идетъ самая лучшая конопля, изъ которой дѣлается крѣпкая крученая бечевка; послѣдняя также оклеивается тонкою берестой. Стоимость ручного лука равна 1 рублю.

Для защиты руки отъ удара при спускѣ тетивы, употребляется вогнутая костяная пластинка (₂). Своей вогнутой стороною пластинка накладывается на запястье лѣвой руки, въ которой при стрѣльбѣ держится дуга лука. Къ рукѣ пластинка прикрѣпляется посредствомъ ремня, продѣваемаго въ сдѣланныя для этой цѣли на обоихъ бокахъ пластинки отверстія. Обыкновенная длина пластинки $2^1/_4$ вершка.

Стрѣла, употребляемая при лукѣ, бываетъ обыкновенно длиною немного болѣе аршина. Къ своему верхнему концу древко стрѣлы утолщено, при чемъ толщина древка въ его средней части бываетъ около $^3/_8$ верш. На нижнемъ концѣ стрѣлы находится небольшая развилина для тетивы, длиною въ $^1/_4$ вершка. Приблизительно на $^3/_4$ вершка выше развилины вокругъ стрѣлы приклеиваются перья въ числѣ трехъ, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, отчего образуется трехгранное опереніе, длиною немного болѣе 5 вершковъ. Это опереніе имѣетъ значеніе для правильности полета стрѣлы. На опереніе употребляются перья изъ крыльевъ и хвоста орла. Стоимость послѣднихъ 1 рубль. Наконечникъ (бѣловятка) бываетъ желѣзный. Бѣловятки куются остяками изъ желѣзокъ-ножей, спеціально покупаемыхъ для этой цѣли. Желѣзо закаливаютъ въ чувалѣ. Наковальней служитъ обухъ топора. Рѣдкіе изъ остяковъ имѣютъ кузнечные клещи; при ковкѣ желѣза они стараются замѣнить клещи имѣющимися подъ руками инструментами. Небольшіе въ 3 фун., молотки встрѣчаются у остяковъ сравнительно часто. Стоимость стрѣ-

лы безъ оперенія около 30 коп., считая—бѣловятку въ 25 коп. и древко въ 5 коп.

Тотъ или иной родъ бѣловятки зависитъ отъ того, для кого предназначается стрѣла.

Ручнымъ лукомъ бьютъ бѣлку, при случаѣ лисицу, тетерева, утку и иногда рыбу. Соотвѣтственно этому и бѣловятки бываютъ разнообразны.

Для обученія стрѣльбѣ изъ лука остякъ употребляетъ особую стрѣлу „томаръ“ (8). Длина томара 19 вершковъ; вмѣсто бѣловятки она имѣетъ на протяженіи $3\frac{1}{2}$ вершковъ конусовидное утолщеніе, основаніе котораго, около 1 вершка въ діаметрѣ, служитъ концомъ стрѣлы. Оперенiе этой стрѣлы таково же, какъ и у обыкновенной стрѣлы. Помимо обученія, ею бьютъ и бѣлку. Для этой послѣдней цѣли къ такой стрѣлѣ иногда прикрѣпляютъ короткую вилообразную бѣловятку, длиною 1 вершокъ; при чемъ разстояніе между концами ея развилинъ равняется $\frac{3}{8}$ вершка (8).

На лисицу употребляется вилообразная бѣловятка, длиною 3 вершка; разстояніе между концами развилинъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 вершка (9, 10, 11). На тетерева, утку и другихъ птицъ употребляется узкая копьеобразная бѣловятка (7), длиною $3\frac{3}{4}$ вершка; кромѣ того употребляютъ и такую бѣловятку, какъ на бѣлку. Рыбу бьютъ тѣми же бѣловятками, что лисицу и бѣлку.

Сторожевой лукъ (3) состоитъ изъ двухъ частей,—изъ лука въ собственномъ смыслѣ и самострѣла.

Лукъ, употребляемый въ настоящемъ случаѣ, весь дѣлается преимущественно изъ кедроваго дерева (кремлина); размѣръ его тотъ же, что и у ручного лука, только нѣсколько толще послѣдняго. Стоимость лука съ тетивой—40 коп.

Самострѣлъ (4) представляетъ изъ себя деревянную планку, длиною до 20 вершковъ, шириною до $1\frac{1}{2}$ вершковъ и толщиною въ $\frac{1}{4}$ вершка. На заднемъ нижнемъ концѣ онъ имѣетъ нѣсколько пилообразныхъ зарубокъ, куда закладывается петля веревки, къ послѣдней привязывается суклёма. Противоположный передній конецъ самострѣла имѣетъ уступъ, которымъ самострѣлъ упирается въ середину дуги лука. На разстояніи $4\frac{1}{2}$ вершковъ отъ этого конца самострѣла, на верхней его сторонѣ, имѣется глубокая зарубка съ небольшимъ выступомъ; отъ конца этого выступа на разстояніи одного вершка, находится мелкая отлогая зарубка. Суклёма привязывается къ веревкѣ на разстояніи 2 вершковъ отъ ея петли и представляетъ изъ себя короткую, до $2\frac{1}{2}$—3 вершковъ, деревяшку, у которой нижній конецъ широкій и имѣетъ развилину, а верхній—узокъ. Къ послѣднему концу посредствомъ короткой веревки прикрѣпляется щелочокъ—трехугольная деревяшка, въ $1\frac{1}{4}$ вершка длиною; послѣдній вкладывается въ мелкую отлогую зарубку и скрѣпляется

съ выступомъ глубокой зарубки гнѣздомъ насторожки, какъ бы жомомъ. Насторожка имѣетъ форму заостренной деревяшки, длиною до 1½ вершка, въ утолщенномъ концѣ которой имѣется гнѣздо. Въ противоположный конецъ насторожки ущемляется сипка (бѣлая нитка или бѣлый конскій волосъ) длиною до 10 четвертей и болѣе; къ другому концу сипки привязывается прутъ, толщиною въ мизинецъ и длиною около 3½ вершковъ, называемый подсипочникомъ. Стоимость самострѣла 25 коп.

Мишень (5), употребляемая при пастораживаніи сторожевого лука, представляетъ неширокую (до ½ вершка), деревянную пластинку, длиною до 7 вершковъ. Для того, чтобы мишень находилась въ вертикальномъ положеніи, нижній ея конецъ имѣетъ цилиндрическое утолщеніе, вышиною до 1 вершка, а въ діаметрѣ—немного болѣе. Въ верхней своей части мишень имѣетъ три прорѣзи, изъ которыхъ двѣ нижнія служатъ для прицѣла, а черезъ небольшую верхнюю продѣвается бечевка для ношенія мишени у пояса. Мишень служитъ показателемъ, на какую высоту слѣдуетъ пастораживать лукъ на того или иного звѣря; напримѣръ на выдру слѣдуетъ пастораживать лукъ на высоту сжатаго „по бабьи“ кулака, т. е. съ наложеніемъ большого пальца на указательный (2 вершка); на зайца—на высоту 4 вершковъ,—до средины первой прорѣзи мишени; на лисицу—на ½ вершка выше, между первой и второй прорѣзью; на рысь—до средины второй прорѣзи (5 верш.); наконецъ, на волка—на верхушку мишени (6 вершк.). На медвѣдя лукъ обыкновенно пастораживается на высоту отъ земли до колѣннаго сустава ноги человѣка (10 вершковъ). Мишень стоитъ 20 коп.

Сторожевой лукъ, пастораживается такъ (см. рис. 27—а и б): сперва натягивается самый лукъ, при чемъ тетива его удерживается на самострѣлѣ при помощи суклемы поставленной перпендикулярно къ послѣднему; щелочокъ скрѣпляется съ выступомъ глубокой зарубки веревочнымъ гужикомъ. Затѣмъ, въ избранномъ мѣстѣ вколачиваются двѣ сошки, въ развилины которыхъ кладется натянутый лукъ. Противъ середины лука, въ разстояніи приблизительно до 1 арш., вбивается въ землю колъ съ расщепленной вершиной, куда ущемляется конецъ самострѣла. Мишень ставится при помощи шестика (саженнаго прута, толщиною менѣе ½ вершка) въ разстояніи отъ 1 до 2 арш. отъ лука. Подсипочникъ кладется при помощи того же шестика на разстояніи ½—1 аршина отъ мишени. Затѣмъ подтягивается сипка, для чего насторожка ставится на мѣсто; конецъ сипки подтягивается до тѣхъ поръ, пока нитка не получитъ натянутаго положенія. Послѣ всего этого ловецъ кладетъ на лукъ стрѣлу и начинаетъ производить прицѣлъ; для этого онъ ложится сзади самострѣла и регулируетъ послѣдній такъ, чтобы конецъ стрѣлы былъ направленъ непосредственно на то мѣсто подсипочника, гдѣ привязана сипка. Регулированіе всего снаряда производится

или путемъ поднимапія конца самострѣла вверхъ и внизъ по расщепленному колу, или же путемъ перемѣщепія дуги лука вправо и влѣво по вилкамъ сошекъ. Когда прицѣлъ окажется достаточно вѣрнымъ, ловецъ, предварительно убравши съ лука стрѣлу, снимаетъ веревочный гужикъ и окончательно скрѣпляетъ гнѣздомъ насторожки щелочокъ съ выступомъ пологой зарубки, а затѣмъ кладетъ стрѣлу на прежнее мѣсто.

На лисицу сторожевой лукъ ставится у ручьевъ, на самомъ краю ихъ береговъ, и притомъ такъ, чтобы синка была протянута черезъ самый ручей, а подсиночникъ находился у противоположнаго берега, выше льда приблизительно на 4 вершка. Самый промыселъ производится осенью, тотчасъ же по замерзапіи мелкихъ ручьевъ, когда лисица держится преимущественно по ручьямъ.

На зайца, рысь и волка сторожевой лукъ ставится въ лѣсу, на заячьихъ тропахъ.

На медвѣдя сторожевой лукъ ставится на лѣсныхъ мысахъ, вдающихся въ болота, такъ какъ медвѣдь при переходѣ болота выбираетъ болѣе узкое мѣсто. На медвѣдя лукъ настораживается на высоту около трехъ четвертей. Бѣловятка въ этомъ случаѣ употребляется широкая, копьеобразная, длиною въ $2^3/_4$ вершк., а шириною въ $^1/_2$ вершка (12). Если такая бѣловятка попадетъ въ мягкое мѣсто, она проходитъ сквозь медвѣдя. Медвѣдь имѣетъ обыкновеніе выдергивать стрѣлу изъ раны; въ предупрежденіе этого древко стрѣлы надрѣзывается. Хватая стрѣлу за древко, медвѣдь ее ломаетъ, и стрѣла остается въ немъ.

На выдру сторожевой лукъ ставится на льду рѣчекъ, гдѣ водятся выдры, противъ прорубей, которыя выдра пробиваетъ для выхода изъ воды. Синка протягивается черезъ прорубь. Стрѣла для этого звѣря (13) употребляется съ остріемъ, имѣющимъ глубокую, обращенную внизъ зазубрину; длина всей бѣловятки—$2^1/_4$ вершка, длина зазубрины—$^1/_2$ вершка, разстояніе между основаніемъ бѣловятки и концомъ зазубрины—$^1/_4$ вершка. Стрѣла поражаетъ выдру въ шею, въ моментъ выхода ея изъ воды. Для того, чтобы раненая выдра не могла совсѣмъ уйти подъ ледъ, къ нижнему концу бѣловятки привязывается бечевка, преимущественно волосяная; другой конецъ ея прикрѣпляется ко вбитому близъ сторожевого лука колу.

Сторожевые луки ставятся также на лося и на олепя, для чего предварительно устраиваются загороди. Загороди городятъ изъ двухъ жердей, поперекъ хода звѣря и оставляютъ въ нихъ промежутки, въ которыхъ и ставятся луки. На лося лукъ настораживается на высотѣ 6 четвертей, а на мягкихъ мѣстахъ нѣсколько ниже; на оленя лукъ настораживается на 4 четверти.

Бѣловятка для лося и оленя выдѣлывается изъ 10 фунтового ли-

стового желѣза. По своей формѣ она представляетъ равнобедренный треугольникъ, высота котораго равняется 2 вершкамъ, а основаніе — 1¼. Древко стрѣлы на разстояніи ¼ арш. отъ бѣловятки имѣетъ зарубку до половины толщины древка, зарубка эта предназначается для того, чтобы стрѣла, ударивъ оленя, переломилась и тѣмъ была бы предотвращена возможность выпаденія ея изъ тѣла раненаго оленя. Бѣловятка оттачивается.

Вообще, сила стрѣлы сторожевого лука бываетъ настолько велика, что задѣвшій спину звѣрь иногда пробивается на вылетъ. Съ теченіемъ времени тетива, конечно, слабнетъ и, слѣдовательно, стрѣла утрачиваетъ прежнюю силу, поэтому ловецъ, обходя поставленные имъ самострѣлы, обыкновенно подтягиваетъ тетиву, переставляя веревочную петлю на одну изъ слѣдующихъ пилообразныхъ зарубокъ. Въ 4—5 саженяхъ отъ самострѣла ловецъ втыкаетъ въ землю шестикъ, служащій предостереженіемъ для людей.

Однимъ изъ способовъ добыванія лисицъ служитъ еще травля ихъ стрихнином. Травля практикуется съ половины октября до половины января. Обыкновенно стрихнином начиняется падаль какого нибудь животнаго, или же тетерева. Стрихнинъ иногда примѣняютъ и для травли медвѣдя; послѣдняго травятъ лѣтомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ опустошенія, производимыя медвѣдемъ, наиболѣе убыточны.

Чиркань (см. рис. 28) состоитъ изъ двухъ частей,—изъ небольшого лука и собственно чиркана.

Лукъ привязывается къ задней сторонѣ чиркана, у порожка. Дуга лука имѣетъ въ длину до 22 вершковъ, а тетива—до 20.

По внѣшнему своему виду чиркань напоминаетъ вилы съ коротким черенкомъ. Для чиркана обыкновенно вытесывается изъ еловаго дерева брусокъ, толщиною въ ½×¾ вершка и длиною приблизительно въ 1 аршинъ. На разстояніи ¼ своей длины, у одного изъ концовъ, брусокъ туго перевязывается бечевкой; противоположный конецъ расщепливается вдоль до перевязаннаго мѣста. Посреднѣ расщепленныхъ частей прорѣзывается узкая, въ ¼ вершка, щель, на четверть длины всего бруска. Затѣмъ, расщепленнымъ частямъ придается форма вилъ, имѣющихъ разстояніе между рогами до 2¼ вершк. Въ нижнихъ частяхъ прорѣзей укрѣпленъ поперечный брусокъ, называемый порожкомъ, а въ верхнихъ частяхъ—другой такой же брусокъ, называемый разводкой и имѣющій посреднѣ небольшое гнѣздо, черезъ которое движется ударникъ. Ударникъ по своей формѣ похожъ на букву Т; онъ состоитъ изъ короткаго горизонтальнаго бруска (2¾ вершка длиною); въ середину этого бруска вдолбленъ другой вертикальный брусокъ (4½ верш. длиною), имѣющій на концѣ отверстіе; черезъ послѣднее продѣта тетива лука; посреднѣ, на передней своей сторонѣ, вертикальный брусокъ имѣетъ

мелкую пологую зарубку, куда закладывается насторожка. На вертикальномъ брускѣ имѣется еще подвижной веревочный гужикъ для закрѣпленія насторожки. Къ гужику привязываются двѣ спики, противоположные концы которыхъ прикрѣпляются къ задней сторонѣ порожка. На задней сторонѣ рукоятки имѣется зарубка, куда надѣта петля веревки; къ послѣдней привязанъ конецъ суклемы (суклема—такая же, какъ и у сторожевого лука). Къ противоположному концу суклемы привязана насторожка—деревянный клинышекъ въ 1½ вершка длиною.

Чиркань настораживается такъ: натягивается лукъ, при чемъ тетива удерживается при помощи перпендикулярно поставленной суклемы. Насторожка вкладывается въ уступъ ударника и скрѣпляется съ послѣднимъ веревочнымъ гужикомъ, который накладывается на самый кончикъ насторожки. Настороженный, такимъ образомъ, чиркань втыкается рогами въ снѣгъ, почти до самаго порожка. Въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы звѣрь заходилъ въ чиркань только съ одной стороны, его обыкновенно ставятъ задней частью къ дереву. Наживу (тухлое мясо, рыбу и т. п.) помѣщаютъ сзади чиркана, при чемъ она огораживается щепками, вѣтвями и проч., что̀ дѣлаетъ доступъ къ ней возможнымъ для звѣрка лишь чрезъ настороженный проходъ между вилами.

Звѣрокъ, протягивая голову къ наживѣ, задѣваетъ спики, и тѣмъ освобождаетъ ударникъ отъ насторожки: послѣдній моментально опускается и придавливаетъ шею звѣрка къ порожку.

Чиркапами добываются мелкіе пушные звѣри,—бѣлка, горностай и колонокъ. Спеціально на бѣлку чиркань ставится иначе: на снѣгъ кладутъ жердь, отъ 3 до 5 саж. длиною, и на серединѣ ея ставятъ въ снѣгъ чиркань, при чемъ жердь приходится въ развилинахъ; наживa здѣсь не употребляется; затѣмъ, чиркань огораживается такъ, чтобы для пробѣгающей по жерди бѣлки единственнымъ путемъ служилъ настороженный проходъ между вилами. Обыкновенно чиркань осматривается черезъ два дня въ третій.

Въ Сургутскомъ уѣздѣ приобское населеніе (отъ Нарымской границы до Сургута), равно какъ и населеніе р. Югана чиркановъ имѣетъ много, до 100 штукъ на хозяина; ставятъ ихъ преимущественно на бѣлку въ лѣсахъ и изрѣдка на горностая и колонка въ сорахъ и на гривахъ. У населенія сѣверныхъ притоковъ Оби (Нима, Тромъ-Югана, Агана и Ваха) чиркановъ имѣется меньше, по 10-15 штукъ на хозяина; ставятъ ихъ лишь на горностая и колонка.

Остяки дѣлаютъ чиркапы быстро, иногда до 15 штукъ въ день, и уступаютъ ихъ по 5 коп. за штуку.

Плашка (см. рис. 29) состоитъ изъ двухъ досокъ, длиною въ аршинъ и шириною въ 6-7 вершковъ; доски бываютъ положены другъ на друга. Онѣ выкалываются изъ дерева, въ лѣсу, на мѣстѣ постановки

плашки и кладутся другъ на друга такъ, что одинъ изъ концовъ верхней доски является приподнятымъ приблизительно на одну четверть; въ промежуткѣ между ними устраивается насторожка, состоящая изъ 2 пластинокъ, по 3 вершка длиною каждая. Верхняя пластинка имѣетъ колѣнчатый уступъ, въ который упирается верхъ нижней пластинки; чтобы пластинки не разошлись, онѣ скрѣплены, какъ бы жомомъ, такъ называемымъ щелочкомъ; длина послѣдняго составляетъ 6 верш.; къ концу щелочка прикрѣпляется нажива—тухлое мясо, рыба и т. п. На верхнюю доску, для большей ея тяжести, накладываются два чурбана.

Звѣрокъ, хватая наживу, выдергиваетъ щелочекъ и, такимъ образомъ, освобождаетъ отъ скрѣпленія пластинки насторожки; пластинки расходятся, падаютъ, а вмѣстѣ съ ними падаютъ на звѣрка и доски съ положенными на нихъ чурбанами.

Плашка ставится зимою въ сорахъ и на гривахъ; добываютъ ею горностая и колонка.

Слопецъ (см. рис. 30) устраиваются слѣдующимъ образомъ:

Вбиваются застроги—два ряда кольевъ, высотою въ 5½ четвертей; въ каждомъ ряду по пяти кольевъ на разстояніи около 2 вершк. одинъ отъ другого. Перпендикулярно къ застрогамъ, на протяженіи до 3 саж. въ ту и другую сторону отъ нихъ, вбиваются засѣки меньшей величины,—колья, длиною отъ ¾ до 1 аршина. Затѣмъ, между обоими рядами застрогъ помѣщаются два бревна, около 4 аршинъ длиною; одинъ конецъ бревенъ расщепленъ и въ расщепъ вставляется такъ называемая игла—жердь въ 1½ вершка толщиной и около 3 аршинъ длиной; разстояніе между обоими рядами кольевъ обыкновенно равно ширинѣ помѣщаемыхъ между ними бревенъ. Бревна помѣщаются такъ, чтобы игла касалась крайнихъ кольевъ; конецъ бревенъ, въ расщепъ которыхъ вставлена игла, находится на высотѣ кольевъ. На крайній колъ кладется валекъ,—палка въ ¾ аршина длиною и въ ½ вершка толщиною; на одинъ конецъ его опирается игла, а къ другому—привязывается веревка, длиною до ¾ аршина; къ концу ея прикрѣпляется щелочекъ, около 1½ вершка въ длину; закладывается онъ подъ сукъ второго кола застроги. Ниже этого сука привязывается къ застрогамъ прутъ, къ которому щелочекъ прижимается гнѣздомъ насторожки, имѣющей длину до 1½ вершковъ. Въ расщепѣ верхняго конца насторожки прикрѣпляется синка, которая протягивается подъ бревнами, на разстояніи ¼ аршина отъ земли, и прикрѣпляется къ противоположному насторожкѣ колу.

Слопцы предназначаются для зайцевъ, куропатокъ и тетеревовъ.

Обыкновенно, заяцъ, куропатка или тетеревъ, проходя около слопца, натыкаются на засѣки, служащія имъ препятствіемъ, и входятъ въ свободное мѣсто, между застрогами. Задѣвъ здѣсь нечаянно синку, они

освобождаютъ щелочокъ отъ насторожки и лишаютъ валекъ опоры; отъ этого игла съ бревнами падаетъ и придавливаетъ своей тяжестью находившихся между застрогами птицъ или зайцевъ.

На зайца слопцы ставятся на материкахъ, на опушкѣ лѣса, въ молодинякахъ, или же внѣ материка—въ тальникахъ. Слопцы поднимаютъ съ половины октября, и заяцъ въ нихъ попадаетъ всю зиму, до половины апрѣля. Съ осени до половины декабря въ нихъ попадаетъ и куропатка. Въ слопцахъ, предназначенныхъ для зайцевъ и куропатокъ, по ту и другую сторону застрогъ втыкаются таловые прутья, служащіе для нихъ примапкой.

На тетеревовъ слопцы ставятся на песчаныхъ мѣстахъ, въ борахъ и на краю рѣчекъ, съ половины августа; промыселъ тетеревовъ длится до половины октября. Въ слопцахъ, предназначенныхъ для тетеревовъ, поверхность земли между застрогами посыпается пескомъ.

Изъ орудій звѣроловства у самоѣдовъ практикуется только слопецъ, капканъ и сторожевой лукъ. Ручной лукъ составляетъ у самоѣдовъ рѣдкое явленіе; луки встрѣчаются обыкновенно остяцкаго издѣлія или издѣлія лѣсныхъ самоѣдовъ. Имѣющіяся въ употребленіи у самоѣдовъ кремневыя ружья—преимущественно винтовки, такъ что даже птицу они стрѣляютъ пулей. Объясняется это тѣмъ, что самоѣды къ дроби не имѣютъ довѣрія. Вообще ружья среди нихъ распространены сравнительно мало: ихъ имѣетъ развѣ только половина населенія.

Объектами звѣроловнаго промысла служатъ песецъ, заяцъ, россомаха и волкъ; хотя горностая много, но его не промышляютъ. Песца добываютъ слопцами и капканами; слопцовъ имѣютъ отъ 25 до 50 шт., а капкановъ—не свыше 15 шт. на хозяина. Слопцы поднимаются съ ноября и стоятъ въ теченіе всей зимы. Капканы начинаютъ ставить съ конца іюля и держатъ ихъ до конца ноября. Въ эти же слопцы и капканы попадаетъ и заяцъ. Послѣдняго, кромѣ того, бьютъ еще ружьемъ, а во время ледохода, когда заяцъ спасается на льдинахъ, ѣздятъ въ лодкахъ и бьютъ его веслами. На россомахъ и волка ставятъ капканы бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ на песца; обыкновенно ихъ ставятъ съ октября. У оленныхъ самоѣдовъ, стадамъ которыхъ волкъ наноситъ большой ущербъ, волчьи капканы составляютъ необходимое орудіе.

Ружьями стрѣляютъ преимущественно водяную птицу, а также куропатку и дикаго оленя; песца ружьемъ бьютъ случайно. Перо куропатки покупается по цѣнѣ муки,—за пудъ пера пудъ муки.

Орудіями рыболовства служатъ: неводъ отъ 70 до 150 саж. длиною и обыкновенныя сѣти (длиною въ 15 саж.), которыхъ населеніе имѣетъ отъ 10 до 15 шт. на хозяина; кромѣ того, у мѣстныхъ жителей имѣются еще самоловы,—отъ 3 до 5 шт. на хозяина. Для производства рыбнаго промысла среди самоѣдовъ организуются артели, отъ 3 до 5 человѣкъ.

Глава XI.

Оленеводство.

Значеніе оленеводства.—Географическое распространеніе оленей.—Отсутствіе правильной регистраціи оленей.—Оленеводство среди остяковъ и вогуловъ.—Оленеводство у самоѣдовъ; статистическія данныя по этому вопросу.—Отсутствіе изслѣдованій въ этой области.—Извѣстныя болѣзни оленей. —Продукты мѣстнаго оленеводства: пешка, неплюй-выростокъ, постоль, кисы, лобъ, жилы, мясо — Отсутствіе раціональной постановки оленеводства у самоѣдовъ.—Зыряне: время ихъ перваго появленія въ районѣ Тобольскаго сѣвера.—Количество и разселеніе осѣдлыхъ и кочевыхъ зырянъ въ настоящее время.—Роль и значеніе зырянъ въ экономической жизни сѣвернаго края.—Сравнительный обзоръ состоянія оленеводства у насъ и у зауральскихъ оленеводовъ.—Система веденія оленнаго хозяйства у зырянъ.—Примѣрная доходность оленеводства на Тобольскомъ сѣверѣ, при условіи веденія нормальнаго хозяйства.—Состояніе оленеводства у лопарей.—Операціи по оленеводству кочующихъ здѣсь зырянъ: забойка скота на р.р. Уссѣ и Лемвѣ.—Экспортъ оленьяго мяса изъ Печорскаго края въ Германію.—Вывозъ зырянами продуктовъ оленеводства мѣстныхъ самоѣдовъ.— Статистическія данныя о количествѣ оленей у зауральскихъ оленеводовъ.

Оленеводство въ приполярномъ сѣверѣ настолько важная отрасль народнаго хозяйства, что безъ него невозможно тамъ самое существованіе человѣка. Для жителя полярнаго сѣвера олень служитъ не только средствомъ передвиженія, но даетъ ему пищу, одежду и кровъ, а избытокъ шкуръ и мяса вымѣнивается на необходимые въ обиходѣ туземцевъ ввозные предметы. Оленеводство въ жизни населенія играетъ настолько видную роль, что самая жизнь его приноровлена къ потребностямъ и жизни этихъ полезныхъ животныхъ.

Оленеводство распространено здѣсь далеко на югъ, до Сургутской Оби (61° с. ш.), переходя даже за Обь (исключительно по р. Югану), но въ этой южной зонѣ оно развито сравнительно въ малой степени и служитъ лишь для удовлетворенія насущныхъ нуждъ мѣстныхъ жителей (средства передвиженія и отчасти пища и одежда).

Довольно трудно сказать, развивается ли оно здѣсь или падаетъ, такъ какъ сколько-нибудь удовлетворительной регистраціи оленей не существовало и не существуетъ. Всѣ статистическія данныя, какія исправники прилагаютъ при своихъ годовыхъ отчетахъ, не даютъ представленія о дѣйствительномъ положеніи оленеводства въ томъ или другомъ районѣ края, такъ какъ инородныя управы, вмѣсто того, чтобы опрашивать населеніе, просто изъ года въ годъ переписываютъ старыя свѣдѣнія, варіируя цифры,—то повышая, то понижая ихъ.

Среди остяковъ оленеводство развито слабо, и только по мѣрѣ движенія на сѣверъ оно постепенно возрастаетъ. Такъ, ниже Березова нѣтъ уже вовсе лошадей, за исключеніемъ имѣющихся на земскихъ станціяхъ и у русскихъ—въ с.с. Мужахъ, Кушеватѣ и Обдорскѣ. По произведенному мною статистическому подсчету оленеводства оказывается, что оно у вогуловъ и остяковъ, обитающихъ въ зонѣ высокоствольныхъ лѣсовъ (часть Березовскаго уѣзда, южнѣе 64 параллели, и весь Сургутскій), не блестяще и съ трудомъ удовлетворяетъ потребностямъ передвиженія.

Число оленей на хозяина въ среднемъ не превышаетъ 23, число же безоленныхъ хозяевъ достигаетъ мѣстами 40% населенія.

Подавляющее большинство оленей принадлежитъ обитателямъ тундры-самоѣдамъ. Какимъ именно количествомъ оленей владѣютъ послѣдніе неизвѣстно; неизвѣстно и самое количество самоѣдовъ. Если представляется затруднительнымъ произвести точный учетъ самоѣдамъ, то тѣмъ болѣе трудно привести въ извѣстность количество принадлежащихъ имъ оленей.

Вотъ оффиціальныя данныя изъ обзоровъ за періодъ времени съ 1898 по 1903 г. включительно:

Г О Д А.		Число оленей.	
		Въ Березовскомъ уѣздѣ:	Въ Сургутскомъ уѣздѣ:
За 1898 г.	къ 1898 г.	164.463	2.203
	въ 1898 г.	116.135	2.343
За 1899 г.	къ 1899 г.	116.135	2.343
	въ 1899 г.	124.990	2.865
За 1900 г.	Въ обзорѣ за 1900 г. никакихъ данныхъ о скотоводствѣ не имѣется.		
За 1901 г.	къ 1902 г.	458.168	4.373
За 1902 г.	къ 1903 г.	456.794	5.734
За 1903 г.	въ 1903 г.	458.152	5.956
За 1904 г.	въ 1904 г.	448.151	5.870

Что въ вышеприведенномъ обзорѣ занесены цифры, не соотвѣтствующія дѣйствительности, ясно видно изъ сопоставленія числа оленей въ Березовскомъ уѣздѣ за время съ 1899 по 1901 г. Совершенно невозможно допустить, чтобы приростъ оленей въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ могъ достигнуть цифры свыше 300 тысячъ головъ. Отсюда приходится сдѣлать выводъ, что регистраціи оленей не ведется и цифрамъ этимъ довѣрять нельзя.

Въ „Памятной книжкѣ“ Тобольской губерніи за 1884 г. (стр. 191) приводится, что въ 1840 годахъ въ Березовскомъ и Сургутскомъ округахъ считалось оленей 150.000 головъ; въ 1884 году, вслѣдствіе безкормицы и болѣзней, существовавшихъ въ періодъ съ 1870 по 1880 г., число ихъ не превышало 126.000 головъ. Данныя эти подтверждаются статистическими свѣдѣніями и изъ другихъ источниковъ: въ 1848 году пало болѣе 20.000 головъ оленей; въ 1863 году между р. Войкаромъ и Карскимъ моремъ пало болѣе 50.000 головъ, такъ что многіе самоѣды не явились въ этотъ годъ на ярмарку; въ 1872 году пало 23.135 гол.

По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1903 году въ низовьяхъ р. Оби въ мѣстностяхъ: „Надымъ“, „Хамапель“, „Шуга“ и др. пало отъ сви-

рѣйствовавшей тогда эпизоотіи 12.730 оленей; людей умерло отъ употребленія въ пищу мяса больныхъ оленей 13 человѣкъ. Какъ оказалось по собраннымъ мною осенью 1903 г. свѣдѣніямъ, по правую сторону Оби, на протяженіи около 350 верстъ съ запада на востокъ, отъ Обдорска до р. Ныды, олени пали поголовно, въ количествѣ около 3.500 головъ (въ Оксаркахъ, Ярцынгахъ, Шугѣ, Надымѣ, Линзитѣ и Ныдѣ). По лѣвую сторону Оби—въ Ямбурѣ, Пуйко, Юбѣ, Хамапелѣ и Ямсале, всего на протяженіи около 150 верстъ, пало около 10.000 головъ оленей.

Подобная эпизоотія, по заявленію инородцевъ, явилась здѣсь впервые. Симптомы заболѣванія были таковы: предварительно начинала пухнуть щека, затѣмъ опухоль быстро распространялась и переходила на шею; животное слабѣло, ложилось и черезъ нѣсколько часовъ околѣвало.

Количество павшихъ оленей, конечно, незначительно въ сравненіи съ общимъ ихъ числомъ. Но въ данномъ случаѣ дѣло не въ количествѣ, а въ томъ печальномъ обстоятельствѣ, что обитатели побережья, имѣвшіе къ тому же ограниченное количество оленей, лишившись ихъ, остались въ совершенно безпомощномъ положеніи; въ силу этого они не были даже въ состояніи привести себѣ необходимые жизненные припасы, не говоря уже объ отсутствіи у нихъ средствъ передвиженія для цѣлей промысла. Поэтому нѣкоторые изъ пострадавшихъ инородцевъ явились въ Обдорскъ за хлѣбомъ и прочими жизненными припасами уже въ началѣ сентября, на лодкахъ.

Въ слѣдующемъ 1904 году по оффиціальнымъ даннымъ значится, что въ іюлѣ мѣсяцѣ въ водораздѣлѣ рѣкъ Таза и Енисея на стадахъ оленей, принадлежащихъ проживающимъ тамъ Обдорскимъ самоѣдамъ, свирѣпствовала эпизоотія, отъ которой въ сравнительно короткое время пало до 40.000 оленей.

Нельзя не отмѣтить того крайне печальнаго факта, что намъ не только не знакомы причины время отъ времени постигающаго нашъ сѣверъ бѣдствія и мѣры борьбы съ послѣднимъ, но даже на самой почвѣ изученія оленеводства вообще и болѣзней оленя до настоящаго времени ровно ничего не сдѣлано.

Насколько намъ извѣстно, наиболѣе распространенными болѣзнями на оленяхъ являются слѣдующія:

1) Копытный ракъ. Въ копытѣ симптомы его слѣдующіе, появляется жаръ, боль, затѣмъ гнилыя язвы, изъ которыхъ течетъ гной; если болѣзнь усиливается, то появляются язвы вокругъ рта и жаръ во всемъ тѣлѣ; болѣзнь продолжается отъ 4 до 14 дней; если не приняты мѣры, то животное падаетъ. При появленіи болѣзни, оленей нужно перегонять на сухія мѣста и дѣлить на мелкія стада. Лѣченіе состоитъ въ обливаніи больныхъ мѣстъ соленою водою. Болѣзнь эта заразительна.

2) Воспаленіе легкихъ съ язвами имѣетъ слѣдующіе симптомы. Олени начинаютъ корчиться и поглядывать на бока, глаза ихъ наливаются кровью, появляется жаръ, дыханіе затрудняется; лежать больной олень не можетъ и погибаетъ стоя, черезъ 3-6 сутокъ. При продолжительномъ воспаленіи у животнаго отдѣляется мокрота. Отъ этой болѣзни погибло въ 1848 г. до 20.000 оленей.

3) Опухоль головы и скопленіе подъ общими покровами ея воды и гноя имѣетъ слѣдующіе признаки. Олень трясетъ головой, потомъ стоитъ, какъ одурѣлый, и, наконецъ, околѣваетъ. При благопріятномъ исходѣ болѣзни, на затылкѣ появляется нарывъ, который вскрывается; въ такомъ случаѣ олень выздоравливаетъ. Во время этой болѣзни рога обыкновенно отпиливаютъ, чтобы освободить голову отъ лишней тяжести.

4) Опухоль роговъ при ихъ ростѣ.

5) Угри—гнойныя раны на спинѣ.

6) Подъязычные черви.

Продуктами оленеводства являются, главнымъ образомъ, шкуры и мясо.

Изъ шкуръ оленей получаются слѣдующіе матеріалы.

Пѣшка-шкурка маленькаго теленка, погибшаго вслѣдъ за рожденіемъ отъ неблагопріятной погоды. Нарочно его никогда не бьютъ, такъ какъ это было бы убыточно. Пешка идетъ преимущественно на треухи, шапки и одежду для дѣтей.

Неплюй-выростокъ-шкурка теленка, убитаго на 4 мѣсяцѣ отъ теленія. Сортовъ неплюя нѣсколько, въ зависимости отъ возраста теленка: шкурка, снятая въ августѣ, извѣстна подъ именемъ выростка, снятая позднѣе, въ октябрѣ—толстаго выростка или большешерстнаго неплюя. Тонкіе сорта неплюя идутъ на дохи и парки; толстые—на ягушки, малицы и гуси; подавляющее большинство неплюя идетъ однако на выдѣлку замши.

Постель-шкура, снятая съ годового оленя не раньше октября. Шкура эта идетъ не только на постели, но и для подстилки на нартахъ, а также и для покрышки клади, взамѣнъ рогожи, при перевозкѣ. Постель идетъ на шитье одежды и на выдѣлку замши.

Кисы-шкура съ оленьихъ ногъ идетъ на узорчатую вышивку, рукавицы и обувь.

Лобъ-шкура со лба оленя; идетъ на подошвы къ обуви.

Жилы идутъ на выдѣлку ниток, которыми шьютъ одежду и обувь.

Теленокъ въ возрастѣ 3-4 мѣсяцевъ даетъ тушу, вѣсомъ около 1 пуд. 15 фун. Туша взрослаго оленя вѣситъ отъ 3 до 6 пудовъ.

Здѣсь должно отмѣтить то странное явленіе, что, хотя все благосостояніе самоѣдовъ находится въ тѣсной зависимости отъ оленя, тѣмъ не менѣе эти исконные оленеводы до настоящаго времени не выработали сколько нибудь раціональныхъ способовъ веденія оленнаго хозяй-

ства и не сумѣли самое оленеводство сдѣлать продуктивнымъ. Несостоятельность самоѣдовъ, какъ оленеводовъ, особенно ярко подчеркивается при сравненіи ихъ въ этомъ отношеніи съ инородцами, обитающими по западную сторону Урала,—съ лопарями, архангельскими самоѣдами и зырянами-ижемцами, въ особенности съ послѣдними.

На зырянахъ-ижемцахъ я считаю необходимымъ остановиться подробнѣе въ виду еще и того, что этотъ крѣпкій, энергичный и сравнительно съ другими инородцами развитой народъ входитъ въ составъ обитателей крайняго сѣвера и оказываетъ значительное вліяніе на мѣстное населеніе не только въ сферѣ оленеводства, но и въ другихъ отношеніяхъ.

Зырянское населеніе въ здѣшнемъ краѣ годъ отъ году значительно увеличивается благодаря постоянному и равномѣрному приливу сюда этой народности. Первое зырянское семейство появилось на Тобольскомъ Сѣверѣ еще въ 1842 году и поселилось на мѣстѣ нынѣшней деревни Сарапъ-пауль. Въ 1903 году ихъ уже насчитывалось до 300 семействъ, свыше 1.500 душъ обоего пола; изъ нихъ половина имѣютъ здѣсь собственное домообзаводство. Зыряне въ настоящее время живутъ осѣдло въ с. Щекурьинскомъ и дер. Сарапъ-пауль (по р. Ляпину), въ с. Няксимвольскомъ и Сартыньинскомъ (на р. Сосвѣ); по р. Маньѣ, въ г. Березовѣ, въ селеніяхъ Мужахъ, Обдорскѣ и Хэ, а также по р. Надыму.

Что касается кочевыхъ зырянъ, то кочевья ихъ раскинуты по Уралу отъ р. Ляпина почти до Байдарацкой губы, а съ запада на востокъ отъ Урала до Оби; за Обью они кочуютъ до р. Надыма и даже далѣе за Надымомъ.

Наличность зырянъ среди кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ Тобольскаго Сѣвера имѣетъ то важное значеніе для послѣднихъ, что зыряне, въ силу кочевого образа жизни, болѣе русскаго населенія способны къ проведенію экономическихъ улучшеній въ глухихъ и малодоступныхъ мѣстностяхъ края. Такія важныя на сѣверѣ статьи народнаго хозяйства, какъ оленеводство и рыболовство въ рукахъ однихъ мѣстныхъ инородцевъ остаются въ зачаточномъ состояніи, тогда какъ въ рукахъ зырянъ тотъ и другой промыселъ замѣтно улучшается.

Достаточно сказать, что уже одно появленіе зырянъ въ Обдорскомъ краѣ нанесло сильный ударъ легкому обогащенію русскихъ торговцевъ за счетъ инородцевъ. Зыряне, скупая здѣсь по болѣе высокимъ цѣнамъ шкуры оленей, убитыхъ звѣрей и предметы промысловъ, серьезно конкуррируютъ съ мѣстными русскими капиталистами и значительно повышаютъ цѣны на предметы инородческихъ промысловъ.

Такую же пользу оказали зыряне и лопарямъ, когда сравнительно недавно они перекочевали изъ Печорскаго уѣзда (Архангельской губ.) на Кольскій полуостровъ, гдѣ въ сравнительно короткое время успѣли снискать себѣ благодарность мѣстнаго населенія. Вообще, нужно при

знать, что въ настоящее время зыряне составляютъ пока единственное связующее звено сѣверныхъ окраинъ Европы и Азіи и какъ никто другой пригодны для выполненія этой миссіи. Поэтому зырянское движеніе въ Обдорскій край заслуживаетъ полнаго поощренія, и можно съ увѣренностью сказать, что скорѣйшее разрѣшеніе зырянамъ свободы поселенія въ Обдорскомъ краѣ послужитъ самымъ вѣрнымъ и надежнымъ ручательствомъ быстрѣйшаго экономическаго развитія Тобольскаго Сѣвера.

Сравнивая способы и пріемы веденія оленеводства зырянами и Тобольскими самоѣдами, мы должны согласиться, что первые сумѣли значительно развить эту отрасль хозяйства и сдѣлать ее производительной.

Тобольскій самоѣдъ требуетъ отъ оленя только одного,—чтобы онъ давалъ ему самое необходимое для его неприхотливой жизни, т. е. пищу и одежду; онъ нисколько не заботится объ увеличеніи числа оленей и извлеченіи изъ своего стада денежныхъ выгодъ; зырянинъ, наоборотъ, стараясь увеличить число принадлежащихъ ему оленей, извлекаетъ изъ нихъ возможныя выгоды и разумно пользуется какъ оленями, такъ и продуктами, получаемыми отъ этихъ полезныхъ животныхъ.

Зыряне и, находящіеся подъ ихъ ближайшимъ вліяніемъ, архангельскіе самоѣды бьютъ оленя преимущественно на первомъ году его жизни, именно въ такомъ возрастѣ, когда шкура его представляетъ наибольшую цѣнность; тобольскіе же самоѣды бьютъ оленя, когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, т. е. тогда, когда онъ даетъ болѣе всего мяса, но шкура его (постель) цѣнится очень низко. Правда, тобольскіе самоѣды въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ бьютъ и телятъ, отъ которыхъ получаютъ цѣнный пеплюй, но убой оленей въ такомъ раннемъ возрастѣ производится въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, и существеннаго значенія въ дѣлѣ поднятія продуктивности оленеводства не получаетъ.

Самое разведеніе оленей имѣетъ у зырянъ опредѣленную цѣль: одни изъ нихъ разводятъ оленей для полученія продуктовъ оленеводства, т. е. шкуръ, мяса и т. п.; другіе же, занимающіеся извозомъ, разводятъ спеціально возовыхъ оленей. Поэтому первые держатъ больше важенокъ, вторые же—бычковъ.

Зыряне большихъ стадъ не держатъ. По свидѣтельству Энгельгардта, въ 1892 году у зырянъ стадъ въ 1-2 тысячи головъ было очень немного, а стадомъ въ 4 тысячи головъ владѣло только одно семейство. Нормальнымъ у зырянъ является стадо въ 500 головъ, за которымъ можетъ досмотрѣть одинъ пастухъ. Съ большимъ стадомъ, требующимъ за собой значительнаго надзора, кочевать очень трудно: для него не вездѣ найдется въ одномъ мѣстѣ достаточное количество корма; кромѣ того, въ случаѣ эпизоотій соотвѣтственно величинѣ стада увеличиваются и по-

тери. Поэтому среди зырянъ установилось обыкновеніе большія стада дѣлить на меньшія. По изслѣдованіямъ Снѣгирева оказывается, что на одной квадратной верстѣ средняго качества тундроваго пространства, въ теченіе одного года могутъ прокормиться отъ 4 до 5 оленей, при чемъ почва не истощается.

Доходность отъ оленеводства можно вывести изъ слѣдующихъ соображеній: ежегодно изъ стада можетъ быть убита приблизительно пятая часть, отчего вслѣдствіе приплода общая цифра головъ не уменьшается. Поэтому изъ стада нормальнаго типа, считая таковое въ 500 головъ, ежегодно можно убить 100 штукъ. Принимая цѣнность получаемыхъ отъ каждаго оленя продуктовъ въ 5 рублей, ежегодная доходность стада составитъ 500 рублей. Если на расходъ по пастьбѣ оленей положить приблизительно 100 рублей, то ежегодный чистый доходъ отъ стада въ 500 головъ опредѣлится въ суммѣ 400 руб., или по 80 коп. съ каждаго оленя.

Что касается лопарей, населяющихъ сѣверную часть Архангельской губерніи, то отношеніе ихъ къ веденію оленнаго хозяйства не лучше, чѣмъ у нашихъ самоѣдовъ. Лопарь привыкъ держать оленей только въ такомъ ограниченномъ количествѣ, какое способно удовлетворить его ближайшія насущныя потребности. У лопаря нѣтъ взгляда на стадо, какъ на капиталъ, съ котораго онъ могъ бы получать большіе, обезпечивающіе его проценты и застраховать себя отъ чернаго дня. Благодаря этому свое оленное хозяйство лопарь ведетъ очень плохо. Къ 1 января 1895 года у лопарей насчитывалось только около 25.000 головъ оленей.

Кочующіе здѣсь зыряне-оленеводы ежегодно къ 15 августа прибываютъ со своими стадами на р. Уссу, служащую кратчайшимъ лѣтнимъ транзитнымъ путемъ въ с. Пжму. На р. Уссѣ они бьютъ оленьихъ телятъ. Шкуры этихъ телятъ, подъ названіемъ выростка, идутъ на приготовленіе замши 1 сорта, а мясо ихъ солится. Обыкновенно 7 телячьихъ тушъ помѣщается въ небольшіе десятиведерные боченки. Вѣсъ чистаго мяса въ боченкѣ около 9½ пудовъ, т. е. по 1 пуд. 15 фун. въ тушѣ. Шкуры и соленое мясо отправляются немедленно въ каюкахъ въ село Пжму, куда приходятъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Послѣ отправки каюковъ оленеводы съ р. Уссы направляются за Уралъ.

Кромѣ этого транспорта водою, приходитъ въ с. Пжму съ р. Уссы, въ концѣ мая или началѣ іюня, исключительно весенній зырянскій товаръ, до 2.000 оленьихъ шкуръ. Главный же убой оленей производится въ октябрѣ мѣсяцѣ на р. Лемвѣ (притокъ р. Уссы). Тамъ ежегодно бьютъ, преимущественно молодыхъ оленей-телятъ, до 10.000 головъ. Мясо сбывается главнымъ образомъ въ Обдорскъ, а шкуры, подъ именемъ толстаго выростка, въ с. Пжму, куда онѣ прибываютъ въ концѣ ноября и декабря мѣсяцевъ.

Насколько зыряне, сравнительно со всѣми инородцами сѣвера, развили у себя оленеводство, можно видѣть изъ того, что только у нихъ однихъ существуетъ экспортъ оленьяго мяса за границу, въ Германію. Дѣло вывоза въ Германію мяса оленей поставлено у зырянъ такъ.

Ежегодно изъ Печерскаго края идетъ черезъ Петербургъ въ Германію оленье мясо,—цѣлыми тушами и задками. Для этого оленеводы, по замерзаніи рѣкъ, въ октябрѣ и ноябрѣ бьютъ близъ Пустозерска (на Печорѣ) телятъ. Теленокъ даетъ мясную тушу отъ 2 до 3 пудовъ и шкуру подъ названіемъ толстый выростокъ. Туши изъ Пустозерска отправляются въ Пинегу безъ укупорки, покрытыя просто рогожами, парусиною и постелями.

Въ Пинегѣ производится сортировка, браковка, запродажа и укупорка оленьяго товара. Сначала туша обертывается рогожей и затѣмъ зашивается въ холстъ. Укупорка обходится около 2 рублей; задки расщепливаются на части и складываются въ короба и корзины. Всего отправляется до 3.000 тушъ и до 3.500 задковъ. Весь этотъ товаръ идетъ отъ мезенскихъ, канинскихъ и пижемскихъ оленеводовъ.

Кромѣ того, изъ Лапландіи мѣстными зырянами-оленеводами отправляются черезъ Вардэ въ Германію исключительно задки, въ количествѣ отъ 5 до 6 тысячъ штукъ. Мѣсто погрузки—Териберка, Гаврилово, Рында и портъ Александровскій.

Изъ продуктовъ оленеводства мѣстныхъ самоѣдовъ зырянами ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ, вывозится съ Обдорской ярмарки около 10.000 оленьихъ шкуръ-постелей. Этотъ товаръ направляется черезъ Ляпинъ въ с. Пижму и предназначается для выдѣлки замши. Кисы, лбы и жилы идутъ на изготовленіе обуви для потребностей населенія Вологодской и Архангельской губерній.

Въ заключеніе небезынтересно будетъ отмѣтить нѣкоторыя статистическія цифры о количествѣ оленей у зауральскихъ оленеводовъ.

По изслѣдованіямъ Штукенберга, у самоѣдовъ въ 1847 году имѣлось 95.000 оленей. По изслѣдованіямъ Иславина, въ 1842 году у зырянъ-пижемцевъ было 120 470 оленей. Въ 1892 году, по изслѣдованіямъ Сѣгирева, у 686 самоѣдскихъ семействъ, имѣющихъ оленей, насчитывалось 79.677 головъ, а у 739 зырянскихъ семействъ—207.115.

Сопоставляя между собою эти цифры, мы видимъ, что за пятидесятилѣтній періодъ времени количество оленей у самоѣдовъ понизилось (на 15.323 гол.), тогда какъ у зырянъ оно значительно повысилось (на 86.645 гол.). Все это наглядно доказываетъ, что зыряне, какъ оленеводы, стоятъ гораздо выше оленеводовъ-самоѣдовъ, тѣмъ болѣе, что за означенный пятидесятилѣтній періодъ среди оленей свирѣпствовали эпизоотіи (въ 80 годахъ).

Въ 1895 году въ Лапландіи было зарегистрировано у 1.940 душъ лопарей 25.000 оленей и у русскихъ и другихъ колонистовъ 5.000 оленей.

Глава XII.

Домашнія животныя и средства передвиженія.

Домашнія животныя инородцевъ: собака; выработанныя остяками понятія о признакахъ, опредѣляющихъ достоинство собаки; лошадь, корова, овца и олень.—Средства зимняго передвиженія у инородцевъ: конный экипажъ, возка тяжестей на собакахъ (собачья нарта), ѣзда на оленяхъ.—Оленныя нарты.—Конная и собачья упряжи.—Оленная упряжь и принадлежности къ ней.—Лодки, какъ средство лѣтняго передвиженія: обласъ, гребныя лодки, каюкъ.

Изъ домашнихъ животныхъ у инородцевъ встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ—собака, лошадь, корова, овца и олень.

Собака имѣетъ повсемѣстно большое значеніе для инородцевъ: для оленевода—это пастухъ оленьихъ стадъ, для звѣролова—необходимый спутникъ въ промыслѣ и какъ ищейка и какъ рабочее животное, тащущее за нимъ нарту съ провизіей; въ домашнемъ хозяйствѣ—это рабочая сила, которою инородецъ пользуется, когда возитъ на ней воду, дрова, сѣно, кладь и проч. Вслѣдствіе этого инородцы относятся къ собакѣ заботливо, среди остяковъ выработались точныя понятія о признакахъ, опредѣляющихъ достоинства собаки.

По понятіямъ кондинскихъ остяковъ, каждая собака ходитъ за какимъ-нибудь однимъ опредѣленнымъ родомъ звѣря. Это передается собакѣ по природѣ, отъ своей матери. Собака, которая могла бы ходить за разными звѣрями, составляетъ исключительную рѣдкость. Такая собака цѣнится остякомъ и о существованіи у себя такой собаки инородецъ тщательно скрываетъ. Такія рѣдкостныя собаки, обыкновенно, приносятъ не болѣе 1 или 2 щенятъ.

Изъ родившихся щенятъ инородецъ выбираетъ только хорошихъ, которыхъ онъ и вскармливаетъ; прочихъ онъ убиваетъ, чтобы избавить себя отъ излишнихъ, непроизводительныхъ тратъ на кормъ и чтобы сохранить силы матери, которую излишніе щенки стали бы высасывать.

Путемъ практики и наблюденій кондинскіе остяки выработали особыя примѣты по какимъ они опредѣляютъ, что данный щенокъ хорошъ. Примѣты эти слѣдующія: 1) если между ушей, на головѣ, посреди выдается кверху острая кость; 2) если на нёбѣ у щенка насчитывается 9 полныхъ зарубокъ (нёбо у хорошей собаки обязательно должно быть чернымъ); 3) если поднять хорошаго щенка за хвостъ, то онъ не станетъ визжать, а будетъ стараться схватить руку поднявшаго; 4) если между реберъ щенка свободно проходитъ палецъ (признакъ легкости на бѣгу); 5) на второй день послѣ рожденія щенятъ выносятъ на снѣгъ и кладутъ всѣхъ вмѣстѣ: хорошей собакой обѣщаетъ быть тотъ щенокъ, который отъ холода не будетъ жаться къ другимъ, а поползетъ молча или съ легкимъ визгомъ по какому-нибудь опредѣленному направленію; 6) лучшими щенятами признаются тѣ, которые родятся въ мартѣ мѣсяцѣ.

Молодыхъ собакъ кондинскіе остяки водятъ въ лѣсъ въ первую же осень, по возможности хотя съ одной старой собакой; за неимѣніемъ старой собаки щенятъ водятъ въ лѣсъ и однихъ.

Существующая порода инородческихъ лошадей хотя и мелка, но вынослива, и вполнѣ приспособлена къ мѣстному суровому климату. Зимою лошади помѣщаются въ загородяхъ безъ крышъ, подъ открытымъ небомъ. Лѣтомъ лошади не работаютъ. Еще съ ранней весны, передъ самымъ вскрытіемъ рѣкъ, по льду ихъ уводятъ въ сора, гдѣ онѣ остаются для пастьбы въ теченіе весны и лѣта до рѣкостава, кочуя изъ сора въ соръ. По замерзаніи рѣки, ихъ собираютъ и приводятъ домой.

Коровъ держатъ только лошадные остяки, но и то не вездѣ. Скотъ у нихъ мелкій, съ посредственной молочностью.

Овцы среди инородцевъ встрѣчаются весьма рѣдко. Ихъ держатъ только тѣ лошадные остяки, которые имѣютъ возможность завести въ своемъ хозяйствѣ коровъ.

Оленей держатъ повсемѣстно, за исключеніемъ района Оби отъ Нарымской границы до г. Березова. Домашній олень питается зимою мхомъ, а лѣтомъ—большею частью травой и древесными листьями. Олени мѣняютъ мѣсто пастьбища соотвѣтственно времени года; вмѣстѣ съ ними должны перекочевывать и инородцы. Пріученіе оленей къ ѣздѣ начинается преимущественно съ двухлѣтняго возраста, ѣздятъ же на нихъ—съ трехлѣтняго.

Средствами передвиженія для инородцевъ служатъ собака, лошадь и олень. Для ѣзды на каждомъ изъ этихъ животныхъ существуютъ особые экипажи.

При отсутствіи въ краѣ грунтовыхъ дорогъ, сообщеніе производится лѣтомъ по рѣкамъ на гребныхъ лодкахъ. Поэтому лѣтнихъ экипажей у инородцевъ не существуетъ.

Зимнимъ коннымъ экипажемъ являются обыкновенные простые сани, на которыхъ возятъ дрова для пароходовъ, сѣно и прочую кладь. Для ѣзды существуютъ такъ называемые пошевни, представляющіе изъ себя обыкновенные сани съ узкимъ, длиннымъ, невысокимъ кузовомъ, сдѣланнымъ изъ тонкихъ дощечекъ. На пошевняхъ возится и мелкая кладь. Стоимость пошевней равняется 2½-3 рублямъ.

На собакахъ инородцы ѣздятъ очень мало, такъ какъ въ этомъ не представляется надобности; ими пользуются только для возки тяжестей въ домашнемъ быту—дровъ, воды и т. п.; затѣмъ, на собакахъ перевозятъ тѣ предметы, которые инородецъ береть съ собой, отправляясь на звѣроловный промыселъ. Хотя въ нарту обыкновенно впрягается по нѣскольку собакъ, тѣмъ не менѣе инородецъ, двигаясь на лыжахъ съ особымъ посохомъ въ рукахъ, тянетъ лямку нарты, и такимъ образомъ, наравнѣ съ собаками участвуетъ въ работѣ по перевозкѣ. Собачья нарта (см. рис. 31-з) дѣлается длиною отъ 3 до 4 и болѣе аршинъ, о

трехъ-четырехъ копыльяхъ. Полозья у нарты бываютъ по преимуществу березовые, шириною въ 2, а толщиною въ $^3/_8$ вершка, съ пологимъ загибомъ. Ширина нарты внизу между копыльями—11-12 вершковъ, а высота нарты—10 вершковъ. Стоимость собачьей нарты 1-2 руб.

Оленная нарта (см. рис. 31-5) родъ саней, но длиннѣе, шире и выше обыкновенныхъ, она бываетъ о трехъ и болѣе копыльяхъ. Полозья у оленныхъ нартъ бываютъ еловые, кедровые и лиственичные—шириною въ 2 вершка и толщиною до 2 вершковъ; загибъ ихъ круче, чѣмъ у полозьевъ собачьей нарты, но положе, чѣмъ у обыкновенныхъ саней. Копылья, поставленные въ полозу не прямо, а наклонно назадъ и во внутрь, скрѣплены между собою вверху и съ передней загнутою окопечностью нарты (называемою „головашкой“) деревяннымъ брускомъ —„нащепомъ“, полозья соединяются въ верхней части копыльевъ поперечными брусками. На этихъ брускахъ кладется выстилка, длиною до $2^1/_4$ арш., которая состоитъ изъ тонкихъ дощечекъ. Длина всей нарты достигаетъ 4 арш., высота ея до нащепа—12 вершк., а до выстилки—10 вершк. Нарта въ поперечномъ разрѣзѣ имѣетъ видъ трапеціи, у которой длина верхней стороны (поперечные бруски)—4 четв., нижней (разстояніе между копыльями у полозьевъ)—$5^1/_2$ четв., и высота—3 четверти.

На такого рода нартѣ возятъ кладь. Для ѣзды существуетъ болѣе легкая и изящная нарта (см. рис. 31-4). Отличіе ея отъ возовой нарты заключается въ томъ, что на ней дѣлается родъ мелкаго, въ 3 вершка вышиною, кузовка, для чего нащепъ вытесывается изъ дерева съ корнемъ такъ, чтобы послѣдній въ своей естественной формѣ могъ служить для устройства спинки кузовка. Число копыльевъ у этихъ нартъ бываетъ 4 и болѣе. У женской легкой нарты копыльевъ еще болѣе, и, кромѣ того, на передней части нащепа, отъ кузовка до головашки, навѣшиваются ровдужные ремешки, окрашиваемые сурикомъ. Стоимость возовой нарты—$1\text{-}1^1/_2$ рубля, а легкой—2-3 рубля.

Конская упряжь у инородцевъ бываетъ обыкновенная.

Упряжь собаки состоитъ изъ мягкой мережной лямки, одѣваемой ей на шею. Конецъ лямки привязывается къ нартѣ.

Оленная упряжь (см. рис. 2, 11, 12 и 32) состоитъ изъ узды, хомута-лямки, сѣделки и постромки. При уздечкѣ коренного-передового оленя полагается вожжа. Узда и сѣделка у пристяжныхъ олепей нѣсколько разнятся отъ той же упряжи коренного оленя.

Узда коренного оленя (сара аутланлогъ) состоитъ изъ двухъ дужекъ (ванъ-локупъ), которыя выдѣлываются изъ олепьяго рога, дужки соединяются у одного конца ремешкомъ и надѣваются на лобъ оленя. Къ противуположнымъ концамъ дужекъ прикрѣплены двѣ пары коротких ремешковъ (поршюръ), которымъ узда привязывается на затылкѣ и (рохшюръ), которымъ подъ подбородкомъ прикрѣпляется вожжа.

Хомутъ-лямка (элякъ)—ремень изъ оленьей (рѣдко медвѣжьей) сыромятной кожи съ шерстью, или же изъ юхтовой кожи, длиною въ 1 м. 60 с. и шириною въ 6 с., съ петлями на концахъ. Онъ падѣвается на шею оленя и концы пропускаются между ногъ подъ брюхомъ, гдѣ лямка прикрѣпляется къ постромкѣ, деревянный костылекъ которой продѣвается въ петлю лямки.

Сѣделка (салта) представляетъ изъ себя полосу кожи, длиною въ 1 м. 10 с., шириною въ 16 сант.; падѣвается она на спину оленя и подъ брюхомъ скрѣпляется ремешкомъ, застегиваясь съ одного бока на деревянный или костяной костылекъ. Для поддержанія вожжи, чтобы она не опускалась внизъ и не тащилась по землѣ, съ лѣвой стороны сѣделки прикрѣпляется деревянная, костяная, или мѣдная стойка (салталогъ). Съ противуположной, правой, стороны къ послѣдней прикрѣпляется кольцо или ременная петля (вахлогъ) для привязки пристяжного оленя. Сѣделка пристяжного оленя стойки не имѣетъ.

Вожжа (напть-пюръ) дѣлается изъ ремня, она бываетъ шириною въ 2 с. и длиною въ 5½ м.

Постромка (элякъ-пюръ)—ремень, длиною въ 5 м. и шириною въ 3 с.; она продѣвается въ двѣ становыя деревянныя, или костяныя векши (лопгой), привязываемыя ремешками къ головашкамъ партъ. Ремень въ этихъ векшахъ ходитъ свободно и служитъ для впряганія пары оленей. Если запрягаютъ болѣе двухъ оленей, то помѣщаютъ между становыми еще отъ 1 до 3 векшъ, къ которымъ привязываются отдѣльныя постромки. Съ хомутомъ постромка соединяется имѣющимся на ея концѣ костылькомъ, продѣваемымъ въ петли хомута. На концѣ постромки, не болѣе какъ на вершокъ отъ костылька, дѣлается долевая прорѣзь, въ которую пропускается подбрюшный ремешокъ сѣделки. Для того, чтобы постромка не могла двигаться по ремешку ни вправо ни влѣво, она закрѣпляется самимъ ремешкомъ, изъ котораго для этой цѣли посрединѣ складывается петля; въ эту петлю и продѣвается костылекъ постромки.

Узда пристяжного оленя (пеликъ аутлаплогъ) состоитъ изъ двухъ паръ дужекъ оленьяго рога. Первая пара палобныхъ дужекъ (ванчъ локупъ) падѣвается такъ же, какъ и у коренного оленя,—на лобъ, но самыя дужки значительно короче; онѣ соединены между собою ремнемъ, равнымъ длинѣ одной изъ дужекъ; въ общемъ, длина этихъ двухъ дужекъ съ ремнемъ равна длинѣ двухъ дужекъ узды коренного оленя. Къ противуположнымъ концамъ палобныхъ дужекъ прикрѣплена среднею частью вторая пара дужекъ, которая приходится на щекахъ оленя (пеликъ-аутланъ-локупъ). На верхнемъ концѣ этихъ дужекъ прикрѣплены короткіе ремешки (поршъ-пюръ), которыми узда привязывается на затылкѣ. Противуположные, нижніе концы соединены ремешкомъ, длиною въ 21 с., которымъ узда удерживается подъ подбородкомъ. Въ

лѣвой дужкѣ продѣта ременная петля, которая соединяется съ кольцомъ сѣделки коренного оленя поводомъ, т. е. ремнемъ или цѣпочкой въ 70 с. длиною. Такимъ образомъ, олени привязываются не рядомъ другъ къ другу, какъ впрягаются лошади, а немного вкось, такъ что морда каждаго послѣдующаго оленя приходится у половины туловища предыдущаго. Менѣе 2 и болѣе 5 оленей не запрягаютъ.

Оленная упряжь при женской запряжкѣ отличается тѣмъ, что на уздечки навѣшиваются ровдужные ремешки, окрашиваемые сурикомъ. Сѣделка дѣлается изъ цвѣтной байки, на холщевой подкладкѣ; по байкѣ пашиваются цвѣтныя украшенія съ различными изображеніями, какія, напр., вырѣзываются изъ бересты. Къ сѣделкѣ коренного оленя прикрѣпляется стойка иной формы, чѣмъ при мужской запряжкѣ.

Деревянный шестъ (преимущественно изъ березы), длиною до 6 арш. и толщиною до $^3/_4$ вершка, имѣетъ на верхнемъ своемъ концѣ плоскій наконечникъ изъ рога оленя. Противуположный нижній конецъ снабжается (у самоѣдовъ) желѣзнымъ копьемъ-пикой, длиною въ 11 верш. Копье представляетъ трубку, длиною въ 5 вершковъ, съ наконечникомъ, длиною въ 6 вершковъ, въ видѣ суживающейся лопаточки, имѣющей въ своей широкой части $1^1/_2$ вершка, а на концѣ—$^5/_8$ вершка. Шестъ служитъ для подгонки оленей, для балансированія на неровныхъ мѣстахъ и раскатахъ и какъ необходимое дорожное орудіе, которымъ можно ощупывать почву, а въ случаѣ надобности, даже пробить ледъ. Стоимость шеста и копья для него 2 рубля.

Для поимки отпущенныхъ на волю оленей употребляется аркапъ. Аркапъ, длиною въ 10 саженъ, плетется изъ 4 узкихъ, до $^1/_2$ сантим. ширины, оленьихъ ремешковъ. Къ одному изъ концовъ аркана прикрѣпляется векша, другой конецъ аркапа пропускается черезъ широкое отверстіе векши, въ которомъ онъ ходитъ свободно. Образуемая, такимъ образомъ, петля служитъ для поимки оленя, когда аркапъ закидывается на послѣдняго. Стоимость аркана—2 рубля.

Въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы отпущенные при остановкахъ въ пути олени не могли разбрестись, имъ надѣваютъ на ноги особыя колодки.

Колодка (см. рис. 31-б) представляетъ изъ себя деревянный брусокъ, длиною въ $^1/_2$ арш., шириною въ 2 верш. и толщиною въ 1 вершокъ. На одномъ изъ концовъ колодки дѣлается продольная выемка, вслѣдствіе чего этотъ конецъ колодки получаетъ видъ развилины. Обыкновенно длина выемки бываетъ до 3 вершковъ, а ширина—немного болѣе вершка. Въ верхнихъ концахъ развилины вырѣзывается два овальныхъ отверстія, въ которыя втыкается деревянный стержень, длиною до 2 вершковъ и толщиною въ палецъ. На противуположномъ концѣ колодки, на верхней ея части, вбивается деревянный гвоздь, длиною до $1^1/_2$ вершка; гвоздь вбивается съ наклономъ къ противуположному выемкѣ концу. Колодка надѣвается на переднюю ногу оленя такъ, чтобы нога приходилась въ

развилинѣ выемки; затѣмъ, выемка запирается стержнемъ, закладываемымъ въ упомянутыя два отверстія. Назначеніе гвоздя—затруднять движеніе оленя. Гвоздь составляетъ принадлежность только самоѣдской колодки.

Самымъ употребительнымъ среди инородцевъ типомъ лодки является обласъ-чёлнъ (см. рис. 31-1), выдолбленный изъ цѣлаго дерева—осины или ветлы, рѣдко осокоря и еще рѣже черемухи. Длина обласа обыкновенно бываетъ отъ 2½ до 4 ручныхъ саженъ (отъ 6 до 10 арш.). Стоимость его отъ 2 до 5 руб., а весла къ нему—25 коп.

Кромѣ обласовъ, среди инородцевъ въ употребленіи обыкновенныя 4-6 саженныя гребныя лодки (см. рис. 31-2), стоимостью отъ 7 до 10 руб. Иногда къ бортамъ такихъ лодокъ инородецъ прикрѣпляетъ черемуховые обручи, отчего образуется родъ свода, на который настилаются тиски изъ бересты. Такимъ образомъ, получаются временныя крытыя лодки. Изрѣдка встрѣчаются у инородцевъ и спеціальныя крытыя лодки, такъ называемые каюки. Пара гребей къ лодкѣ стоитъ 40 коп.

Глава XIII.

Художественныя издѣлія и музыкальные инструменты.

Приготовленіе бересты для художественныхъ узоровъ.—Типы берестяныхъ узоровъ.—Описаніе рисунковъ, кужни и короба.—Болѣе простой типъ узоровъ изъ бересты.—Описаніе русунковъ этого рода художественныхъ работъ.—Выдѣлываніе на берестѣ орнаментовъ и накалываніе на ней точекъ.—Металлическія украшенія, отливаемыя изъ олова.—Описаніе сфотографированной коллекціи мѣдныхъ и оловянныхъ украшеній.—Описаніе сфотографированныхъ образцовъ мѣдныхъ издѣлій, изготовляемыхъ для самоѣдовъ въ мастерской Степанова въ г. Тобольскѣ.—Производство издѣлій изъ кости и рога оленя.—Описаніе сфотографированной коллекціи костяныхъ издѣлій.—Художественныя вышивки шерстью и бисеромъ.—Женскія бисерныя украшенія для ношенія на шеѣ и груди.—Цвѣтныя украшенія изъ матерій.—Узорчатыя вышивки изъ оленьихъ кисовъ.—Тазовскія узорчатыя поговицы.—Музыкальные инструменты остяковъ: домра, бубенъ, тонкая костяная пластинка и лебедь.

Художественныя работы остяковъ выражаются въ узорахъ, исполняемыхъ на берестѣ, и вырѣзанныхъ изъ нея изображеніяхъ, въ отливкѣ металлическихъ украшеній, въ производствѣ издѣлій изъ кости и рога оленя *) и въ вышивкахъ.

Для художественныхъ работъ перваго рода снятая береста поджаривается на огнѣ до свѣтло-коричневаго цвѣта. На ней сцарапываютъ соотвѣтствующее рисунку мѣсто, и такимъ образомъ, на коричневомъ фонѣ получается рисунокъ блѣдно-желтаго цвѣта.

Изъ такой бересты дѣлаютъ плоскія кужни-миски, круглой и овальной формы и разныхъ величинъ цилиндрическіе короба съ крышками.

*) Въ цѣляхъ наглядаго представленія металлическихъ украшеній и издѣлій изъ кости и рога оленя, мною сдѣланы фотографическіе снимки съ коллекцій этого рода, находящихся въ Тобольскомъ губернскомъ музеѣ, и составлено описаніе сфотографированныхъ предметовъ. То и другое мною помѣщено въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ настоящаго очерка.

Узоры дѣлаются—сплошные, путемъ сцарапыванія извѣстнаго пространства, черточные, путемъ сцарапыванія линій и черточекъ, и наконецъ, точечные, путемъ сцарапыванія точекъ.

Нѣкоторые изъ этихъ узоровъ представляютъ лишь художественныя линіи; другія, по понятіямъ остяковъ, имѣютъ извѣстное содержаніе, представляя собою изображенія предметовъ изъ физическаго міра.

Рисунки 33 и 34 даютъ наглядное представленіе о художественныхъ узорахъ изъ бересты.

УЗОРЫ, ИЗОБРАЖАЕМЫЕ НА КУЖНѢ.
(Рис. 33).

Узоры 1 и 5 представляютъ изъ себя рисунки дна кужни, не имѣющіе опредѣленнаго содержанія.

Узоръ 2 есть рисунокъ оленнаго „каима" (пастбища), гдѣ многочисленные зигзаги, окаймляющіе центръ рисунка, представляютъ какъ бы слѣды оленьихъ ногъ, вытоптанные на поверхности пастбища.

Узоръ 3 изображаетъ солнце съ исходящими отъ него лучами.

Узоръ 4 представляетъ изъ себя цѣлое изображеніе рябчиковой тѣни.

Узоръ 6 есть изображеніе горныхъ зигзаговъ или мысовъ.

Узоры 7—26 представляютъ изъ себя рисунки, помѣщаемые на бокахъ и краяхъ кужни въ видѣ каймы; они не имѣютъ никакого опредѣленнаго содержанія.

УЗОРЫ, ИЗОБРАЖАЕМЫЕ НА КОРОВѢ.
(Рис. 34).

Узоры 1—6 представляютъ изъ себя рисунки верхней стороны крышки короба и не изображаютъ ничего опредѣленнаго.

Узоры 7, 8, 9, 10, 11, 12, 28 и 29 помѣщаются на бокахъ короба и не имѣютъ никакого содержанія.

Остальные узоры 23—27 имѣютъ слѣдующее содержаніе:

Узоръ 23 есть кругъ, обведенный сосновыми шишками.

Узоръ 24 изображаетъ полосы радуги.

Узоръ 25 тоже изображеніе радуги.

Узоръ 26 изображаетъ змѣй.

Узоръ 27 просто крестообразный рисунокъ.

Узоры 13—17 помѣщаются въ видѣ поперечной горизонтальной каймы вокругъ верхней и нижней части короба; при этомъ № 17 представляетъ изображеніе медвѣжьихъ когтей; остальные рисунки содержанія не имѣютъ.

Узоры 18—22 представляютъ изъ себя узоры продольной вертикальной каймы, отдѣляющей рисунки боковъ короба.

Болѣе простымъ типомъ узоровъ изъ бересты являются вырѣзываемыя изъ нея своеобразныя изображенія различныхъ частей животныхъ,

птицъ, рыбъ, деревьевъ и т. п. Съ перваго взгляда эти изображенія кажутся настолько однообразными, что, повидимому, трудно подмѣтить существенное различіе между однимъ и другимъ рисункомъ. Но при болѣе внимательномъ знакомствѣ съ ними оказывается, что изображенія, вырѣзываемыя изъ бересты, имѣютъ свою опредѣленную систему.

Береста предназначаемая для этой цѣли, приготовляется такимъ же способомъ, какъ и для тиски. Изображенія вырѣзываются обыкновеннымъ ножомъ, при чемъ лицевой стороной узора служитъ внутренняя сторона бересты.

Вырѣзанныя изъ бересты изображенія нашиваются на берестяныя ленты, которыя для большей рельефности узора, предварительно прокачиваются надъ дымомъ, отчего получаютъ почти черный цвѣтъ. Этими лентами обшиваются бока у крышекъ куженекъ. Берестяныя изображенія, кромѣ этого, служатъ еще выкройками для вырѣзыванія соотвѣтствующихъ рисунковъ изъ матеріи или сукна, которые затѣмъ нашиваются въ качествѣ украшеній на одежду.

Рисунокъ 35 и приводимое ниже содержаніе изображеній наглядно знакомятъ съ этого рода художественными работами остяковъ.

УЗОРЫ, ВЫРѢЗЫВАЕМЫЕ ИЗЪ БЕРЕСТЫ.
(Рис. 35).

1.—Слѣдъ собаки. 2.—Слѣдъ песца. 3.—Слѣдъ соболя. 4.—Слѣдъ колонка. 5.—Слѣдъ горностая. 6.—Слѣдъ выдры. 7.—Туловище соболя. 8.—Заячьи уши. 9.—Зубы бѣлки. 10.—Оленьи рога. 11.—Лошадиная порка. 12.—Крылья утки. 13.—Сосновыя шишки. 14.—Корень лиственницы. 15.—Сукъ березы. 16.—Сукъ лиственницы и 17.—Сукъ осины.

Существуетъ еще одинъ типъ художественныхъ работъ изъ бересты—это выдавливаніе на берестѣ особой чеканкой-штемпелемъ орнаментовъ (звѣздочекъ) или накалываніе на ней костянымъ шиломъ точекъ.

Металлическія украшенія отливаются остяками изъ олова и замѣняютъ бисерную вышивку на женскихъ поясахъ и халатахъ; у послѣднихъ такія украшенія нашиваются на обшлага рукавовъ, на подолъ и на правую полу.

Обыкновенно олово плавится въ приспособленной для этой цѣли жестянкѣ. Послѣдняя дѣлается изъ куска жести, свернутаго на одномъ концѣ въ чашечку, куда кладется олово, а на другомъ—въ трубку, откуда оно выливается. Форма для отливки дѣлается изъ коры осокоря. Встрѣчаются формы, сдѣланныя и изъ камня. Инструментомъ для вырѣзки нужнаго изображенія служитъ обыкновенный ножъ (см. рис. 36 и описаніе).

ОПИСАНІЕ СФОТОГРАФИРОВАННЫХЪ КОЛЛЕКЦІЙ МѢДНЫХЪ И ОЛОВЯННЫХЪ УКРАШЕНІЙ.

(Рис. 36).

1.—Круглая бляха изъ мѣди съ выпуклымъ, неясно очерченнымъ рисункомъ, изображающимъ, повидимому, лошадь и крылатаго всадника, держащаго въ рукѣ палицу. Діаметръ бляхи—9½ сант.

2.—Мѣдное украшеніе, имѣющее видъ круга, въ срединѣ котораго находится другой кругъ, прикрѣпленный къ первому посредствомъ узкихъ пластинокъ; во внутреннемъ кругѣ находится рельефное изображеніе птицы, повидимому, орла. Къ одному краю круга прикрѣплено нѣчто въ родѣ кольца для подвѣшиванія украшенія. Діаметръ украшенія—10 сант.

3.—Круглая мѣдная бляха, усаженная по краямъ небольшими шишечками, съ четырехугольной на одномъ концѣ дужкой для подвѣшиванія украшенія. Въ срединѣ выпуклое изображеніе лошади и всадника съ палицей въ рукѣ. Діаметръ бляхи—9 сант.

4.—Мѣдный кругъ, въ срединѣ котораго помѣщена литая фигура лошади; на наружной сторонѣ круга—кольцо для прикрѣпленія украшенія.

9.—Круглое мѣдное украшеніе съ литой фигурой птицы въ срединѣ; на одномъ краю—кольца для подвѣшиванія украшенія.

30.—Круглая мѣдная бляха съ рельефнымъ изображеніемъ лошади и всадника, держащаго въ рукахъ натянутый лукъ. На бляхѣ—кольцо. Діаметръ бляхи—8 сант.

31.—Мѣдная круглая бляха; въ срединѣ вырѣзано спиралеобразное украшеніе; на концѣ бляхи—кольцо.

14.—Приборъ для плавки олова. Длина—9½ сант.; ширина задней части—8 сант.

21.—Кусокъ бересты, шириной въ 7 сант., свернутый вдвое; служитъ для прикрытія формъ во время отливки.

32.—Форма (изъ коры осокоря) для отливки оловянныхъ украшеній; на гвоздѣ прибитъ вылитый по ней оловянный образецъ набора.

16 и 17.—Черные камни неправильной формы; на нихъ вырѣзаны узоры для отливки украшеній изъ олова.

11.—Остяцкая литая оловянная трубка, длиною въ 11 сантим. По свѣдѣніямъ Тобольскаго музея, трубка доставлена изъ Ларьятской волости, Сургутскаго уѣзда.

18.—Оловянный перстень со вставкой изъ стекла.

12.—Литой оловянный перстень. Доставленъ изъ Карымкарскихъ юртъ, Березовскаго уѣзда.

19.—Оловянный литой перстень.

10 и 13.—Литое изъ олова украшеніе; имѣетъ видъ симметрично сложенныхъ девяти квадратиковъ, по три въ рядъ, съ четырьмя ячей-

ками посрединѣ; общая форма украшеній—квадратная, въ $2^1/_2 \times 2^1/_2$ сантиметра.

5 и 8.—Два литыхъ оловянныхъ украшенія, имѣющихъ форму четырехъ правильно сложенныхъ кружковъ съ ячейкой посрединѣ каждаго кружка; величина украшеній—$2 \times 2^1/_2$ сант.

6 и 7.—Оловянныя литыя украшенія, имѣющія форму круга, въ который вставленъ другой кружокъ, прикрѣпленный къ первому четырьмя пластинками. Длина украшеній—2 сант.

15 и 20.—Два одинаковыхъ экземпляра оловянныхъ украшеній, круглой формы съ крестомъ посрединѣ.

24 и 25.—Два одинаковыхъ экземпляра оловянныхъ украшеній, состоящія изъ четырехъ кружковъ съ ячейкой посрединѣ.

22 и 23.—Два одинаковыхъ экземпляра литыхъ изъ олова украшеній; имѣютъ видъ девяти кружковъ, сложенныхъ по три въ рядъ, съ четырьмя ячейками посрединѣ. Величина украшеній—3×3 сант.

26.—Литое оловянное украшеніе; имѣетъ форму девяти оловянныхъ кружковъ, сложенныхъ по три въ рядъ, съ четырьмя широкими ячейками въ срединѣ. Величина украшенія—2×2 сант.

27.—Литое изъ олова украшеніе такой же формы, какъ и предыдущее, но только меньше—$1^1/_2 \times 1^1/_2$ сант.

28.—Оловянное литое украшеніе въ видѣ неправильнаго продолговатаго четырехугольника съ ручкой внизу и съ перекрещивающимися въ срединѣ оловянными пластинками. Длина его—4 сант., ширина—2 сант.

29.—Литое изъ олова украшеніе въ видѣ неправильнаго четырехугольника съ четырьмя симметрично расположенными отверстіями. №№ 28 и 29 доставлены изъ с. Обдорскаго.

Металлическія украшенія для самоѣдовъ изготовляются мастерскими Степанова въ г. Тобольскѣ и Михаленко—въ г. Березовѣ. По большей части украшенія эти исполняются по рисункамъ самоѣдовъ (см. рис. 37 и описаніе).

ОПИСАНІЕ СФОТОГРАФИРОВАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ МѢДНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ, ИЗГОТОВЛЯЕМЫХЪ ДЛЯ САМОѢДОВЪ МАСТЕРСКОЙ СТЕПАНОВА ВЪ Г. ТОБОЛЬСКѢ.

(Рис. 37).

1.—„Халъ-сала“; она прикрѣпляется съ лѣвой стороны сѣделки коренного оленя и служитъ для поддержки вожжи. Употребляется она при женской запряжкѣ.

3 и 4.—Мѣдныя подвѣски съ кольцами вверху; они имѣютъ форму круглыхъ мѣдныхъ бляхъ; края бляхи № 4 имѣютъ видъ зарубокъ. Діаметръ подвѣски—3 сант.

2 и 2.—Два вертлюга—принадлежности оленной упряжи; они одинаковой формы, длиною въ 8-9 сантиметровъ. Остовъ имѣетъ видъ цифры 8; верхняя часть плоская, съ отверстіемъ посрединѣ; въ послѣднее вставленъ стержень съ кольцомъ; на стержнѣ свободно вращается вертлюгъ.

5 и 5.—Два большихъ кольца одинаковой величины. Діаметръ каждаго—8 сант.

6.—Мѣдная подвѣска, имѣющая форму четырехугольника; въ одинъ изъ угловъ послѣдняго продѣто два напизанныхъ одно на другое колечка; на противуположномъ углу сдѣлана подъ острымъ угломъ выемка; по поверхности четырехугольника симметрично расположены восемь круглыхъ отверстій. Величина четырехугольника—$3^1/_2 \times 3^1/_2$ сант.

7.—Мѣдная подвѣска; она имѣетъ форму круга съ ушками, въ которыя продѣты два напизанныхъ другъ на друга кольца; внутри круга—литая фигура человѣка, держащаго натянутый лукъ. Діаметръ подвѣски—6 сант.

8.—Подвѣска такой же формы, какъ и № 7; внутри круга литая фигура какого-то животнаго, повидимому, лошади. Діаметръ ея—6 сант.

9 и 9.—Два экземпляра мѣдныхъ подвѣсковъ; первый—имѣетъ форму двухъ соединенныхъ концами дугъ, съ двумя продѣтыми одно въ другое кольцами на одномъ концѣ и съ литой фигурой человѣка въ серединѣ; второй подвѣсокъ имѣетъ форму ромба съ двумя кольцами на одномъ изъ угловъ и съ такой же фигурой человѣка въ серединѣ, какая имѣется у перваго экземпляра. Длина перваго (безъ колецъ) -6 сант., ширина—4 сант.; длина второго—$6^1/_2$ сант., ширина—4 сант.

10.—Литая подвѣска; основаніемъ ея служитъ мѣдная пластинка, напоминающая своими очертаніями форму обращеннаго вверхъ сердца; по пластинкѣ идетъ сквозной узоръ изъ симметрично расположенныхъ круглыхъ отверстій. Къ верхнему, заостренному концу пластинки прикрѣплены два продѣтыхъ одно въ другое кольца; къ нижнимъ, закругленнымъ концамъ посредствомъ колечекъ придѣланы два мѣдныхъ квадратика, съ четырьмя круглыми отверстіями въ каждомъ. Наибольшая ширина пластинки—6 сант.; величина квадратиковъ—$2^1/_2 \times 2^1/_2$ сант.

11 и 12.—Два экземпляра подвѣсковъ; основаніемъ ихъ служитъ квадратная пластинка, нижній конецъ которой имѣетъ выемку въ четверть квадрата; подвѣсокъ раздѣленъ на двѣ части: къ верхнему, острому концу пластинки прикрѣплены два продѣтыхъ одно въ другое кольца, а на двухъ нижнихъ концахъ подвѣшены на колечкахъ мѣдныя украшенія со сквозными узорами. По пластинкѣ перваго экземпляра идетъ сквозной узоръ, образуемый круглыми отверстіями, а на пластинкѣ 2-го экземпляра такой же узоръ, но изъ сквозныхъ четырехугольныхъ выемокъ. Наибольшая ширина каждой пластинки—$6^1/_2$ сант., длина нижнихъ украшеній—$3^1/_2$ сант., ширина ихъ—3 сант.

13.—Круглая литая бляха съ ушками; въ срединѣ—выпуклое изображеніе лошади и всадника, держащаго въ рукахъ натянутый лукъ. Діаметръ бляхи—8 сант.

14.—Литой подвѣсокъ имѣетъ видъ овала въ 4×5 сант., по краямъ котораго идетъ рядъ небольшихъ полукруговъ съ отверстіями въ каждомъ; въ срединѣ овала находится крестообразной формы пластинка съ ячейкой въ срединѣ; къ верхней части прикрѣплены два продѣтыхъ одно въ другое кольца.

15.—Круглая литая бляха съ ушками; въ срединѣ ея рельефное изображеніе въ профиль какой то птицы; діаметръ бляхи—6 сант.

16.—Литая круглая бляха съ ушками, въ которыя продѣты два нанизанныхъ одно на другое кольца. Въ срединѣ бляхи выпуклое изображеніе птицы съ распростертыми крыльями. Діаметръ ея—4 сант.

17.—Литое украшеніе, напоминающее своими очертаніями форму скрипки; въ срединѣ выпуклое изображеніе лепестка какого то растенія; на верхнемъ концѣ прикрѣплены два продѣтыхъ одно въ другое кольца. Длина украшенія—7 сант., наибольшая ширина—4 сант. Украшеніе это вылито по модели, случайно попавшей въ мастерскую. (Свѣдѣнія Тобольскаго музея).

18.—Литой подвѣсокъ, имѣющій форму звѣзды, съ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ; на одномъ концѣ—ушки съ продѣтыми въ нихъ двумя кольцами, которыя нанизаны одно на другое. Длина подвѣска—4½ сант., ширина—3½ сант., діаметръ отверстія—2 сант.

19.—Литой подвѣсокъ, имѣющій форму продолговатой пластинки съ круглымъ отверстіемъ на одномъ концѣ и съ четырехугольнымъ—посрединѣ, гдѣ вылито два узкихъ придатка; по краямъ пластинки идутъ выемки разной формы; къ концу, на которомъ имѣется круглое отверстіе, прикрѣплено два кольца, продѣтыхъ одно въ другое.

20.—Литой подвѣсокъ въ видѣ пластинки, кончающейся полукругомъ; къ послѣднему прикрѣплены 2 кольца, продѣтыя одно въ другое; на пластинкѣ неясное выпуклое изображеніе какого то животнаго. Длина подвѣска—4 сант., наибольшая ширина—3 сант.

Для производства издѣлій изъ кости и рога оленя у инородцевъ не существуетъ какихъ либо особыхъ инструментовъ, кромѣ обыкновеннаго ножа. Оленій рогъ предварительно варится, отчего онъ дѣлается мягкимъ и легко поддается рѣзкѣ. Послѣ сушки онъ становится попрежнему твердымъ (см. рис. 38 и описаніе).

ОПИСАНІЕ СФОТОГРАФИРОВАННОЙ КОЛЛЕКЦІИ КОСТЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ. (Рис. 38).

1, 2, 3 и 4.—„Кетъ лухъ“ (по-остяцки),—костяныя пластинки для ручного лука: 1—съ рисункомъ по верхней части; рисунокъ изображаетъ

фигуру медвѣдя. 2 пластинка глубоко вогнутой формы; эти двѣ пластинки доставлены изъ Сургутскаго уѣзда мною. 3 и 4 пластинки сдѣланы изъ мамонтовой кости; онѣ вогнуты менѣе первыхъ двухъ, но шире и длиннѣе ихъ.

17.—„Пичканъ селя мерка“ (по-остяцки),—ружейная пороховая мѣрка изъ оленьяго рога; нижній конецъ украшенъ рѣзьбой: посреди пластинки идетъ рядъ дырочекъ, а по краямъ пластинки—рядъ зарубокъ. Мѣрка вогульскаго издѣлія; доставлена она, по свѣдѣніямъ Тобольскаго музея изъ с. Щекурьинскаго.

19.—„Лухъ кочекъ“ (по-остяцки),—костяной ножъ для раздѣленія крапивныхъ волоконъ.

18.—„Конча вэрта лухъ“ (по-остяцки),—четыре чеканки—штемпеля для выдѣлыванія орнаментовъ на берестѣ. Доставлены они изъ Сургутскаго уѣзда мною.

20.—„Тамапъ“ (по-остяцки),—висячій замокъ.

16.—Конопушка,—нижняя часть клинообразна.

(Принадлежности оленной упряжи).

5—8.—„Лонгой“ (по-остяцки),—значитъ вожжа. Служитъ она для продѣванія въ нее постромокъ, которыми припрягается олень къ партѣ. Она имѣетъ видъ клинообразнаго куска полукруглой кости, длиною въ 8—10 сантиметровъ, съ двумя отверстіями по концамъ. Въ широкомъ концѣ, имѣющемъ ширину въ 4—4½ сант., сдѣлано отверстіе, величиною въ 2½×2 сант.; въ это отверстіе продѣваются постромки. Въ узкомъ концѣ, имѣющемъ ширину 2-3 сант., находится отверстіе, величиною въ 1 сант. Продѣтымъ въ это послѣднее отверстіе ремешкомъ кость прикрѣпляется къ передкамъ парты.

9—11.—„Ванчъ-локунъ“ (по-остяцки),—налобная дужка; имѣетъ видъ изогнутыхъ на одномъ концѣ дужекъ съ небольшими отверстіями на концахъ; разстояніе между концами дуги—12½ сант.; внутренняя сторона дуги—выпуклой формы, а внѣшняя—плоской.

12.—Дугообразная костяная пластинка съ небольшими отверстіями на концахъ; разстояніе между концами дуги—12 сант., ширина—1 сант.

13 и 14.—„Пеликъ-аутланъ-локунъ“ (по-остяцки),—пащечная дужка; изъ мамонтовой кости; она имѣетъ видъ выпуклой костяной пластинки; по выпуклой сторонѣ идутъ продольные неглубокіе жолобки; на концахъ и по одному изъ краевъ на серединѣ—небольшія отверстія; длина дужки—15 сант., ширина—5 сант., толщина—1 сант.

15.—Костяная дужка-вилка съ зарубками на концахъ развилинъ и съ отверстіемъ на стержнѣ; длина развилинъ—8 сант.; разстояніе между концами дуги—8 сант.

Вышивка въ настоящее время производится главнымъ образомъ бисеромъ. Салымскіе остяки ранѣе, когда ткани фабричнаго производ-

ства имѣли среди инородцевъ малое распространеніе, употребляли, вмѣсто ситцевъ, холстъ изъ крапивы. Женскія рубашки, сшитыя изъ такого холста, обыкновенно вышивались разноцвѣтной шерстью. Вышиваніе шерстью являлось тогда среди этихъ остяковъ общераспространеннымъ видомъ украшеній для рубахъ. Теперь, когда мануфактурные товары стали вполнѣ доступны инородцамъ, холстъ изъ крапивы оказался почти совсѣмъ вытѣсненнымъ, а вмѣстѣ съ нимъ перестали практиковаться и вышивки шерстью. Въ послѣднихъ салымскія остячки не стали чувствовать надобности потому, что, варіируя разноцвѣтныя и пестрыя ткани фабричнаго производства, онѣ получаютъ разнообразныя цвѣтныя украшенія, замѣняющія имъ вышивку и достаточно удовлетворяющія ихъ несложныя эстетическія потребности. Рубашки изъ крапивнаго холста, вышитыя шерстью, въ настоящее время встрѣчаются на Салымѣ уже какъ остатки прошлаго. Образецъ такихъ вышитыхъ рубашекъ мною прилагается на рисункѣ 39.

На бисерныя вышивки употребляется бисеръ разныхъ цвѣтовъ и размѣровъ,—отъ самаго мелкаго, величиною въ зернышко пшена и до величины горошины. Бисерными вышивками украшаются женскіе халаты, пояса, поговицы и подвязки для нихъ; бисеромъ вышиваются сумочки и кошельки; изъ бисера же женщины дѣлаютъ различныя украшенія для кось.

По Салыму встрѣчаются еще особыя бисерныя украшенія, которыя носятся женщинами на шеѣ и груди. Фотографическіе снимки двухъ такихъ украшеній прилагаются на рисункѣ 40.

Женское бисерное украшеніе для ношенія на шеѣ—длиною въ 21 верш. Средняя часть его состоитъ изъ тонкаго чернаго сукна, на которомъ сдѣлана сплошная бисерная вышивка съ оловянными и мѣдными вставками; длина этой вышивки—$10^1/_2$ вершковъ и ширина—$1^1/_4$ вершк. Къ средней части прикрѣплены подвѣски, длиною въ $5^1/_8$ верш. и шириною—въ $1^3/_4$ верш., изъ разноцвѣтнаго бисера, густо нанизаннаго на ниткахъ и образующаго довольно сложный рисунокъ. На концахъ находятся кисти изъ такого же бисера.

Основаніемъ для другого женскаго украшенія, которое носится на груди, служитъ лента изъ краснаго толстаго сукна, длиною въ $26^1/_4$ верш.; верхняя часть, лежащая на шеѣ, не вышита; остальная часть, шириною въ 1 верш., вышита по краямъ разноцвѣтнымъ бисеромъ, а посрединѣ ея идетъ оловянный наборъ. Концы ленты, спускающіеся на грудь, скрѣплены внизу толстой ниткой съ бусами. На каждомъ концѣ нитки по двѣ кисти изъ разноцвѣтнаго бисера, длиною въ 2 вершка; кисти эти оканчиваются небольшими мѣдными кружками и колечками. По наружнымъ бокамъ ленты подвѣшено по двѣ нитки бѣлыхъ и синихъ бусъ. На концахъ нитокъ—кисти изъ бисера, оканчивающіяся мѣдными кружками, величиною въ мѣдный пятачекъ.

Цвѣтныя украшенія изъ матеріи нашиваются остяками на одежду или въ видѣ полосъ, или въ видѣ различныхъ узоровъ по выкройкамъ съ берестяныхъ изображеній. Въ послѣднемъ случаѣ, берестяное изображеніе накладывается на матерію, на которой обводится контуръ самого изображенія; затѣмъ, по этому контуру матерія рѣжется и нашивается на соотвѣтствующія части одежды.

Кромѣ украшеній изъ матеріи, въ большомъ употребленіи, въ особенности среди самоѣдовъ, узорчатыя вышивки изъ оленьихъ кисовъ. Эти вышивки идутъ на украшеніе обуви, верхней мѣховой одежды, треуховъ и сумочекъ, въ которыхъ женщины держатъ свои рукодѣлія. Обыкновенно изъ кисовъ вырѣзываются различные узоры и изображенія,—послѣднія—по берестянымъ выкройкамъ. Всѣ эти узоры, расположенные въ извѣстномъ соотвѣтствіи и послѣдовательности, сшиваются между собою и образуютъ длинную прошивку, которая затѣмъ вшивается въ тѣ или иныя части одежды. При этомъ обращается вниманіе на то, чтобы узоры были другого цвѣта, чѣмъ самая одежда.

Здѣсь еще встрѣчаются, такъ называемыя, Тазовскія, узорчатыя поговицы (см. рис. 21—2). Голенища такихъ поговицъ шьются изъ бѣлой байки, а головки—изъ оленьей шкуры шерстью внутрь; подошвы пришиваются отдѣльно; по бокамъ головки украшаются рисункомъ, при чемъ послѣдній сначала намалевывается на шкурѣ коричневой краской, а затѣмъ по краямъ его дѣлается изъ сѣрыхъ ниткокъ и бѣлой оленьей шерсти шовъ, который идетъ не насквозь: прошивается только сѣрая нитка, а кругомъ ея обвивается бѣлая оленья шерсть, и шовъ получаетъ, такимъ образомъ, видъ бѣлаго плетенаго волосянаго шнурка.

Музыкальными инструментами остяковъ являются—домра, бубенъ, тонкая костяная пластинка и лебедь (см. рис. 41). Изъ нихъ самымъ употребительнымъ инструментомъ является домра, а болѣе совершеннымъ—лебедь. Среди ваховскихъ остяковъ встрѣчаются самодѣльныя скрипки.

Домра представляетъ узкій продолговатый ящикъ. Она дѣлается изъ тонкихъ еловыхъ или пихтовыхъ дощечекъ. Обыкновенно, длина домры бываетъ около 6 четвертей, ширина—около 4 вершковъ и высота—около $2^1/_2$ вершковъ. Дно домры полукруглое; нижній конецъ имѣетъ закругленную форму, а верхній—раздвоенъ. Верхняя доска (дека) прямая. На ней въ нижнемъ концѣ—круглое отверстіе, величиною въ мѣдный пятакъ. Отъ середины доски, по направленію къ ея верхнему концу, вырѣзаны круглыя дырочки. Въ раздвоеніи верхняго конца домры вставленъ стержень. Струны прикрѣпляются, какъ и у обыкновенныхъ струнныхъ инструментовъ, на нижнемъ концѣ доски. Для подтягиванія и настройки струнъ служитъ вышеупомянутый стержень, за который завертываются противоположные концы струнъ, снабженные косточками (утиными), величиною въ вершокъ; косточки эти замѣняютъ колки. Во

внутренность домры опускается нѣсколько кусочковъ крупной соли, которые при встряхиваніи придаютъ домрѣ громучесть.

Объ устройствѣ бубновъ мною было сказано въ главѣ о религіозномъ культѣ.

Костяная пластинка къ одному концу немного расширена; середина ея вырѣзана вдоль, параллельно бокамъ, при чемъ вырѣзанная часть держится у широкаго конца и имѣетъ видъ узкаго длиннаго язычка, на широкомъ концѣ котораго сдѣлано два маленькихъ отверстія. Длина пластинки 12 сант. и ширина 1½ сант.

Лебедь—„торъ“ (по остяцки) общими очертаніями напоминаетъ фигуру лебедя безъ хвоста; туловище имѣетъ видъ суживающагося по направленію къ груди ящика. Посреди вдоль ящика приклеена ребромъ узкая деревянная пластинка, длиною въ 49 сант.; отъ задняго конца пластинки къ головѣ лебедя перекинута деревянная дуга; длина ящика—79 сант., высота—10 сант., ширина въ задней части—16 сант., въ передней—10 сант., шея лебедя длиною 45 сант. На задней части шеи лебедя сдѣлана глубокая выемка, а по бокамъ шеи, въ отверстіяхъ устроены колки, на которые натянуто девять металлическихъ струнъ, прикрѣпленныхъ внизу къ узкой пластинкѣ на туловищѣ лебедя. Шея лебедя испещрена рѣзьбой и украшена гвоздями съ широкими мѣдными головками; параллельно шеѣ идетъ небольшая пластинка, украшенная рѣзьбой. Къ головѣ лебедя придѣланъ грубо сработанный клювъ; на мѣстѣ глазъ находятся отверстія съ продѣтыми въ нихъ проволочными петлями; къ послѣднимъ привѣшены на кольцахъ по обѣимъ сторонамъ лебедя разноцвѣтныя ситцевыя и суконныя ленты и кисти изъ бисера съ мѣдными круглыми бляхами на концахъ.

Глава XIV.

Медицина и вымираніе инородцевъ.

Народная медицина вогуловъ по сообщенію бывшаго Березовскаго фельдшера Л. Корикова.—Нѣкоторыя средства народной медицины сургутскихъ и казымскихъ остяковъ.—Положеніе медицинской помощи на Тобольскомъ Сѣверѣ.—Фактъ угасанія инородцевъ.—Данныя статистики по этому поводу.—Изслѣдованія А. И. Якобія исповѣдныхъ росписей.—Недостатки послѣднихъ.—Методъ посемейной статистики въ изслѣдованіи вопроса объ угасаніи инородцевъ.—Причины вымиранія инородцевъ.

Инородцы, какъ было сказано выше, во время болѣзни обращаются къ шаману, но роль послѣдняго въ этомъ случаѣ ограничивается лишь предсказаніемъ исхода болѣзни. Поэтому среди инородцевъ установилась своя медицина, начала которой несложны.

Бывшій Березовскій фельдшеръ Л. Кориковъ приводитъ слѣдующія средства, употребляемыя въ народной вогульской медицинѣ:

1. Дорогая трава или корень сассапарели—противъ сифилиса, ревматизма и другихъ болѣзней, сопровождающихся ломотою костей; съ

такою же цѣлью употребляются вересковыя ягоды (baccae lunipeti) и листья брусничника (vaccinium vitis idacae).

2. Составъ: въ него входятъ—женское парное молоко, смѣшанное съ черемуховой сѣрой, вороновой желчью и порошкомъ серебра; составъ этотъ употребляется противъ кератита. Чтобы воронова желчь была цѣлебна, воронa необходимо убить въ полполупіе. При другихъ болѣзняхъ глазъ употребляется окуневой жиръ.

3. Стружки медвѣжьяго зуба и медвѣжье сало примѣняются при рѣзаныхъ ранахъ.

4. Медвѣжью желчь примѣняютъ при колякахъ (fastralgia).

5. Дѣтскій поносъ лѣчится бобровой струей.

6. Кашель лѣчится стручковымъ перцемъ съ виномъ.

7. При переломахъ пьютъ молоко, сваренное съ порошкомъ мѣди.

8. Болѣзни кожи лѣчатся мазью изъ медвѣжьяго сала съ женскимъ молокомъ.

Сургутскіе остяки, какъ мнѣ удалось узнать лично, употребляютъ для лѣченія внутреннихъ болѣзней стручковый перецъ и лиственичную губу, настоенные на водкѣ или на водѣ. Послѣднее средство они принимаютъ, главнымъ образомъ, при болѣзняхъ желудка. При грудныхъ болѣзняхъ они пьютъ деревянное масло и скипидаръ. Эти же средства служатъ для наружнаго употребленія, какъ втираніе. Изъ медикаментовъ среди остяковъ пользуется большой популярностью іодъ, въ виду наглядности и ощутительности его дѣйствія. Зимой, во время промысловъ, эти инородцы употребляютъ нашатырь, какъ средство устраняющее аппетитъ и жажду.

Въ народной медицинѣ самоѣдовъ встрѣчаются тѣ же средства, что и у сургутскихъ остяковъ, за исключеніемъ деревяннаго масла и скипидара. Нашатырь употребляется самоѣдами при боляхъ желудка.

Казымскіе остяки различаютъ только три рода болѣзней: сильный жаръ съ бредомъ („рувъ"), болѣзнь спины и наконецъ болѣзнь живота, рукъ и ногъ. Отсюда и способы лѣченія у нихъ еще болѣе просты и однообразны.

При головной боли, голову туго перетягиваютъ пояскомъ. При ревматическихъ болѣхъ рукъ и ногъ, смазываютъ ихъ медвѣжьимъ саломъ; обкладываютъ руки и ноги паренымъ олепьимъ мхомъ; вѣшаютъ на спину къ поясу медвѣжій зубъ. Поносъ у дѣтей лѣчатъ бобровой струей, а взрослые при поносѣ ѣдятъ сушеную смородину и кедровые орѣхи съ шелухой. Кровь при сильныхъ поранепіяхъ останавливаютъ перетягиваніемъ раненаго члена повыше раны ремешкомъ; самую же рану закладываютъ трутомъ. На рану накладываютъ самый топкій слой бересты отъ коры и засыпаютъ мелко истолченными ракушками.

Положеніе медицинской помощи на сѣверѣ заставляетъ желать многаго: существующій весьма немногочисленный врачебный персоналъ

не въ состояніи удовлетворить насущнымъ потребностямъ населенія. На весь край существуетъ только три больницы: въ Березовѣ, Обдорскѣ и въ Сургутѣ. Врачей всего трое: два въ Березовскомъ уѣздѣ (уѣздный—въ Березовѣ и объѣздной—въ Обдорскѣ) и одинъ (уѣздный) въ Сургутскомъ уѣздѣ. Хотя Тобольскій сѣверъ и раздѣленъ на сельскіе врачебные участки, которыхъ числится въ Березовскомъ уѣздѣ два и въ Сургутскомъ—одинъ, но лишь одинъ Обдорскій участокъ имѣетъ врача; въ Березовскомъ и Сургутскомъ участкахъ обязанности сельскихъ врачей отправляютъ уѣздные. На самаровскій участокъ Тобольскаго уѣзда также полагается врачъ при находящейся въ с. Самаровскомъ лѣчебницѣ, но въ дѣйствительности этотъ пунктъ почти всегда остается незанятымъ, и обязанности самаровскаго сельскаго врача несетъ сосѣдній врачъ. При врачахъ состоятъ фельдшера; послѣднихъ, вмѣстѣ съ лекарскими учениками, числится въ Сургутскомъ уѣздѣ—3 и въ Березовскомъ—5. Повивальныхъ бабокъ въ Березовскомъ уѣздѣ 1-2 и въ Сургутскомъ—1. При всемъ этомъ должно отмѣтить тотъ отрадный фактъ, что инородческое населеніе обращается за послѣднее время къ врачебной помощи довольно охотно, и только недостаточность заставляетъ ихъ пользоваться своими собственными народно-медицинскими средствами.

Говоря о положеніи среди мѣстнаго инородческаго населенія медицинской помощи, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о вымираніи инородцевъ.

Фактъ угасанія инородцевъ—внѣ всякаго сомнѣнія, но оно происходитъ не въ одинаковой степени и не повсемѣстно. Точныхъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу не имѣется. Для полученія ихъ, разумѣется, необходимы болѣе подробныя изслѣдованія, чѣмъ произведенныя доселѣ. Однако, даже на основаніи имѣющихся данныхъ можно привести цифры, которыя показываютъ, что количество инородцевъ уменьшается: въ 1816 году въ Березовскомъ округѣ инородцевъ обоего пола было 21.001 чел., въ 1828 же году—19.652 чел. Такимъ образомъ, въ 12 лѣтъ убыло 1.349 чел. То же явленіе, хотя въ меньшей степени, замѣчается и среди самоѣдовъ: по даннымъ статистики оказывается, что въ 1828 году ихъ было 5.140 чел. обоего пола, а въ 1868 году ихъ стало 4.705 человѣкъ.

Интересны въ этомъ отношеніи изслѣдованія исповѣдныхъ росписей, произведенныя А. П. Якобіемъ въ 1893 году. Изслѣдованія эти дали слѣдующіе результаты: за періодъ времени въ 90 лѣтъ (съ 1803 по 1893 г.) въ Березовскомъ уѣздѣ остяцкое населеніе убыло на 10%, а вогульское—на 24%; въ Сургутскомъ уѣздѣ, наоборотъ, остяцкое населеніе прибыло на 46%. Разсматривая детально эти результаты по районамъ—приходамъ, наблюдаемъ неравномѣрность убыли и прибыли инородческаго населенія. Такъ, въ Березовскомъ уѣздѣ сосвинскіе

вогулы дали самую незначительную убыль—1%, а ляпинскіе—48%. Далѣе, остяки 5 приходовъ дали убыль:

Бѣлогорскаго	на 41%
Сухоруковскаго	на 32%
Шеркальскаго	на 30%
Двухъ Березовскихъ . .	на 12%

Остяки другихъ 5 приходовъ (кромѣ Обдорскаго, который оставленъ безъ изслѣдованія) дали прибыль:

Мало-Атлымскаго . . .	на 7%
Казымскаго	на 3%
Кушеватскаго и Мужевского	на 15%
Чемашевскаго	на 31%

Въ Сургутскомъ уѣздѣ убыль инородцевъ замѣчается только въ Ваховскомъ приходѣ—на 5%; остальные, исключая Сургутскаго прихода, дали слѣдующую прибыль:

Юганскій	25%
Верхне-Лумпокольскій . . .	27%
Нижне-Лумпокольскій . . .	15%
Ларьятскій	224%

При изслѣдованіи вопроса объ угасаніи инородцевъ А. П. Якобій пользовался, главнымъ образомъ, исповѣдными росписями, представляющими изъ себя посемейные списки крещеныхъ инородцевъ, ежегодно составляемые причтомъ приходскихъ церквей. Въ росписи минувшаго года при повѣркѣ дѣлаются отмѣтки объ измѣненіи состава населенія; на основаніи этихъ помѣтокъ составляется роспись послѣдующаго года. По этимъ же росписямъ провѣряются книги о родившихся и книги—объ умершихъ.

При провѣркѣ исповѣдныхъ росписей заносятся не всѣ родившіеся и умершіе въ данномъ году, а только тѣ, надъ которыми былъ совершенъ православный обрядъ крещенія или похоронъ. Такимъ образомъ, дѣти, умершія до крещенія, не подлежатъ никакой регистраціи, и установить процентъ смертности новорожденныхъ дѣтей нѣтъ возможности. Погребаются инородцы всѣ не по обряду православной церкви; отпѣваніе производится долго спустя послѣ погребенія, когда священнику будутъ сообщены свѣдѣнія объ умершихъ, или же онъ самъ произведетъ провѣрку, которая въ дальнихъ юртахъ бываетъ не каждый годъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ книги объ умершихъ заносятся разомъ всѣ умершіе за предыдущіе годы, и, такимъ образомъ, получается впечатлѣніе эпидеміи, которой, на самомъ дѣлѣ, не было.

Вообще, исповѣдныя росписи создаютъ немало путаницы, и брать изъ нихъ для статистики готовые итоги, безъ провѣрки ихъ, нельзя. Такъ, кажущаяся странность исчезанія однѣхъ и появленіе другихъ юртъ объясняется тѣмъ, что остяки и вогулы имѣютъ юрты зимнія и

лѣтнія, которыя носятъ разныя названія. Такимъ образомъ, названіе юртъ въ исповѣдной росписи зависитъ отъ того, когда была провѣрена послѣдняя: зимой или лѣтомъ.

Иногда при повѣркѣ росписей не оказывается какихъ-нибудь юртъ. Это происходитъ отъ того, что населеніе ихъ послѣ пожара или вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій промысла переселилось въ другой районъ. Подобнымъ образомъ исчезли изъ росписи въ періодъ съ 1813 по 1823 годъ Лайтховы юрты, населеніе которыхъ А. П. Якобій нашелъ въ Нижне-Шугорскихъ юртахъ.

Изъ приведеннаго факта видно, что мы всегда рискуемъ принять убыль населенія прихода путемъ переселенія за угасаніе, котораго не произошло; наоборотъ, прибыль пришлаго элемента легко принять за приростъ населенія. Подобнымъ переселеніемъ объясняется неравномѣрность убыли вогуловъ, сосвинскихъ—на 1%, а ляпинскихъ—на 48%. Можетъ быть, получились бы иные результаты, если бы А. П. Якобіемъ было произведено изслѣдованіе обдорскаго края, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить вогуловъ, переселившихся изъ Ляпинской волости.

Что касается метода изслѣдованія, то обычный методъ суммарной статистики по отношенію къ инородцамъ Тобольскаго Сѣвера не можетъ дать точныхъ выводовъ. Въ общей суммѣ неизбѣжно исчезнутъ факты вымиранія цѣлыхъ семей, между тѣмъ количество населенія можетъ и не измѣниться, благодаря приросту въ другихъ семьяхъ. Единственный правильный методъ изслѣдованія вопроса объ угасаніи инородцевъ—это методъ посемейной статистики. Только посемейные списки, при условіи тщательнаго веденія ихъ, могли-бы дать вполнѣ достовѣрный матеріалъ. Однако, за неимѣніемъ лучшихъ данныхъ, приходится пользоваться исповѣдными росписями. Тутъ то и обнаруживается ихъ главный недостатокъ. Дѣло въ томъ, что въ исповѣдныхъ росписяхъ составъ семьи выражается не дѣйствительнымъ числомъ ея членовъ, а создается искусственно. По установленному порядку, каждыя четыре лица мужескаго пола составляютъ семью, или дворъ; если ихъ въ дѣйствительной семьѣ болѣе, то остальные приписываются къ слѣдующему двору.

Останавливаясь на причинахъ грустнаго факта вымиранія инородцевъ, надо прежде всего указать на малую плодовитость инородческаго населенія, отмѣченную всѣми изслѣдователями сѣвера. Это явленіе среди инородцевъ обуславливается съ одной стороны слабою производительною силой расы, а съ другой—тѣмъ неумолимымъ закономъ, по которому малокультурная народность неизбѣжно начинаетъ вырождаться при соприкосновеніи съ народностью болѣе культурной. Едва ли не главной причиной недостаточной производительности расы является раннее вступленіе инородца въ бракъ, когда онъ, не достигнувъ еще вполнѣ половой зрѣлости, становится уже мужемъ и отцомъ. Само собою разумѣется, что отъ такого брака рождается лишь слабосильное потомство. Нечисто-

плотность инородцевъ, въ связи съ отсутствіемъ раціональной медицинской помощи, вызываетъ свирѣпствующія среди нихъ эпидеміи. Изъ нихъ тифъ и оспа по тѣмъ опустошеніямъ, которыя они здѣсь производятъ, являются наиболѣе страшными заболѣваніями, принимающими на сѣверѣ всегда эпидемическій характеръ. Эти болѣзни унесли цѣлыя тысячи инородцевъ. Какъ побочныя причины, вызывающія угасаніе инородческаго населенія, слѣдуетъ отмѣтить низкій уровень его духовнаго развитія, неумѣнье оградить себя отъ эксплуатаціи болѣе культурныхъ сосѣдей и, наконецъ, его безпечность. Все это вмѣстѣ взятое создаетъ ту убогую обстановку, среди которой приходится жить инородцамъ и которая способствуетъ ихъ вымиранію.

Глава XV.

Заключеніе.

Необходимость улучшенія экономическаго быта инородцевъ.—Непригодность существующихъ законовъ объ инородцахъ.—Мѣры къ поднятію экономическаго благосостоянія инородческаго населенія: отмѣна натуральной земской повинности; обезпеченіе инородцевъ достаточными запасами хлѣба на случай стихійныхъ бѣдствій; упорядоченіе и развитіе рыболовства и сбыта обской рыбы на уральскіе горные заводы; изученіе оленеводства; упорядоченіе и развитіе звѣроловнаго промысла, кедроваго промысла, заготовки дровъ для пароходовъ и торговли; разрѣшеніе зырянскаго вопроса; составъ административно-судебнаго персонала.—Преждевременность введенія общаго для русскихъ и инородцевъ административнаго управленія.—Необходимость скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о землепользованіи.

Изъ обзора всего вышеизложеннаго нельзя не усмотрѣть, что жизнь мѣстнаго населенія, находящагося еще на низкой ступени культурнаго развитія, всецѣло зависитъ отъ природныхъ и экономическихъ условій края. Поэтому и мѣры улучшенія быта населенія надо искать не въ мелочныхъ и чисто внѣшнихъ измѣненіяхъ, а въ болѣе радикальныхъ реформахъ, которыя, вполнѣ отвѣчая потребностямъ инородческаго населенія, могли бы сразу поставить дѣло развитія Тобольскаго Сѣвера на падлежащую почву.

Въ литературѣ давно раздаются жалобы на незавидную жизнь здѣшнихъ инородцевъ. Слова: „Наглая эксплуатація“, „обираніе“, „спаиваніе“,—стали обыденными. За послѣдніе 40 лѣтъ много путешественниковъ и изслѣдователей—этнографовъ посѣтили здѣшній край; нѣкоторые даже предлагали проекты улучшенія быта инородцевъ, однако и по настоящее время все осталось почти такъ, какъ было. Предстоящій пересмотръ „Положенія объ инородцахъ“ коснется, главнымъ образомъ, порядка управленія, т. е. административной части; однако сомнительно разсчитывать на то, чтобы благосостояніе инородцевъ повысилось отъ проведенія этихъ чисто канцелярскихъ мѣръ. Здѣсь необходимы не канцелярскія мѣры, а мѣры, вызываемыя самой жизнью, т. е. мѣры экономическаго характера.

Существующіе законы объ инородцахъ никогда не отвѣчали требованіямъ жизни сѣвернаго инородческаго населенія. Функціонирующее „Положеніе объ инородцахъ", если судить даже по цѣлой серіи техническихъ выраженій, совершенно неизвѣстныхъ на сѣверѣ, писалось, повидимому, для степныхъ народностей. Между тѣмъ, быть послѣднихъ не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ сѣвернаго инородческаго населенія.

Жизнь здѣшняго населенія, въ особенности инородцевъ, сложилась такъ, что почти круглый годъ оно занято тѣмъ или инымъ промысломъ. Если принять во вниманіе незначительный приростъ инородческаго населенія, малочисленность состава семей и недостатокъ рабочихъ силъ, то становится очевиднымъ, что всякое отвлеченіе инородцевъ отъ промысла вредно отзывается на ихъ благосостояніи. Между тѣмъ, въ силу необходимости приходится ихъ отвлекать для отбыванія земской гоньбы натурою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта повинность не могла быть до настоящаго времени переложена на денежную. Въ цѣляхъ предоставленія инородцамъ полной свободы располагать временемъ, въ особенности въ періоды главныхъ промысловъ, слѣдовало бы вездѣ, гдѣ это представляется цѣлесообразнымъ и возможнымъ, отмѣнить натуральную земскую повинность, переложивъ ее на денежную, а при лѣтнемъ передвиженіи замѣнить рабочихъ—гребцовъ паровой тягой.

Тогда какъ въ мѣстностяхъ губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, въ помощь населенію принимаются мѣры, указанныя спеціальнымъ закономъ, жители сѣверныхъ уѣздовъ въ годы стихійныхъ бѣдствій (высокій подъемъ уровня воды въ Обской долинѣ) обыкновенно предоставляются самимъ себѣ и лишаются помощи только потому, что живутъ внѣ черты земледѣльческой культуры; иначе сказать, указанный законъ о помощи при неурожаяхъ не можетъ быть примѣненъ къ нимъ въ буквальномъ смыслѣ. Въ виду исключительныхъ условій этого края,—отдаленности его отъ рынковъ и губернскаго города, продолжительности распутицы, отсутствія телеграфа и неудовлетворительности путей сообщенія, населеніе можетъ остаться въ совершенно безпомощномъ состояніи относительно продовольствія хлѣбомъ. Поэтому необходимо всегда имѣть запасы хлѣба на сѣверѣ и въ нужныхъ случаяхъ организовать общественныя работы, хотя бы въ видѣ лѣсныхъ заготовокъ.

О мѣрахъ относительно упорядоченія и развитія рыболовства въ краѣ приводится въ перечисленныхъ выше, на стр. 95, моихъ работахъ, касающихся рыболовства и рыбопромышленности.

Что касается оленеводства, то въ виду важнаго его значенія въ хозяйствѣ и, вообще, въ жизни сѣвера, изученіе его является прямою необходимостью. По моему мнѣнію, надлежитъ послать компетентное лицо съ цѣлью изученія моховой тундры, какъ оленнаго пастбища, а также самого типа оленя, какъ лѣсного, такъ и степного, и, наконецъ, для изслѣдованія болѣзней оленя и мѣръ борьбы съ ними; вмѣстѣ съ

тѣмъ этому лицу желательно поручить опредѣлить продуктивность тундры и вырѣшить, въ какой мѣрѣ возможно здѣсь допустить кочевку зырянскихъ оленьихъ стадъ. Въ цѣляхъ обезпеченія средствами передвиженія инородцевъ, въ особенности—звѣропромышленниковъ, слѣдовало бы организовать дѣло снабженія оленями неимущихъ хозяевъ.

При этомъ необходимо упомянуть и о тѣхъ мѣрахъ, введеніе коихъ является желательнымъ для упорядоченія и развитія остальныхъ промысловъ края.

По отношенію къ звѣроловному промыслу. Современныя кремневыя ружья, съ ихъ устарѣлымъ устройствомъ и плохимъ боемъ, необходимо было бы замѣнить пистопными, которыя къ тому же требуютъ гораздо меньше пороха. Для этого слѣдуетъ заказать на одномъ изъ казенныхъ заводовъ партію пистопныхъ ружей, наиболѣе употребительнаго у инородцевъ калибра и снабжать ими инородцевъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ они снабжаются порохомъ и свинцомъ.

Въ виду того, что на сѣверѣ звѣроловный промыселъ не подлежитъ по закону никакому ограниченію, ни по отношенію ко времени года, ни по отношенію къ орудіямъ и способамъ лова, промыселъ этотъ ведется большею частью хищническимъ образомъ. Это въ особенности замѣтно въ отношеніи промысла лосей и лисицъ. Поэтому въ цѣляхъ охраненія этихъ звѣрей отъ полнаго истребленія, необходимо воспрещеніе хотя тѣхъ хищническихъ способовъ промысла, практикованіе которыхъ поддается контролю. Это—воспрещеніе промысла лося сторожевыми луками и воспрещеніе вынимапія маленькихъ лисятъ изъ гнѣздъ.

По отношенію къ кедровому промыслу. При томъ вредѣ, какой наносится этому дѣлу раннимъ сборомъ еще не созрѣвшей шишки (порча дерева и пониженіе качества орѣха), весьма важно, въ видахъ раціональнаго пользованія плодами кедра, установить повсемѣстно правильный предѣльный срокъ, прежде котораго воспрещалось бы приступать къ сбору шишекъ.

Что касается заготовки дровъ для пароходовъ, то должно замѣтить, что этотъ родъ промысла находится въ рукахъ не многихъ торговцевъ, получающихъ значительные барыши при ихъ способѣ расчета по преимуществу товаромъ, а не деньгами. Принимая во вниманіе, что во время полнаго развитія пароходства заготовка дровъ для пароходовъ давала населенію солидный заработокъ (до 40 тысячъ рублей ежегодно въ одномъ лишь Сургутскомъ уѣздѣ) и что настоящій упадокъ пароходства есть явленіе временное, то при усиленіи пароходства было бы желательно, чтобы этотъ заработокъ попадалъ въ руки рабочихъ всецѣло. Для осуществленія этого я полагалъ бы передать это дѣло въ руки казны, организовавъ въ Сургутскомъ уѣздѣ хозяйственную заготовку дровъ для пароходовъ.

Теперь перейдемъ къ указанію тѣхъ мѣръ, введеніе коихъ необходимо въ области торговли.

Слѣдуетъ учредить ярмарки и торжки безъ обозначенія времени открытія и закрытія таковыхъ, установивъ лишь срокъ ихъ продолжительности; затѣмъ, желательно установить такой порядокъ, чтобы по возможности всѣ казенные платежи производились инородцами не деньгами, а звѣриными шкурами; далѣе, слѣдуетъ воспретить торговцамъ въѣздъ въ кочевья инородцевъ передъ самой ярмаркой, а также воспретить во время ярмарки отправляться въ тундру навстрѣчу прибывающимъ на ярмарку инородцамъ и перехватывать у нихъ товаръ, равно и зазывать инородцевъ къ себѣ помимо ихъ желанія. Наконецъ, желательно развитіе казенной торговли предметами первой необходимости, какъ-то: чаемъ, ружьями, байкою и т. п.; эта мѣра регулировала бы мѣстныя цѣны.

Для разрѣшенія зыряпскаго вопроса, по моему мнѣнію, необходимы слѣдующія мѣры. Осѣдло проживающихъ въ краѣ зырянъ слѣдуетъ водворить законнымъ порядкомъ и опредѣлить мѣста, на которыхъ будетъ признано возможнымъ, безъ стѣсненія мѣстныхъ инородцевъ, дальнѣйшее водвореніе вновь прибывающихъ зырянъ. Для кочующихъ зырянъ необходимо назначить предѣльныя границы ихъ кочевій, дальше которыхъ они не могли бы проникнуть; въ этихъ границахъ слѣдуетъ опредѣлить продуктивность тундры, т. е. выяснить, какое количество скота можетъ прокормиться ежегодно на этомъ пространствѣ безъ оскудѣнія корма въ тундрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, желательно выработать условія самаго кочеванія и попутно изучить здѣшнее оленеводство.

Мѣстопребываніемъ Сосвинской и Ляпинской инородной управы вмѣсто села Сартыньинскаго, слѣдуетъ назначить юрты Шомпинскія, которыя являются болѣе центральнымъ пунктомъ, чѣмъ село Сартыньинское. Въ интересахъ же правосудія должно образовать въ Самаровѣ самостоятельный мировой участокъ, къ которому, между прочимъ, слѣдуетъ отнести Елизаровскую волость и часть Кондинской, Березовскаго мирового участка.

Что касается введенія общаго для русскихъ и инородцевъ административнаго управленія, то, принимая во вниманіе тотъ низкій уровень умственнаго и физическаго развитія, на которомъ стоитъ инородецъ по сравненію съ русскимъ, ту рѣзкую разницу, какая наблюдается въ бытѣ того и другого, осуществленіе этого предположенія не можетъ быть признано желательнымъ. Оно могло бы быть произведено только лишь въ видѣ опыта, и то въ тѣхъ районахъ, гдѣ инородческое населеніе является наиболѣе обрусѣвшимъ. Къ такимъ районамъ можно отнести только побережье Оби отъ Нарымской границы до Березова. При этомъ главнымъ вопросомъ является вопросъ о землепользованіи. На этой почвѣ могутъ сталкиваться интересы обоихъ элементовъ: аборигеновъ-

инородцевъ и русскаго населенія. Русскіе, какъ было уже сказано, правъ на землепользованіе не имѣютъ; права же инородцевъ неопредѣленны и мало выяснены. Производимое нынѣ поземельное устройство крестьянъ Тобольской губерніи на Березовскій и Сургутскій уѣзды не распространяется. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать опытъ введенія общаго административнаго устройства русскихъ и инородцевъ, основываясь лишь на поверхностномъ и скороспѣломъ знакомствѣ съ инородческимъ вопросомъ, необходимо привести въ извѣстность всѣ угодья и произвести всестороннее изученіе условій экономическаго быта населенія. Эти послѣднія мѣры, по моему мнѣнію, должны лечь въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій на почвѣ переустройства административнаго и экономическаго строя населенія.

Приложенія

КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ ТРУДА

„Тобольскій Сѣверъ“

А. А. Дунинъ-Горкавича.

Приложеніе 1.

Село Обдорскъ,—его прошлое и настоящее.

Географическое положеніе.—Время основанія с. Обдорска и его первоначальное устройство.—Цѣль основанія.—Послѣдующая исторія с. Обдорска.—Распространеніе православія въ Обдорскомъ краѣ: миссіонеры и миссіи въ с. Обдорскѣ.—Климатъ.—Сѣверныя сіянія.—Село Обдорскъ въ настоящее время; количество и составъ населенія; церкви, школы и учрежденія; должностныя лица; ярмарка; общій годовой торговый оборотъ с. Обдорска.

Село Обдорскъ лежитъ подъ 66° 31′ сѣв шир. и 36° 15′ вост. долг. (отъ Пулкова), на 86 фут. выше уровня моря, и расположено на р. Полуѣ, неподалеку отъ мѣста впаденія этой рѣчки въ р. Обь.

Обдорскъ основанъ въ 1592 году. Отправленные въ этомъ году изъ Россіи царемъ Феодоромъ Іоанновичемъ для завоеванія сѣверной Сибири казаки прошли черезъ ущелья Уральскихъ горъ и у вогульскаго городка Лопынгъ-ушъ основали первое укрѣпленіе—Ляпинское. Раздѣлившись здѣсь на отряды, они построили еще шесть укрѣпленій: въ Юильскомъ, Сартыньинскомъ, Казымскомъ, Березовскомъ и Кодскомъ городкахъ и въ Обдорскѣ. Въ 1593 году Обдорскъ обнесенъ деревяннымъ укрѣпленіемъ и отселѣ является крѣпостью въ новоприобрѣтенномъ сѣверномъ краѣ. Въ 1635 году Обдорскъ получилъ названіе „Обдорской заставы“ и пріобрѣлъ постоянныхъ жителей. По указамъ Анны Іоанновны отъ 8 авг. 1730 г. и 11 янв. 1731 г., для охраненія ясачныхъ остяковъ отъ самоѣдовъ, построено новое деревянное укрѣпленіе.

Основаніе Обдорска было вызвано необходимостью защиты отъ инородческихъ набѣговъ и для пресѣченія безпошлинной и заповѣдной мѣны между поморскими торгашами и самоѣдами. Съ цѣлью охраны ясачныхъ остяковъ отъ самоѣдовъ установлена была въ Обдорскѣ „годовая обережь“, для которой высылалось изъ Березова первоначально до 50 казаковъ, иногда даже до 100 (какъ въ 1754 году); затѣмъ число казаковъ постепенно сокращалось, и, наконецъ, при отмѣнѣ „годовой обережи“ совсѣмъ прекратилось. Для охраны-же Обдорска, при крѣпости имѣлись пушки и мортиры. Такъ, напр., въ 1749 году оберегали Обдорскъ 50 человѣкъ казаковъ при годовщикѣ „сынѣ боярскомъ“ и 14 человѣкъ при пушкарѣ Иванѣ Никитинѣ; въ 1742 году посланы были въ Обдорскъ „2 пушки желѣзныя со станками и колесами“.

Обновляемыя нѣсколько разъ укрѣпленія Обдорска, въ 1807 году, наконецъ, были уничтожены по приказанію губернатора Корнилова, лично посѣтившаго Обдорскъ въ 1806-1807 годахъ. Съ упраздненіемъ крѣпости была переведена и стража, и перевезены въ Березовъ артиллерійскіе снаряды. Отъ крѣпости Обдорска осталась только печать обдорской Петропавловской церкви, донынѣ употребляемая причтомъ.

Надпись на печати гласитъ: „Тобольской епархіи, Обдорской крѣпостной Петро-Павловской церкви“ [1]).

Съ половины XVIII столѣтія начали пріѣзжать въ Обдорскъ русскіе торговцы изъ Тобольска и Березова, устраивая временные амбары и лачужки, а въ 20 годахъ XIX столѣтія сюда переселилась на постоянное жительство большая часть нынѣшнихъ обдорскихъ гражданъ, стремившихся къ обогащенію [2]).

Послѣ „годовой обережи“ сотниковъ и пятидесятниковъ Обдорскій участокъ въ управленіи своемъ ввѣренъ былъ вѣдѣнію сначала частныхъ комиссаровъ (1805—1822 г.г.), потомъ отдѣльныхъ засѣдателей (1822—1866 г.г.) и, наконецъ, земскихъ засѣдателей (съ 1867 г.).

Съ основаніемъ Обдорской крѣпости и съ приходомъ сюда русскихъ начинается и распространеніе православія въ здѣшнихъ глухихъ краяхъ; первыми миссіонерами Югорской страны и Обдорскаго края мы должны считать предпріимчивыхъ казаковъ. Съ 1602 года въ роли миссіонеровъ являются священно-церковно-служители церквей. Съ учрежденіемъ въ Сибири епископской кафедры, самымъ одушевленнымъ проповѣдникомъ христіанства среди сибирскихъ инородцевъ былъ Тобольскій митрополитъ Филофей Лещинскій, просвѣтившій до 40.000 сибирскихъ инородцевъ и фактически положившій начало нынѣшней низовской миссіи. Въ началѣ прошлаго столѣтія возбужденъ былъ, наконецъ, вопросъ объ открытіи оффиціальной миссіи, и въ 1832 году отправились въ Обдорскъ впервые оффиціальные миссіонеры, а въ 1854 году была открыта и нынѣ дѣйствующая Низовская миссія. Въ 1872 году открылъ свои дѣйствія Тобольскій епархіальный комитетъ православнаго миссіонерскаго общества [3]).

Климатъ Обдорска суровѣе, чѣмъ въ Березовѣ: морозы бываютъ свыше 50° по С. Зима захватываетъ часть весны и осени, обнимая шестимѣсячный періодъ, съ половины октября до половины апрѣля, средняя температура котораго—18,2° (по даннымъ 1893—1894 г.г.); мѣсяца іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто, средняя температура котораго 11,2°; при чемъ, лѣтомъ температура возрастаетъ очень быстро, и въ теченіе нѣкотораго времени солнце грѣетъ болѣе 20 часовъ въ сутки, поэтому періодъ роста, цвѣтенія и созрѣванія растеній здѣсь сокращается. По даннымъ тѣхъ-же годовъ, средняя годовая температура Обдорска—6,5°; средняя t° семимѣсячнаго періода (съ октября по апрѣль), когда она бываетъ ниже 0,—16,78°; а средняя t° періода, когда она бываетъ выше 0, 7,84°; средняя t°: весны—8,9°, лѣта—11,2°, осени—6,5° и зимы—21,9°. Количество осадковъ: лѣтомъ—48%, осенью—31%,

[1]) Свящ. В. Герасимовъ: «Обдорскъ» Историческій набросокъ. «Сибирская Торговая Газета». 1897 г. №№ 146—147.

[2]) К. Губаревъ: «Обдорскъ». См. «Современникъ» за 1863 г. т. XCIX.

[3]) Свящ. В. Герасимовъ—тамъ-же.

весною—12% и зимой—9%. Вскрытіе р. Оби: раннее 22 мая, позднее 20 іюня, а среднее 5—6 іюня; разница между раннимъ и позднимъ вскрытіемъ составляетъ 29 дней. Замерзаніе р. Оби: раннее 14 октября, позднее 15 ноября, а среднее 30 октября; разница между раннимъ и позднимъ замерзаніемъ составляетъ 32 дня. Число дней, когда р. Обь бываетъ свободной отъ льда—147 [4]).

Сѣверныя сіянія всего чаще наблюдаются въ ноябрѣ, рѣдко—въ апрѣлѣ и сентябрѣ; съ мая по августъ ихъ совсѣмъ не бываетъ. Количество случаевъ сѣверныхъ сіяній по отдѣльнымъ годамъ весьма неравномѣрно; меньше всего сѣверныя сіянія наблюдались въ 1884 году (6 случаевъ), а болѣе всего—въ 1888 году (37 случаевъ); въ среднемъ на годъ приходится 15,6 случаевъ сіяній.

Говоря о климатѣ, не лишнимъ будетъ упомянуть о произведенныхъ здѣсь прусскимъ докторомъ Эрманомъ (который посѣтилъ Обдорскъ въ 1828 году), геогностическихъ испытаніяхъ, давшихъ слѣдующіе результаты: 9—12 декабря была вырыта шахта, глубиною въ 19 фут. 3 дюйма. Опущенный въ шахту термометръ поднялся только на 1° противъ вишней температуры, въ которой было—25° [5]).

Въ настоящее время въ с. Обдорскѣ насчитывается 116 домовладѣльцевъ, составляющихъ 1.061 душ. обоего пола (Списокъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губ., изд. 1904 г. [6]). Изъ нихъ приблизительно 40% крестьянъ, 20% зырянъ, 20% лицъ разныхъ другихъ сословій и 20% инородцевъ разныхъ волостей.

Въ селѣ имѣются 2 церкви (приходская и миссіонерская), духовная миссія, сельское двухклассное училище, церковно-приходская школа, школа для инородческихъ дѣтей съ пансіономъ (при духовной миссіи); всѣ эти учебныя заведенія для дѣтей обоего пола. Кромѣ того инородческая больница и при ней безплатный пріемный покой для крестьянъ, почтовое отдѣленіе, двѣ инородныя управы (остяцкая и самоѣдская), хлѣбозапасный магазинъ, сельская общественная безплатная библіотека, метеорологическая станція II разряда, казенная винная лавка и пожарный обозъ. Въ с. Обдорскѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе: мировой судья, акцизный контролеръ, становой приставъ, полицейскій урядникъ, объѣздной участковый врачъ, медицинскій фельдшеръ и повивальная бабка.

Въ Обдорскѣ имѣются 19 постоянныхъ лавокъ. Съ 1 по 21 января въ Обдорскѣ бываетъ ярмарка. Предметами продажи инородцевъ являются: пушной товаръ, птичій пухъ и перо, звѣриныя шкуры, мамонто-

---

[4]) См. трудъ мой: „Тобольскій Сѣверъ", С. Петербургъ, 1904 г. Часть 1, стр. 11—21.

[5]) П. Словцовъ: „Историческое обозрѣніе Сибири". С.-Петербургъ, 1886 г. Кн. II, стр. 19.

[6]) Губаревъ свидѣтельствуетъ, что въ свой пріѣздъ въ с. Обдорскъ въ 1863 году онъ нашолъ тамъ 52 дома.

вая кость и рыба зимняго улова; все это вывозится въ г.г. Тобольскъ и Ирбитъ, шкуры же оленьи вывозятся въ с. Ижму (въ 1903 году сумма вывоза составляла 92.768 рублей). Предметами продажи русскихъ служатъ: хлѣбъ, коровье масло, чай, сахаръ, цвѣтныя сукна, шали и бумазея, мѣдныя и желѣзныя издѣлія (въ 1903 году сумма ввоза составляла 47.000 рублей). Что же касается общихъ торговыхъ оборотовъ с. Обдорска, то они достигаютъ суммы въ 1.000.000 рублей ежегодно; при чемъ ввозъ товаровъ простирается на сумму до 300.000 рублей, а вывозъ (рыба и пушнина)—до 700.000 рублей.

Приложеніе II.

Городъ Березовъ,—его прошлое и настоящее.

Географическое положеніе.—Время и цѣль основанія.—Первоначальное устройство г. Березова.—Бывшіе пожары.—Заселеніе г Березова.—Административное управленіе г. Березова съ его основанія и до настоящаго времени.—Существовавшее викаріатство.—Гербъ г. Березова.—Климатъ.—Городъ Березовъ въ настоящее время: количество населенія; церкви, школы и учрежденія; должностныя лица.—Исторія ссылки въ г. Березовъ государственныхъ преступниковъ,—пребываніе здѣсь и дальнѣйшая судьба: кн. Дм. Ромодановскаго; кн. А. Д. Меньшикова съ дѣтьми; кн. Алексѣя Долгорукова съ семействомъ; гр. А. И. Остермана; старшаго киргизскаго султана Кокчетавскаго округа подполковника Гайбадуллы-хана.—Достопримѣчательныя вещи въ г. Березовѣ отъ этой эпохи.—О рисункахъ, набросанныхъ съ натуры бывшимъ здѣсь въ 1740 г. сотрудникомъ П. І. Делиля—Кепигсфельдомъ.—Преданіе обскихъ остяковъ изъ доисторической эпохи г. Березова: Легенда о шайтанѣ (по разсказамъ остяковъ юртъ Непкинныхъ).

Городъ Березовъ лежитъ подъ 63°56′ сѣвер. шир. и 34°44′ вост. долг. (отъ Пулкова), на 130 фут. выше уровня моря, и расположенъ на лѣвомъ берегу р. Сосвы при впаденіи въ нее р. Вогулки, съ правой стороны послѣдней; устье р. Сосвы находится ниже города въ 36 верст.

Березовъ основанъ острогомъ (крѣпостью) въ 1593 году, присланнымъ отъ царя Ѳеодора Іоанновича воеводой Никифоромъ Васильевичемъ Траханіотовымъ, спустя 10 лѣтъ по завоеваніи Сибири Ермакомъ. Названіе свое Березовъ получилъ отъ близъ лежащей березовой рощи. Прежде на этомъ мѣстѣ было остяцкое селеніе Сугмутъ-вожъ (березовый городокъ).

Цѣль постройки г. Березова состояла въ томъ, чтобы удерживать въ повиновеніи остяковъ и вогуловъ, уже платившихъ ясакъ, наложить ясакъ на самоѣдовъ, кочевавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, въ сѣверной части Березовскаго уѣзда, и, наконецъ, слѣдить за тамошнею торговлею и за пріѣзжими торговыми и промышленными людьми.

Городъ Березовъ первоначально былъ заложенъ на небольшомъ пространствѣ. Поэтому, послѣ построекъ разныхъ казенныхъ зданій, церкви и дворовъ для обитателей его, въ немъ образовалась столь большая тѣснота, что служилые люди принуждены были 15 дворовъ вынести за острогъ; тамъ же въ 1605 году построена новая церковь во имя Воскресенія Христова. Но жить за острогомъ скоро оказалось очень опасно и служилые люди въ 1606 году били челомъ Государю о расширеніи онаго. Разрѣшеніе было дано въ 1607 году, и заострожныя постройки соединены съ городомъ. До 1806 года Березовъ имѣлъ деревянное крѣпостное укрѣпленіе съ главными воротами и угловыми башнями, для защиты отъ нападенія здѣшнихъ инородцевъ, которые нѣсколько разъ покушались подступать къ этому городу.

Березовъ неоднократно подвергался опустошительнымъ пожарамъ: въ 1719 году сгорѣли крѣпостныя строенія, церковь и много домовъ;

въ 1806 году выгорѣлъ весь городъ; тогда же сгорѣло и крѣпостное укрѣпленіе. Послѣдній опустошительный пожаръ былъ въ 1887 году, истребившій лучшую часть города, на пепелищѣ которой стали возникать новыя строенія.

Первоначальное населеніе города Березова состояло изъ духовенства, торговыхъ, служилыхъ и гулящихъ людей. Изъ документа 1608 года видно, что въ этомъ году служилыхъ людей въ городѣ было 323 человѣка, кромѣ воеводы, дьяка и подъячихъ. Послѣ замиренія Березовскаго края, число служилыхъ людей въ этомъ городѣ значительно уменьшилось: въ 1629 году служилыхъ людей вмѣстѣ съ ружниками и оброчниками осталось около 240 человѣкъ, въ 1634 году того же населенія было 259 чел. и въ 1645 году—260 человѣкъ. Ни торговыхъ людей, ни крестьянъ во вторую половину царствованія Михаила Феодоровича въ Березовѣ не было. Впослѣдствіи населеніе города постоянно увеличивалось ссыльными и добровольно водворявшимися разнаго рода людьми [1]).

Со времени своего основанія Березовъ былъ управляемъ воеводами; кромѣ ихъ въ царствованіе Петра Великаго былъ тамъ комендантъ, въ чинѣ полковника. Съ 1784 года Березовъ состоялъ въ управленіи городничихъ, а въ 1804 году, 25 февраля состоялось Высочайшее повелѣніе, по коему, между прочимъ, къ Березовскому уѣзду былъ приписанъ и городъ Сургутъ съ его уѣздомъ подъ общимъ управленіемъ первоначально частнаго окружнаго управленія, состоящаго изъ Березовскаго городничаго, исправника и стряпчаго, а затѣмъ Березовскаго военно-окружнаго управленія, и, наконецъ, единолично исправника [2]).

Въ 1870 году въ Тобольской епархіи учреждено Березовское викаріатство, которое вскорѣ было упразднено; при чемъ викарнымъ епископомъ назначенъ былъ рукоположенный въ этотъ санъ въ С.-Петербургѣ архимандритъ Ефремъ, состоявшій съ 1872 года епископомъ Тобольскимъ.

Гербъ г. Березова изображаетъ въ серебряномъ полѣ три рядомъ стоящія березы.

Климатъ Березова сырой и суровый; морозы бываютъ до 50° по С. Зима захватываетъ часть весны и осени, обнимая шестимѣсячный періодъ, съ половины октября до половины апрѣля, средняя температура котораго—15,35° (по даннымъ 1893-1894 г.г.); мѣсяца іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто, средняя температура котораго 13,6°; при чемъ лѣтомъ температура возрастаетъ очень быстро, и въ теченіе нѣкотораго времени солнце грѣетъ такъ же, какъ и въ Обдорскѣ болѣе 20 часовъ въ сутки; поэтому періодъ роста, цвѣтенія и созрѣванія растеній здѣсь

---

[1]) П. Н. Буцинскій: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Харьковъ. 1889 г. Глава VII, стр. 171—173.

[2]) См. трудъ мой: «Тобольскій Сѣверъ». С.-Петербургъ, 1904 г. Часть III, гл. 1, стр. 83.

сокращается. По даннымъ тѣхъ же годовъ, средняя годовая температура Березова—3,7°; средняя температура семимѣсячнаго періода (съ октября по апрѣль), когда она бываетъ ниже 0,—13,83°, а средняя t° періода, когда она бываетъ выше 0, 10,49°; средняя t°: весны—4,1°, лѣта 13,6°, осени—4,2° и зимы—20,1°. Количество осадковъ: лѣтомъ 55%, осенью 24%, весною 12% и зимой 9%. Вскрытіе р. Оби: раннее 15 мая, позднее 5 іюня, а среднее 25-26 мая; разница между раннимъ и позднимъ вскрытіемъ составляетъ 21 день. Замерзаніе р. Оби: раннее 24 октября, позднее 15 ноября, а среднее 4 ноября; разница между раннимъ и позднимъ замерзаніемъ составляетъ 22 дня. Число дней, когда р. Обь бываетъ свободной отъ льда—163 [3]).

Говоря о климатѣ, не лишнимъ будетъ упомянуть о произведенныхъ здѣсь русскимъ докторомъ Эрманомъ (который посѣтилъ Березовъ въ 1828 году) геогностическихъ испытаніяхъ, давшихъ слѣдующіе результаты: „на сѣверномъ концѣ города, противъ большой церкви, подлѣ кладбища, вырыта была шахта; работа происходила въ ноябрѣ, и на глубинѣ 4 ф. 7 дм. было дойдено до земли мягкой и не мерзлой; при дальнѣйшемъ углубленіи до 21 ф. 8 дм. встрѣчена земля желтая, проникнутая жидкою водою. Термометръ, на свободномъ воздухѣ стоявшій —8°, поднялся на днѣ ямы послѣ ¾ часа до 1°60′“ [4]).

Въ настоящее время въ Березовѣ насчитывается 159 домовладѣльцевъ, составляющихъ 1.715 душъ обоего пола. (Списокъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губ., изд. 1904 г.) [5]).

Въ городѣ имѣются 2 церкви [6]), 2 часовни, мужское 3-классное училище, женское приходское училище, церковно-приходская школа для дѣтей обоего пола (всего обучалось въ 1904 году 109 человѣкъ дѣтей: 82 мальчика и 27 дѣвочекъ). Кромѣ того—инородческая больница и при ней аптека, инородческая богадѣльня, почтовая контора, уѣздное полицейское управленіе, полицейскій надзиратель, городское общественное управленіе, казначейство, сберегательная касса, березовская мѣстная воинская команда, тюремный замокъ, двѣ инородныя управы—Подгородная и Казымская и одно волостное правленіе (Березовской городовой волости), хлѣбозапасный магазинъ, общественная библіотека, метеорологическая станція II разряда, казенная винная лавка и пожарное депо.

---

[3]) Тамъ же. «Тобольскій Сѣверъ»—часть I, стр. 11—21.

[4]) П. Словцовъ: «Историческое обозрѣніе Сибири». С.-Петербургъ, 18°6 г, Кн. II, стр. 20.

[5]) По свидѣтельству П. А. Абрамова, въ 50 годахъ XIX столѣтія насчитывалось 163 дома и 1186 жителей обоего пола.

[6]) Въ 1704 году былъ основанъ Воскресенскій монастырь, который, просуществовавъ 19 лѣтъ, въ 1723 году, за малочисленностью монаховъ, былъ упраздненъ, а находившіеся въ немъ игуменъ и два монаха переведены въ Кондинскій монастырь.

Въ Березовѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе: мировой судья, податной инспекторъ, помощникъ акцизнаго надзирателя, врачъ, два фельдшера и повивальная бабка.

Въ царствованіе Императора Петра I и Петра II, а также Императрицъ Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой, въ Березовъ были ссылаемы важные государственные преступники. Такъ,—въ 1660 году сюда былъ сосланъ князь Дмитрій Ромодановскій; здѣсь онъ пробылъ недолго: его увезли въ Соловецкій монастырь „подъ началъ“. Въ декабрѣ 1727 года прибылъ въ Березовъ, на заточеніе, князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ съ сыномъ Александромъ и дочерьми Маріею, обрученною невѣстою Императора Петра II, и Александрою. Меньшиковы содержались въ острогѣ, устроенномъ около 1724 года для государственныхъ преступниковъ. Послѣ Меньшикова здѣсь содержались Долгорукіе. Близъ этого острога, Меньшиковъ, вмѣсто бывшей сначала приходской, а потомъ до 1723 г. монастырской, ветхой деревянной церкви, во имя Воскресенія Христова и св. Антонія и Ѳеодосія Печерскаго, построилъ своимъ иждивеніемъ и личнымъ участіемъ въ работахъ деревянную-же церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы, съ придѣломъ св. Иліи пророка. Церковь эта сгорѣла 20 февраля 1764 года вмѣстѣ съ находившимися при ней богадѣльней и памятникомъ на могилѣ Меньшикова. Въ эту церковь князь ходилъ съ дѣтьми ежедневно приносить молитву Богу и исповѣдывать свои согрѣшенія. Въ лѣтнее время, когда онъ выходилъ изъ острога ранѣе начатія богослуженія, то садился на бесѣдку, устроенную на берегу рѣки, разговаривалъ съ жителями, большею частью о суетѣ міра и о другихъ душеспасительныхъ предметахъ. Какъ въ эту церковь, такъ равно въ Спасскую и Одигитріевскій соборъ, много пожертвовано было имъ дорогихъ иконъ, украшенныхъ жемчугомъ, священническихъ одеждъ и другой утвари. Близъ алтаря этой самой церкви, 22 октября 1729 года князь Александръ Даниловичъ похороненъ. Надъ могилою его устроена была часовня, куда дѣти его собирались каждодневно молиться о упокоеніи души родителя. Могила его съ обрывомъ берега давно уже не существуетъ. Послѣ кончины отца, дѣтямъ дозволено было жить внѣ острога, въ своемъ домѣ и они могли ходить по городу, но караулъ за ними не отмѣненъ и имъ запрещено было вести съ кѣмъ бы то ни было переписку. На содержаніе ихъ тогда отпускалось по 2 рубля въ день. Въ это будто бы время была тайно повѣнчана старшая дочь князя Меньшикова, Марія, съ прибывшимъ сюда подъ другимъ именемъ, княземъ Феодоромъ Долгоруковымъ, взявшимъ паспортъ за-границу и пріѣхавшимъ за Меньшиковыми въ Березовъ. Черезъ годъ послѣ брака она скончалась отъ родовъ близнецовъ, и похоронена близъ Спасской церкви. Ея-то могила и была разрыта въ 1825 году городничимъ Андреевымъ и потомъ, въ 1827 году, бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ Д. И.

Бантышъ-Каменскимъ. Этотъ послѣдній, желая открыть, гдѣ покоится прахъ знаменитаго любимца Петра I, князя Меньшикова, въ 1825 году поручилъ это Березовскому городничему Андрееву, который, не отыскавъ могилы Меньшикова, уничтожившейся, какъ уже сказано, съ обрывомъ горы, по указанію казака Шахова, открылъ извѣстную могилу кого-то изъ рода Меньшиковыхъ, близъ Спасской церкви, на высокомъ берегу р. Сосвы.

Въ то время, какъ дѣти Меньшикова по смерти отца, оставались въ Березовѣ, сюда въ 1730 году, прислано семейство князей Долгоруковыхъ: Алексѣй Григорьевичъ, супруга его Прасковія Юрьевна, дѣти—Иванъ съ супругою Натальей Борисовной (дочерью графа Шерметьева), Николай, Александръ и Алексѣй, дочери—Елена, Анна и Екатерина, вторая обрученная невѣста Императора Петра II. Они были заключены въ тотъ самый острогъ, гдѣ содержались Меньшиковы.

Въ слѣдующемъ, 1731 году, дѣти князя Меньшикова, сынъ Александръ и дочь Александра, были возвращены изъ Березова, и, по прибытіи своемъ въ Москву, гдѣ находилась Императрица Анна Іоанновна, представлены графомъ Левенвольдомъ, въ изгнаническомъ платьѣ, и въ то же время пожалованы—Александръ Александровичъ—поручикомъ Преображенскаго полка, а Александра Александровна—фрейлиною, и на другой-же годъ выдана замужъ за брата Бирона—Густава.

Преклонность лѣтъ, особенно суровый климатъ и несчастіе свели въ гробъ, въ 1734 году, князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова и его супругу. Дѣти похоронили ихъ близъ Богородице-Рождественской церкви въ 7 саж. на сѣверо-западъ отъ крыльца настоящей каменной и въ 10 саж. отъ буерака. Надъ могилами ихъ построили памятникъ, въ видѣ часовни. Памятникъ этотъ вмѣстѣ съ церковью сгорѣлъ въ 1764 году.

Долгоруковы прожили въ Березовѣ около 8 лѣтъ. По доносу на нихъ канцеляриста Тишина, въ явныхъ нескромныхъ и дерзкихъ словахъ объ Императрицѣ и Биронѣ, Алексѣй былъ отправленъ въ Камчатку матросомъ, Николай и Александръ наказаны кнутомъ и, съ урѣзаніемъ языковъ, сосланы въ работу первый—въ Охотскъ, другой—въ Камчатку; сестры ихъ, Елена, Анна и Екатерина, разосланы по разнымъ монастырямъ. Князь Иванъ Долгоруковъ, въ ноябрѣ 1739 года, послѣ разныхъ пытокъ, колесованъ подъ Новгородомъ и обезглавленъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, Наталія Борисовна Долгорукова, съ двумя малолѣтними сыновьями, Михаиломъ и Димитріемъ, изъ Березова прибыла въ Москву. Ей предложено было поступить фрейлиной ко Двору, но, не бывъ въ мірѣ счастливою, она приняла схиму въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ съ именемъ Нектаріи и скончалась тамъ 3 іюля 1771 года. Екатерина Алексѣевна, въ 1745 году возвращенная изъ монастыря, выдана въ замужество за графа Александра Романовича Брюса. Елена Алексѣевна вступила въ

бракъ со своимъ однофамильцемъ, княземъ Юрьемъ Юрьевичемъ Долгоруковымъ.

По отбытіи изъ Березова семейства Долгоруковыхъ, черезъ четыре года, въ 1742 году, занялъ ихъ мѣсто въ томъ же острогѣ графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ. Здѣсь пять лѣтъ онъ жилъ съ супругою, Маріей Ивановной. Въ 1747 году онъ скончался и похороненъ прямо противъ острога, отъ церкви въ 22 саж. на сѣверо-западъ. Марія Ивановна надъ могилою мужа построила памятникъ, на подобіе часовни. Сюда ежедневно, со дня сооруженія памятника до отбытія своего изъ Березова, въ сентябрѣ 1747 года, приходила супруга Остермана молиться о упокоеніи души его. Отъ этой часовни до настоящаго времени сохранились окладныя бревна, вросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ.

Съ 1841 года находился въ Березовѣ въ ссылкѣ бывшій старшій киргизскій султанъ Кокчетавскаго округа, подполковникъ Габайдулла-ханъ, сынъ хана Валія и внукъ Аблай-хана. Онъ былъ сосланъ сюда за связь съ киргизскимъ бунтовщикомъ Кенисарою, который, съ 1837 года, нѣсколько годовъ былъ ужасомъ въ степи. Въ 1844 году къ нему пріѣхала жена его, Альбубекъ, дочь Абуль-Мамбетова, и дочь ихъ Хадыша 11 лѣтъ. Въ 1848 году Валіевъ съ семействомъ былъ возвращенъ въ Кокчетавъ.

Изъ достопамятныхъ вещей въ Березовѣ замѣчательны: въ Воскресенскомъ соборѣ двѣ иконы—Архангела Михаила и Святителя Николая, древняго письма, принесенныя первыми казаками въ 1592 году, при основаніи Березовскаго укрѣпленія. Кромѣ нихъ въ томъ же Воскресенскомъ соборѣ имѣются двѣ парчевыя священническія ризы, на оплечьяхъ коихъ—по звѣздѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. По преданіямъ и церковнымъ описямъ извѣстно, что одна изъ ризъ шита дочерьми князя Меньшикова, а другая—Долгорукова, находившимися въ заточеніи. Въ 1764 году княгиня Елена Долгорукова прислала въ Березовскія церкви разныя богослужебныя книги, но до настоящаго времени сохранились двѣ книги въ Воскресенскомъ соборѣ: Апостолъ и Молебникъ. На первой изъ нихъ собственноручно княгинею написано: „1764 года сентября 1 дня, сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири, въ Березовомъ—острогѣ, на поминовеніи своихъ родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена, князь Алексѣева дочь, Долгорукова“. Въ той же церкви хранится золотой медальонъ, превосходной отдѣлки, имѣющій элиптическую фигуру. На лицевой сторонѣ его, въ самой серединѣ подъ выпуклымъ стекломъ, на бѣломъ атласѣ, свитая въ кольцо прядь тонкихъ свѣтло-русыхъ волосъ. По преданію мѣстныхъ старожиловъ, медальонъ этотъ поступилъ въ Спасскую церковь по смерти находившагося здѣсь князя Феодора Долгорукова, вмѣстѣ съ иконою, у которой висѣлъ на вѣнчикѣ изображеннаго святого; а волосы, хранящіеся въ медальонѣ, взяты Долгоруковымъ отъ умершей будто бы

супруги его, Маріи Александровны, дочери князя Меньшикова, съ которою онъ былъ тайно вѣнчанъ однимъ престарѣлымъ священникомъ [7]).

Во время пребыванія академика Делиля въ Березовѣ, въ 1740 году, его сотрудникомъ Кенигсфельдомъ были набросаны слѣдующіе рисунки: 1) видъ между церковью Меньшикова и соборомъ въ Березовѣ, срисованный на р. Сосвѣ; 2) видъ обсерваторіи, въ которой производилъ наблюденія Делиль, и Спасской церкви въ Березовѣ; около церкви показано мѣсто, гдѣ погребенъ князь (Алексѣй?) Долгоруковъ, и 3) видъ Березовскаго острога, въ которомъ содержалось семейство князей Долгоруковыхъ; здѣсь показано мѣсто, гдѣ къ югу должна быть церковь кн. Меньшикова, затѣмъ караульня, тюрьма князя, тюрьма княгини и старый соборъ [8]). Гравюры этихъ рисунковъ приложены въ концѣ книги П. Пекарскаго; подлинные же рисунки находятся въ рукописи, принадлежащей нынѣ Географическому Обществу.

ПРЕДАНІЕ ОБСКИХЪ ОСТЯКОВЪ ИЗЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ Г. БЕРЕЗОВА.

ЛЕГЕНДА О ШАЙТАНѢ

(по разсказамъ остяковъ юрты Непкинныхъ).

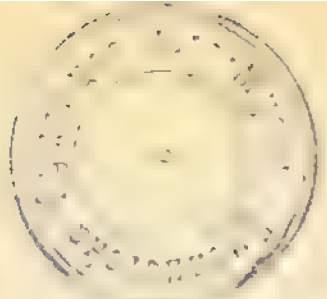
Тамъ, гдѣ стоитъ теперь въ г. Березовѣ Богородская церковь, въ старинные годы росъ сплошной лиственный лѣсъ. Испоконъ вѣковъ въ этомъ лѣсу обитало божество. Ѣздилъ туда народъ остяцкій и даже самоѣдскій; покланялись они божеству и оставляли богатые приклады. Пришли на здѣшнія мѣста русскіе, но не тронули они божества: люди были честные и правдивые. Опять прошло много времени. Стали русскіе просить шамановъ, чтобы они отъ себя просили божество отдать это мѣсто для постройки церкви. И сказало божество шаманамъ: „Теперь здѣсь поклоняются только тѣ, которые настояще не знаютъ моего Бога, а потомъ здѣсь будутъ поклоняться моему Богу знающіе Его и не понимающіе. Я долженъ отдать это мѣсто. Возьмите отсюда все, что есть здѣсь моего и несите прямо на восходъ солнца,—я укажу, гдѣ остановиться. Только прямо несите. Черезъ сухое мѣсто тащите лодки на себѣ“. Такъ шаманы и сдѣлали: собрали все и поѣхали въ лодкахъ на востокъ. За р. Сосвой черезъ лугъ не могли перетащить лодки съ прикладомъ. Божество велѣло оставить прикладъ здѣсь, махнуло на него

---

[7]) П. А. Абрамовъ. „Описаніе Березовскаго края“.—См. „Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, кн. XII (1857 г.).

[8]) Академикъ П. Пекарскій: „Путешествіе академика Николая Іосифа Делиля въ Березовъ въ 1740 году“. С.-Петербургъ, 1865 г. Приложеніе къ VI-му тому записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 3.

рукою и образовался изъ него большой песчаный бугоръ (остяки черезъ этотъ бугоръ не ѣздятъ). На закатѣ солнца пришли шаманы на этотъ бугоръ. Огляпулось божество, и увидѣло, что отсюда то мѣсто, гдѣ обитало опо ранѣе, видно, какъ на ладони. „Здѣсь хочу жить!“—сказало божество. И съ того времени этотъ шайтанъ, самый почетный среди казымцевъ и обскихъ остяковъ, находится здѣсь.



Приложеніе III.

Городъ Сургутъ,—его прошлое и настоящее.

Географическое положеніе.—Время и цѣль основанія.—Первоначальное устройство г. Сургута.—Заселеніе г. Сургута.—Остяцкія волости и число ясачныхъ остяковъ въ XVI—XVII в.в.—Административное управленіе г. Сургута съ его основанія и до настоящаго времени.—Казаки, какъ коренные жители города.—Гербъ города Сургута.—Климатъ.—Городъ Сургутъ въ настоящее время: количество населенія; церкви, школы и учрежденія; должностныя лица; ярмарка.

Городъ Сургутъ лежитъ подъ 61°17′ сѣв. шир. и 43° вост. долг. (отъ Пулкова), на 145 фут. выше уровня моря. Онъ находится въ 285 верст. выше устья р. Иртыша и расположенъ по правую сторону р. Оби въ верстѣ съ небольшимъ отъ нея, на правомъ берегу протоки, именуемой нынѣ Бардаковкой, при впаденіи въ послѣднюю незначительной рѣчки, называемой нынѣ Саймой. Противъ города, съ лѣвой стороны р. Оби лежитъ устье незначительной рѣчки, называемой нынѣ Сургуткой.

Сургутъ построенъ въ 1594 году княземъ Барятинскимъ и Аничковымъ вмѣсто „разломаннаго и сожженнаго“ по распоряженію правительства въ томъ же 1594 году Обского городка, который былъ построенъ воеводой Мансуровымъ въ 1585 году у Бѣлогорья, нѣсколько ниже устья р. Иртыша.

Цѣль постройки Сургута главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы подчинить московской власти Пѣгую орду или нарымскихъ остяковъ.

Какъ и всѣ сибирскіе города, Сургутъ представлялъ небольшую крѣпость съ двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней проѣзжей; въ ней былъ поставленъ воеводскій дворъ, тюрьма, зелейный (пороховой) погребъ и церковь, острогъ съ двумя воротами и одной проѣзжей башней; тутъ же находились и хаты для служилыхъ людей. Всѣ эти постройки воздвигнуты были въ одно лѣто 1594 г.

Первоначальное населеніе Сургута состояло изъ 155 служилыхъ людей, прибывшихъ вмѣстѣ съ первыми воеводами. Въ 1596 г. правительство прислало въ Сургутъ еще 112 человѣкъ, а въ 1601 г. сургутскихъ служилыхъ людей—казаковъ, стрѣльцовъ, литвы и черкесъ было 280 человѣкъ.

Въ 1601 г. въ Сургутѣ построенъ гостинный дворъ, а вмѣстѣ съ этимъ появились въ немъ и цѣловальники изъ посадскихъ людей для сбора таможенныхъ пошлинъ. По старѣйшему, дошедшему до насъ, именному списку города Сургута, населеніе послѣдняго въ 1625 г. было такое, не считая женъ и дѣтей: 2 атамана казачьихъ, 2 поляка, 1 казакъ, 25 десятниковъ, 117 рядовыхъ служилыхъ людей, 2 подъячихъ, 1 черный попъ, 1 бѣлый попъ, 3 пушкаря, 1 толмачъ остяцкій, 1 церковный дьячекъ, 1 пономарь, 1 городовой воротникъ, 1 острожный воротникъ, 1 палачъ, 1 новокрещеный остякъ, 1 просвирница. Всего служилыхъ

людей, ружниковъ и оброчниковъ было 222 человѣка; годового денежнаго жалованія они получали 1175 р. 48 к., хлѣбнаго жалованія—1372 чт. муки и на крупы и толокно—381 р.

Сургутскій уѣздъ населенъ былъ исключительно остяками, которые подъ управленіемъ своихъ князей жили по волостямъ. Въ концѣ XVI вѣка такихъ волостей въ Сургутскомъ уѣздѣ было девять: Базіоновская или Темлечеева, на Оби, нынѣ Тобольскаго уѣзда; Селіяровская, при р. Лямпи; Салымская, при р. Салымѣ; Юганская (Югорская тожъ), большая и меньшая, по р. Югану; Бардакова, по р. Бардаковкѣ; Лумпокольская, по р. Оби; Ларьятская, по нижнему теченію р. Ваха; Вахская, по верхнему теченію р. Ваха, и Васьюганская, по р. Васьюгану, нынѣ Нарымскаго уѣзда. Число ясачныхъ людей въ этихъ волостяхъ было около 600 человѣкъ.

Со времени покоренія Нѣгой орды, къ Сургутскому уѣзду присоединены новыя 4-е волости нынѣшняго Нарымскаго уѣзда: Аслымская, Сымская, Корахопская по Оби и Тымская по р. Тюму. Кромѣ того остяки Муалымскаго городка, жившіе на Оби при устьѣ Иртыша, въ такъ называемомъ Бѣлогорьѣ, составили новую волость въ Сургутскомъ уѣздѣ, Бѣлогорскую, нынѣ Березовскаго уѣзда.

Всего ясачныхъ людей, старыхъ и новыхъ,—въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1625 г. было 796 человѣкъ, и съ нихъ ясаку и поминковъ государевыхъ и воеводскихъ собрано всякимъ звѣремъ до 160 сороковъ соболей, по сибирской оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ на 3 тысячи рублей [1]).

До 1782 г. Сургутскій уѣздъ управлялся воеводами, присылаемыми изъ Москвы. Въ 1782 году Сургутъ назначенъ городомъ Тобольскаго намѣстничества. Въ 1797 году онъ оставленъ уѣзднымъ городомъ Тобольской губерніи, и въ немъ введена уѣздная администрація, состоявшая изъ земскаго суда, въ составѣ судьи и двухъ засѣдателей, городничаго, земскаго комиссара и винпаго пристава. Существовало тогда здѣсь также уѣздное казначейство и духовное правленіе.

25 февраля 1804 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, по коему все пространство, составлявшее тогда Тобольскую губернію, раздѣлено на двѣ части; изъ нихъ первая, въ составѣ 9 уѣздовъ, выдѣлена собственно въ Тобольскую губернію, а вторая—изъ 8 уѣздовъ,—въ Томскую. Заштатные города—Омскъ, Каинскъ и Бійскъ возстановлены, а Сургутъ съ его уѣздомъ приписанъ къ Березовскому уѣзду подъ общимъ управленіемъ первоначально частнаго окружного управленія, состоящаго изъ Березовскаго городничаго, исправника и стряпчаго, а затѣмъ Березовскаго военно-окружного управленія и, наконецъ, единолично, исправника.

---

[1]) П. П. Буцинскій: „Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 года". Харьковъ, 1893 г.—стр. 2—11.

Завѣдываніе заштатнымъ городомъ Сургутомъ съ территоріей бывшаго уѣзда передано частнымъ комиссарамъ, впослѣдствіи переименованнымъ въ участковые засѣдатели. Сургутскія присутственныя учрежденія, по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія 25 февраля 1804 г., переведены были въ Омскъ.

Такимъ образомъ, Сургутъ оставался заштатнымъ съ 1804 до 1866 г., когда городъ и уѣздъ были возстановлены, и въ то же время для завѣдыванія уѣздомъ учреждено окружное полицейское управленіе, въ составѣ исправника, его помощника и секретаря. Такое положеніе существуетъ и въ настоящее время, при чемъ съ 1903 г. уѣздъ раздѣленъ на 2 стана, и назначены два становыхъ пристава и четыре полицейскихъ урядника.

Городское населеніе составляютъ, главнымъ образомъ, потомки казаковъ-завоевателей этого края. Лица эти были обязаны отбывать воинную службу, поэтому въ Сургутѣ до 1881 года существовала казачья команда. По ея упраздненіи, казаки переименованы въ мѣщанъ, а въ городѣ введено упрощенное городовое управленіе, во главѣ котораго стоитъ городской староста. Въ то же время въ Сургутѣ учредили воинскую команду, просуществовавшую до 1893 года [2]).

Гербъ г. Сургута изображаетъ лисицу на золотомъ полѣ.

Климатъ Сургута суровый и, въ сравненіи съ Березовомъ, сухой; морозы бываютъ до 50° по С. Зима захватываетъ часть весны и осени, обнимая шестимѣсячный періодъ, съ половины октября до половины апрѣля, средняя температура котораго—15° (по даннымъ 1893-1894 г.г.); мѣсяца—іюнь, іюль и августъ составляютъ лѣто, средняя температура котораго 14,6°; при чемъ лѣтомъ температура возрастаетъ очень быстро, и въ теченіе нѣкотораго времени солнце грѣетъ 19 часовъ въ сутки; поэтому періодъ роста, цвѣтенія и созрѣванія растеній здѣсь сокращается. По даннымъ тѣхъ же годовъ, средняя годовая температура Сургута—3,1°; средняя t° семимѣсячнаго періода (съ октября по апрѣль), когда она бываетъ ниже 0,—13,23°; а средняя t° періода, когда она бываетъ выше 0, 11,13°; средняя t°: весны—3,3°, лѣта 14,4°, осени —2,1° и зимы—21,3°. Количество осадковъ: лѣтомъ 60%, осенью 20%, весною 14% и зимою 6%. Вскрытіе р. Оби: раннее 27 апрѣля, позднее 23 мая, а среднее 10 мая; разница между раннимъ и позднимъ вскрытіемъ составляетъ 26 дней. Замерзаніе р. Оби: раннее 11 октября, позднее 30 октября, а среднее 21 октября; разница между раннимъ и позднимъ замерзаніемъ составляетъ 19 дней. Число дней, когда р. Обь бываетъ свободной отъ льда—164 [3]).

---

[2]) См. трудъ мой: «Тобольскій Сѣверъ». С.-Петербургъ, 1904 г. Часть III, гл. I, стр. 79, 82—83.

[3]) Тамъ же: «Тобольскій Сѣверъ», часть I, стр. 11—21.

Въ настоящее время въ Сургутѣ насчитывается 230 домовладѣльцевъ, составляющихъ 1.222 души обоего пола. (Списокъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губ., изд. 1904 г.).

Въ городѣ имѣются 2 церкви, 3 часовни, мужское начальное городское училище, женская церковно-приходская двухклассная школа (всего обучалось въ 1904 году 114 чел. дѣтей: 56 мальчиковъ и 58 дѣвочекъ). Кромѣ того инородческая больница и при ней аптека, почтовое отдѣленіе и при немъ сберегательная касса, уѣздное полицейское управленіе, городское общественное управленіе, хлѣбозапасный магазинъ, метеорологическая станція II разряда, казенная винная лавка и пожарное депо. Въ 7-ми верстахъ ниже города—пароходная пристань (на „Бѣломъ Яру"), соединенная съ городомъ телефономъ; при чемъ фарватеръ рѣки отъ пристани до города обставленъ предостерегательными знаками.

Въ Сургутѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе: мировой судья, лѣснічій, становой приставъ, акцизный контролеръ, врачъ, два фельдшера и повивальная бабка.

Въ Сургутѣ имѣются 11 постоянныхъ лавокъ. Съ 23 декабря по 15 января въ Сургутѣ бываетъ самоѣдская ярмарка. Предметами продажи инородцевъ являются пушной товаръ, звѣриныя шкуры и рыба (въ 1902 году сумма вывоза была 50.000—60.000 рублей); предметами продажи русскихъ служатъ: мануфактурный и мелочной товары, хлѣбъ, крендель, коровье масло, чай, сахаръ, табакъ, вино и разные товары (въ 1902 году сумма ввоза была до 30.000 рублей).

Приложеніе IV.

Нѣсколько словъ о поэтическомъ творчествѣ инородцевъ.

Народная поэзія инородцевъ: ихъ пѣсни.—Одна изъ пѣсенъ Казымскихъ остяковъ.—Существованіе героическаго эпоса въ исторіи сѣверныхъ инородцевъ (по Патканову): время происхожденія былинъ; древній языкъ ихъ; былины—„военныя пѣсни" остяковъ; какъ и когда поются былины; стиль былинъ и его особенности; форма былинъ и ея постепенное искаженіе; содержаніе былинъ.—Значеніе былинъ, какъ древняго литературнаго свидѣтельства остяковъ о прежнемъ своемъ бытѣ.—О прошломъ остяковъ и вогуловъ по былинамъ; междуусобныя войны и ихъ главная причина; родовая кровавая месть; обычай скальпировать убитыхъ.—Исчезновеніе богатырей, героевъ былинъ.—Слѣды героическаго эпоса инородцевъ въ настоящее время.—Одна изъ легендъ о богатыряхъ (по разсказамъ остяковъ юртъ Пашерцевыхъ).

Народная поэзія, въ томъ смыслѣ, какъ она понимается культурными народами, среди сѣверныхъ инородцевъ отсутствуетъ. Тѣмъ не менѣе пѣніе, какъ первая стадія эстетическо-духовной жизни человѣка, у инородцевъ существуетъ. Опредѣленныхъ пѣсенъ, въ которыхъ инородецъ могъ бы выразить свое душевное состояніе или какое-нибудь настроеніе, вызванное извѣстнымъ моментомъ, почти не создалось. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ пѣсни инородца представляютъ изъ себя дѣтскую импровизацію. Темой для пѣсни инородца служитъ все то, что онъ видитъ передъ собою или что ему придетъ въ голову. Главнымъ образомъ темами служитъ не явленіе, а реальный предметъ; въ послѣднемъ случаѣ все содержаніе пѣсни часто состоитъ изъ безчисленнаго повторенія одного и того же слова, которое инородецъ поетъ довольно монотонно съ незначительными вокальными варіяціями. Но, что способность къ поэтическому творчеству не чужда сѣвернымъ инородцамъ, это въ достаточной степени видно изъ ниже-приводимой пѣсни о медвѣдѣ Казымскихъ остяковъ, которую они въ числѣ другихъ пѣсенъ и разсказовъ поютъ на медвѣжьей вечеркѣ. Въ пѣснѣ этой по возможности сохраненъ и самый стиль.

„Гдѣ ты не былъ, гдѣ ходилъ?"—„По лѣсамъ, по ручьямъ, по борамъ, по берегамъ, по болотамъ, по горамъ, по черемушникамъ".—„Чѣмъ ты сытъ былъ, что ты ѣлъ?"—„Ѣлъ дичину, мертвечину, разну ягоду; всѣмъ былъ сытъ я въ разну пору. Вотъ весна всегда голодна (хонъ нарана леды антомъ): утка хитра, не добудешь; достаю тогда коренья, да не больно они сытны. Я тогда хожу сердитый, потому совсѣмъ голодный; я совсѣмъ тогда не сытый, звѣрю, люду—всѣмъ опасный. Какъ дозрѣла на болотѣ крупна ягода моропка, сталъ я сытый, не сердитый,—все равно не попадайся. Рылъ я въ гору себѣ нору; вырылъ—моху настелилъ; осенью туда забрался, листомъ слѣдья запесло. Мнѣ тепло было, спокойно. Проспалъ я бы до весны. Слышу: ходятъ

люди, рубятъ; лыжы по снѣгу шумятъ. Зарычалъ я—пріумолкли. А потомъ лѣсиной въ бокъ такъ меня толкнули! не стерпѣлъ я и полѣзъ; только вышелъ я не въ пору: пуля сдѣлала свое".

Исторія сѣверныхъ инородцевъ имѣетъ и свой героическій эпосъ. Г. С. Паткановъ въ трудѣ: „Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ" (С.-Петербургъ, 1891 г.), довольно детально знакомитъ съ этими историческими разсказами о подвигахъ остяцкихъ богатырей, опоэтизированныхъ народной фантазіей ихъ соплеменниковъ. Этотъ трудъ г. Паткапова основанъ на лично произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ быта инородцевъ Тобольскаго и отчасти Туринскаго уѣздовъ, и представляетъ значительный интересъ въ дѣлѣ изученія быта и духовнаго уклада этихъ инородцевъ. Поэтому я считаю далеко не лишнимъ остановиться на этомъ героическомъ эпосѣ остяковъ въ томъ смыслѣ, какъ послѣдній описанъ самимъ г. Паткановымъ. Желающимъ болѣе подробно ознакомиться съ этою весьма интересною стороною духовного быта остяковъ, я совѣтовалъ бы обратиться непосредственно къ упомянутому труду.

По мнѣнію г. Паткапова происхожденіе былинъ относится къ тому времени, когда сѣверная часть Тобольской губерніи еще не испытала на себѣ нашествія татаръ, которые, какъ извѣстно, здѣсь появились раньше русскихъ. Иначе говоря: былины возникли въ періодъ времени между XIV и XVI столѣтіями, а частью, можетъ быть, и въ XIII-омъ. Если же принять во вниманіе историческое описаніе покоренія нынѣшняго Тобольскаго уѣзда татарами, а затѣмъ русскими, по Карамзину, то остяцкія былины имѣютъ не меньшую, чѣмъ 300-лѣтнюю давность. Къ этому же выводу г. Паткановъ приходитъ и на основаніи исторіи завоеванія Сибири русскими. Вотъ почему ни татары, ни тѣмъ болѣе русскіе совсѣмъ не отразились въ героическомъ эпосѣ остяковъ.

Языкъ былинъ отличается цвѣтистостью, образностью и значительной чистотой сравнительно съ настоящимъ разговорнымъ языкомъ. Онъ настолько старъ, что цѣлые обороты его въ настоящее время нерѣдко совершенно непонятны современнымъ остякамъ и передаются ими на память.

Самое слово „былина" неизвѣстно остякамъ; г. Паткановъ въ данномъ случаѣ примѣняетъ это слово къ древнимъ богатырскимъ сказаніямъ остяковъ только въ виду значенія и характера этихъ сказаній. То, что онъ обозначаетъ словомъ „былина", на древне-остяцкомъ языкѣ означаетъ „военную пѣснь".

Былины поются подъ аккомпанементъ мѣстныхъ музыкальныхъ инструментовъ—„лебедя" и „домры". Сохранившіяся на р. Кондѣ мелодіи былинъ имѣютъ не болѣе пяти тоновъ, что соотвѣтствуетъ 5 струнамъ этого послѣдняго инструмента.

Былины поются весьма рѣдко. Это объясняется съ одной стороны серьезностью и возвышенностью содержанія былинъ, въ силу чего

поводами для исполненія ихъ не могутъ служить обыкновенные эпизоды изъ будничной ежедневной жизни; съ другой стороны—значительностью размѣровъ былинъ, представляющихъ техническую трудность для пѣвца и требующихъ со стороны его особаго вдохновенія и напряженія. Обыкновенно былины можно услышать въ дни положенія остяками ясака, когда они цѣлыя недѣли проводятъ въ хожденіи другъ къ другу по гостямъ, кутежахъ и попойкахъ. Въ такое время, среди общаго веселья и разгула, остяки вспоминаютъ старину, и звонкій „лебедь“ или „домра“ звенятъ день и ночь. Всякій, умѣющій пѣть или играть, показываетъ тогда свое искусство, при чемъ наибольшее вниманіе сосредоточиваютъ на себѣ пѣвцы былинъ: опьянѣвшіе и вдохновившіеся, они жалобнымъ голосомъ начинаютъ воспѣвать подвиги своихъ отцовъ.

Остяцкія былины не имѣютъ рифмы, хотя и не лишены нѣкотораго подобія со стихами. Величина отдѣльныхъ стиховъ весьма разнообразна: короткіе, средніе и длинные слѣдуютъ другъ за другомъ въ перемежку, а въ связи съ этимъ и размѣръ музыкальной фразы постоянно мѣняется. Красоты стиля остяцкій пѣвецъ старается достичь тѣмъ, что подбираетъ рядомъ однозвучныя и близкія по смыслу слова, выраженія и цѣлыя фразы, отчего въ былинѣ встрѣчаются постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ съ разными прилагательными, или разныхъ словъ и выраженій съ однимъ значеніемъ. Былины изобилуютъ различными эпитетами, фигурами и тропами, которые въ одинаковой степени свойственны поэзіи и другихъ народовъ.

Форма былинъ мѣняется съ теченіемъ времени. Остался неизмѣннымъ лишь ихъ сюжетъ. По объясненію г. Патканова, произошло это оттого, что пѣвцы, преемственно передавая былины другъ другу, запоминали только ихъ содержаніе, главные обороты и выраженія, все же остальное варьировалось и дополнялось фантазіей пѣвца, въ зависимости отъ его способности къ импровизаціи и умѣнья красиво излагать свои мысли. Въ силу этого первоначальная форма былинъ не сохранилась.

Содержаніемъ былинъ служатъ почти исключительно военные походы остяцкихъ князей (богатырей) противъ самоѣдовъ или другъ противъ друга ради добычи невѣсть, или война съ напавшими на нихъ, ради той же цѣли, сосѣдями.

Въ виду своего неподдѣльнаго реализма, былины остяковъ имѣютъ для нашего труда значеніе древняго литературнаго свидѣтельства самихъ остяковъ о прежнемъ своемъ бытѣ. Изъ этихъ былинъ достаточно подробно можно ознакомиться съ образомъ жизни ихъ прежнихъ князей, съ ихъ занятіями, домашней обстановкой и т. п. Все это въ значительной степени сходно съ тѣмъ, что можно еще и теперь встрѣтить во многихъ уголкахъ остяцкаго и вогульскаго края, и что мнѣ лично представилась возможность наблюдать при изученіи современнаго быта ино-

родцевъ Тобольскаго сѣвера и при собираніи матеріала для настоящаго своего труда.

Въ данномъ случаѣ я остановлюсь лишь на тѣхъ сторонахъ быта остяковъ и ихъ князей, которыя стали уже достояніемъ прошлаго и, въ виду измѣнившихся условій современной жизни этихъ инородцевъ, не сохранились въ настоящее время.

У прежнихъ остяковъ того періода, когда слагались ихъ историческія былины, постоянно велись войны не только съ сосѣдними, родственными имъ народностями (напр., съ самоѣдами, вогулами и др.), но и между отдѣльными родами. Главной причиной такихъ войнъ было желаніе князей добыть себѣ женъ, которыхъ они, по обычаямъ того времени, не могли искать среди женщинъ своего народа. Этой причины, помимо другихъ, было достаточно, чтобы въ странѣ остяковъ велись почти безпрерывныя междуусобныя войны, въ особенности, если принять во вниманіе, что между представителями каждаго остяцкаго княжескаго рода числилось нѣсколько лицъ мужского пола и что богатыри имѣли часто по нѣсколько женъ. Отсюда, воинственный духъ былъ одной изъ главныхъ чертъ остяцкихъ князей того времени, чего нельзя однако сказать про ихъ подданныхъ, на которыхъ однихъ только ложилась вся тяжесть этихъ безконечныхъ войнъ и которые слѣдовали за своими князьями лишь по принужденію и традиціямъ. Среди князей существовала родовая кровавая месть, считавшаяся священнымъ долгомъ каждаго богатыря. Интересно то, что у остяковъ и вогуловъ существовалъ обычай скальпировать убитыхъ враговъ. Подобные кровавые трофеи такъ же высоко цѣнились тогда этими инородцами, какъ еще отчасти теперь среди нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки: уваженіе къ своему князю у остяковъ и вогуловъ росло по мѣрѣ накопленія у него непріятельскихъ скальповъ.

Исчезновеніе древнихъ героевъ-богатырей объясняется г. Паткановымъ очень просто: остяцкіе богатыри могли существовать только до тѣхъ поръ, пока врагами ихъ были столь же слабые противники, какъ и они. Когда же съ юга появились татары, а впослѣдствіи и русскіе, то слава богатырей сразу померкла: они не были въ состояніи вступать въ борьбу съ болѣе сильными и лучше вооруженными врагами и принуждены были, наравнѣ съ прочими своими соплеменниками, бѣжать отъ грозной для нихъ силы пришлыхъ завоевателей. Съ этихъ поръ богатыри стали утрачивать свою прежнюю славу и обаяніе, пока окончательно не слились съ обыкновенными людьми своего племени.

Сами же остяки не могли допустить превращенія своихъ славныхъ богатырей въ простыхъ смертныхъ. Въ умѣ остяковъ зародились разныя болѣе поэтическія объясненія ихъ исчезновенія: когда стала распространяться христіанская вѣра, богатыри, вѣрные прежнимъ богамъ, стали удаляться въ болѣе глухія мѣста, но когда все это не помогало,

и новая вѣра все дальше и дальше проникала въ ихъ страну, они убѣжали въ лѣса и тундры сѣвера и на западъ, на Уралъ, и превратились тамъ въ каменныя глыбы.

„Но гдѣ бы и какимъ бы образомъ,—заключаетъ свой трудъ г. Паткановъ,—они не погибли, души ихъ и понынѣ витаютъ надъ страной остяковъ, посылаютъ имъ удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ и, будучи любимцами Бога, устраняютъ отъ нихъ многія бѣдствія, за что благодарные потомки молятся имъ, какъ добрымъ духамъ, и приносятъ имъ кровавые жертвы и дары".

Со своей стороны я могу засвидѣтельствовать, что посѣщая тѣ или иные районы Тобольскаго сѣвера, я нерѣдко, на ряду съ мысами и сопками, встрѣчалъ и различные камни огромной величины и своеобразныхъ формъ, на которые присутствовавшіе остяки съ благоговѣніемъ указывали мнѣ, какъ на предметы религіознаго своего поклоненія.

ЛЕГЕНДА О БОГАТЫРЯХЪ.

(По разсказамъ остяковъ Пашерцевыхъ юртъ).

Старыя Пашерцевы юрты стояли на Вогулкѣ, верстахъ въ 15-ти отъ города. Давно, въ тѣ незапамятныя времена, когда еще не было на Вогулкѣ русскихъ, жилъ богатырь (Ул-напъ-лоль-манъ-вурытъ) съ двумя своими сыновьями. У нихъ была изба изъ лиственницъ, которыя они могли охватить только сами. Стѣны избы были тройныя. Жили, промышляли рыбу и звѣря. Луки дѣлали изъ лиственницы толщиной въ человѣческую голову; для стрѣлъ вырывали березы въ руку толщины: корень обрѣзывали, и стрѣла готова; на тетиву шло 1½ пуда конопли, а для проклейки ея варили клей изъ копытьевъ 150 дикихъ оленей. Ѣздили на лосяхъ.

Умеръ старый богатырь, остались братья одни. Старшій задумалъ жениться и укралъ себѣ съ большой рѣки невѣсту. По сердцу ему была она, и она его любила. Только скучно ей было въ маленькой Вогулкѣ. Вызвала она его на Сосву, и поселились они выше города версты на полторы, гдѣ сейчасъ находится „городище". Младшій братъ остался на старомъ мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе они попрежнему жили очень дружно. Былъ у нихъ одинъ топоръ, такъ что они перебрасывали его другъ другу (на разстояніи 18 верстъ). Когда у старшаго брата сварится мясо или рыба, онъ выйдетъ изъ избы, крикнетъ младшаго, и, пока жена вынимаетъ изъ котла пищу, тотъ пріѣзжалъ. Овдовѣлъ старшій братъ; женился младшій. И этого стала вызывать жена на большую рѣку, только онъ не соглашался. Приходитъ онъ однажды изъ лѣсу домой,— у него сидитъ старшій братъ и толкуетъ съ женой про то, что надо отсюда выѣхать. Поссорился онъ съ братомъ; подрались они. Побилъ

старшій братъ меньшого и пошелъ домой. Не дошелъ онъ съ версту до дому, какъ младшій пустилъ въ него стрѣлу. Стрѣла пробила его насквозь, противъ самаго сердца, вырвалась изъ него и прорыла ручей (пынѣ—оврагъ Култочный съ южной стороны города). Богатырь провалился сквозь землю. Увидѣлъ младшій братъ, что не хорошо онъ сдѣлалъ, прибѣжалъ на то мѣсто, и сталъ искать брата. Исходилъ все мѣсто, гдѣ теперь стоитъ г. Березовъ, вытопталъ весь лѣсъ, а самъ утопился въ Сосвѣ. Пришли русскіе, и поселились на этомъ мѣстѣ. Жена съ дѣтьми уѣхала на Обь и поселилась въ Пашерцевыхъ юртахъ въ Тугогѣ. И до сего времени на мѣстѣ старыхъ Пашерцевыхъ юртъ никто не селится.

Приложеніе V.

Матеріалы для изученія обычнаго права инородцевъ Березовскаго уѣзда.

I. Матеріалы, заимствованные изъ книги для записи приговоровъ по разбирательству тяжбъ, споровъ и проступковъ инородцевъ Обдорской, Остяцкой и Самоѣдской Управы: общее количество проступковъ и тяжбъ этихъ инородцевъ за періодъ времени съ 1881 г. по 1901 г.; процентное отношеніе каждаго отдѣльнаго вида проступковъ и тяжбъ къ общему ихъ количеству.—Группа 1-я: проступки,—а) кража; б) оскорбленіе дѣйствіемъ; в) оскорбленіе на словахъ; г) буйство въ пьяномъ видѣ; д) растрата казеннаго и частнаго имущества; е) изнасилованіе; ж) нанесеніе смертельныхъ ранъ; з) неисполненіе служебныхъ обязанностей; и) святотатство. Группа 2-я: тяжбы и споры,—а) о правахъ наслѣдованія; б) захватъ чужой собственности; в) нарушеніе арендныхъ и другихъ договоровъ; г) иски о возвратѣ калыма; д) незаконное сожительство; е) о возвратѣ отцу дочери, находящейся на воспитаніи у родственниковъ, и искъ послѣднихъ къ нему о возмѣщеніи понесенныхъ ими на воспитаніе его дочери расходовъ; ж) обманъ.—Общіе выводы: просители и отвѣтчики; кругъ полномочій суда; характеръ проступковъ и тяжбъ; розги—какъ наиболѣе часто практиковавшаяся форма наказанія; идея возмездія; неравномѣрность налагаемыхъ взысканій; олени—какъ объекты кражи; особенности въ правахъ наслѣдованія среди самоѣдовъ; тяжбы о калымѣ; вещественныя доказательства; составъ суда.—II. Матеріалы, заимствованные изъ архивныхъ дѣлъ бывшаго Березовскаго Окружнаго Суда: 1—дѣло по обвиненію въ мошенничествѣ; 2—дѣло о нанесеніи ножемъ смертельной раны; 3—дѣло по обвиненію въ кощунствѣ; 4—дѣло объ оставленіи безъ присмотра рожденнаго младенца, отчего послѣдній умеръ; 5—искъ на сумму 440 руб.; 6—искъ на сумму 1250 руб.; 7—дѣло объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства.—III. Матеріалы, для изученія обычнаго права остяковъ, населяющихъ южную часть Березовскаго уѣзда: дѣло о жестокомъ обращеніи мужа съ женою, и дѣло о возвратѣ калыма.—Матеріалы для изученія обычнаго права инородцевъ Кодской Инородной Управы.—Недостатки правовыхъ отношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ по вопросу о землепользованіи: 1—дѣло по ходатайству крестьянъ о раздѣлѣ по душамъ рыболовныхъ мѣстъ, находящихся въ общемъ ихъ съ инородцами владѣніи; 2—дѣло по ходатайству инородцевъ о возвращеніи имъ рыболовнаго угодія, находящагося во владѣніи березовскихъ городовыхъ крестьянъ.

I.

Пользуясь книгой для записи приговоровъ, въ теченіе двадцатилѣтняго періода съ 1881 по 1901 годъ, по разбирательству тяжбъ, споровъ и проступковъ инородцевъ вѣдѣнія Обдорской остяцкой и самоѣдской управы, можно установить существенныя черты практикующагося обычнаго права у самоѣдовъ и обдорскихъ остяковъ.

Всѣ приговоры, въ числѣ 120, по дѣламъ инородцевъ, постановленные въ теченіе вышеуказаннаго двадцатилѣтняго періода, можно раздѣлить на двѣ группы: на приговоры по совершеннымъ проступкамъ, въ числѣ 93 и на приговоры по тяжбамъ и спорамъ, въ числѣ 27. Каждая изъ этихъ группъ, въ свою очередь, можетъ быть раздѣлена на нѣсколько категорій.

Къ первой группѣ, по наиболѣе частой повторяемости, прежде всего, необходимо отнести проступки, касающіеся нарушенія частной собственности, именно—кражу. На этотъ видъ проступковъ падаетъ 62

случая, что составляетъ 67% по отношенію къ общему числу проступковъ (93). Затѣмъ слѣдуютъ: оскорбленіе дѣйствіемъ—14 случаевъ, что составляетъ 16%; буйство въ пьяномъ видѣ—7 случаевъ, что составляетъ 7%; растрата казеннаго и частнаго имущества, взятаго въ долгъ —3 случая, что составляетъ 3%; оскорбленіе на словахъ и изнасилованіе—по 2 случая, что составляетъ по 2%; и наконецъ, нанесеніе смертельныхъ ранъ, неисполненіе служебныхъ обязанностей и святотатство—по 1 случаю, что составляетъ по 1% по отношенію къ общему числу проступковъ (93).

Ко второй группѣ по наиболѣе частой повторяемости, прежде всего необходимо отмѣтить тяжбы и споры, касающіеся правъ наслѣдованія. На этотъ видъ падаетъ 9 случаевъ, что составляетъ 33% по отношенію къ общему числу тяжбъ и споровъ (27). Затѣмъ слѣдуютъ: захватъ оленей—6 случаевъ, что составляетъ 22%; нарушеніе арендныхъ и другихъ договоровъ и тяжбы о калымѣ—по 4 случая, что составляетъ по 15%; незаконное сожительство—2 случая, что составляетъ 7%; и наконецъ тяжба со стороны отца о дочери, находившейся на воспитаніи у родственниковъ и объ обманѣ, совершенномъ при торговой сдѣлкѣ—по 1 случаю, что составляетъ по 4% по отношенію къ общему числу тяжбъ и споровъ (27).

Ниже я привожу матеріалъ, извлеченный мною изъ вышеуказанной книги.

Группа 1-я. Проступки.

а) КРАЖА.

1. Обвиняемые остяки въ кражѣ разнаго имущества на сумму 172 руб. сознались. Приговоромъ постановлено: обязать обвиняемыхъ выдать потерпѣвшему взятое у него имущество. Наказанія за проступокъ наложено не было.

2. Свидѣтельскими показаніями участіе обвиняемаго самоѣдина въ кражѣ разнаго имущества не установлено. Послѣ клятвы предъ иконой Николая Чудотворца въ искренности своихъ показаній обвиняемый признанъ по суду оправданнымъ.

3. Участіе обвиняемаго самоѣдина въ кражѣ разнаго имущества на сумму 191 руб. доказано. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему украденное у него имущество. Наказанія за проступокъ наложено не было.

4. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ 3-хъ оленей съ нартой сознались. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшему 50 руб. деньгами; въ случаѣ-же несостоятельности, отдать на годъ въ работу. За проступокъ совершившихъ кражу наказать 50 ударами розогъ каждаго, а укрывателей—по 30 розогъ.

5. Участіе обвиняемаго самоѣдина Архангельской губерніи въ кражѣ разнаго имущества и оленей установлено произведеннымъ по этому

случаю обыскомъ и свидѣтельскими показаніями. Каждому изъ потерпѣвшихъ обвиняемый долженъ былъ, согласно постановленному приговору, отдать число оленей, которое было имъ похищено, съ возмѣщеніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ за причиненные убытки 3-4-5 оленей.

6. Обвиняемый самоѣдинъ, 14 лѣтъ, въ кражѣ 14 рублей въ виду отсутствія свидѣтельскихъ показаній признанъ по суду оправданнымъ, но „оставленъ въ сильномъ подозрѣніи".

7. Обвиняемые: архангельскій зырянинъ, архангельскій и ляпинскій самоѣды уличаются въ намѣреніи совершить кражу на основаніи найденныхъ у нихъ лишней упряжи на 8 оленей, тынзяна, веревки и, наконецъ, предложенія, обращеннаго ими къ нападавшимъ ихъ потерпѣвшимъ, покончить это дѣло мировой. Приговоромъ постановлено: архангельскихъ и ляпинскихъ самоѣдовъ наказать 10 ударами розогъ, а съ архангельскаго зырянина взыскать 4 оленей вмѣсто тѣхъ 2, которые были повреждены при погонѣ за обвиняемыми.

8. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 3-хъ оленей не сознался, но уличается въ совершеніи ея свидѣтельскими показаніями. Согласно приговору долженъ возвратить потерпѣвшему украденныхъ у него 3-хъ оленей, или деньгами 30 руб. и подвергнуться 50 ударамъ розогъ.

9. Обвиняемый самоѣдинъ Архангельской губ. въ кражѣ 1 оленя, оленьей упряжи на 3 оленя, тынзяна, шеста и постели сознался, и добровольно согласился вознаградить потерпѣвшихъ въ размѣрахъ понесенныхъ ими убытковъ: 1 оленя и 15 р. деньгами. Уголовнаго взысканія наложено не было.

10. Обвиняемый остякъ въ кражѣ 20 оленей сознался. Приговоромъ постановлено: отдать въ пользу потерпѣвшаго, кромѣ украденныхъ 20 оленей, еще 5 оленей за причиненные убытки и наказать 25 ударами розогъ.

11. Обвиняемый самоѣдинъ заподозрѣнъ въ кражѣ пеплюйчатаго гуся. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему гусь и наказать обвиняемаго 20 ударами розогъ.

12. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 62 оленей, пожа и оленнаго шеста не сознался, но участіе его въ совершеніи ея подтверждается однимъ свидѣтелемъ. Приговоромъ постановлено: наказать 30-ю ударами розогъ.

13. Обвиняемый самоѣдинъ сознался въ кражѣ 8 оленей и добровольно пожелалъ отдать потерпѣвшему 5 оленей, на что послѣдній также выразилъ свое согласіе. Судъ санкціонировалъ состоявшуюся мировую сдѣлку.

14. Обвиняемые самоѣдинъ и два архангельскихъ зырянина въ присвоеніи 3-хъ оленей уличены. Приговоромъ постановлено: взыскать съ самоѣдина 6 рублей за убитаго имъ чужого оленя, а дѣло о зырянахъ передать на усмотрѣніе г. Обдорскаго земскаго засѣдателя.

15. Обвиняемый остякъ, уличенный свидѣтелями въ кражѣ ведернаго боченка съ виномъ, сознался. Приговоромъ постановлено: вознаградить потерпѣвшаго въ размѣрахъ понесеннаго имъ матеріальнаго ущерба или же отдать 1 ведро вина, и наказать виновнаго 10 ударами розогъ.

16. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 2 оленей, отобранныхъ у него самими потерпѣвшими, сознался, а въ остальной части обвиненія— въ кражѣ другихъ 2 оленей, виновнымъ себя не призналъ. Приговоромъ постановлено: наказать 25 ударами розогъ.

17. Обвиняемый остякъ въ кражѣ оленя сознался. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшему стоимость оленя или же возвратить такого-же оленя и наказать виновнаго 15 ударами розогъ.

18. Обвиняемые два самоѣдина и ляпинскіе остяки, уличенные свидѣтельскими показаніями, въ кражѣ 3-хъ оленей сознались. Приговоромъ постановлено: взыскать въ пользу потерпѣвшаго вмѣсто 3-хъ оленей 6, и наказать виновныхъ 15 ударами розогъ каждаго.

19. Обвиняемые обдорскіе и ляпинскіе остяки, самоѣды и обдорскій крестьянинъ въ кражѣ 10 оленей сознались. Приговоромъ постановлено: взыскать съ остяковъ въ пользу потерпѣвшаго украденныхъ у него 10 оленей и еще съ каждаго изъ обвиняемыхъ по 5 оленей, а дѣло о самоѣдахъ и обдорскомъ крестьянинѣ передать на разсмотрѣніе Обдорскаго земскаго засѣдателя.

20. Обвиняемый остякъ въ кражѣ не сознался, но уличенъ былъ въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: кромѣ возврата потерпѣвшему украденныхъ у него 7 оленей, взыскать еще 3 оленей и подвергнуть виновнаго, какъ уже не однажды замѣченнаго въ воровствѣ, двухдневному аресту безъ кормового довольствія.

21. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ гуся изъ оленьихъ шкуръ не сознался, но уличенъ былъ въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: украденный гусь возвратить по принадлежности, а виновнаго, какъ не однажды уже замѣченнаго въ совершеніи разнаго рода проступковъ, наказать 15 ударами розогъ.

22. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ двухъ топоровъ, 3 оленьихъ шкуръ и 2 сукопныхъ гусей, сознался. Приговоромъ наказанъ 10 ударами розогъ.

23. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ 3 оленей съ упряжью и нартою не сознались, но уличены въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: возмѣстить потерпѣвшему причиненные ему убытки или возвратить оленей и наказать виновныхъ 20 ударами каждаго.

24. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ разнаго имущества на 392 руб. не сознались, но уличаются въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшему 6 руб. деньгами и отдать ему же 40 оленей. Наказанія за проступокъ наложено не было.

25. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ 10 оленей не сознались, но уличаются въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему 10 оленей съ придачей одного оленя на покрытіе расходовъ, понесенныхъ потерпѣвшимъ по веденію этого дѣла.

26. Обвиняемый остякъ въ кражѣ топора и нанесеніи побоевъ сознался. Приговоромъ постановлено: обязать виновнаго возвратить потерпѣвшему украденный у него топоръ и наказать за совершеніе кражи и нанесеніе побоевъ 10 ударами розогъ.

27. Обвиняемый остякъ въ продажѣ сукопнаго гуся, принадлежавшаго его хозяину, сознался. Приговоромъ постановлено: обязать виновнаго выкупить проданный гусь и возвратить его по принадлежности. Кромѣ того, за проступокъ наказать 10 ударами розогъ.

28. Обвиняемые два остяка и самоѣдинъ въ кражѣ 12 оленей не сознались, но уличаются въ этомъ свидѣтельскими показаніями. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему украденные у него 12 оленей съ придачей еще 4 оленей и наказать виновныхъ, какъ людей съ темной репутаціей, 10 ударами розогъ каждаго.

29. Обвиняемые самоѣды въ присвоеніи 11 руб. не сознались, но уличаются въ томъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: обязать виновныхъ возвратить деньги по принадлежности и, какъ рецидивистовъ, наказать каждаго 20 ударами розогъ.

30. Обвиняемые остяки въ кражѣ 4 оленей сознались. Приговоромъ постановлено: возвратить украденныхъ 4 оленей по принадлежности и наказать каждаго изъ виновныхъ 10 ударами розогъ.

31. Обвиняемый остякъ въ присвоеніи 46 рублей не сознался, но уличается въ этомъ обстоятельствами дѣла. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему 46 рублей. Наказанія на виновнаго наложено не было.

32. Обвиняемые самоѣды: одинъ Архангельской губ. и другой—Обдорской волости въ кражѣ кирпича чаю и бутылки водки не сознались. Приговоромъ постановлено: проданный кирпичъ чаю выдать его хозяину, а купившему украденное уплатить 60 коп. и наказать каждаго изъ виновныхъ 10 ударами розогъ.

33. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ у разныхъ лицъ 11 оленей признали себя виновными въ кражѣ только 9 оленей, хотя въ кражѣ остальныхъ двухъ оленей они уличаются слѣдомъ, проложеннымъ партой въ направленіи къ чуму одного изъ обвиняемыхъ. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшимъ украденныхъ 9 оленей или уплатить стоимость ихъ въ суммѣ 40 руб., равно какъ отдать и тѣхъ двухъ оленей, въ кражѣ которыхъ обвиняемые не сознаются. Помимо всего этого наказать каждаго изъ виновныхъ 10 ударами розогъ.

34. Обвиняемый остякъ въ кражѣ ведра вина пояснилъ, что онъ

дѣйствовалъ безсознательно, будучи пьянъ. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 10 ударами розогъ.

35. Обвиняемый самоѣдинъ Архангельской губерніи въ кражѣ 4 оленей съ партой, упряжью и шестомъ не сознался, но уличенъ въ этомъ, во первыхъ, слѣдомъ парты, проложеннымъ къ его чуму отъ мѣста совершенія кражи, во вторыхъ—вещественными доказательствами. Приговоромъ постановлено: въ виду несостоятельности виновнаго подвергнуть его только наказанію 30 ударами розогъ.

36. Обвиняемые въ присвоеніи 5 оленей сознались. Приговоромъ постановлено: отдать потерпѣвшему 5 оленей съ прибавленіемъ приплода за 2 года (4 пешки), въ теченіе которыхъ олени находились въ рукахъ обвиняемыхъ. Работникъ за расхищеніе хозяйскаго имущества наказанъ 10 ударами розогъ.

37. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 2 гусей изъ оленьихъ шкуръ не сознался, ссылаясь на то, что онъ былъ пьянъ до потери сознанія, но уличается въ совершеніи проступка обстоятельствами дѣла. Приговоромъ постановлено: за проступокъ наказать виновнаго 20 ударами розогъ.

38. Обвиняемый ляпинскій самоѣдинъ въ кражѣ 4 оленей не сознался, но уличается въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: въ виду несостоятельности обвиняемаго и какъ неоднократно уже замѣченнаго въ кражахъ наказать его 20 ударами розогъ.

39. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ оленьей шкуры сознались. Приговоромъ постановлено: вознаградить потерпѣвшаго деньгами въ размѣрахъ понесеннаго имъ убытка и наказать виновнаго 20 ударами розогъ, а соучастника въ совершеніи проступка—15 ударами.

40. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ 6 оленей сознались. Приговоромъ постановлено: отдать потерпѣвшему 6 оленей и наказать каждаго изъ виновныхъ 20 ударами розогъ.

41. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 4 оленей не сознался, но уличается въ этомъ вещественными доказательствами и косвеннымъ сознаніемъ въ совершеніи проступка со стороны самого обвиняемаго. Приговоромъ постановлено: отдать потерпѣвшему 4 оленей съ приплодомъ въ 1 пешку и наказать виновнаго, какъ уже не въ первый разъ замѣченнаго въ совершеніи подобнаго рода проступковъ, 20 ударами розогъ.

42. Участіе обвиняемаго самоѣдина въ кражѣ 3 лебяжьихъ шкуръ устанавливается, какъ вещественными доказательствами, такъ и показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: отобранныя отъ обвиняемаго 3 лебяжьихъ шкуры возвратить по принадлежности и наказать виновнаго 20 ударами розовъ.

43. Обвиняемые самоѣды Архангельской губерніи въ кражѣ оленей, въ количествѣ около 30 головъ, не сознались, но уличаются въ совершеніи ея показаніями потерпѣвшихъ и одного свидѣтеля. Пригово-

ромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему украденныхъ у него оленей съ приплодомъ за время, въ теченіе котораго эти олени находились въ пользованіи обвиняемыхъ. Кромѣ того, наказать каждаго изъ обвиняемыхъ 15 ударами розогъ.

44. Обвиняемые самоѣды Архангельской губерніи въ присвоеніи ими четвертного бочонка съ виномъ сознались. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшему 5 руб. за вино, 10 руб.—за загнаннаго потерпѣвшимъ оленя въ погонѣ за виновными и 2 рубля—за розыски обвиняемыхъ.

45. Обвиняемые инородцы въ покушеніи произвести кражу 2-хъ оленей сознались. Приговоромъ постановлено: наказать виновныхъ 15 ударами розогъ каждаго.

46. Обвиняемые 2 самоѣда Архангельской губ. и 1 ляпинскій въ кражѣ 3 оленей сознались. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшему за оленей 17 руб. съ придачей 8 руб. за поѣздку за ними. Двухъ виновныхъ наказать за проступокъ 20 ударами розогъ каждаго, а третьяго—10 ударами.

47. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 2 оленей сознался. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему украденныхъ у него 2 оленей и наказать виновнаго 20 ударами розогъ.

48. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ гуся и взятіи обманомъ 10 р. подъ залогъ 2 оленей, которыхъ у него не было, сознался. Потерпѣвшему уплатили родственники обвиняемаго. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго за проступокъ 20 ударами розогъ.

49. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ 4 запряженныхъ оленей съ нартою и шестомъ сознались и уличаются въ совершеніи ея вещественными доказательствами. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшему стоимость украденныхъ у него оленей, оцѣненныхъ съ расходами по поѣздкѣ въ 48 руб., возвратить упряжь и шестъ (нарты не оказалось), а за проступокъ наказать перваго, какъ непосредственнаго участника въ кражѣ, 30 ударами розогъ, а второго, принявшаго участіе въ сокрытіи совершенной кражи, 20 ударами.

50. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 400 руб. деньгами, 22 песцовъ, 8 неплюевъ, 74 пешекъ, 1 тынзяна, 6 пешекъ пестрыхъ, 1 пары пимовъ, 1 малицы, на три сорочки сукна, 2 фун. фамильнаго чаю, 2 серебряныхъ колецъ, сознался и возвратилъ по принадлежности все, кромѣ 16 руб., 74 пешекъ и 2 песцовъ..... (Далѣе въ книгѣ ничего не значится).

51. Обвиняемые самоѣды въ кражѣ 2 гусей сознались. Приговоромъ постановлено: возвратить украденные 2 гуся по принадлежности, и наказать виновныхъ 30 ударами розогъ каждаго.

52. Обвиняемый самоѣдинъ Архангельской губ. въ кражѣ оленя не сознался, но уличается въ этомъ показаніями свидѣтеля. Приговоромъ

постановлено: отдать потерпѣвшему оленя и наказать виновнаго 50 ударами розогъ.

53. Обвиняемый самоѣдинъ Архангельской губерніи въ кражѣ 3-хъ кирпичей чаю не сознался, но уличается въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: возвратить украденное по принадлежности и наказать виновнаго 30 ударами розогъ.

54. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ тиски приговоренъ къ возврату украденной вещи и, какъ очень часто уличаемый въ кражахъ, наказанъ 15 ударами розогъ.

55. Обвиняемый самоѣдинъ въ покушеніи произвести кражу 2-хъ оленей и нанесеніи удара оленнымъ шестомъ задержавшему его на мѣстѣ преступленія, сознался. Приговоромъ постановлено: обязать виновнаго выдать потерпѣвшему одного оленя.

56. Обвиняемые самоѣды Архангельской губ. въ кражѣ 8 оленей, настигнутые потерпѣвшими, отдали послѣднимъ украденные у нихъ 8 оленей, что и подтвердили на судѣ. Приговоромъ постановлено: по просьбѣ потерпѣвшихъ взыскать съ обвиняемыхъ въ ихъ пользу за проступокъ и за убытки по поѣздкѣ въ погоню 25 руб. деньгами. Кромѣ того, арестовать виновныхъ и держать все время ярмарки подъ арестомъ при инородной управѣ, какъ профессіональныхъ воровъ.

57. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ 4 важенокъ съ упряжью уличается показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему 4 важенки съ упряжью.

58. Обвиняемые самоѣды Архангельской губерніи въ кражѣ 4 оленей не сознались, но уличаются въ этомъ показаніями свидѣтелей и слѣдомъ нарты, проложеннымъ отъ мѣста кражи по направленію къ чуму обвиняемыхъ. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему украденныхъ у него 4 оленей и кромѣ того дать ему же 1 оленя въ возмѣщеніе расходовъ по поиску покражи; отъ послѣдняго обвиняемый отказался. Въ виду этого постановлено: отобрать у него всѣхъ присужденныхъ оленей принудительнымъ порядкомъ.

59. Обвиняемые остяки въ кражѣ 18 оленей не сознались, но уличаются косвеннымъ сознаніемъ въ участіи въ этомъ преступленіи. Приговоромъ постановлено: взыскать съ обвиняемыхъ въ пользу потерпѣвшаго 17 оленей. Одного изъ главныхъ виновныхъ наказать 40 ударами розогъ. Кромѣ сего постановлено уплатить потерпѣвшему въ возмѣщеніе расходовъ, понесенныхъ имъ по розыску и доставкѣ обвиняемыхъ въ волостной судъ—70 рублей.

60. Обвиняемый самоѣдинъ въ кражѣ тынзяна сознался. Тынзянъ отъ него отобранъ. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго за проступокъ 30 ударами розогъ.

61. Обвиняемый остякъ въ кражѣ оленя уличается показаніями

свидѣтеля. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшему оленя съ прилодомъ одной пешки и наказать виновнаго 40 ударами розогъ.

62. Обвиняемый остякъ въ кражѣ разнаго имущества не сознался, но пояснилъ, что гусь онъ взялъ на временное пользованіе. Приговоромъ обвиняемый признанъ виновнымъ, съ обязательствомъ уплатить потерпѣвшему 74 руб. деньгами.

б) оскорбленіе дѣйствіемъ.

1. Обвиняемый остякъ въ нанесеніи въ пьяномъ видѣ побоевъ потерпѣвшему и его женѣ сознался. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 20 ударами розогъ.

2. Обвиняемый самоѣдинъ въ нанесеніи въ пьяномъ видѣ потерпѣвшему побоевъ и раны оленнымъ шестомъ сознался. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 25 ударами розогъ.

3. Обвиняемый самоѣдинъ Архангельской губерніивъ по врежденіи потерпѣвшему во время обоюдной ссоры ноги сознался. Стороны примирились. Обвиняемый выразилъ согласіе отдать потерпѣвшему 12 оленей.

4. Обвиняемый самоѣдинъ въ нанесеніи побоевъ инородцамъ сознался. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 10 ударами розогъ, съ предупрежденіемъ, что если онъ не улучшитъ своего поведенія, то будетъ высланъ по мѣсту жительства въ Казымскую волость.

5. Обвиняемые остяки въ нанесеніи побоевъ въ пьяномъ видѣ потерпѣвшему и его женѣ сознались. Приговоромъ постановлено: наказать каждаго изъ виновныхъ 7 ударами розогъ и обязать уплатить просителю расходы за доставку его въ Обдорскъ, за наемъ оленей для вызова виновныхъ и за то, что потерпѣвшій принужденъ былъ потерять лишнее время, выжидая обвиняемаго. Всего на сумму 5 руб.

6. Обвиняемый самоѣдинъ, по показанію свидѣтелей, отколотилъ инородца и изорвалъ бывшій на немъ гусь безъ всякаго къ тому повода. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 10 ударами розогъ и обязать уплатить за изорванный гусь.

7. Обвиняемый матерью самоѣдкой сынъ въ ослушаніи ей и въ нанесеніи побоевъ сознался. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 10 ударами розогъ.

8. Обвиняемый остякъ въ нанесеніи въ пьяномъ видѣ побоевъ потерпѣвшему и его женѣ при ссорѣ изъ-за бутылки водки сознался. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 10 ударами розогъ.

9. Обвиняемый инородецъ въ нанесеніи въ пьяномъ видѣ побоевъ потерпѣвшимъ безъ всякаго къ тому повода сознался. Приговоромъ постановлено: въ виду того, что обвиняемый не однажды уже былъ замѣченъ въ пьянствѣ и дебоширствѣ, наказать его 15 ударами розогъ.

10. Обвиняемый инородецъ въ нанесеніи въ пьяномъ видѣ побоевъ своему хозяину, заступившемуся за жену обвиняемаго, сознался. При-

говоромъ постановлено: въ виду повторенія подобнаго поступка со стороны обвиняемаго, наказать его 20 ударами розогъ.

11. Обвиняемый самоѣдинъ во время ссоры трижды плюнулъ въ лицо старшинѣ. Приговоромъ постановлено: наказать 6 ударами розогъ.

12. Обвиняемый инородецъ отобралъ у потерпѣвшаго тынзянъ, запрещалъ ему неводить, дрался, чуть не удушилъ въ водѣ сына одного изъ потерпѣвшихъ, нанесъ одной инородкѣ побои и искусалъ ей руку. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 40 ударами розогъ.

13. Обвиняемые самоѣды въ обоюдной дракѣ, согласно приговору, наказаны каждый 30 ударами розогъ, съ отнесеніемъ на ихъ счетъ расходовъ по этому дѣлу въ суммѣ 44 р. 50 к.

14. Обвиняемый остякъ, согласно приговору, за нанесеніе побоевъ и ослушаніе хозяину наказанъ 40 ударами розогъ.

в) оскорбленіе на словахъ.

1. Обвиняемый инородецъ высказалъ по адресу старшины нѣсколько оскорбительныхъ словъ, обозвавъ его между прочимъ словомъ „огаръ", что значитъ—борзая собака. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 15 ударами розогъ.

2. Обвиняемый самоѣдинъ оскорбилъ на словахъ старшину при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Приговоромъ постановлено: оштрафовать виновнаго на 10 руб., изъ нихъ половину въ пользу потерпѣвшаго, а половину—въ мірской самоѣдскій капиталъ.

г) буйство въ пьяномъ видѣ.

1) Обвиняемый самоѣдинъ за буйство въ пьяномъ видѣ, учиненное въ каталажной камерѣ при инородной управѣ, согласно приговору, наказанъ 10 ударами розогъ.

2) Обвиняемый самоѣдинъ во время буйства въ пьяномъ видѣ въ каталажной камерѣ, изорвалъ на стражникѣ мундиръ, за что согласно приговору наказанъ 20 ударами розогъ и обязанъ уплатить стражнику стоимость изорваннаго мундира.

3) Обвиняемый самоѣдинъ разбилъ у хозяина въ пьяномъ видѣ принадлежащую послѣднему посуду и выбилъ въ рамахъ 8 стеколъ, за что, согласно приговору, присужденъ къ наказанію 10 ударами розогъ, съ обязательствомъ вставить разбитыя имъ въ рамахъ стекла.

4. Обвиняемый самоѣдинъ за буйство, произведенное имъ въ пьяномъ видѣ въ каталажной камерѣ, согласно приговору, наказанъ 5 ударами розогъ.

5. Обвиняемый инородецъ за буйство, учиненное въ пьяномъ видѣ въ каталажной камерѣ и за то, что выругалъ стражника и старшину. наказанъ, согласно приговору, 15 ударами розогъ.

6. Обвиняемые самоѣды въ пьяномъ бунтѣ и сопротивленіи кара-

ульнымъ при выдвореніи обвиняемыхъ изъ управы, согласно приговору, наказаны каждый 10 ударами розогъ.

7. Обвиняемый архангельскій самоѣдинъ за буйство, произведенное въ каталажной камерѣ въ состояніи опьяненія, согласно приговору, наказанъ 10 ударами розогъ.

д) РАСТРАТА КАЗЕННАГО И ЧАСТНАГО ИМУЩЕСТВА, ВЗЯТАГО ВЪ ДОЛГЪ.

1. Обвиняемые инородцы пропили взятую ими въ долгъ муку изъ Обдорскаго инородческаго хлѣбозапаснаго магазина. Приговоромъ постановлено: наказать каждаго 10 ударами розогъ.

2. Обвиняемые инородцы, получивъ въ долгъ муку изъ Обдорскаго инородческаго хлѣбозапаснаго магазина, продали ее и деньги пропили. Приговоромъ постановлено: проданную муку отъ покупателя отобрать и отдать семействамъ инородцевъ, а за поступокъ наказать каждаго 10 ударами розогъ.

3. Обвиняемый инородецъ пропилъ хозяйскую малицу. Приговоромъ постановлено: наказать за проступокъ 15 ударами розогъ и обязать немедленно выкупить обратно малицу.

е) ИЗНАСИЛОВАНІЕ.

1. Обвиняемые самоѣды въ преступленіи сознались. Приговоромъ постановлено: уплатить потерпѣвшей 3 оленей.

2. Обвиняемый остякъ въ преступленіи сознался, оправдывая свой проступокъ состояніемъ опьяненія. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 10 ударами розогъ, а свидѣтеля, присутствовавшаго при этомъ и не оказавшаго потерпѣвшей защиты—5 ударами розогъ.

ж) НАНЕСЕНІЕ СМЕРТЕЛЬНЫХЪ РАНЪ.

1. Обвиняемый самоѣдинъ нанесъ смертельную рану въ пьяномъ видѣ. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго въ присутствіи инородцевъ 100 ударами розогъ, а прежде приведенія этого приговора въ исполненіе, провести его по селу „обезображеннымъ“.

з) НЕИСПОЛНЕНІЕ СЛУЖЕБНЫХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

1. Обвиняемый самоѣдинъ, состоящій въ должности десятскаго, ушелъ на всю ночь съ ввѣреннымъ его надзору подсудимымъ и не явился на ночное дежурство. Приговоромъ постановлено: наказать виновнаго 20 ударами розогъ.

и) СВЯТОТАТСТВО.

1. Обвиняемый остякъ въ разрытіи шести могилъ и похищеніи изъ нихъ имущества, согласно приговору, обязанъ возвратить похищенное по принадлежности и долженъ быть наказанъ 40 ударами розогъ.

Группа II. Тяжбы и споры.

а) о правахъ наслѣдованія.

1. По иску, возбужденному братомъ покойнаго самоѣдина о незаконномъ наслѣдіи рыболовными угодьями, подъ названіемъ „Индейскія салмы“, судъ постановилъ слѣдующую резолюцію: жена, вышедшая замужъ послѣ смерти перваго мужа въ другой родъ, по обычаямъ, существующимъ среди инородцевъ, теряетъ право на наслѣдованіе землями, оставшимися послѣ умершаго мужа. Дочь, несмотря на выходъ замужъ въ другой родъ, не теряетъ права на часть арендныхъ денегъ, слѣдуемыхъ за арендуемую землю. Такими же правами пользуется и братъ покойнаго.

2. По дѣлу о завладѣніи самоѣдиномъ оленями послѣ смерти его отца и о невыдѣленіи имъ сестры своей (родной дочери умершаго), судъ постановилъ: дочь умершаго отца наравнѣ съ сыномъ (своимъ братомъ) пользуется правомъ полученія части оставшагося въ наслѣдство имущества. То обстоятельство, что дочь при выходѣ замужъ была надѣлена отцомъ, не можетъ уничтожить ея права наслѣдованія надъ частью оставшагося имущества, такъ какъ отецъ, выдѣляя дочери часть своего имущества при жизни, получилъ въ свою пользу калымъ. При постановленіи приговора было принято во вниманіе, что выдѣленіе дочери части изъ имущества не подорветъ хозяйства сына.

3. Обстоятельства дѣла по иску, возбужденному самоѣдиномъ роду Пуйко о захватѣ его сородичами (дядями) наслѣдованнаго имущества, состоящаго изъ оленнаго стада въ 300 головъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Имущество послѣ смерти отца просителя перешло въ опеку къ дядѣ, а послѣ смерти дяди этимъ имуществомъ завладѣли братья послѣдняго, къ которымъ и предъявляется искъ. По этому дѣлу судъ постановилъ: изъ числа оставшихся послѣ смерти покойнаго оленей, какъ его собственныхъ, такъ и перешедшихъ въ его пользованіе отъ брата, 50 оленей отдать женѣ его, какъ наслѣдницѣ по мужу, остальныхъ оленей и имущество, сколько и что окажется въ пользованіи дядей, исключая, конечно, ихъ собственности, отдать истцу; вознаграждать же дядей за труды ихъ по управленію этимъ имуществомъ не признается справедливымъ, такъ какъ старанія ихъ въ данномъ случаѣ не привели къ благопріятнымъ результатамъ и не увеличили, а напротивъ уменьшили то имущество.

4. По иску, возбужденному остякомъ о выдачѣ ему родственниками отказанныхъ ему по духовному завѣщанію оленей, судъ постановилъ: что хотя губернское присутствіе завѣщанія не утвердило, въ виду того, что къ нему была приложена тамга, а не печать, какъ бы это слѣдовало, но принимая во вниманіе, что не соблюдена лишь формальность, а показанія свидѣтелей, присутствовавшихъ при составленіи завѣщанія,

вполнѣ подтвердили волю завѣщателя, какъ она изложена письменно, существующими обычаями инородцевъ завѣщаніе признать имѣющимъ силу.

5. По иску, возбужденному самоѣдкой роду Ядыне, о захватѣ послѣ смерти ея мужа братомъ покойнаго оленей и другого имущества, судъ постановилъ: что послѣ смерти мужа первыми наслѣдниками являются жена и дѣти, а не братъ умершаго, и потому послѣдній обязанъ возвратить захваченныхъ имъ оленей и имущество по принадлежности.

6. По иску, возбужденному самоѣдками, о захватѣ опекуномъ-самоѣдомъ послѣ смерти ихъ мужа оленей и другого имущества и расхищеніи его, судъ постановилъ: устранить опекуна надъ имуществомъ въ виду того, что онъ не исполняетъ своихъ обязанностей охранять это имущество отъ расхищенія и выбрать другого.

7. По иску самоѣдки вдовы о захватѣ оставшихся послѣ смерти ея мужа оленей и другого имущества родственниками умершаго, судъ постановилъ: что жена съ дѣтьми является первыми наслѣдниками. Приводимое родственниками соображеніе, что доставшееся женѣ въ наслѣдство имущество можетъ перейти къ ея дочери, которая выдана замужъ въ другой родъ и потому она, жена умершаго, должна быть лишена права наслѣдованія,—признано не заслуживающимъ уваженія.

8. По иску остячки о невыдачѣ ей родственникомъ-опекуномъ принадлежащаго ей имущества и оленнаго скота по причинѣ выхода ея замужъ, судъ постановилъ: что послѣ смерти мужа и затѣмъ жены послѣдняго, наслѣдниками являются дѣти. Препятствіемъ не можетъ служить то обстоятельство, что дочь вышла замужъ. Часть полученнаго въ наслѣдство дочерью имущества должна быть выдѣлена на долю престарѣлой бабушки.

9. По дѣлу остячки о признаніи ея наслѣдницей къ имуществу умершаго брата ея, судъ постановилъ: что сестра умершаго брата при оставшихся въ живыхъ женѣ и дѣтяхъ пользуется частью имущества, которая опредѣляется по взаимному соглашенію родственниковъ между собою.

б) захватъ чужой собственности (оленей).

1. По иску трехъ остяковъ къ самоѣдину объ удержаніи послѣднимъ 8 оленей, приблудившихъ къ его стаду во время пастьбы въ тундрѣ, судъ постановилъ: принимая во вниманіе, что при осмотрѣ оленнаго стада, принадлежащаго отвѣтчику, изъ 8 отыскиваемыхъ оленей оказалось 4, уши которыхъ уже переклеймены,—обязать отвѣтчика возвратить истцамъ вмѣсто 8—16 олепей.

2. По иску самоѣдина къ самоѣдину же о захватѣ послѣднимъ при смѣшеніи двухъ оленныхъ стадъ 27 олепей, принадлежащихъ первому, судъ постановилъ: принимая во вниманіе показанія свидѣтелей, вполнѣ подтверждающихъ совершенный отвѣтчикомъ захватъ 27 олепей,—захваченныхъ оленей отобрать отъ него и возвратить по принадлежности.

3. Дѣло по иску самоѣдки на трехъ самоѣдовъ о захватѣ ими изъ ея стада 28 оленей. Обстоятельствами дѣла выяснено, что къ стаду истицы пристало 3 чужихъ важенки съ пешками и такъ какъ эти важенки очень часто уходили, уводя за собой ея оленей, то она рѣшила убить ихъ, а шкуры и пешекъ хранить съ тѣмъ, чтобы предъявить ихъ могущимъ отыскаться хозяевамъ и предложить послѣднимъ взять изъ ея стада на выборъ 3 важенки вмѣсто убитыхъ. Хозяева важенокъ, выступившіе въ этомъ дѣлѣ отвѣтчиками, по осмотрѣ шкуръ съ убитыхъ важенокъ признали ихъ за свои и заявили, что у нихъ потерялось не 3 оленя, а 15, и потому они самовольно взяли изъ ея стада 30 оленей. Затѣмъ два оленя были отданы обратно, а 28 уведены. Судъ постановилъ: обязать отвѣтчиковъ возвратить по принадлежности отобранные ими 28 оленей, а истицу – отдать отвѣтчикамъ 3 важенки, вмѣсто убитыхъ ею, и 3 пешки.

4. Дѣло по иску самоѣдина о захватѣ 8-ю самоѣдами принадлежащихъ ему оленей. Обстоятельствами дѣла и показаніями, данными отвѣтчиками, выяснилось, что къ ихъ стаду приблудило 5 оленей. Не имѣя возможности извѣстить объ этихъ оленяхъ хозяевъ въ виду наступившей распутицы, они 4 оленя убили и съѣли. Отвѣтчики выразили согласіе уплатить стоимость 5 оленей, истецъ же требуетъ взыскать съ нихъ за 9 оленей по 3 руб. съ головы, такъ какъ 4 важенки были стельныя. Судъ постановилъ: обязать отвѣтчиковъ уплатить истцу 27 р. (за 9 головъ) и предупредить, чтобы на будущее время они не располагали самовольно чужою собственностью въ подобнаго рода случаяхъ, а своевременно представляли бы приблудившихъ оленей по принадлежности.

5. Дѣло по иску архангельскихъ самоѣдовъ съ самоѣдина той же губерніи 22-хъ оленей. Обстоятельствами дѣла и показаніями свидѣтелей выяснено, что у отвѣтчика разбѣжалось стадо въ 500 головъ. Встрѣтивъ на пути просителей, кочующихъ со своими оленями, онъ просилъ ихъ отдать во временное пользованіе 300 оленей, для розыска своихъ и получилъ согласіе. Отъ взятыхъ во временное пользованіе трехсоть оленей сто головъ отпатилось. Обратно отвѣтчикъ отдалъ вмѣсто взятыхъ 300 оленей только 228 оленей. Тогда просители 52 оленя захватили изъ его стада произвольно и взыскиваютъ съ отвѣтчика остальныхъ 20 оленей. Судъ постановилъ: возвратить отвѣтчику взятые у него будто бы самоуправно 52 оленя, а отвѣтчика обязать возвратить истцамъ 72 оленя, такъ какъ они убѣжали изъ-подъ его караула, и онъ не захотѣлъ принять мѣръ къ ихъ розыску, несмотря на то, что своихъ оленей онъ уже нашелъ.

6. Обвиняемые самоѣды въ присвоеніи приблудившихъ къ ихъ стаду 5 важенокъ и 1 пешки уличены въ этомъ показаніями свидѣтелей. Приговоромъ постановлено: возвратить потерпѣвшимъ 5 важенокъ и 1 пешку.

в) Нарушеніе арендныхъ и другихъ договоровъ.

1. По жалобѣ остяка на отказъ старшины выдавать просителю часть изъ денегъ, получаемыхъ съ арендаторовъ инородческихъ песковъ и сѣнокосовъ, судъ постановилъ: что песокъ послѣ смерти его вотчинника переходитъ въ распоряженіе его рода, члены котораго получаютъ за аренду деньги и дѣлятъ между собой. Всякій же, не принадлежащій къ этому роду, права на участіе въ дѣлежѣ арендныхъ денегъ не имѣетъ.

2. По жалобѣ остяка объ обманѣ его тоже остякомъ въ наймѣ на работу, судъ постановилъ: принимая во вниманіе, что виновный нанялся на лѣто въ работу сначала къ одному, получилъ впередъ отъ него деньги, потомъ къ другому, и тоже получилъ деньги впередъ, наказать за обманъ 10 ударами розогъ, возвратить первому хозяину взятую у него денежную сумму и идти на работы ко второму.

3. По жалобѣ Сургутскаго мѣщанина и архангельскаго крестьянина на рабочихъ своихъ—самоѣдина и остяка въ постоянномъ ихъ пьянствѣ и неявкѣ на работу, судъ постановилъ: въ виду не однажды сдѣланнаго хозяевами заявленія старшинѣ о пьянствѣ ихъ рабочихъ и неявкѣ на работу, наказать виновныхъ каждаго 10 ударами розогъ.

4. По жалобѣ архангельскаго крестьянина на остяка, что послѣдній одновременно нанялся къ нѣсколькимъ хозяевамъ, судъ постановилъ: возвратить истцу взятыя отвѣтчикомъ за работу деньги и за проступокъ, какъ уже повторяющійся не въ первый разъ, наказать виновнаго 30 ударами розогъ.

г) Иски о возвратѣ калыма.

1. По иску, возбужденному самоѣдиномъ къ своему тестю, о выдачѣ обратно калыма, такъ какъ жена его съ нимъ не живетъ, а возвратилась къ отцу, обстоятельствами дѣла выяснено слѣдующее. Въ виду того, что, по существующимъ среди инородцевъ обычаямъ, тесть обязанъ возвратить въ такомъ случаѣ взятый калымъ, но такъ какъ возвращать калыма онъ не согласенъ, а потребовалъ отъ дочери, чтобы та вернулась къ мужу, послѣдній же въ свою очередь выразилъ на это согласіе только подъ тѣмъ условіемъ, если тесть обяжется подпиской не увозить свою дочь, судъ постановилъ: передать жену мужу, обязавъ тестя не увозить безъ причины свою дочь; въ случаѣ же жестокаго обращенія съ нею свекрови тесть долженъ объ этомъ заявить. При этомъ обязать также и просителя, чтобы онъ съ женой своей жилъ въ особомъ отъ своего отца и матери чумѣ и чтобы послѣдняя не обращалась съ его женою грубо.

2. Дѣло по иску, возбужденному самоѣдиномъ къ самоѣдину же о возмѣщеніи первому послѣднимъ калыма. Обстоятельствами дѣла выяснено, что проситель отдалъ за дочь самоѣдина калымъ, равняющійся приблизительно 30 оленямъ и 70 руб. деньгами; послѣдніе онъ уже

получилъ. Дочь бѣжала отъ просителя и вышла замужъ за отвѣтчика. Судъ постановилъ: взыскать съ отвѣтчика въ пользу просителя 30 оленей.

3. По жалобѣ братьевъ самоѣдовъ на самоѣдина же о неправильномъ требованіи послѣднимъ обратно выданнаго имъ за сестру просителей калыма. Обстоятельствами дѣла выяснено, что просители, выдавъ сестру свою замужъ за работника-отвѣтчика и взявъ съ него калымъ 30 оленей, обманомъ выдали ее въ другой разъ за остяка. Въ виду этого судъ постановилъ: обязать братьевъ возвратить обратно отвѣтчику 60 оленей, такъ какъ взятыя ими важенки въ теченіе 5 лѣтъ могли принести приплодъ.

4. По заявленію остяка на самоѣдина о безобразномъ обращеніи послѣдняго съ женой, сестрой перваго, что вполнѣ подтвердилось показаніями свидѣтелей, судъ постановилъ: взять просителю сестру свою обратно къ себѣ, а отвѣтчику въ возвращеніи ему калыма отказать, такъ какъ въ теченіе семи лѣтъ замужества жена заработала его.

д) незаконное сожительство.

1. По дѣлу о незаконномъ сожительствѣ замужней остячки съ остякомъ, въ чемъ виновные сознались, судъ постановилъ: за незаконное сожительство съ чужой женой и за развратъ въ семейной жизни наказать виновнаго 5 ударами розогъ, а виновной сдѣлать выговоръ при сборѣ инородцевъ, съ предупрежденіемъ, чтобы она впредь этого не дѣлала.

2. По дѣлу о незаконномъ сожительствѣ замужней самоѣдки съ самоѣдиномъ (некрещеными), въ чемъ виновные сознались, судъ постановилъ: наказать виновнаго 20 ударами розогъ, а виновной сдѣлать въ присутствіи инородцевъ выговоръ, съ предупрежденіемъ не позволять себѣ больше этого дѣлать.

е) о возвратѣ отцу дочери, находящейся на воспитаніи у родственниковъ, и искъ послѣднихъ къ нему о возмѣщеніи понесенныхъ ими на воспитаніе его дочери расходовъ.

1. Дѣло по заявленію самоѣдовъ жены и мужа о томъ, что самоѣдинъ рода Пуйко требуетъ отъ нихъ въ семью свою дочь, а ихъ воспитанницу, 15 лѣтъ отъ роду. При разборѣ дѣла оказалось, что малолѣтняя дочь послѣ смерти матери была передана сначала на воспитаніе къ бабушкѣ, а потомъ трехъ лѣтъ—къ брату покойной, выступившему въ этомъ дѣлѣ истцомъ. У дяди воспитанница прожила до 15 лѣтъ. Когда отецъ потребовалъ ее къ себѣ, дочь выразила желаніе остаться у своихъ воспитателей, а послѣдніе потребовали съ отца 10 оленей за расходы, употребленные при воспитаніи его дочери. Отецъ, за неимѣніемъ такого количества оленей, отказался отъ уплаты. Судъ предложилъ сторонамъ или отдать дочь отцу съ правомъ полученія будущаго

калыма воспитателямъ, или оставить ее у воспитателей и имъ же долженъ идти калымъ, или же оставить ее у воспитателей съ тѣмъ, чтобы половина будущаго калыма пошла въ пользу отца; если эта половина будетъ менѣе 10 оленей, то воспитатели получаютъ стоимость 10 оленей, а остальное отцу. Послѣднее рѣшеніе принято сторонами.

ж) обманъ.

По иску остяковъ съ самоѣдина 10 рублей за купленный первыми у второго дельфиний жиръ, оказавшійся испорченнымъ, судъ постановилъ: обязать виновнаго возвратить взятые имъ у просителей 10 руб., какъ не предупредившаго покупателей при продажѣ имъ жиру объ его недоброкачественности, и сдѣлать ему въ присутствіи шороцевъ выговоръ.

Въ заключеніе всего выскажу нѣсколько соображеній общаго характера. Въ приведенныхъ выше дѣлахъ на судѣ выступаютъ въ роли просителей и отвѣтчиковъ почти исключительно самоѣды,—остяковъ мало. При чемъ нужно замѣтить, что судъ значительно расширяетъ кругъ своихъ полномочій и постановляетъ приговоры, какъ относительно зырянъ, такъ и архангельскихъ самоѣдовъ и даже налагаетъ на послѣднихъ наказанія. Необходимо отмѣтить отсутствіе среди самоѣдовъ убійствъ и грабежей. Преступленія, совершаемыя ими, заключаются въ нанесеніи побоевъ, въ кражѣ оленей и другого имущества, въ оскорбленіи на словахъ и дѣйствіемъ, въ тяжбахъ и спорахъ.

Наиболѣе часто практикующейся формой наказанія за совершенные проступки являются розги. Изъ 93 случаевъ проступковъ розги были примѣнены въ 70 случаяхъ. Ниже привожу данныя о наказаніяхъ, отдѣльно по каждому роду проступковъ.

Изъ 62 случаевъ кражи въ 31 случаѣ было примѣнено наказаніе розгами отъ 10 до 50 ударовъ; въ 9 случаяхъ потерпѣвшій, кромѣ возмѣщенія похищеннаго, былъ еще вознагражденъ; въ 11 случаяхъ виновный, помимо наказанія розгами присужденъ былъ къ вознагражденію потерпѣвшаго; въ 2 случаяхъ приговоренъ къ аресту; въ 5 случаяхъ наказанія наложено не было; въ 1—дѣло кончилось мировой сдѣлкой; въ 2 случаяхъ обвиняемые оправданы, при чемъ въ одномъ изъ этихъ случаевъ оправданный оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Кромѣ этого въ 1 случаѣ (№ 50) результаты дѣла, за непмѣніемъ въ книгѣ данныхъ, остаются неизвѣстными.

Изъ 14 случаевъ оскорбленія дѣйствіемъ въ 11 случаяхъ было примѣнено наказаніе розгами отъ 6 до 40 ударовъ (при чемъ въ одномъ изъ нихъ на счетъ виновныхъ были отнесены расходы по дѣлу въ суммѣ 44 руб. 50 коп.); въ 1 случаѣ обвиняемый былъ приговоренъ къ штрафу

въ пользу потерпѣвшаго, и въ 2 случаяхъ—къ наказанію розгами и штрафу. При этомъ нужно отмѣтить, что въ 6 случаяхъ оскорбленіе дѣйствіемъ было произведено въ пьяномъ видѣ.

Во всѣхъ 7 случаяхъ буйства въ пьяномъ видѣ было примѣнено наказаніе розгами отъ 5 до 20 ударовъ.

Изъ 2 случаевъ оскорбленія на словахъ, въ одномъ—было примѣнено наказаніе розгами 15 ударами, а въ другомъ—наложенъ денежный штрафъ.

Во всѣхъ 3 случаяхъ растраты имущества, взятаго въ долгъ, было примѣнено наказаніе розгами отъ 10 до 15 ударовъ.

Изъ двухъ случаевъ изнасилованія, въ одномъ было примѣнено наказаніе розгами 10 ударами, въ другомъ—отдачей 3 оленей.

Въ одномъ случаѣ нанесенія смертельныхъ ранъ было примѣнено наказаніе 100 ударами розогъ, при чемъ прежде приведенія приговора въ исполненіе, виновный былъ подвергнутъ публичному позорному шествію по селу.

Въ 1 случаѣ неисполненія своихъ обязанностей по службѣ виновный приговоренъ къ 20 ударамъ розогъ.

Въ одномъ случаѣ святотатства виновный, помимо возвращенія похищеннаго, подвергнутъ наказанію 40 ударами розогъ.

Не обходится дѣло безъ розогъ въ постановленіи приговоровъ по тяжбамъ и спорамъ. Такъ: во всѣхъ 3 случаяхъ нарушенія работниками договоровъ съ хозяевами было примѣнено наказаніе розгами отъ 10 до 30 ударовъ. Въ обоихъ случаяхъ незаконнаго сожительства къ мужчинамъ было примѣнено наказаніе розгами 5—20 ударами, а женщинамъ сдѣланъ выговоръ въ присутствіи инородцевъ. Въ одномъ случаѣ обмана былъ сдѣланъ публичный выговоръ.

Наиболѣе отличительною чертою установившагося среди инородцевъ обычнаго права является идея возмездія. Въ каждомъ дѣлѣ вниманіе судьи обращается не столько на проступокъ, какъ на проявленіе злой воли, остающійся иногда совершенно ненаказаннымъ, сколько на то, чтобы признанный виновнымъ понесъ такіе же убытки, какіе онъ причинилъ потерпѣвшему.

Необходимо отмѣтить рѣзко бросающуюся въ глаза, такъ сказать, неравномѣрность налагаемыхъ наказаній по однимъ и тѣмъ же проступкамъ. Какъ на фактъ, въ достаточной степени иллюстрирующій только что высказанное положеніе, можно указать на проступки въ отдѣлѣ кражи подъ №№ 4 и 23. Въ первомъ случаѣ за кражу 3 оленей съ партою виновный наказанъ 50 ударами розогъ, а скрывшій это преступленіе—30 ударами, во второмъ—за такое же преступленіе виновный подвергнутъ наказанію только 20 ударамъ розогъ. Въ одномъ случаѣ чистосердечное сознаніе въ проступкѣ совершенно избавляетъ отъ всякаго наказанія (№ 1), а въ другомъ—вовсе не принимается во вниманіе

(№ 10). Однимъ словомъ, многое въ постановленіи этихъ приговоровъ находится въ зависимости отъ взгляда на это дѣло лица, производящаго разбирательство.

Объектомъ кражи въ большинствѣ случаевъ являются олени (въ 36 случаяхъ изъ общаго числа 62), по всей вѣроятности, въ виду той важной роли, какую это животное играетъ въ жизни самоѣдина.

При наложеніи наказанія за этого рода кражи принимается также въ расчетъ и время, въ теченіе котораго украденные олени находились въ распоряженіи обвиняемаго, чтобы опредѣлить, какую прибыль могли принести эти олени, если бы они находились въ рукахъ хозяина. Послѣ опредѣленія этой прибыли послѣдняя взыскивается обыкновенно съ виновнаго вмѣстѣ со стоимостью похищенныхъ имъ оленей.

Въ правахъ наслѣдованія обычаи среди самоѣдовъ въ значительной степени отличаются отъ обычаевъ, существующихъ среди другихъ инородцевъ. Право наслѣдованія распространяется не только на мужчинъ, но и на женщинъ. Послѣ смерти мужа первой наслѣдницей является жена и дѣти (напр. №№ 5 и 7), но если жена вышла вторично замужъ въ другой родъ, то право это теряетъ (№ 1). Дочь же, несмотря на выходъ замужъ, наравнѣ съ братомъ (№ 2) продолжаетъ пользоваться правомъ участія въ наслѣдованіи послѣ отца имуществомъ, даже въ томъ случаѣ, если она уже была выдѣлена передъ свадьбой.

При тяжбахъ о калымѣ обычаями установлено (№ 1): при уходѣ жены отъ мужа, калымъ не возвращается обратно только въ томъ случаѣ, если жена прожила съ мужемъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ могла отработать данный за нее калымъ (№ 4); если женщина, жившая у кого-нибудь до замужества, выходитъ замужъ за другого, то первый, уплативній за нее въ свое время калымъ, взыскиваетъ таковой со второго (№ 2).

Для доказательства виновности достаточно показаній одного свидѣтеля. Бываютъ случаи, когда наличность виновности устанавливается на основаніи такихъ сомнительныхъ вещественныхъ доказательствъ, которыя достаточны лишь для того, чтобы оставить обвиняемаго въ подозрѣніи. Напр.: взятый съ собою тынзянъ, лишняя упряжь и веревка (№ 7) или слѣдъ парты, ведущій отъ мѣста совершенія кражи (№№ 33, 35 и 59) къ мѣстожительству обвиняемаго.

Относительно состава суда нужно замѣтить, что онъ отличается значительнымъ разнообразіемъ соотвѣтственно важности дѣла. При разбирательствѣ по наиболѣе важнымъ преступленіямъ участвуетъ весь составъ инородной управы въ лицѣ остяцкаго князя, трехъ старшинъ и одного помощника, въ менѣе важныхъ случаяхъ приговоръ можетъ постановить единолично остяцкій князь, или старшина, или за отсутствіемъ послѣдняго его помощникъ. Если обвиняемый и истецъ принадлежатъ къ различнымъ народностямъ,— одинъ къ самоѣдской, другой—къ остяцкой,

то и въ разбирательствѣ дѣла участвуютъ двое старшинъ: самоѣдскій и остяцкій.

II.

Помимо упомянутой книги приговоровъ Обдорской, Остяцкой и Самоѣдской Управы мнѣ представилась возможность ознакомиться съ архивными дѣлами бывшаго Березовскаго Окружнаго Суда. Изъ 19 дѣлъ, просмотрѣнныхъ мною, я могъ остановиться лишь на 7 дѣлахъ. Но и эти дѣла, за исключеніемъ одного—о правахъ наслѣдованія, не представляютъ особенной цѣнности, какъ матеріалъ для изученія правового быта инородцевъ.

Изъ этихъ семи дѣлъ 4 относятся къ области уголовнаго судопроизводства: о мошенничествѣ, неумышленномъ нанесеніи раны, послѣдствіемъ чего произошла смерть, о кощунствѣ и объ оставленіи безъ присмотра новорожденнаго ребенка, отчего послѣдній умеръ;—и 3 дѣла касаются сферы гражданскихъ взаимоотношеній: два исковыхъ дѣла, обрисовывающія до нѣкоторой степени право землепользованія среди инородцевъ и одно дѣло о порядкѣ и правахъ наслѣдства.

1. Дѣло по обвиненію инородца Ефима Юрьева въ мошенничествѣ (24 августа 1889 г.) представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Обвиняемый Ефимъ Юрьевъ нанялся въ лѣтнюю работу 1882 г. одновременно къ двумъ хозяевамъ, при чемъ съ одного изъ нихъ получилъ задатокъ въ размѣрѣ 14 рублей, которые и были выплачены впослѣдствіи вторымъ хозяиномъ.

На судѣ обвиняемый сознался въ своемъ проступкѣ и показалъ, что онъ вынужденъ былъ заключить контрактъ со вторымъ хозяиномъ въ виду необходимости произвести уплату за казенную муку и положить ясакъ.

Березовскій Окружный Судъ, признавая Юрьева виновнымъ, постановилъ подвергнуть его тюремному заключенію на двадцать дней. Тобольскій же Губернскій Судъ, принявъ во вниманіе чистосердечность сознанія подсудимаго, постановилъ считать Юрьева по суду оправданнымъ.

2. Обстоятельства дѣла, возникшаго 8 декабря 1887 г. о нанесеніи ножемъ раны самоѣдскому мальчику Мурседэ, рода Худи, остякомъ Ирико Солиндеръ, отъ которой Мурседэ умеръ, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Свидѣтели вызванные по этому дѣлу, показали, что обвиняемый и умершій мальчикъ, находясь въ чуму, отстоящемъ отъ Обдорска въ 300 вер. принимали участіе въ общей попойкѣ.

Ирико, держа въ рукѣ ножъ остріемъ кверху и говоря, что ему хочется поѣсть „ребячьяго макcу“ (печень) потянулъ къ себѣ Мурседэ. Послѣдній упалъ на ножъ, отчего получилъ глубокую рану, послѣдствіемъ которой была смерть.

Обвиняемый Ирпко, не признавая себя виновнымъ въ умышленномъ нанесеніи смертельной раны, показалъ, что онъ имѣлъ въ виду лишь поцѣловать мальчика, а если и говорилъ о „ребячьемъ максу“, то въ видѣ шутки, и что въ то время, когда онъ потянулъ мальчика къ себѣ, послѣдній покачнулся и палъ на ножъ.

Судъ, принимая во вниманіе вышеизложенныя обстоятельства дѣла, постановилъ: подвергнуть обвиняемаго Ирпко аресту на одинъ мѣсяцъ.

3. Обстоятельства дѣла, возникшаго 30 іюня 1891 г., по обвиненію инородцевъ Саймоновыхъ въ кощунствѣ, представляются въ такомъ видѣ.

Обвиняемые, въ количествѣ шести человѣкъ, находясь на берегу рѣчки Щекурьинки, вздумали испробовать, насколько мѣтко они стрѣляютъ, и съ этой цѣлью въ качествѣ мишени избрали бѣлый крестъ, возвышающійся надъ зданіемъ Щекурьинской церкви.

Пущенныя нѣсколько стрѣлъ пролетѣли мимо, но одна изъ нихъ попала въ крестъ пониже середины. На допросѣ стрѣлявшій въ крестъ инородецъ показалъ, что онъ ни отъ кого никогда не слыхалъ, что въ крестъ стрѣлять было нельзя и что поступая такъ, онъ не предполагалъ, что дѣлаетъ что-нибудь кощунственное. Вызванный по этому дѣлу свидѣтель псаломщикъ Щекурьинской приходской церкви, показалъ, что обвиняемые дѣйствовали въ состояніи невѣжества, не сознавая, что они оскорбляютъ своими поступками святыню.

Судъ постановилъ подвергнуть обвиняемыхъ аресту при волостномъ правленіи на семь дней каждаго.

4. Обстоятельства дѣла, возникшаго 16 февраля 1890 г. по обвиненію инородки юртъ Сартыпьинскихъ, Сосвинской волости, Ирины Мелентьевой въ оставленіи безъ присмотра рожденнаго младенца, отчего послѣдній умеръ,—представляются въ такомъ видѣ.

16 февраля 1890 г. къ старшинѣ Сосвинской Инородной Управы явилась проживающая въ юртахъ Сартыпьинскихъ инородка Матрена Самокиталова и заявила, что, выйдя изъ своей юрты на улицу, она увидѣла у своей стаи собаку, которая что-то разрывала въ навозѣ и ѣла. Отогнавъ собаку, она нашла на томъ мѣстѣ небольшіе куски тѣла младенца, части черепа съ волосами и часть мозговъ. Все это собравъ въ горшокъ, она представила старшинѣ. При этомъ Самокиталова показала, что въ рожденіи младенца она подозрѣваетъ проживающую у нихъ вдову—золовку Мелентьеву, которая была до этого времени беременной.

Врачъ, производя судебно-врачебный осмотръ небольшихъ кусковъ внутренностей и костей, по гнилости ихъ и незначительной величинѣ не нашелъ возможнымъ вывести какое-либо опредѣленное заключеніе.

Обвиняемая показала, что за 8 дней предъ родами она почувствовала боли въ животѣ, а потомъ, когда наступило время родовъ, ночью эти боли у нея значительно усилились. Она вышла на улицу и тамъ родила мертваго младенца. Прикрывъ трупъ младенца сверху немного

сѣномъ, сама отправилась въ избу, чтобы погрѣться. Послѣ этого она уснула. Пробудившись уже на разсвѣтѣ, она снова вышла на улицу, но младенца уже не было.

Березовскій Окружный Судъ, принимая во вниманіе чистосердечное сознаніе обвиняемой, а также крайнее ея невѣжество, постановилъ: назначить наказаніе въ низшей мѣрѣ, и подвергнулъ виновную аресту при полиціи на три недѣли.

5. Обстоятельства дѣла, возникшаго 6 сентября 1888 г. по иску инородцевъ Вайна, Мапурчи, Ныри, Непымбен и другихъ съ урядника Шахова убытковъ въ размѣрѣ 440 руб. представляются въ такомъ видѣ.

Просителямъ издавна принадлежалъ рыболовный соръ, подъ именемъ Харвататто. Григорій Шаховъ трехъ изъ товарищей—Нытту, Подорза и Хорко склонилъ отдать ему въ аренду вышеназванный соръ, на что послѣдніе выразили свое согласіе и заключили по этому поводу контрактъ.

Просители мотивировали свою жалобу тѣмъ, что контрактъ, какъ заключенный только тремя инородцами на мѣстность, которая принадлежитъ всѣмъ, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Поэтому самому и устраненіе просителей отъ производства рыбнаго промысла на этихъ мѣстахъ также должно быть признано незаконнымъ.

Сумма понесенныхъ просителями убытковъ исчисляется въ размѣрѣ 440 руб. по слѣдующимъ соображеніямъ: Григорій Шаховъ на незаконно арендованномъ имъ сору наловилъ за лѣто рыбы 22 бочки; считая въ среднемъ стоимость каждой бочки по 20 руб., получится сумма въ 440 рублей.

Судебное учрежденіе, принимая во вниманіе, что Гр. Шаховъ, заключая контрактъ только съ тремя инородцами, не зналъ, имѣли-ли право означенные инородцы отдавать ему въ аренду мѣстность или не имѣли, и кромѣ того, онъ въ свою очередь не желалъ сознательно нанести имущественный ущербъ просителямъ, слѣдовательно въ его дѣяніяхъ нельзя усмотрѣть нарушенія чьихъ либо правъ, постановилъ въ искѣ инородцамъ отказать.

6. Обстоятельства дѣла, возникшаго по иску березовскаго мѣщанина Оедота Фофанова о взысканіи съ купца Андрея Чечерова убытковъ въ размѣрѣ 1250 руб. представляются въ такомъ видѣ.

Въ 1871 г. Фофановъ взялъ въ арендное содержаніе у инородцевъ Евузе и Хозовико Езынги рыболовныя мѣста по теченію Хамапельской Оби, на правой ея сторонѣ по контракту, явленному въ инородной управѣ и засвидѣтельствованному полицейскимъ управленіемъ. На расчистку песковъ арендованной мѣстности истецъ употребилъ 15 чел. рабочихъ, стоившихъ ему вмѣстѣ съ другими издержками на улучшеніе рыболовной мѣстности 1250 руб.

Въ 1872 г., по ходатайству Чечерова, полиціей воспрещено было г. Фофанову заниматься промысломъ рыбы на вышеуказанныхъ мѣстахъ.

При разборѣ дѣла выяснилось, что арендованная г. Фофановымъ у инородца Езынги мѣстность принадлежитъ вотчинникамъ Пуйковскихъ юртъ, отдающихъ свои рыболовныя мѣста уже 20 лѣтъ сряду купцу Чечерову, и потому контрактъ Фофанова не имѣетъ силы.

Спрошенный по этому поводу инородецъ Езынги показалъ, что оспариваемая мѣстность не составляетъ его вотчины и что, прилагая къ контракту свою тамгу, онъ не зналъ, въ чемъ заключается его содержаніе. Кромѣ того Езынги показалъ, что на расчистку этой мѣстности г. Фофановъ никакихъ издержекъ не понесъ въ виду того, что расчищалъ эту мѣстность самъ инородецъ Езынги.

Тобольскій Губернскій Судъ, принимая во вниманіе вышеизложенныя обстоятельства дѣла, 6 ноября 1884 г. постановилъ въ искѣ г. Фофанову отказать. На поданную послѣднимъ въ Правительствующій Сенатъ апелляцію послѣдовала резолюція, утверждающая приговоръ Губернскаго Суда.

7. Дѣло объ утвержденіи дочери умершаго самоѣдина Обдорской волости, Пуйковской ватаги, Вакази Ермендина, инородки Лаптини, по св. крещенію Анны Ермендиной, вдовы умершаго самоѣдина изъ рода Адеровъ, въ правахъ наслѣдованія родового имѣнія, оставшагося послѣ смерти ея отца и заключающагося въ рыболовныхъ мѣстностяхъ по р. Оби, извѣстныхъ подъ именемъ „Индейскія Салмы“, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Претендентами на оставшееся послѣ смерти Вакази родовое имущество выступили слѣдующія лица: Авдотья и Наталья Хандеровы, какъ ближайшія наслѣдницы на родовое имѣнье „Индейскія Салмы“, переданное, за несовершеннолѣтіемъ наслѣдницъ, въ опеку умершаго самоѣдина Вакази; затѣмъ—Анна и Авдотья Ермендины и Ван Хазерумминъ. Первая, какъ дочь опекуна Вакази, вышедшая, между прочимъ, замужъ въ другой родъ и тамъ овдовѣвшая; вторая, какъ законная жена Вакази, находящаяся въ сожительствѣ съ самоѣдиномъ другого рода, хотя по обычаямъ, существующимъ среди инородцевъ, должна была жить съ Ван Хазерумминымъ, претендующимъ на родовое имѣніе „Индейскія Салмы“, какъ племянникъ Вакази.

Обсуждая это дѣло, члены Березовскихъ Судебныхъ учрежденій въ своемъ постановленіи, отъ 12 августа 1885 г., пришли къ такому выводу:

Изъ перечисленныхъ пяти лицъ, претендующихъ на владѣніе „Салмами“ имѣютъ право: а) по праву наслѣдства, какъ происходящія отъ родопачальника „Индей“ Хандера,—Авдотья и Наталья Хандеровы; б) Ван Хазерумминъ съ его наслѣдниками, какіе есть и быть могутъ, какъ родственникъ давняго опекуна и заправителя имѣніемъ, за услуги, оказанныя женщинамъ Авдотьѣ и Наталіи Хандеровымъ, и какъ вошедшій уже издавна въ ихъ семью; в) Анна Ермендина, какъ оставившая мѣсто

родового жительства и непринадлежащая къ коренному роду Хандеровъ, не имѣетъ никакого права на владѣніе, но за услуги, оказанныя отцомъ ея, Вакази Хандеровымъ, она, подобно Ван Хазерумину, можетъ быть допущена совладѣлицей „Индей", если только возвратится въ семью Хандеровыхъ или Хазерумиыхъ.

Присутствовавшіе изъ рода Пуйко такой приговоръ нашли справедливымъ, но просили при утвержденіи правъ на владѣніе „Индеями" за Авдотьей и Натальей Хандеровыми и Ван Хазерумиымъ безусловно, а за Анной Ермендиной условно, назначить владѣльцемъ „Индей" еще одно лицо, по избранію отъ всего рода Пуйко. Права этого послѣдняго должны вступить въ законную силу лишь по истеченіи существующаго при разбирательствѣ этого дѣла контракта съ арендаторами „Индейскихъ Салмъ".

Авдотья Ермендина, какъ находящаяся въ сожительствѣ съ лицомъ другого рода изъ Адеровъ и признающая его своимъ мужемъ, до перехода въ родъ Пуйко не имѣетъ права на владѣніе „Индеями", тѣмъ болѣе, что она по мѣстнымъ обычаямъ должна была перейти къ родственнику мужа, а именно—къ Ван Хазерумину, но проживъ съ нимъ пять лѣтъ, оставила его, и живетъ съ лицомъ другого рода.

Выяснивъ обстоятельства этого дѣла предъ всѣми присутствовавшими, ватажный старшина съ общаго согласія постановилъ: владѣльцами рыболовныхъ мѣстъ „Индейскія Салмы" въ общемъ, а не каждаго въ части, считать Авдотью Хандерову, Наталью Хандерову, Ван Хазерумина и Анну Ермендину; послѣднюю за услуги, оказанныя Вакази и Ван Ермендинымъ, и при томъ только условіи, если она перейдетъ въ семью Хандеровъ или Ермендина, и одного изъ рода Пуйко по избранію всего общества этого рода и его старшины. Отдача „Индей" въ аренду должна быть производима съ общаго согласія всѣхъ совладѣльцевъ имѣнія.

Авдотья же Ермендина правъ на владѣніе и наслѣдство до перехода въ семью Хандеровъ или Ермендина не имѣетъ.

Возвращаясь къ тѣмъ выводамъ, которые нами были сдѣланы изъ 9 дѣлъ книги приговоровъ Обдорской Остяцкой и Самоѣдской управы (см. I, группа I, а.) по вопросу о порядкѣ наслѣдованія, мы видимъ, что послѣднее 7 дѣло этого II отдѣла въ вопросъ о наслѣдствѣ вноситъ нѣкоторыя дополненія: во первыхъ—выходъ изъ своего рода отнюдь не лишаетъ права на наслѣдство, а лишь пріостанавливаетъ осуществленіе этого права до возвращенія въ свой родъ, и во вторыхъ—наслѣдниками могутъ быть и ближайшіе потомки умершаго, оказавшіе въ свое время кому-либо изъ его семьи важныя услуги.

III.

Относительно обычнаго права, существующаго среди остяковъ, населяющихъ южную часть Березовскаго уѣзда нужно замѣтить, что подробнаго матеріала, могущаго обрисовать это право, не имѣется. Въ полученномъ мною увѣдомленіи отъ Казымской и Подгородной инородныхъ управъ значилось, что книги для записи рѣшеній и постановленій по тяжебнымъ дѣламъ не велось: дѣла рѣшались въ большинствѣ случаевъ словесно. Имѣющійся при вышеназванныхъ управахъ и волости по этому вопросу матеріалъ включаетъ всего только семь дѣлъ. Изъ нихъ можно отдѣлить лишь два.

Одно—„О жестокомъ обращеніи инородца Казымской волости, Аминскихъ юртъ, Андрея Хорова съ женой его Ульяной Семеновой". Изъ обстоятельствъ этого дѣла, показаній потерпѣвшей и нѣкоторыхъ свидѣтелей, видно, что обвиняемый мужъ обращался съ женой крайне жестоко, мотивируя такой образъ дѣйствій будто бы нравственной распущенностью своей жены. Дѣло это по взаимному соглашенію тяжущихся сторонъ окончилось миромъ и было прекращено.

Другое дѣло возникло по прошенію инородца Сосвинской волости, Новыхъ юртъ, Василія Семенова Сюмпна по иску о возвращеніи ему калыма, даннаго за дочь инородца изъ юртъ Перемовскихъ, Подгородной волости, взятую имъ за своего сына. На судѣ выяснилось, что взятая дочь ушла по причинѣ жестокаго обращенія съ нею просителя—отца ея мужа, что подтвердилъ и сынъ просителя. Дѣло это прекращено въ виду заявленія, сдѣланнаго просителемъ, что онъ отказывается отъ вчиненія своего иска.

Въ просмотрѣнномъ мною матеріалѣ о тяжбахъ и спорахъ среди инородцевъ района Кодской инородной управы за 1903 г., дѣлъ, могущихъ обрисовать наиболѣе характерныя черты усвоенныхъ инородцами обычаевъ, не оказалось. Составъ преступленій, совершенныхъ инородцами, исчерпывается почти исключительно нанесеніемъ побоевъ, оскорбленіемъ на словахъ, буйствомъ въ пьяномъ видѣ и нарушеніемъ работниками заключенныхъ съ хозяевами контрактовъ. Можно отмѣтить лишь одно прошеніе, поступившее отъ инородца юртъ Пергинскихъ, Тимофея Ивановича Лырщикова, указывающаго на неправильныя дѣйствія своего же инородца. Этотъ послѣдній, въ видахъ болѣе удобнаго и упрощеннаго способа ловли рыбы, забросалъ запоръ изъ сора камнями, и тѣмъ самымъ прекратилъ притокъ свѣжей воды. Въ результатѣ оказалось, что рыба, попавшая въ соръ, вся передохла. Но, къ сожалѣнію, приговора по этому прошенію въ дѣлахъ не оказалось.

Какъ на одинъ изъ существенныхъ недостатковъ правовыхъ отношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ можно указать на вопросъ о землепользованіи. Ниже приводимыя два дѣла въ достаточной

степени показываютъ, насколько неудовлетворительно разрѣшенъ этотъ вопросъ.

1. Крестьяне дер. Елизаровой, Березовскаго уѣзда, возбудили въ 1876 году ходатайство о раздѣленіи по душамъ рыболовныхъ мѣстъ, находящихся въ общемъ ихъ владѣніи съ инородцами юрть Олтурминскихъ, Котской волости.

Обстоятельства этого дѣла, согласно показаніямъ, даннымъ крестьянами дер. Елизаровой и инородцами юрть Олтурминскихъ, заключаются въ слѣдующемъ. Рыболовными песками они пользуются пополамъ, предоставляя одну половину крестьянамъ, а другую—инородцамъ; въ прочихъ же рыболовныхъ мѣстахъ во время весны, какъ напримѣръ, въ протокахъ и курьяхъ, пользуются поводно, т. е. одинъ годъ инородцы, а другой—крестьяне. Сѣнными покосами и порубкою лѣса крестьяне пользуются вообще безраздѣльно съ инородцами. Инородцы, въ свою очередь, подтверждая вышеприведенныя показанія, основывали право такого пользованія землею, рыболовными песками и лѣсомъ на соглашеніи, приводимомъ въ извлеченіи ниже, и состоявшемся 17 апрѣля 1773 года. Кромѣ того, по показаніямъ инородцевъ, въ пользованіи крестьянъ находятся еще два песка: „Пяша“, переданный имъ бывшимъ Березовскимъ исправникомъ Ламани и песокъ „Гольчикъ“, находящійся въ обоюдномъ владѣніи съ инородцами юрть Кышинскихъ.

17 апрѣля 1773 года въ присутствіи Самаровской управительской канцеляріи управителемъ поручикомъ Черямовымъ засвидѣтельствовано слѣдующее соглашеніе:

„Просители ясачные остяки и жители Олтурминскихъ юртъ: Захаръ, Елизаръ и Алексѣй Сергѣевы, Андрей, Антонъ и Семенъ Карагановы, Степанъ Захаровъ, Козьма Семеновъ, Артемій Гавриловъ, Калинн Петровъ, Арефій Афанасьевъ, Иванъ Макаровъ, да обвечники Самаровскіе и ямщики: Иванъ Алексѣевъ, Василій и Иванъ Яковлевы, Тимофей Ивановъ, Василій Алексѣевъ Кайгородовы съ товарищами, объявили, что они, ясачные остяки, дѣло по жалобѣ на ямщиковъ Кайгородовыхъ съ товарищами прекращаютъ“.

Въ настоящее время обѣ стороны пришли къ слѣдующему полюбовному соглашенію. Землею, рыбными промыслами и птичьей ловлей владѣть сообща, а если пески будутъ отданы въ кортомъ, то получаемыя за кортомъ деньги дѣлить пополамъ. Права на звѣроловные промыслы ямщикамъ не предоставляется.

Крестьяне не могли обосновать какими-нибудь актами права на пользованіе рыболовными мѣстами по душамъ, а инородцы въ вышеприведенномъ ими на сходахъ постановленіи указывали на то, что русскіе принимаютъ въ свою среду пришлыхъ людей безъ согласія инородцевъ и потому населеніе ихъ количественно увеличивается. Въ настоящее время крестьянъ числится—153, и инородцевъ—27 ревизскихъ душъ.

Съ одной стороны жизненныя условія требуютъ для русскихъ увеличенія средствъ существованія, а съ другой—разрѣшеніе этой тяжбы въ смыслѣ, благопріятномъ для русскихъ, въ корнѣ нарушило бы экономическое благосостояніе инородцевъ.

Въ вышеозначенномъ ходатайствѣ просителямъ было отказано „впредь до выясненія условій, при которыхъ можетъ быть допущено устройство русскаго населенія на земляхъ инородцевъ, а равно и правъ послѣднихъ на земли, воды и остальныя угодья".

2. Инородцы Качегатскихъ юртъ (они же Тегомскія), Куноватской волости, Обдорскаго участка, Березовскаго уѣзда, возбудили 21 февраля 1881 г. дѣло о возвращеніи имъ части Тегомской Оби, находящейся во владѣніи березовскихъ городовыхъ крестьянъ.

Обстоятельства дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Вслѣдствіе указа Тобольской Казенной Палаты отъ 28 іюля 1844 г. за № 5975 о надѣленіи Березовскихъ городовыхъ крестьянъ рыболовными мѣстами, Березовскій земскій исправникъ, прибывъ съ депутатомъ въ Качегатскія юрты, въ которыхъ кочевали родители просителей, предложилъ уступить половину Тегомской Оби, находящейся въ районѣ Куноватской волости. Березовскимъ городовымъ крестьянамъ для производства въ зимнее время ловли рыбы. Инородцы, на предложеніе Березовскаго исправника согласились, въ чемъ дали подписки, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Березовскіе крестьяне раздѣлили съ ними повинность по земской гоньбѣ.

Въ настоящее время просители заявляютъ, что Березовскіе городовые крестьяне взятыхъ на себя обязанностей по земской гоньбѣ не выполняютъ, а выдѣленные имъ 65 паевъ изъ рыболовныхъ угодій сдаютъ въ аренду постороннимъ лицамъ. Кромѣ того, въ ихъ распоряженіи находится два неска—Мелекинскій и Комарій, между тѣмъ какъ разросшееся съ годами населеніе инородцевъ, при пользованіи только половиной рыболовныхъ угодій на Мало-Тегомской Оби, отстоящей въ 80 вер. отъ г. Березова, терпитъ очень сильную нужду. Вслѣдствіе этого они просятъ отобрать отъ Березовскихъ городовыхъ крестьянъ выдѣленныя когда то имъ рыболовныя угодья въ размѣрѣ 65 паевъ, и возвратить обратно инородцамъ.

Тобольская Казенная Палата, разсмотрѣвъ это дѣло, не нашла достаточныхъ основаній къ удовлетворенію ходатайства инородцевъ Качегатскихъ юртъ и оставила его безъ послѣдствій.

Рис. 1. Сургутскіе приобскіе остяки.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 2. Остякъ съ р. Тромъ-Югана.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 3. Ваховскіе остяки.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 4. Казымскіе остяки съ р. Казыма.

Съ фотогр. А. А. [illegible].

Рис. 5. Казымскіе остяки съ р. Казыма.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 6. Казымскіе остяки съ р. Казыма.

Фот. г. А. А. Дунин-Горкавича.

Рис. 7. Казымскіе остяки съ р. Казыма.

[illegible]

Рис. 8. Ляпинскіе вогулы.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 9. Вогульскіе старшины.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 10. Низовые самоѣды.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 11. Низовые самоѣды.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 12. Низовые самоѣды.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича

Рис. 13. Каменные самоѣды.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 14. Каменные самоѣды.

Съ фотогр. А. А. Бунинъ-Горкавича.

Рис. 15. Остяцкіе идолы и священные предм[illegible].

[illegible]

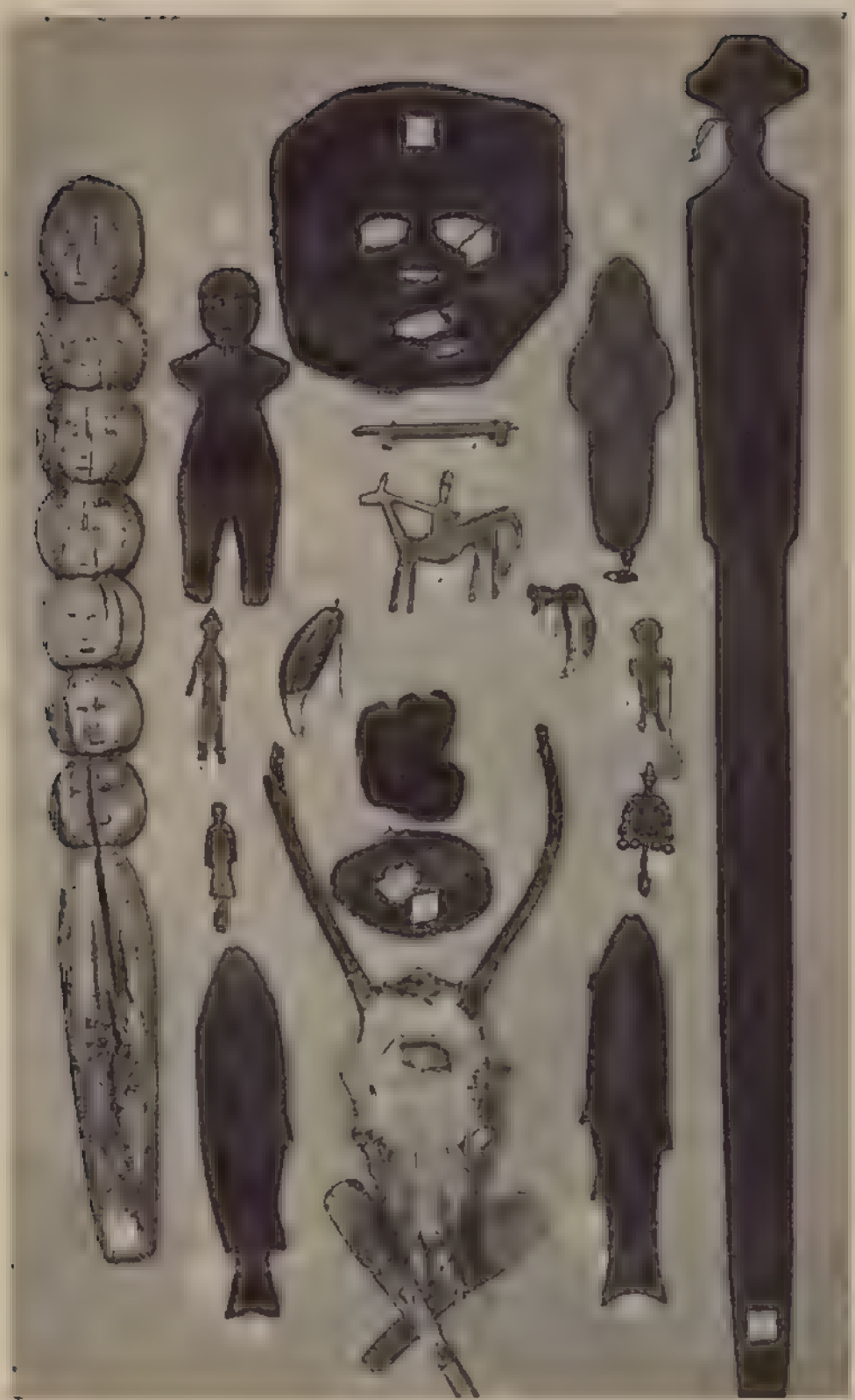


Рис. 16. Идолы и религіозные и священные предметы.

Рис. 17. Зимняя бревенчатая юрта.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 18. Зимній самоѣдскій чумъ изъ оленьихъ шкуръ.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 19. Лѣтній самоѣдскій берестяный чумъ.

Рис. 20. Лѣтній самоѣдскій берестяный чумъ.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-

Рис. 21. Предметы одежды.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

[Рис. 22. Домашняя утварь.]

[illegible]

Рис. 23. Домашняя утварь.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

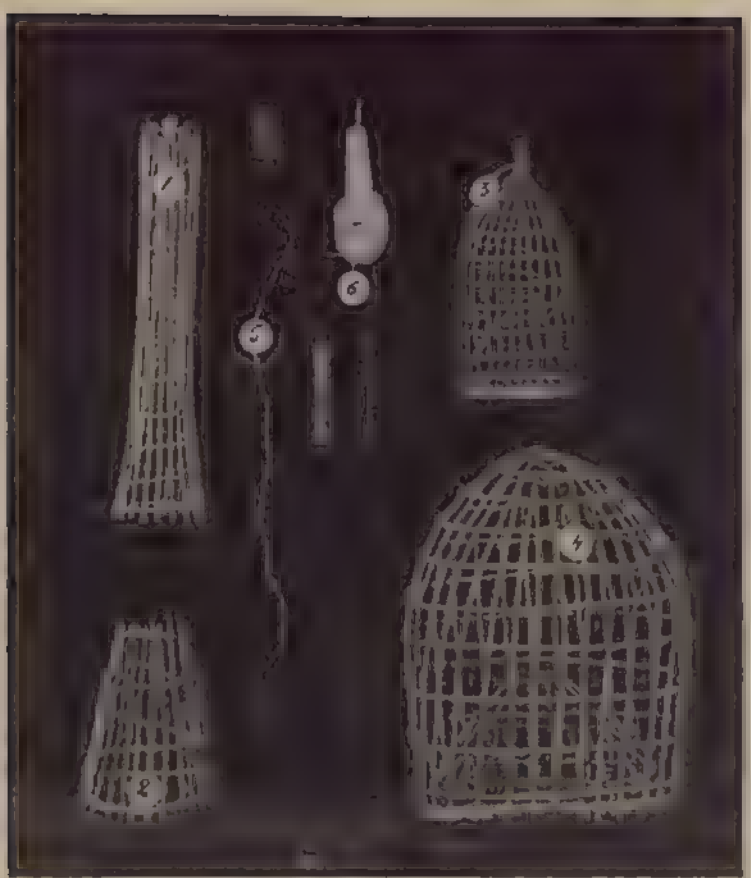


Рис. 24. Рыболовные снаряды.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича

Рис. 25. Орудія ледового промысла.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича

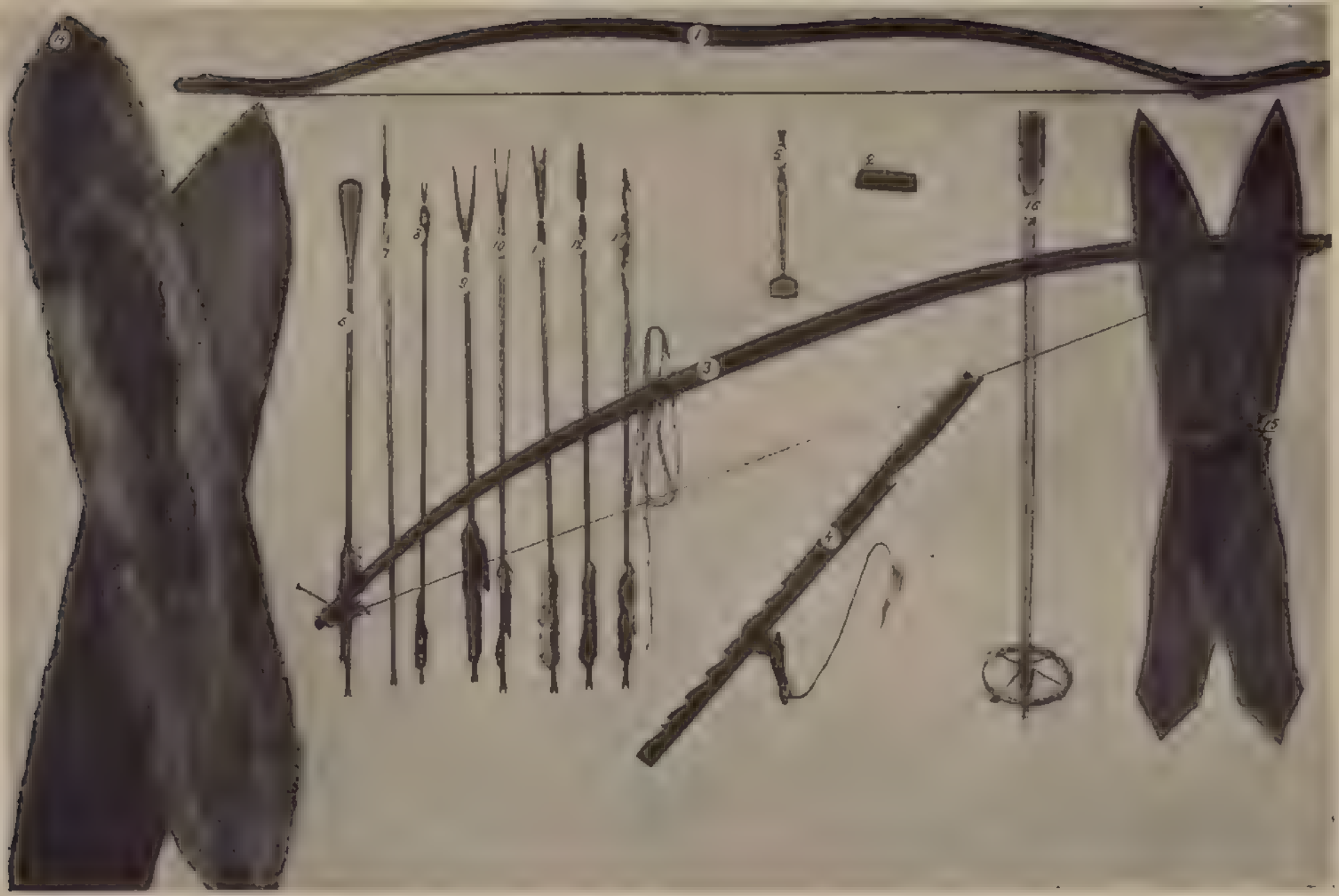


Рис. 26. Орудія звѣроловнаго промысла.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 27а. Настороженный лук.

[illegible]

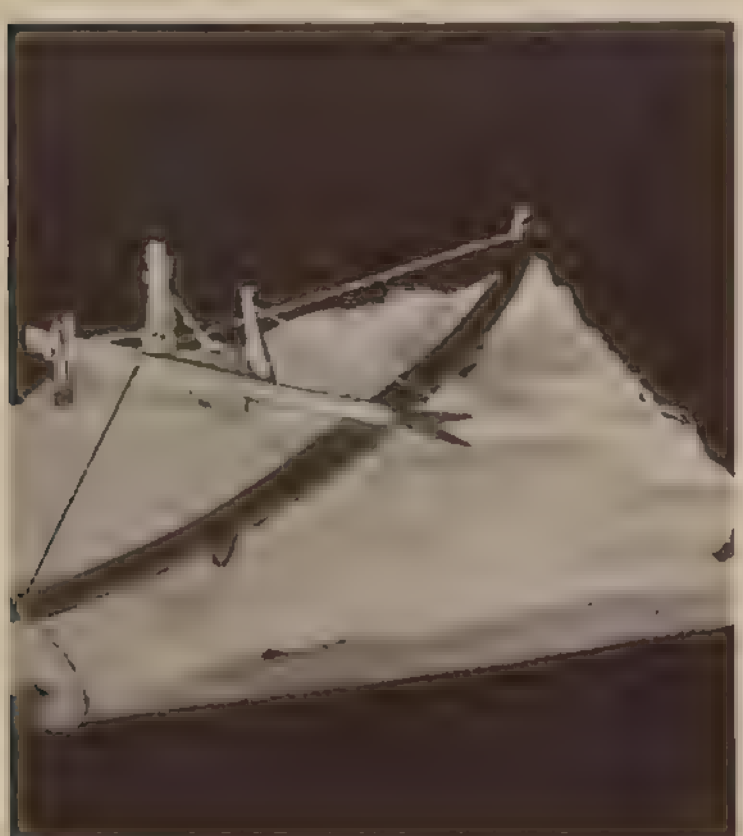


Рис. 27б. Модель настороженного лука.

[illegible]

Рис 28. Чиркань.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 29. Модель плашки.

Съ фотогр. А. А. Д[illegible]

Рис. 30. Модель слопца.

Съ фотогр. А. А. Дан[illegible]

Рис. 31. Предметы, служащіе для передвиженія.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

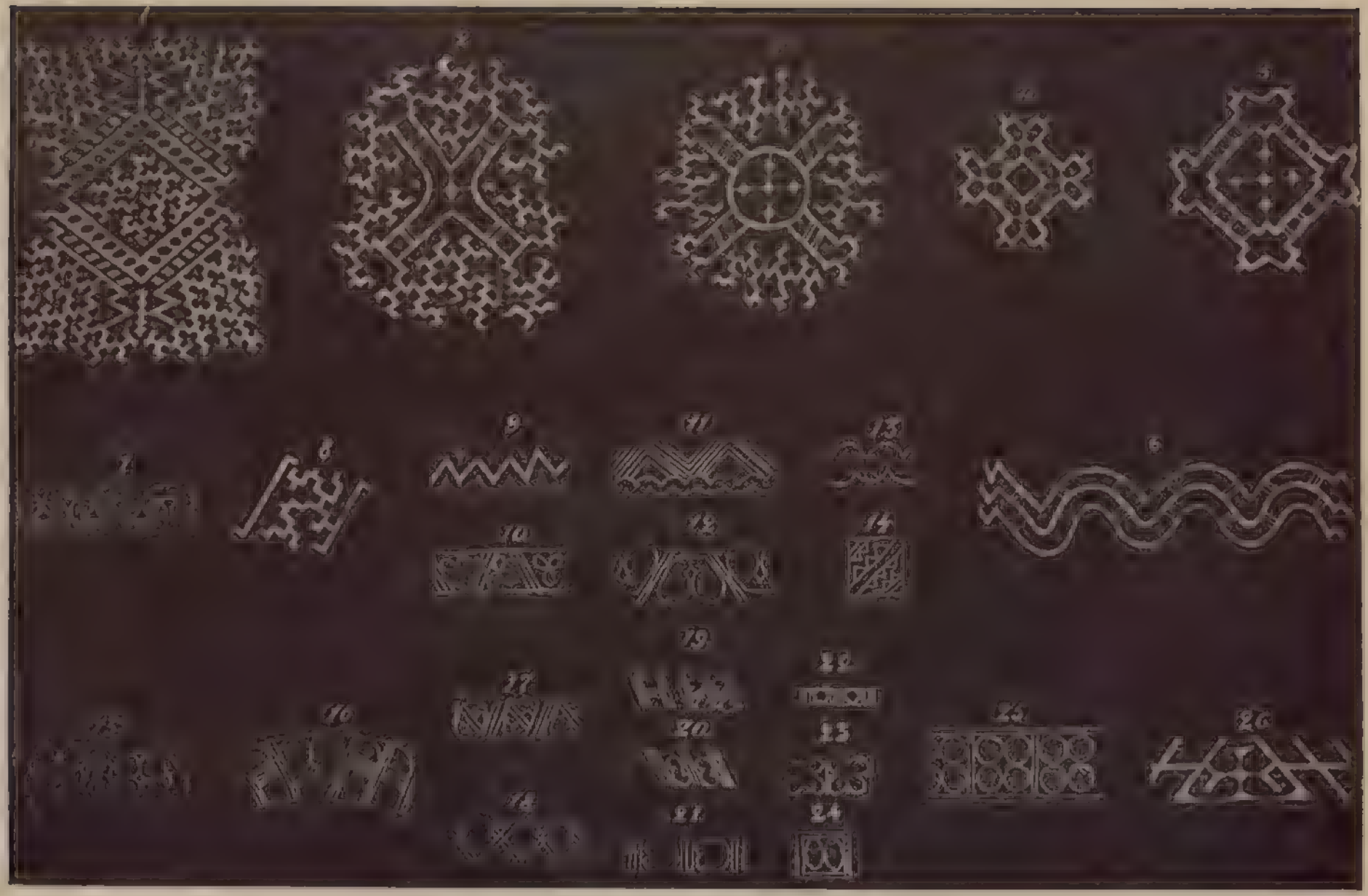


Рис. 33. Узоры, изображаемые на кужнѣ.

Съ фотогр. А. А. Дуванъ-Горкавича.

Рис. 34. Узоры, изображаемые на коробѣ.

Съ фотогр. А. А. Гушинъ-Горкавича.

Рис. 35. Узоры, вырѣзываемые изъ бересты.

[illegible]

Рис. 36. Мѣдныя и оловянныя украшенія.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 37. Образцы мѣдныхъ издѣлій, изготовляемыхъ для самоѣдовъ.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 38. Костяныя издѣлія.

Съ фототр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 39. Женская рубаха, вышитая шерстью салымской остячкой.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

Рис. 40. Узоры на берестѣ ([illegible] остяковъ) и шитье бисеромъ ([illegible]).

Съ фот. А. А. Дунина-Горкавича.

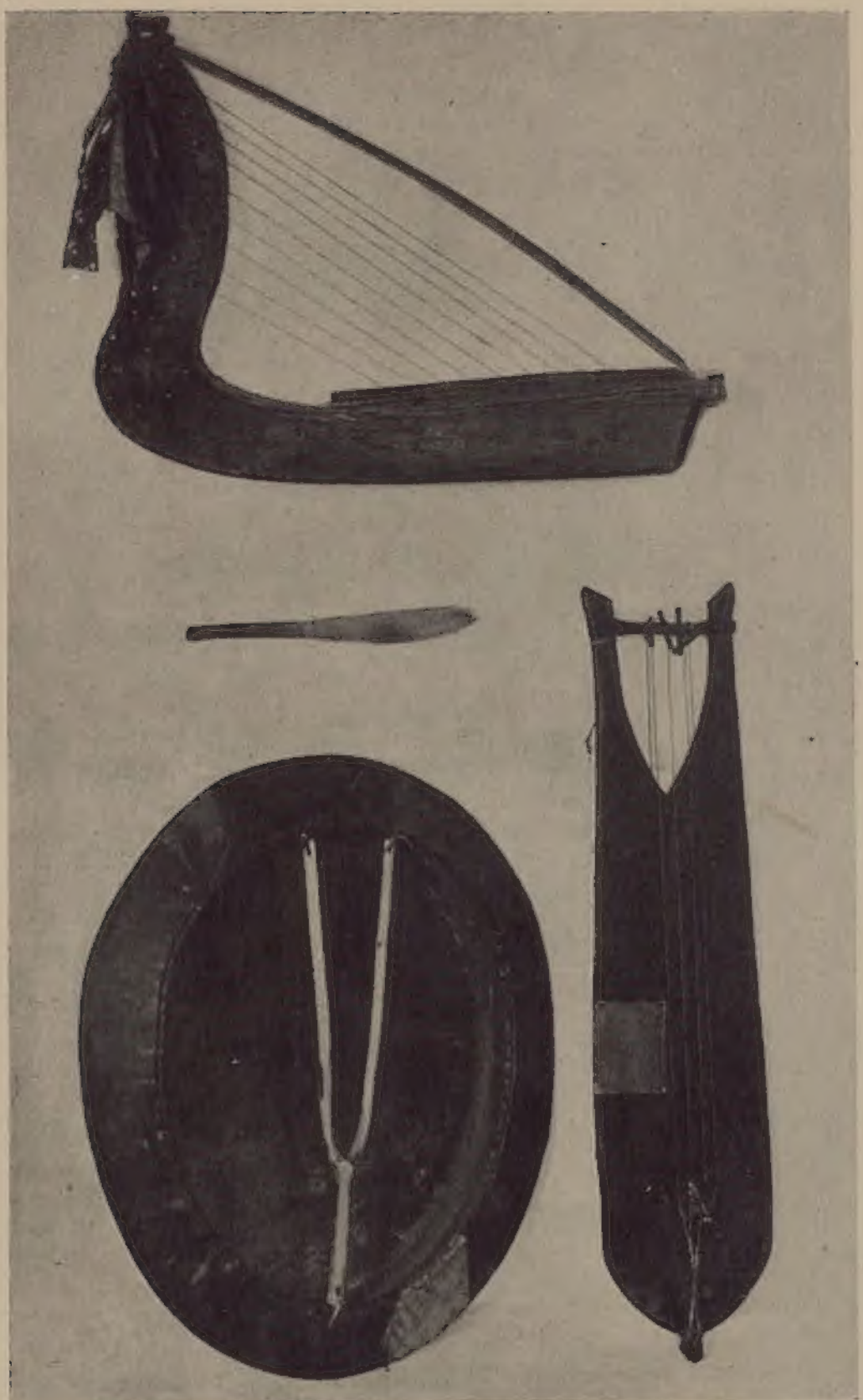


Рис. 41. Музыкальные инструменты.

Съ фотогр. А. А. Дунинъ-Горкавича.

ТРУДЫ ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

состояніи лѣсовъ Сѣвера Тобольской губерніи; эксплуатація ихъ въ настоящемъ и возможная въ будущемъ. „Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея“, вып. VI. 1896 г.

Сѣверъ Тобольской губерніи. Опытъ описанія страны, ея естественныхъ богатствъ и промышленной дѣятельности ея населенія. Съ картой и 5 чертежами. Тобольскъ. 1897 г. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Музея, выпускъ VIII. 196 стр. Цѣна 1 руб.

Географическій очеркъ Тобольскаго Сѣвера. (Докладъ, читанный 22 апрѣля 1903 г. въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ). „Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XL, выпускъ 1-й.

Очеркъ народностей Тобольскаго Сѣвера. (Докладъ, читанный 25 апрѣля 1903 г. въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ). Тамъ же.

Современное положеніе обского рыболовства на Тобольскомъ Сѣверѣ. (Докладъ, читанный 2 мая 1903 г. въ Императорскомъ Обществѣ Судоходства). Журналъ „Русское Судоходство“, іюнь 1903 г.

Кратчайшій транзитный путь Обь—Кама. (Докладъ, читанный 10 мая 1903 г. въ Императорскомъ Обществѣ Судоходства). Тамъ же, іюль.

Примѣчаніе: Извлеченія изъ этихъ 4 докладовъ были напечатаны въ маѣ 1903 г. въ «Извѣстіяхъ Министерства Земледѣлія» №№ 18, 19, 20 и 21.

Краткая записка о состояніи лѣсовъ сѣверной части Тобольской губ. „Извѣстія Министерства Земледѣлія“, № 41, 1903 г.

обольскій Сѣверъ. Общій обзоръ страны, ея естественныхъ богатствъ и промышленной дѣятельности населенія. Съ картой и 43 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1904 г. Изданіе Департамента Земледѣлія. 359 стр. Цѣна 2 руб.

Карта и справочная книжка Тобольской губерніи. Тобольскъ. 1904 г. 160 стр. Цѣна 2 руб.

Къ вопросу объ обскомъ рыболовствѣ. (Дополненіе къ статьѣ „Современное положеніе обского рыболовства на Тобольскомъ Сѣверѣ“). Журналъ „Русское Судоходство“, іюль 1904 г.

По поводу статей „Проектъ казенной эксплуатаціи Оби“ и „Комиссія о рыбопромышленныхъ рабочихъ обского района“. Отдѣльный оттискъ изъ Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея, вып. XIV, 1904—05 г. 8 стр.

Къ учрежденію пароходства на Тобольскомъ Сѣверѣ. „Неоффиціальная часть Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, № 11 за 1906 г.

Къ вопросу объ улучшеніи воднаго пути между г.г. Тюменью и Тобольскомъ и о проведеніи желѣзной дороги между этими пунктами. Отдѣльный оттискъ изъ Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея, вып. XV, 1906 г. 16 стр.

Этнографическій составъ населенія Тобольской губерніи въ 1904 году. „Памятная Книжка Тобольской губерніи“ на 1907 годъ. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Къ вопросу о возможности сельско-хозяйственной культуры на Тобольскомъ Сѣверѣ и о колонизаціи послѣдняго. 1907 г. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. 52 стр.

Необходимость открытія порто-франко въ устьяхъ рѣкъ Оби и Енисея. (Докладъ, читанный 30 апрѣля 1907 г. въ чрезвычайномъ общемъ собраніи Тобольской Городской Думы). Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. 48 стр.

Тобольскій рыбный рынокъ и итоги рыбопромышленности на Тобольскомъ Сѣверѣ. Отдѣльный оттискъ изъ Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея, вып. XVI, 1907 г. 23 стр.

Нужды Тобольскаго Сѣвера и мѣры для ихъ удовлетворенія. Приложеніе къ памятной книжкѣ Тобольской губерніи на 1908 годъ. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. 87 стр.

Краткое наставленіе къ веденію огородной культуры. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. 1908 г. 10 стр.

Современное состояніе сельскаго хозяйства на Тобольскомъ Сѣверѣ. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. 1908 г. 42 стр.

Этнографическій составъ населенія Тобольской губерніи въ 1907 году. „Памятная книжка Тобольской губерніи“ на 1909 годъ. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Сѣверный морской путь изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ. Журналъ „Русское Судоходство“ за 1909 годъ.

Русско-остяцко-самоѣдскій практическій словарь наиболѣе употребительныхъ словъ. Тобольскъ. 1910 г. 58 стр. Цѣна 15 коп.

2007051123